

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 13, № 4, 2020

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная, отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Санир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМІ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Коньки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калащикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунькова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 13, no. 4, 2020

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency: six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

Ильин В.А., Морев М.В. Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане	9
--	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок	38
--	----

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф. Моделирование эпидемии COVID-19 – преимущества агент-ориентированного подхода	58
--	----

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Структурная динамика экономики: влияние инвестиций в старые и новые технологии.....	74
--	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Изотов Д.А. Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации	91
Терентьева М.А. Роль малого предпринимательства в обеспечении занятости на Российском Севере	108

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Бухвальд Е.М. Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России	125
---	-----

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. О подходах к построению новой системы государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации	136
--	-----

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Потапов А.П. Моделирование влияния ресурсных факторов на выпуск
продукции аграрного производства 154

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Александрова О.А., Аликперова Н.В., Виноградова К.В., Ненахова Ю.С.
Концептуальные подходы к формированию предпосылок
для эффективного финансового просвещения населения России 169

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- Безнин М.А., Димони Т.М. Коллективная капиталистическая собственность
в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. 186

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Леонидова Г.В., Валиахметов Р.М., Баймурзина Г.Р., Бабич Л.В. Проблемы
и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей
и родителей обучающихся 202
- Беляева Л.А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение
на рынке труда и проблемы политической социализации 220

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Российский человек в глубинке или социология в регионе 238

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 242
- Правила приёма статей 251
- Информация о подписке 257

CONTENT

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Editorial

- Ilyin V.A., Morev M.V. Vote of Confidence for the President is Confirmed. Achievement of Socio-Economic Development Goals before 2024–2030 is Uncertain 9

THEORETICAL ISSUES

- Shabunova A.A., Rostovskaya T. K. On the Necessity to Develop Models of Optimal Conditions for the Formation and Implementation of Demographic Attitudes 38

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Ageeva A.F. COVID-19 Epidemic Modeling – Advantages of an Agent-Based Approach 58

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. Structural Dynamics of the Economy: Impact of Investment in Old and New Technologies 74

REGIONAL ECONOMY

- Izotov D.A. The Effects of Asia-Pacific Countries' Trade Integration in the Context of Globalization and Regionalization 91
- Terentyeva M.A. Role of Small Business in Providing Employment in the Russian North 108

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Bukhval'd E.M. New Basic Principles of the State Policy in an Area of Local Self-Government Development in Russia 125

ISSUES OF MANAGEMENT IN TERRITORIAL SYSTEMS

- Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. On Approaches to Constructing a New Public Administration System of Developing Rural Territories of the Russian Federation 136

INDUSTRIAL ECONOMICS

Potapov A.P. Modeling the Impact of Resource Factors on Agricultural Output 154

PUBLIC FINANCE

Aleksandrova O.A., Alikperova N.V., Vinogradova K.V., Nenakhova Yu.S. Conceptual Approaches to Creating the Preconditions for Effective Financial Education of the Russian Population 169

HISTORY OF ECONOMIC AND SOCIOLOGICAL THOUGHT

Beznin M.A., Dimoni T.M. Collective Capitalist Property in the Institutional Structure of Russia in the 1930s–1980s 186

SOCIAL DEVELOPMENT

Leonidova G.V., Valiakhmetov R.M., Baimurzina G.R., Babich L.V. Problems and Prospects of Distance Learning in the Estimates Provided by Teachers and Schoolchildren’s Parents 202

Belyaeva L.A. Generation Y in Russia: Social Stratification, Position in the Labor Market and Problems of Political Socialization 220

ACADEMIC LIFE

A Russian Man in the Hinterland or Regional Sociology 238

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 242

Manuscript Submission Guidelines 251

Subscription Information 257

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.1

УДК 323.2, ББК 60.527

© Ильин В.А., Морев М.В.

Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Состоявшееся в период с 25 июня по 1 июля 2020 года общероссийское голосование по поправкам к Конституции показало, что кредит доверия, выданный обществом действующей системе государственного управления и лично главе государства в ходе предыдущих президентских выборов, подтвержден. При высокой явке (68%) 78% российских избирателей поддержали инициативу В. Путина по внесению изменений в Основной Закон. Однако проведенный в статье детальный анализ «болевых точек» прошедшего голосования (регионов, в которых доля голосов, отданных против поправок к Конституции, была выше, чем в среднем по стране), подтверждает мнение экспертов о том, что консолидировать общество вокруг данного события не удалось.

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 9–37. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Vote of confidence for the President is confirmed. Achievement of socio-economic development goals before 2024–2030 is uncertain. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 9–37. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.1

Отсутствие реальных изменений в решении ключевых вопросов, связанных с преодолением вопиющего социального неравенства, ощутимым для широких слоев населения ростом уровня и качества жизни, приводит к усталости людей от очередных позитивных целей социально-экономического развития, которые уже не в первый раз не выполняются, а продолжают оставаться лишь в декларативной форме. Это сказалось на динамике общественного мнения и, в частности, отразилось в высоком уровне протеста в большинстве российских регионов (в 47 из 86), их областных центрах и крупных промышленных городах в ходе общероссийского голосования по поправкам к Конституции. При этом новый указ Президента от 21 июля 2020 г. о национальных целях развития России до 2030 года в очередной раз сдвигает сроки выполнения национальных проектов (с 2024 до 2030 г.) и в целом еще раз снижает уровень оптимизма по реализации целей национального развития до 2024 года, то есть до следующих выборов Президента Российской Федерации. Анализ фактологической информации и экспертных оценок, проведенный авторами статьи, вынуждает констатировать, что, несмотря на очередной кредит доверия, выданный обществом Президенту и выстроенной им системе государственного управления, будущее социально-экономического развития России (по крайней мере, на период до 2024–2030 гг.) остается туманным, что усиливает опасения граждан за жизненные перспективы свои, своих семей и за страну в целом. В этих условиях сложно не согласиться с мнением ряда экспертов о том, что для преодоления многолетней нерешенности жизненно важных проблем, волнующих население, и повышения эффективности системы государственного управления требуются активные шаги (в первую очередь со стороны Президента) по национализации властвующих элит. Продолжение балансирования между либеральными и государственно-патриотическими силами во власти может в очередной раз привести к недостижению ключевых целей национального развития, что ставит под угрозу легитимность и само будущее российской государственности.

Ключевые слова: эффективность государственного управления, общероссийское голосование по поправкам к Конституции, социальное неравенство, цели национального развития, общественное мнение.

Несмотря на сохранение достаточно тревожной эпидемиологической ситуации (связанной с существующими тенденциями распространения коронавирусной инфекции, ожиданиями «второй волны» пандемии, периодическими появлениями в СМИ сообщений о новых штаммах коронавируса¹ и новых потенциальных угрозах эпидемиологического характера²), мир постепенно преодолевает этот этап своей истории. Последовательно снимаются карантинные ограничения, люди возвращаются на работу, открываются курорты, возобновляется движение автотранспорта, деятельность предприятий общепита и т. д.

Одновременно с этим процессом актуализируются вопросы, связанные с тем, **какими**

станут устройство и основные принципы функционирования «посткоронавирусного» мира. Конечно, эта тема звучала и раньше, когда мир только начинал входить в «коронавирусную фазу» своего существования. В то время эксперты говорили, что «кризис, который переживает человечество в связи с пандемией коронавируса, уже приобрел столь глобальный масштаб, что возврат к той ситуации, которая существовала накануне эпидемии, просто невозможен»³.

Так и происходит. Сегодня постпандемическое устройство мира принимает все более реалистичные очертания: **период гипотез и предположений постепенно перетекает в период необходимости активных действий и принятия политических решений, от которых будут зависеть международная ситуация и внутренняя стабильность в каждой отдельно взятой стране, в том числе и в России.**

¹ Ефимова А. «Более заразный»: какую угрозу несет пекинский коронавирус // Газета.ру. 2020. 16 июня. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/06/16/13119325.shtml>

² На границе с Россией вспышка смертельной бубонной чумы. Чем это грозит россиянам? // Лента.ру. 2020. 9 июля. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/07/09/plague/>

³ Дугин А. Постглобальный порядок // Официальный сайт Изборского клуба. 2020. 23 марта. URL: <https://izborsk-club.ru/18994>

«Кризис зрел давно. Почти десятилетие экономического роста в мире шло на фоне одновременного катастрофического отставания модернизации социальных и политических систем. Интернет, цифровые технологии, искусственный интеллект создавали колоссальные возможности, которыми крайне выборочно пользовались государства и корпорации, оставляя за бортом множество применений... В течение десятилетий зрело и более глубокое системное напряжение. Институты индустриальной цивилизации трещали по швам. Образование, медицина, экономика, все сталкивалось с новыми вызовами, но пока оставалось консервативным. **Коронавирус резко обнажил все противоречия. И теперь «по-старому» уже не получится:** придется болезненно, но глубоко менять основы общества и экономики, чтобы полноценно вступать в цифровой век»⁴.

Как отмечают многие эксперты, коронавирус не столько привнес в нашу жизнь новые проблемы, сколько обострил старые, затянувшиеся противоречия. Возникающие в пост-

коронавирусную эпоху вызовы (политические, экономические, демографические) катализируют и без того турбулентные процессы, сопровождающие смену технологического уклада и переход мирового сообщества от модерна к постмодерну. Это ставит вопрос об эффективности государственного управления в разряд наиболее значимых, системообразующих, определяющих дальнейшую «жизнеспособность»⁵ государства.

«Отягчающим» для всех стран фактором становится осязаемое ухудшение мировой экономики, вызванное последствиями глобальной пандемии и колебаниями цен на энергоресурсы. По прогнозам Всемирного банка, в 2020 году в большинстве ведущих стран мира (за исключением Китая) ожидается снижение темпов прироста ВВП на 5–9%, а в 2021 году – рост не более чем на 4% (табл. 1).

Как показывают данные, представленные в таблице 1, темпы выхода государств из эпидемиологического кризиса в 2020–2021 гг. различаются. Это касается не только состоя-

Таблица 1. Прирост ВВП, % к предыдущему году (ранжировано по прогнозам на 2021 г.)

Страна	2017	2018	2019 (оценка)	2020 (прогноз)	2021 (прогноз)
Китай	6,8	6,6	6,1	1,0	6,9
Индонезия	5,1	5,2	5,0	0,0	4,8
США	2,4	2,9	2,3	-6,1	4,0
Индия	7,0	6,1	4,2	-3,2	3,1
Россия	1,8	2,5	1,3	-6,0	2,7
Япония	2,2	0,3	0,7	-6,1	2,5
Саудовская Аравия	-0,7	2,4	0,3	-3,8	2,5
Бразилия	1,3	1,3	1,1	-8,0	2,2
<i>Справочно:</i>					
<i>Мир</i>	3,3	3,0	2,4	-5,2	4,2
<i>Зона евро</i>	2,5	1,9	1,2	-9,1	4,5
<i>Развитые страны</i>	2,5	2,1	1,6	-7,0	3,9
<i>Развивающиеся страны</i>	4,5	4,3	3,5	-2,5	4,6
<i>Восточная Азия и Тихоокеанский бассейн</i>	6,5	6,3	5,9	0,5	6,6
<i>Европа и Центральная Азия</i>	4,1	3,3	2,2	-4,7	3,6
<i>Латинская Америка и Карибский бассейн</i>	1,9	1,7	0,8	-7,2	2,8
<i>Ближний Восток и Северная Африка</i>	1,1	0,9	-0,2	-4,2	2,3
<i>Южная Азия</i>	6,5	6,5	4,7	-2,7	2,8
<i>Африка к югу от Сахары</i>	2,6	2,6	2,2	-2,8	3,1

Источник: World Bank. 2020. Global Economic Prospects, June 2020. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9

⁴ Кузнецов Е. Три болезни цивилизации, которые обострил коронавирус // Форбс. 2020. 16 апреля. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/biznes/398231-tri-bolezni-civilizacii-kotorye-obostril-koronavirus>

⁵ Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. С. 6, 12.

ния национальных экономических систем, но и внутренней психологической ситуации в стране. Так, например, официальные представители Всемирной организации здравоохранения оценили противоэпидемиологические меры, предпринимаемые российскими властями, как «своевременные и правильные»⁶, обратив особое внимание на широкий охват населения тестированием на коронавирус⁷.

В то же время в США, являющихся мировым лидером по абсолютному числу смертей и случаев заражения коронавирусной инфекцией (*вкладки 1–2*), негативные эпидемиологические процессы сопровождаются жесточайшим культурно-политическим кризисом, который уже сегодня распространяется далеко за пределы самих Штатов и последствия которого пока еще сложно себе представить.

Мартынов А. (политолог, директор Международного института новейших государств): «США такая страна, что любые подобные вещи серьезными последствиями аукнутся в мире. И не только в странах, подчиненных интересам США»⁸.

Бордачев Т. (директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ): «Протесты в США – результат социально-экономического устройства американского общества, демонстрации в Европе – результат накопившихся проблем европейских обществ, граждане которых ищут решение и способ выразить свое недовольство правящими элитами в целом»⁹.

Исаков А. (корреспондент, переводчик информационного агентства Regnum): «Расовые беспорядки в США, на первый взгляд, представляют из себя рецидив не до конца избытых противоречий времен Гражданской войны (1861–1865 гг.), но при внимательном рассмотрении за этим конфликтом стоит гораздо более глубокий кризис, знаменующий собой цивилизационный слом, способный положить конец существованию самой могущественной империи»¹⁰.

Иноземцев В. (экономист, научный руководитель и директор автономной некоммерческой организации «Центр исследований постиндустриального общества»): «Конечно, протесты под лозунгом Black Lives Matter вряд ли закончатся гражданской войной. Но они будут иметь достаточно серьезные последствия как для экономики, так и для либеральных основ западного общества... Все это говорит в пользу того, что «социалистические» тренды пришли довольно надолго и они смогут нанести западным экономикам существенный вред на протяжении ближайших пяти-десяти лет. С другой стороны, новая идеология групповых различий серьезно угрожает тем либеральным основам, на которых строятся западные общества... причин для большого оптимизма я сейчас не вижу: как в случае с COVID мир столкнулся с вирусом, против которого люди не имеют иммунитета, так и западные страны сегодня встретились с требованиями, удовлетворить которые, оставаясь самими собой, они, пожалуй, не в состоянии»¹¹.

⁶ М. Вуйнович отметила, что «Россия замечательно отреагировала одной из первых, буквально с первого дня, когда появилась информация из Китая о вспышке непонятной инфекции, вызывающей тяжелую пневмонию. Это позволило России на шаг опередить эпидемию. Сейчас комплекс мер постоянно расширяется... Россия действует абсолютно в тренде рекомендаций ВОЗ» (источник: Невинная И. Из какого теста: ВОЗ назвала российские меры против коронавируса своевременными и правильными // Российская газета. 2020. 26 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/26/voz-nazvala-meru-rossii-protiv-koronavirusa-svoevremennymi-i-pravilnymi.html>).

⁷ В ВОЗ позитивно оценили организацию тестирования на коронавирус в России // Информационный портал News.ru. 2020. 5 июня. URL: <https://news.ru/society/v-voz-pozitivno-ocenili-organizaciyu-testirovaniya-na-koronavirus-v-rossii/>

⁸ Чем закончатся беспорядки в США? Прогнозы политологов // Аргументы и факты. 2020. 16 июня. URL: https://aif.ru/politics/world/chem_zakonchatsya_besporjadki_v_ssha_prognozy_politologov

⁹ Поплавский А. Другой расизм: чем отличаются протесты в США и Европе // Газета.ру. 2020. 11 июня. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/06/11_a_13115269.shtml

¹⁰ Исаков А. Закат американской империи: к чему приведут расовые беспорядки в США? URL: <https://regnum.ru/news/polit/3005317.html>

¹¹ Иноземцев В. Вызовы современному порядку. Какие последствия для Запада будут иметь протесты в США и Европе. URL: <https://snob.ru/entry/194595/>

Вкладка 1

Динамика выявленных случаев заражения и числа смертей от коронавирусной инфекции по странам мира* (абс.)

Место	Страна	Численность нас., чел.**	Число смертей			Число выявленных случаев заражения				
			I кв.	II кв.	июль	август	I кв.	II кв.	июль	август
1	США	332639102	3873	126203	150054	167201	188172	2537636	4388566	5258565
2	Бразилия	211715973	201	57622	90134	106523	5717	1344143	2552265	3275520
3	Мексика	128649565	20	26648	45361	55908	993	216852	408449	511369
4	Индия	1326093247	35	16893	35747	49980	1397	566840	1638870	2589682
5	Великобритания	65761117	1789	43575	45999	41358	25150	311969	302305	316371
6	Италия	62402659	12428	34744	35132	35392	105792	240436	247158	253438
7	Франция	67848156	3523	29730	30136	30277	52128	156930	174648	202118
8	Испания	50015792	8464	28346	28443	28617	95923	248970	285430	342813
9	Перу	31914989	30	9317	18 816	25856	1065	279419	400683	516296
10	Иран	84923314	2898	10670	16659	19492	44605	225205	301530	341070
11	Россия	141722205	17	9320	13963	15685	2337	647849	839981	922853
12	Колумбия	49084841	10	3106	9454	14492	702	91769	276055	445111
13	Южная Африка	56463617	3	2529	7 812	11677	1326	144264	482169	583653
14	Чили	18186770	8	5575	9377	10395	2449	275999	353536	383902
15	Германия	80159662	775	8973	9134	9231	71808	194259	207828	223453
16	Пакистан	233500636	25	4304	5951	6168	1865	209337	278305	288717
17	Турция	82017514	214	5115	5674	5955	13531	198613	229891	248117
18	Аргентина	45479118	20	1245	3311	5565	820	59933	178996	282437
19	Бангладеш	162650853	5	1783	3083	3625	49	141801	234889	274525
20	Саудовская Аравия	34173498	8	1599	2869	3369	1453	186436	274219	297315

* В таблице представлены первые 20 стран с наибольшим количеством выявленных случаев заражения по данным на 16 августа 2020 г.

Ранжировано по числу смертей на 16.08.2020 г.

Данные за I, II кв., июль – последнее число каждого месяца, за август – последние данные на момент подготовки материала (16.08.2020).

Источник: Хранилище данных о новом коронавирусе COVID-19 (2019-nCoV) Университета Джона Хопкинса со ссылкой на отчеты Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19>

** Численность населения взята по оценкам на июль 2020 г. (Источник: Всемирная книга фактов / Центральное разведывательное управление. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>)

По итогам II квартала и в настоящее время США являются лидерами в мире по числу заражений и смертей от коронавирусной инфекции.

Россия находится на 11 месте по количеству смертей от коронавируса. По данным ВОЗ, на 16 августа 2020 г. от вирусной инфекции умерло 15685 россиян, что почти в 11 раз ниже, чем в США, и в 2–3 раза ниже, чем во многих странах Западной Европы (Великобритании, Италии, Франции, Испании).

Вкладка 2

Динамика выявленных случаев заражения и смертей от коронавирусной инфекции в расчете на 100 тыс. чел. нас. (в странах с наибольшим количеством заражений)*

Место	Страна	Численность нас., чел.**	Число смертей			Число выявленных случаев заражения			
			I кв.	II кв.	август	I кв.	II кв.	август	
1	Перу	31914989	0,094	29,193	58,957	81,015	875,510	1255,470	1617,723
2	Великобритания	65761117	2,720	66,263	69,949	62,891	474,397	459,702	481,091
3	Испания	50015792	16,923	56,674	56,868	57,216	497,783	570,680	685,410
4	Чили	18186770	0,044	30,654	51,559	57,157	1517,581	1943,919	2110,886
5	Италия	62402659	19,916	55,677	56,299	56,716	385,298	396,070	406,133
6	Бразилия	211715973	0,095	27,217	42,573	50,314	634,880	1205,514	1547,129
7	США	332639102	1,164	37,940	45,110	50,265	762,880	1319,318	1580,862
8	Франция	67848156	5,192	43,818	44,417	44,625	231,296	257,410	297,898
9	Мексика	128649565	0,016	20,714	35,259	43,458	168,560	317,490	397,490
10	Колумбия	49084841	0,020	6,328	19,261	29,524	186,960	562,404	906,820
11	Иран	84923314	3,412	12,564	19,617	22,952	265,186	355,062	401,621
12	Южная Африка	56463617	0,005	4,479	13,835	20,681	255,499	853,946	1033,680
13	Аргентина	45479118	0,044	2,738	7,280	12,236	131,781	393,578	621,026
14	Германия	80159662	0,967	11,194	11,395	11,516	242,340	259,268	278,760
15	Россия	141722205	0,012	6,576	9,852	11,067	457,126	592,695	651,170
16	Саудовская Аравия	34173498	0,023	4,679	8,395	9,859	545,557	802,432	870,016
17	Турция	82017514	0,261	6,236	6,918	7,261	242,159	280,295	302,517
18	Индия	1326093247	0,003	1,274	2,696	3,769	42,745	123,586	195,287
19	Пакистан	233500636	0,011	1,843	2,549	2,642	89,652	119,188	123,647
20	Бангладеш	162650853	0,003	1,096	1,895	2,229	87,181	144,413	168,782

* В таблице представлены первые 20 стран с наибольшим количеством выявленных случаев заражения по данным на 16 августа 2020 г. (рассчитано авторами).

Ранжировано по числу смертей от коронавирусной инфекции (на 100 тыс. чел. нас.) на 16.08.2020 г.

Данные за I, II кв., июль – последнее число каждого месяца, за август – последние данные на момент подготовки материала (16.08.2020).

Источник: Хранилище данных о новом коронавирусе COVID-19 (2019-nCoV) Университета Джона Хопкинса со ссылкой на отчеты Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19>

** Численность населения взята по оценкам на 2020 год (Источник: Всемирная книга фактов / Центральное разведывательное управление. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>)

В расчете на 100 тыс. чел. населения лидером по числу смертей от коронавируса является Перу (81,015 случаев по данным на 16 августа 2020 г.). В России этот показатель составляет 11,067 случаев на 100 тыс. чел. населения (15 место в мире), что в 7 раз меньше, чем в США, и в 5 раз меньше, чем в ряде стран Западной Европы (Великобритании, Италии, Испании).

«Американский „Титаник”, – обращают внимание эксперты, – уже получил роковую пробоину, и ситуация с коронавирусом лишь усугубит общий кризис, но не разрешит.. аукаться всем эти перемены будут долго. И сразу освободится вакантное место глобального гегемона. И за него начнется борьба. Возможно, такая, что камня на камне не останется. Ведь на кону не просто лидерство, а оставшиеся ресурсы Земли»¹².

Постепенное снятие карантинных ограничений в России позволило состояться одному из главных политических и общественных событий последних лет – общероссийскому голосованию по поправкам к Конституции. Оно впервые проходило в течение нескольких дней и подводило итог масштабному общественно-политическому процессу, запущенному Президентом РФ 15 января 2020 года в очередном Послании Федеральному Собранию РФ.

Обсуждение изменений в Конституции проходило в течение всего периода эпидемиологического кризиса и, безусловно, стало одним из важных факторов, консолидирующих общество в период неопределенности и тревоги по поводу распространения коронавирусной инфекции, изменения образа жизни в связи с карантинными мероприятиями, негативными социально-экономическими последствиями пандемии. Не менее значимо и то, что возможность продления президентских сроков В. Путина сняло лишние вопросы относительно транзита власти в период до президентских выборов 2024 года, о чем мы писали в нашей предыдущей статье¹³.

Однако следует подчеркнуть другое: основная часть поправок к Конституции и в целом ее «эмоциональная составляющая», воспринимаемая обществом, полностью соответствовала вызовам, предъявляемым системе государственного управления объективной реальностью посткоронавирусного периода. Эти вызовы заключаются в необходимости быстрого и эффективного от-

вета на вопросы, которые беспокоят российское общество уже много лет: динамичный рост уровня и качества жизни, государственная гарантия социальной защиты широких слоев населения, растущая потребность в социальной справедливости и сокращение огромного неравенства¹⁴, национализация элит, без чего решение этих проблем невозможно.

Не случайно, как показали опросы ВЦИОМ, наибольшую важность для россиян имеют поправки, касающиеся именно социальной защиты населения. Так, более 90% людей отметили, что им важно, чтобы в Конституции были зафиксированы такие принципы, как:

- ✓ государственная гарантия доступной и качественной медицинской помощи (95%);
- ✓ дети как важнейший приоритет государственной политики, их социальная поддержка (93%);
- ✓ обязательная ежегодная индексация пенсий (92%);
- ✓ гарантия оказания адресной социальной поддержки, индексации социальных пособий и выплат (92%);
- ✓ ответственность государства за защиту прав трудящихся россиян, а также установление МРОТ не менее величины прожиточного минимума (92%)¹⁵.

Подчеркнем, что потребности общества в социальной справедливости и динамичном развитии уровня и качества жизни не возникли одномоментно, вместе со снятием карантинных ограни-

¹⁴ Пример из сегодняшней жизни: «чистый убыток ПАО „Газпром” за первое полугодие 2020 года составил 276,98 млрд рублей... на фоне этого доходы топ-менеджмента ПАО „Газпром” в первом полугодии 2020 года выросли сразу на 33% и превысили 1 миллиард. Прибавка пришлось в основном на премии, которые на 66% превышают сами зарплаты. В среднем один член правления компании зарабатывал в январе-июне примерно 643 тысячи рублей в день, 80 тысяч рублей в час и чуть больше 22 рублей в секунду (если учитывать только рабочие дни продолжительностью 8 часов)... при этом сотрудники региональных газовых компаний, дочерних обществ ООО „Газпром межрегионгаз” до сих пор не могут получить премии за 2019 год. **Без денег остались те, кто действительно работает и обеспечивает стабильный денежный поток от российских потребителей»** (источник: Иванов А. Непотопляемые. Неподсудные. Ненасытные // Завтра. 14.08.2020).

¹⁵ Конституционные поправки: рейтинг предпочтений россиян / Аналитический обзор ВЦИОМ № 4250 30.05.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10311>

¹² Ставицкий А. Сумеет ли «Титаник» выбраться на мель? // Завтра. 2020. 4 августа. URL: https://zavtra.ru/blogs/chto_zhdyot_mir_i_ameriku_sumeet_li_titanik_vibrosit_sya_na_mel_

¹³ Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность – 2020 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 9–24.

чений, а существовали еще задолго до эпидемиологического кризиса. В настоящее время, когда россияне возвращаются к привычному образу жизни, снова появляются ожидания, на реализацию которых российское общество раз за разом выдавало кредит доверия власти, в первую очередь на выборах главы государства (*вкладка 3*): так, с 2012 года явка на президентские выборы во всех федеральных округах РФ составляла не менее 60%, за действующего Президента РФ В. Путина стабильно отдают свои голоса более 56% избирателей, принявших участие в голосовании. При этом на последних президентских выборах 2018 года во всех федеральных округах увеличились и явка (в целом по стране – с 65 до 68%, то есть с 72 до 74 млн человек), и поддержка главы государства (с 64 до 77%, или с 46 до 56 млн чел.).

Соответствие общественным потребностям и моменту времени, требующему их эффективной реализации, делает само событие общероссийского голосования важным фактором, мобилизующим и консолидирующим страну перед лицом эпидемиологических и социально-экономических угроз. Оно способствует снятию социального напряжения за счет декларации готовности и способности государственной власти чувствовать настроения общества и работать на реализацию национальных интересов. Не случайно и итоги голосования, завершившегося 1 июля 2020 года, были вполне убедительны: в целом явка по стране составила 68% (74,2 млн чел.); 78% (57,7 млн чел.) проголосовали за поправки в Конституцию (*вкладка 4*).

Итоги голосования по поправкам
в Конституцию 25.06. – 01.07.2020

Вариант ответа	%	млн чел
за	77,9	57,7
против	21,3	15,8
явка	68,0	74,2

Однако, как показывает практика государственного управления в России за последние 15 лет, декларация намерений власти реализовывать политику в интересах большинства граждан страны далеко не гарантирует реальное воплощение ее целей и задач. С учетом предыдущего многолетнего опыта неисполнения прямых указов

главы государства и отсутствия ощутимой позитивной динамики изменения уровня и качества жизни населения у ряда экспертов возникают большие сомнения в том, что системе государственного управления, выстроенной В. Путиным за период его президентских сроков, удастся справиться с реализацией возложенных на себя обязательств, зафиксированных в Конституции, поскольку никаких новых инструментов для этого так до сих пор и не было предложено.

Вот уже более 10 лет, несмотря на провозглашаемые задачи «концентрации бюджетных и административных ресурсов на повышении качества жизни граждан России»¹⁶, «увеличения к 2018 году размера реальной заработной платы в 1,4–1,5 раза»¹⁷, «снижения в два раза уровня бедности»¹⁸, «осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также раскрытия таланта каждого человека»¹⁹ и т. д., численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет 12–13%, или порядка 18–19 млн россиян (с 2007 г., *рис. 1*). В том числе и при «новом» правительстве, работающем с 2018 года и поставившем перед собой цель «повышение качества жизни каждого человека в стране за счет роста экономики и развития социальной сферы»²⁰.

¹⁶ Выступление В. Путина на расширенном совещании с членами правительства, руководством Федерального собрания РФ и членами президиума Госсовета, где он объявил о начале реализации в РФ приоритетных национальных проектов. 05.09.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23157>

¹⁷ О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/15233>

¹⁸ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

¹⁹ Указ о национальных целях развития России до 2030 года. 21.07.2020. URL: / <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

²⁰ Стенограмма отчета М. Мишустина о работе Правительства // Российская газета. 2020. 22 июля. URL: <https://rg.ru/2020/07/22/otchet-mihaila-mishustina-o-rabote-pravitelstva-stenogramma.html>

Вкладка 3

Доля голосов избирателей, отданных за В.В. Путина на президентских выборах в период с 2000 по 2018 год

Территория	2000*						2004						2012						2018						
	явка		голоса		голоса		явка		голоса		голоса		явка		голоса		явка		голоса		явка		голоса		
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
Центральный ФО	20036294	68,42	9927543	49,64	17519613	60,56	11780015	67,41	18353771	62,48	10354176	56,51	18687906	64,37	14033866	75,16									
Северо-Западный ФО	7609592	68,23	4803026	63,23	6373712	58,18	4755388	74,69	6783295	61,63	4003066	59,13	6634513	63,28	4974294	75,08									
Южный ФО	7182086	68,51	3804869	53,03	6711292	65,03	4622378	68,92	6875173	65,80	4382194	63,79	8590423	70,74	7007737	81,62									
Северо-Кавказский ФО**	3872006	76,21	2514531	65,12	4340896	81,52	3722602	85,77	4492669	78,60	3713875	82,70	4850814	83,94	4210607	86,86									
Приволжский ФО	17058364	72,31	9435625	55,37	16224425	69,37	12022837	74,14	16186857	68,43	11015125	68,10	15868095	69,65	12270602	77,53									
Уральский ФО	6024326	66,02	3334382	55,43	5910721	63,80	4348233	73,62	6168725	64,54	4132512	67,04	1748424	66,41	4714255	75,56									
Сибирский ФО	8890552	66,99	3728625	42,00	8112177	61,37	5360579	66,14	8482502	63,56	5231807	61,72	8380774	64,54	6171330	73,58									
Дальневосточный ФО	4263093	64,84	2002976	47,05	4099708	64,84	2705513	66,04	3984889	63,44	2438125	61,27	3885955	64,35	2632834	67,78									
Среднее по РФ	75181071	68,74	39740434	52,94	69581430	64,39	49563020	71,31	71780800	65,34	45602075	63,60	73624100	67,54	56426399	76,69									

* Федеральные округа были образованы 13 мая 2000 г., уже после президентских выборов (состоялись 26 марта 2000 г.), поэтому данные по федеральным округам за 2000 г. условны.

** В 2004 г. Северо-Кавказского ФО не существовало, его регионы входили в состав Южного ФО. Северо-Кавказский ФО был образован в 2010 г., поэтому представленные данные по Южному и Северо-Кавказскому округам за 2004 г. условны.

В 2018 году по сравнению с 2012 годом во всех федеральных округах России отмечался рост явки избирателей на выборы Президента, а также увеличение доли голосов, отданных за В.В. Путина. В среднем по стране за него проголосовало более 56 млн россиян (76,69%), что на 10 млн больше, чем в 2012 году, и почти на 17 млн больше, чем в 2000 году.

Вкладка 4

Итоги общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ с 25 июня по 1 июля 2020 г. (в разрезе федеральных округов РФ)*

Территория	Численность (абс.)		Явка		Число голосов, отданных «за»		Число голосов, отданных «против»	
	населения	избирателей	абс.	%**	абс.	%	абс.	%
Центральный ФО	39 433 556	29081341	19158072	65,88	14408730	76,17	4550592	22,95
Северо-Западный ФО	13 981 992	10707867	6789619	63,41	5047418	68,92	1675646	30,19
Южный ФО	16 466 084	12367692	10013117	80,96	8654101	85,75	1289863	13,54
Северо-Кавказский ФО	9 930 933	5929820	5068306	85,47	4449487	87,52	564879	11,64
Приволжский ФО	29 287 683	22698918	16285831	71,75	13016049	77,72	3126339	21,47
Уральский ФО	12 360 752	9259036	5704587	61,61	4099934	74,81	1553931	24,40
Сибирский ФО	17 118 387	12915011	7512507	58,17	5450713	72,06	1982563	27,00
Дальневосточный ФО	8 169 203	6065149	3529842	58,20	2516716	70,27	970678	28,57
Среднее по РФ	146 748 590	109190337	74215555	67,97	57747288	77,92	15761978	21,27

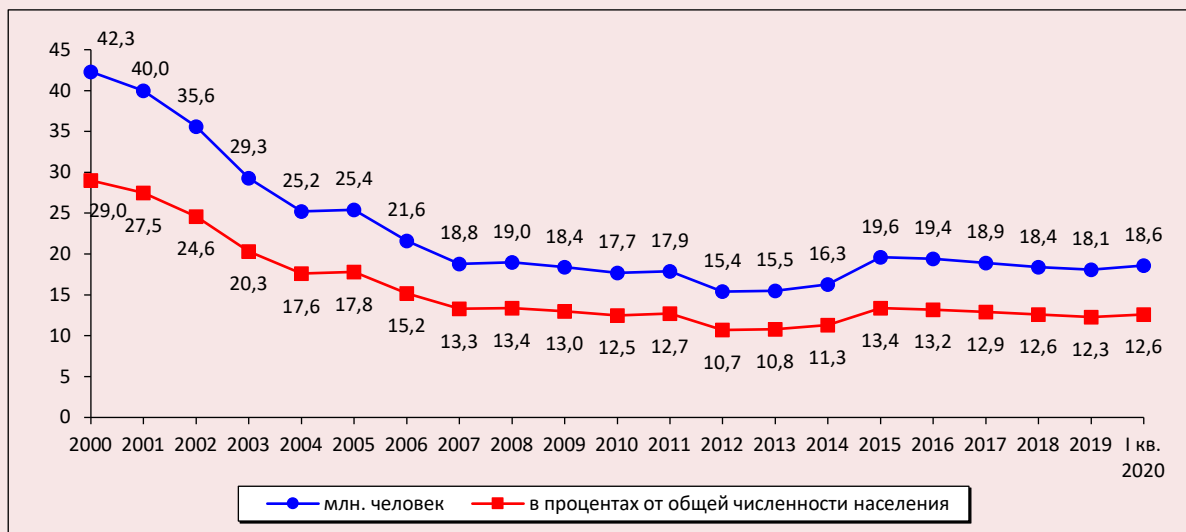
* Ранжировано по абсолютному числу голосов, отданных «за».

** Здесь и далее представлены данные в % от числа избирателей.

Участие в общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию приняли более 74 млн россиян (68% от общего числа избирателей); почти на 18 млн человек больше, чем на выборах Президента РФ в 2018 г. 78% россиян поддержали инициативы Президента РФ по изменению Основного Закона, при этом в большинстве федеральных округов этот показатель оказался выше 70%.

В то же время нельзя не отметить и значительную долю тех, кто проголосовал против внесения поправок. Так, если в среднем по стране изменения не поддержали 21% избирателей (почти 16 млн чел.), то в Северо-Западном федеральном округе – 30% (1,7 млн чел.), в Дальневосточном – 29% (почти 1 млн чел.), в Сибирском – 27% (2 млн чел.).

Рис. 1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума

Источник: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/2-3.doc>

Таблица 2. Рост дохода и неравенство в России (1989–2016 гг.), %

Доходная группа (распределение доналогового национального дохода на 1 взрослого)	Численность группы на 01.01.2019. * (чел.)	Средний годовой темп роста 1989 – 2016 гг. **	Совокупный реальный рост 1989 – 2016 гг. **
Всё население	113892000	1,3	41
50% с наименее низкими доходами	56946000	-0,89	-20
40% со средними доходами	45556800	0,5	15
10% с наиболее высокими доходами	11389200	3,8	171
включая 1% с наиболее высокими доходами	1138920	6,4	429
включая 0,1% с наиболее высокими доходами	113892	9,5	1054
включая 0,01% с наиболее высокими доходами	11389	12,2	2134
включая 0,001% с наиболее высокими доходами	1139	14,9	4122

* Численность населения РФ старше 20 лет (составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru).

** Источник: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905-2016 / National Bureau of economic research / Cambridge, MA August 2017. P. 78.

Одно из крупнейших международных исследований проблемы неравенства, к которому мы уже обращались в одной из наших предыдущих статей²¹, показывает, что за последние почти 30 лет (в период с 1989 по 2016 год) совокупный реальный рост дохода 50% россиян с наименьшими доходами снизился на 20% (по данным на 2019 год это около 57 млн чел.). У 40% населения со средними доходами (почти 46 млн чел.) уровень дохода возрос лишь на 15%.

Для сравнения, доля доходов 10% наиболее состоятельных граждан (11,4 млн чел.) возросла на 171%, то есть почти вдвое, а уровень доходов 0,001% самых богатых россиян (около 1000 чел.) увеличился на 4122%, то есть почти в 40 (!) раз (табл. 2).

Наверное, можно по-разному относиться к данным конкретного исследования, но факт в том, что они подтверждаются и статистическими сведениями. Так, по информации Мирового

²¹ Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 9–23.

банка индекс концентрации доходов (индекс Джини²²) в России сопоставим с США (41,4) и Китаем (38,5), но значительно выше, чем, например, в Германии (31,9), Великобритании (34,8), Франции (31,6) и многих других странах Западной Европы. Но главное то, что за период с 2000 по 2018 год индекс Джини в России фактически не изменился (в 2000 г. – 37,1; в 2018 г. – 37,5), следовательно, какие-либо ощутимые позитивные изменения в распределении доходов по основным социальным группам и решении проблемы социального неравенства отсутствуют.

При этом фактически не меняется динамика численности и размеров состояния долларовых миллиардеров, количество которых за последние 13 лет (с 2006 по 2019 год) увеличилось с 60 до 100 чел., а их капитал – со 153 до 275 млрд руб. в среднем на одного миллиардера (табл. 3).

Данные публичной финансовой отчетности крупных металлургических корпораций свидетельствуют о значительном росте денежных средств, направленных на личное потребление топ-менеджеров, что обуславливает вопиющий разрыв в доходах по отношению к средней заработной плате работников предприятий.

По данным Forbes²³, руководители предприятий, о которых идет речь, входят в 20-ку богатейших бизнесменов России:

В. Потанин (ПАО «Норникель») – 1 место (состояние оценивается в 19700 млн долл. США),

А. Мордашов (ПАО Северсталь) – 4 место (16800 млн долл. США),

В. Рашников (ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат») – 15 место (7300 млн долл. США).

Таблица 3. Динамика численности и состояния долларовых миллиардеров России

Год	Численность, чел.	Состояние, млрд долл.	Состояние, млрд руб.*	В среднем на одного миллиардера, млрд руб.
2006	60	337,3	9168,4	152,8
2007	100	521,7	13355,5	133,6
2008	32	102,1	2542,3	79,4
2009	62	265,0	8400,5	135,5
2010	101	432,7	13141,1	130,1
2011	96	376,1	11057,3	115,2
2012	110	426,8	13269,2	120,6
2013	111	422,2	13426,0	121,0
2014	88	337,0	12940,8	147,1
2015	77	282,6	17224,5	223,7
2016	96	386,3	25882,1	269,6
2017	96	386,4	22565,8	235,1
2018	106	417,7	26189,8	247,1
2019	100	425,1	27504,0	275,0
2019, % к 2006 г.	166,7	126,0	300,0	180,0

* Состояние, указанное в журнале «Forbes» в долларах, переведено в рубли по курсу, установленному Банком России.
Источники: данные журнала «Forbes»; расчеты ВолНЦ РАН.

²² Коэффициент Джини, или, как еще его называют, индекс концентрации доходов – это параметр, который используют экономисты в своих расчетах, для того чтобы характеризовать имеющееся экономическое неравенство между отдельными слоями населения одной страны. Таким образом, **он показывает, насколько неравномерно разделены доходы или совокупное богатство между членами общества.**

Принято оценивать его с течением времени, наблюдая общую тенденцию. Индекс Джини используется для оценки равномерности распределения доходов, этот показатель является важным для анализа темпов экономического развития. Дело в том, что **чем более неравномерно распределены доходы, тем больше формируется дисбаланс и каждое поколение становится более бедным по отношению к предыдущему, тогда как богатые продолжают наращивать свои капиталы.** Так образуется специфическая «ловушка бедности», не позволяющая обществу полноценно развиваться (источник: Коэффициент Джини в России. URL: <https://rosinfostat.ru/koeffitsient-dzhini/>).

²³ Рейтинг Forbes 200 богатейших бизнесменов России – 2020 // Официальный сайт Forbes. 2020. 17 апреля. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/rating/397799-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2020-reyting-forbes>

Таблица 4. Средняя заработная плата работников и среднее вознаграждение органам управления металлургических корпораций в 2012–2019 гг., тыс. руб. в месяц

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	В среднем за 2012–2019
ПАО «Северсталь»									
Зарплата работников	39	47	53	54	61	64	65	67	56
Численность работников управления, чел.	10	10	10	22	22	22	22	22	18
Вознаграждение	9848	10368	7398	2322	2530	2429	2621	2202	9755
К заработной плате работников, раз	253	221	140	43	41	38	40	33	186
ПАО ГМК «Норникель»									
Зарплата работников	63	68,5	76	75	85	87	90	97	80
Численность работников управления, чел.	19	24	26	27	27	27	27	27	26
Вознаграждение	12850	14253	6541	11433	12738	18638	21008	26817	15535
К заработной плате работников, раз	204	208	86	152	150	214	233	276	190
ПАО «НЛМК»									
Зарплата работников	39	43	48	52	58	60	62	63	53
Численность работников управления, чел.	21	19	18	18	18	17	17	17	18
Вознаграждение	820	1288	2459	2571	3732	4145	3283	3241	2692
К заработной плате работников, раз	21	30	51	49	64	69	53	51	49
ПАО «ММК»									
Зарплата работников	43	46	47	52	55	51	48	50	49
Численность работников управления, чел.	26	25	25	23	23	23	25	24	24
Вознаграждение	887	2241	828	1539	1449	1858	1937	1885	1578
К заработной плате работников, раз	20	49	18	30	26	36	40	38	32
Источники: годовые отчеты металлургических компаний. URL: https://www.severstal.com/rus/ir/results_reports/annual_reports/ ; https://nlmk.com/ru/ir/reporting-center/annual-reports/ ; http://mmk.ru/for_investor/annual_reports/index.php ; https://www.nornickel.ru/investors/reports-and-results/									

Таблица 5. Явка (%) и доля людей, проголосовавших против поправок в Конституцию 1 июля 2020 г. (% от явки)

Территория	Явка	Доля голосов, отданных «против»	Отклонение (+/-) голосов «против» от среднего по России (21,27%)	
			п. п.*	%**
Россия	67,97	21,27	0	0
Вологодская обл.	58,72	28,01	+6,74	+31,69
г. Вологда	57,19	28,80	+7,53	+35,40
г. Череповец	48,10	32,51	+11,24	+52,84
Липецкая обл.	66,31	20,39	-0,88	-4,14
г. Липецк	44,19	34,31	+13,04	+61,31
Красноярский край	58,99	28,97	+7,7	+36,20
Норильск	79,71	16,23	-5,04	-23,70
Челябинская обл.	65,88	29,55	+8,28	+38,93
Магнитогорск	59,64	35,09	+13,82	+64,97

* Разница между долей голосов, отданных против поправок к Конституции в регионе/городе и в среднем по стране, выраженная в процентных пунктах.
** Разница между долей голосов, отданных против поправок к Конституции в регионе/городе и в среднем по стране, выраженная в % от доли голосов «против» в среднем по России (21,27%).

Так, за период с 2012 по 2019 год размер среднемесячного вознаграждения одного руководителя в десятки, а то и в сотни раз (как в Северстали и Норникеле) превышал среднемесячную заработную плату одного работника корпораций и при этом увеличивался более высокими темпами (табл. 4).

Возможно, такое несправедливое распределение доходов стало одной из причин того, что во всех городах, на территории которых располагаются указанные корпорации (за исключением Норильска), доля людей, принявших участие в голосовании по поправкам в Конституцию, была ниже, чем в среднем по региону, а удельный вес тех, кто не поддержал их, — значительно (на 50–60%) выше (табл. 5).

«За 25 лет из России были выведены активы на общую сумму как минимум в 750 млрд долл., и это половина годового ВВП страны. Если бы эти активы были вложены в отечественную экономику, они могли бы увеличить объемы производства и доходы бюджета от налогов, которые можно было бы потратить на развитие инфраструктуры и социальные программы, – но вместо этого большая их часть пошла на покупку зарубежных активов, в том числе и шикарных яхт, которые бороздят далекие моря»²⁴.

Однако негативные последствия неэффективного курса экономического развития, реализуемого либеральным блоком Правительства РФ, сказываются не на каких-то конкретных территориях, а на экономике страны в целом. Так, на фоне отсутствия реальных изменений в динамике уровня бедности и неравенства вот уже более 10 лет в стране продолжается отток капитала. По оценкам Центрального банка, за январь-февраль 2019 года чистый вывоз капитала из России частным сектором составил 18,6 млрд долл., что в 2,1 раза превысило показатель за тот же период 2018 года (8,7 млрд)²⁵. По итогам 2018 года чистый отток капитала увеличился в 2,7 раза в годовом выражении – с 25,2 до 67,5 млрд долл. Чистый отток в 2017 году составил 31,3 млрд долл. (рост в 1,6 раза к 2016 г.).

Нельзя не отметить, что проблема оседания финансовых капиталов России в офшорных зонах зарубежных стран длительное время игнорировалась государством. Только после внесения изменений в Конституцию, где

фигурирует запрет высшим должностным лицам «открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации»²⁶, Президентом было принято решение о налогообложении доходов в виде дивидендов, переводимых на счета за рубежом, по ставке 15%²⁷, в рамках которого в августе 2020 года началась процедура денонсации договора об избежании двойного налогообложения с Кипром (следующими в очереди на соответствующие изменения соглашений стоят Мальта и Люксембург)²⁸.

Тем не менее эти меры, возможно, будут способствовать деофшоризации российской экономики в будущем, но пока утечка отечественного капитала за рубеж по-прежнему остается одной из наиболее острых проблем российской экономики.

В связи с этим некоторые эксперты высказывают вполне обоснованные опасения относительно перспектив дальнейшего пролонгирования существующего, во многом либерального, курса экономической политики²⁹, а также предлагают конкретные меры по повышению его эффективности с целью приведения в соответствие с задачами глобальной конкурентоспособности и национального развития. Однако уже много лет правящие элиты оставляют эти предложения без внимания и делают все для того, чтобы сохранить выгодные (прежде всего для себя) правила ведения национальной экономической политики³⁰.

²⁴ Комраков А. Объем вывоза денег из РФ превысил три годовых бюджета // Независимая газета. 2019. 13 марта. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/economics/2019-03-13/1_7529_money.html

²⁵ Там же.

²⁶ Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 г. (ст. 77. п. 3.) // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>

²⁷ Перечень поручений по итогам обращения Президента в связи с распространением коронавирусной инфекции на территории страны // Официальный сайт Президента РФ. 2020. 28 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63080>

²⁸ Алексеев Д.А. Кипр негодует: что стоит за разрывом налогового соглашения с Россией. Следующими в очереди на соответствующие изменения соглашений стоят Мальта и Люксембург // Информационный портал News.ru. 03.08.2020. URL: <https://news.ru/economics/zachem-rossiya-razorvala-dogovor-po-dvojnemu-nalogooblozheniyu-s-kiprom/>

²⁹ Айвазов А. Пригласите в эфир академика Глазьева // Завтра. 2020. 19 июня. URL: https://zavtra.ru/blogs/otkritoe_pis_mo_ekonomista_a_ajvazova_zhurnalistu_v_solov_evu

³⁰ Для справки (о реакции правящих элит на предложения экспертов):

В апреле 2020 года бывший советник Президента РФ, а ныне министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) С. Глазьев подготовил доклад «О прогнозах динамики мировой экономики в условиях пандемии covid-19 и возможных стабилизационных мерах в рамках ЕАЭС», который был размещен на официальном сайте

Глазьев С.Ю.: «Необходимо немедленное кардинальное изменение экономической политики. Оно должно обеспечить восстановление макроэкономической стабильности одновременно с выводом российской экономики на траекторию опережающего роста на основе нового технологического уклада. Для этого нужен форсированный переход к формированию нового мирохозяйственного уклада с характерными для него институтами стратегического планирования, подчинения денежно-кредитной политики задачам повышения инвестиционной активности и частно-государственного партнерства, ориентированного на повышение народного благосостояния»³¹.

«Июльский президентский указ о национальных целях развития действительно сильно отличается от аналогичного майского указа 2018 года. Достижение целевых ориентиров теперь переносится с 2024 на 2030 год. При этом сами целевые показатели значительно ухудшены... Вместо девяти национальных целей определены пять. Нет, например, задачи вывести Россию в пятерку самых крупных экономик мира, обеспечить 5-процентный годовой рост производительности труда, довести количество технологически инновационных предприятий до 50% от их числа, обеспечить устойчивое превышение рождаемости над смертностью и пр.»³².

Это вынуждает экспертов констатировать: «Наконец, пора признать несостоятельность модели экономического развития последних лет. И главное — сформулировать представление о комплексной программе развития... Опора на одни лишь национальные проекты пока не дает экономике структурных драйверов роста... L-образный выход из коронакризиса вовсе не та

стратегия, которая нужна экономике, долгие годы живущей фактически в стагнации, и людям, теряющим свой доход»³³.

В июле 2020 года на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам Президент РФ В. Путин отметил: «Несмотря на объективные текущие трудности, наши долгосрочные ориентиры остаются неизменными»³⁴. Однако похоже, что задачи,

ЕЭК. Автор предлагает ряд мер по стабилизации экономики, в частности — «введение налога на валютные спекуляции (по ставке 0,01% от объема биржевой торговли валютой — зачисление в бюджет ЕАЭС для финансирования целевых программ и проектов ЕАЭС, что составляет 30 млрд российских рублей в год)» (источник: Глазьев С.Ю. О прогнозах динамики мировой экономики в условиях пандемии covid-19 и возможных стабилизационных мерах в рамках ЕАЭС // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Documents/1111.pdf>). «Следует принять общепринятые в мировой практике меры по нейтрализации атак валютных спекулянтов, использующих колебания нефтяных цен для манипулирования курсом рубля. С целью ограничения вывоза капитала за рубеж можно ввести налог на неторговые валютнообменные операции, сборы от которого использовать в общих целях», — говорится в пресс-релизе.

Однако предложения академика, как отмечает «Интерфакс», «до такой степени расстроили Центральный банк, что тот выступил с необычной для дискуссий подобного уровня просьбой» (источник: ЦБ попросил чиновников сдерживать информационную активность Глазьева на время пандемии // Интерфакс. 22.04.2020. URL: <https://www.interfax.ru/business/705490>). В адрес Минэкономразвития Э.С. Набиуллиной было направлено письмо с просьбой ограничить информационную активность С.Ю. Глазьева. По сути, как отмечают эксперты, это был «**донос с требованием заткнуть академику рот**» (источник: Почему ЦБ так возбудился на доклад Глазьева // Рамблер-новости. 25.04.2020. URL: <https://news.rambler.ru/other/44080796-pochemu-tsb-tak-vozbudilsya-na-doklad-glazeva/?updated>).

«Претензии ЦБ к „коммуникационной политике“ Глазьева, — как отмечают эксперты, — выглядят как минимум странно: он не является актором, не является президентом или председателем правительства, ни министром финансов, ни председателем Центрального банка. Его слова нельзя воспринять как попытку манипулирования. **Ясно всем, что академик Глазьев является противником проводимого примитивнейшего монетаристского курса. И он задает справедливые вопросы Банку России... А в ответ мы слышим: пусть он закроет рот и нас не спрашивает**» (источник: Иванов А. Набиуллина требует заткнуть рот Глазьеву // Информационный блог «Страна и люди». 2020. 25 апреля. URL: <https://strana-rl.ru/blog/43263549514/Nabiullina-trebUyet-zatknut-rot-Glazevu>).

³¹ Глазьев С.Ю. Российская экономика в начале 2020 года: о глубинных причинах нарастающего хаоса и комплексе антикризисных мер // Российский экономический журнал. 2020. № 2. С. 24.

³² Сергеев М. Новые национальные проекты дезавуируют старые нацпроекты // Независимая газета. 2020. 12 августа. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/economics/2020-08-12/1_7935_projects.html

³³ Скоробогатый П. Конституционный пролог к будущему // Эксперт. № 28. 6–12.07.2020. С. 18.

³⁴ Путин В. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 13 июля 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63635>

сформулированные в нацпроектах 2018 года, имеющие своей целью обеспечить России «решительный прорыв в народосбережении»³⁵ к 2024 году, откладываются на 6 лет. По крайней мере, практически в идентичной формулировке они присутствуют в новом указе Президента

РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» (табл. 6). Как отметил Председатель Правительства М. Мишустин, «постановка новых целей потребует **изменения** национальных проектов и документов стратегического планирования»³⁶.

Таблица 6. Формулировка целей национального развития в ключевых документах 2018 и 2020 гг.

Формулировка 2018 г.* («Правительству Российской Федерации обеспечить достижение следующих национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года:...»)	Показатель, планируемый к достижению в 2024 г.	Показатель, планируемый к достижению в 2030 г.	Формулировка 2020 г.** («Установить следующие целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей к 2030 году:...»)
✓ повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)	78 лет	78 лет	✓ повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет
✓ снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации	2 раза	2 раза	✓ снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года
✓ обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования	10 стран мира	10 стран мира	✓ вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования
✓ обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития	5 стран мира	10 стран мира	✓ обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования
✓ доля дорожной сети городских агломераций, находящаяся в нормативном состоянии: 85% к 2024 г.	85%	85%	✓ улучшение качества городской среды в полтора раза; обеспечение доли дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующей нормативным требованиям, на уровне не менее 85 процентов
✓ численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей: 25 млн к 2024 г.	25 млн чел.	25 млн чел.	✓ увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 миллионов человек
✓ доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет: 97% к 2024 г.	97%	97%	✓ рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, до 97 процентов
✓ доля социально значимых объектов инфраструктуры, имеющих возможность подключения к широкополосному доступу к сети Интернет: 100% к 2024 г.	100%	95%	✓ увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов
* Источники: О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 ; Паспорта национальных проектов на сайте Правительства РФ. URL: http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/ ** Источник: Указ о национальных целях развития России до 2030 года. 21.07.2020. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728			

³⁵ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

³⁶ Стенограмма отчета М. Мишустина о работе Правительства // Российская газета. 2020. 22 июля. URL: <https://rg.ru/2020/07/22/otchet-mihaila-mishustina-o-rabote-pravitelstva-stenogramma.html>

Таким образом, на протяжении вот уже более 10 лет реальные факты практики государственного управления не соответствуют официально декларируемым целям и задачам. И хотя «пробуксовыванию» реализации ключевых целей национального развития можно найти много причин и объяснений (мировой финансовый кризис, экономические санкции, ситуация на мировом рынке энергоносителей, пандемия и т. д.), они вряд ли способны долго «удерживать» общественную неудовлетворенность отсутствием социальной справедливости, или, другими словами, они вряд ли способны предотвратить угрозу легитимности власти.

Платошкин: «Первые национальные проекты в нашей стране были сформулированы в 2005 г. Абсолютно такие же... И что? Чего только не было потом: догнать Португалию по ВВП на душу населения: нет. Программа – 2020, к 2020 году создать 25 млн высокооплачиваемых мест: не говорит давно никто... Сформулировано много раз, но ничего до сих пор не сделано. И если судить по этому, если до этого люди ничего не сделали то же самое, то почему сейчас те же люди должны что-то сделать? Они перековались? Прошли какую-то программу стажировки? Да такие же люди»³⁷.

«Российская власть считает, что не стоит тревожиться по поводу сегодняшних умонастроений в обществе, довольно вялых и в каком-то смысле бесхозных. Но власть делает грубейшую ошибку, полагая, что эти умонастроения не обладают тревожной динамикой»³⁸.

Действительно, с того момента, как российские социологи стали фиксировать устойчивую тенденцию роста потребности людей в переменных (2014 г.)³⁹, прошло 6 лет. Откладывание ее

³⁷ Н.С. Михалков о Н.Н. Платошкине. 2020. 11 июня. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Gj-YGFozotk>

³⁸ Кургиян С. Государство – это мы // Бизнес-онлайн. 2020. 24 июля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/475782>

³⁹ См., например: Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемен: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. М., 2018. 55 с.; Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.

«Сейчас видно, что новые сроки Путина это опять только откладывание – на неопределенно долгий срок. Который уже в самом своем начале выглядит чем-то невыносимым. Невыносимым именно в том виде, в котором есть сейчас: нам предлагается наслаждаться тем, что есть, а то, мол, будет хуже. И для этого надо лишь пожертвовать прежде всего мечтой о русском мире, социальной справедливостью, любыми идеалами, честностью, здоровьем, остатками человечности (переход к цифровизации), культурой, образованием, то есть почти всем. Весы этого уравнения – либо терпите как есть, либо пожалеете – неуклонно смещаются в сторону недовольства. Нечто подобное в малом формате в Беларуси»⁴⁰.

реализации становится все более напряженным, и сегодня это требование ложится в основу протестных выступлений. Это является комплексным вызовом для всей системы государственного управления, поскольку данная проблема не решается одной лишь эффективностью отдельных служб, а показывает необходимость трансформации в целом в меняющейся внутренней обстановке и в связи с настроениями, доминирующими в обществе⁴¹.

Это достаточно отчетливо показала ситуация вокруг бывшего губернатора Хабаровского края С. Фургала. Массовые протестные акции населения в Хабаровском крае (которые то ли были организованы командой бывшего губернатора, то ли были вызваны недовольством назначения нового врио М. Дегтярева) «вскрыли» гораздо более глубокую проблему, чем коррупция на местах.

⁴⁰ Дугин А. Россия в состоянии конфузии // Завтра. 18.08.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/rossiya_v_sostoyanii_konfuzii

⁴¹ Печальным примером последних дней выступает ситуация в Белоруссии, где после президентских выборов 9 августа 2020 г. вспыхнуло масштабное протестное движение против продления сроков президентских полномочий действующего главы государства А.Г. Лукашенко. Массовые акции протеста в Белоруссии говорят не только о том, что значительная часть людей не удовлетворена ситуацией в стране, динамикой своего личного материального положения, но и о том, что недружественно настроенные по отношению к России страны по-прежнему продолжают использоваться различные политические технологии, для того чтобы ослабить или даже разрушить основы нашей государственности.

Как утверждают эксперты, «**модель вертикали власти в России наталкивается на горизонталь молодого красивого общества**»⁴², то есть система государственного управления, с 2000 года выстраиваемая президентом таким образом, что все ее элементы находятся в четком соподчинении, а баланс различных элитных сил регулируется непосредственно главой государства, входит в противоречие с окрепшим политически, экономически и морально обществом, все более активно отстаивающим свои интересы.

«Не секрет, что отделение ЛДПР в Хабаровском регионе давно отдано на аутсорсинг группировке, сложившейся в ходе многолетнего губернаторства Виктора Ишаева (1991–2009), который затем еще четыре года был полпредом президента в ДФО. А сейчас он уже более полутора лет находится под домашним арестом по уголовному делу с „пустяковой” суммой в 5 млн руб. Фургал и его команда стали, по сути дела, лишь новым поколением этой элиты»⁴³.

«... скорее всего, неожиданное последствие ареста Фургала будет: **в ближайшие годы настойчивое требование регионов, людей в этих регионах, политиков в этих регионах самим определять, кто будет ими управлять.** А за этим последует еще более настойчивое требование значительную часть налогов, которые генерируют эти регионы, оставлять в самих регионах, чтобы те, кого они избрали, имели возможность без согласования с Москвой реализовывать повестку, которая близка населению этого региона, которая поддержала кандидата в губернаторы, потому что он им эту повестку предложил»⁴⁴.

⁴² Ремчуков К. Политическое значение кейса Фургала глубже, чем просто протест // Информационный портал Seldon.news. 2020. 21 июля. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/234588256>

⁴³ Там же.

⁴⁴ Гармоненко Д., Родин И. Внутренняя политика в режиме спецопераций // Независимая газета. 2020. 12 июля. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/politics/2020-07-12/1_7908_politics.html

Как известно, любую болезнь эффективнее профилактировать, чем лечить. И если коррупцию, криминал во власти рассматривать как одну из наиболее острых болезней нашего общества, **то ситуацию с Фургалом система государственного управления скорее не выявила, а, наоборот, «проморгала».** Поскольку, во-первых, это уже далеко не первый подобный случай в нашей стране⁴⁵; во-вторых, очевидно, что приход к власти С. Фургала – долгий, многолетний процесс, происходящий в рамках той системы государственного управления, которая была создана, и, в-третьих, в подобных случаях всегда речь идет не об одном лице, а о целой команде людей, прямо или косвенно задействованных в данной криминальной системе.

При этом резонансные дела, подобные делу С. Фургала, В. Гайзера, А. Хорошавина и многих других, не должны вводить в заблуждение, указывая на то, что все беды в России концентрируются исключительно вокруг проворовавшихся губернаторов.

⁴⁵ Вот лишь некоторые примеры «громких» арестов руководителей субъектов РФ (источник: Николаева В. Стал 13-м: сколько губернаторов арестовали до Фургала // Комсомольская правда. 2020. 9 июля. URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/27153/4250501/>);

В. Юрченко – экс-глава Новосибирской области (год ареста – 2014 г., приговор – 3 года условно);

А. Хорошавин – экс-глава Сахалинской области (год ареста – 2015 г., приговор – 13 лет колонии строгого режима, штраф 500 млн руб.);

Н. Денин – экс-глава Брянской области (год ареста – 2015 г., приговор – 4 года колонии общего режима);

В. Гайзер – экс-глава Коми (год ареста – 2015 г., приговор – 11 лет колонии строгого режима, штраф 160 млн руб.);

В. Торлопов – экс-глава Коми (год ареста – 2016 г., приговор – 6,5 лет колонии общего режима, штраф 500 тыс. руб.);

Н. Белых – экс-глава Кировской области (год ареста – 2016 г., приговор – 8 лет колонии строгого режима, штраф 48,2 млн руб.);

М. Юревич – экс-глава Челябинской области (год обвинения – 2017 г., в международном розыске, дело не закрыто);

А. Соловьев – экс-глава Удмуртии (год ареста – 2017 г., дело не закрыто);

Л. Маркелов – экс-глава Марий Эл (год ареста – 2017 г., дело не закрыто);

А. Винников – экс-глава Еврейской АО (год ареста – 2019 г., приговор – 4 года условно);

П. Коньков – экс-глава Ивановской области (год ареста – 2019 г., дело не закрыто).

«Чиновничий корпус, равно как политическую и бизнес-элику, сплошь обученных по концептам „вашингтонского консенсуса“, не перевести в одночасье на рельсы иной, чуждой им идеологии»⁴⁶.

Это лишь «верхушка айсберга», основу которого на самом деле составляют действия либеральных элит, существующих на всех (в том числе и на самых высоких) этажах власти, преследующих преимущественно собственные (а не национальные) интересы и не имеющих в своих приоритетах суверенный статус российской экономики.

Яркие эпизоды последних лет: дело бывшего министра экономического развития РФ А. Улюкаева (приговоренного в 2017 году к 8 годам колонии строгого режима за получение взятки в особо крупном размере — 2 млн долл. США) и еще более вопиющий случай — дело бывшего министра РФ по вопросам Открытого правительства М. Абызова, ставшего организатором преступного сообщества, которое в течение нескольких лет осуществляло незаконные махинации с денежными суммами, исчисляемыми в миллиардах рублей⁴⁷.

В этом видится главная причина «пробуксовывания» национальных проектов, майских указов и многих предвыборных обещаний главы государства, реализация которых была и остается основой легитимности государственной власти в стране. Долгосрочные стратегические задачи государственного управления, связанные с реализацией национальных интересов, по-прежнему остаются в руках чиновников либерального толка, все так же занимающих ключевые посты в системе государственного управления.

⁴⁶ Скоробогатый П. Конституционный пролог к будущему // Эксперт. № 28. 6–12.07.2020. С. 15.

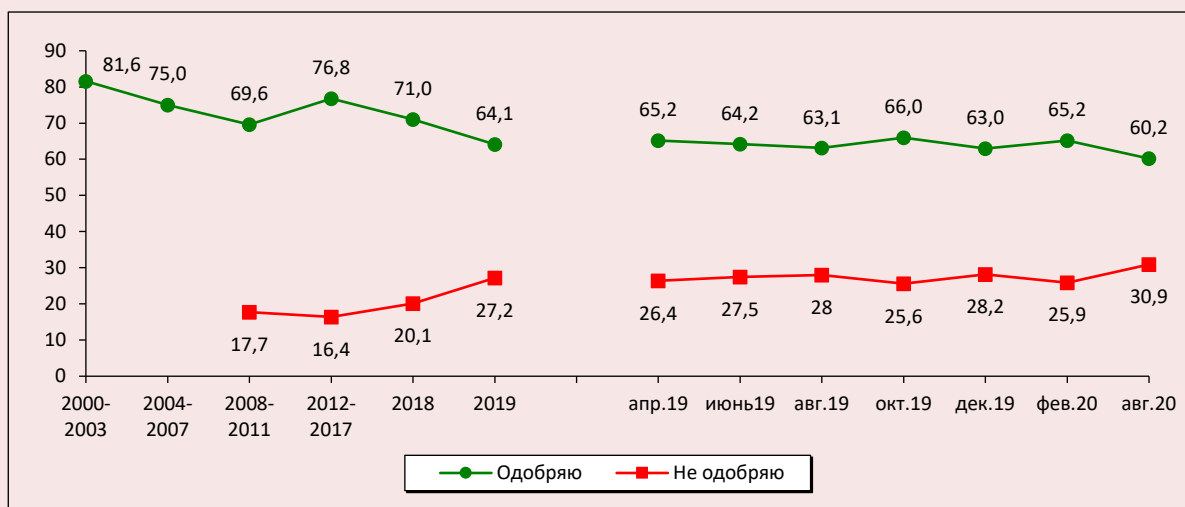
⁴⁷ С апреля 2011 по ноябрь 2014 года Абызов, являясь бенефициарным владельцем ряда офшорных коммерческих организаций, создал и возглавил преступное сообщество. Всего соучастниками Абызова стали 15 лиц. Четверо из фигурантов находятся в международном розыске. Стоимость арестованного имущества в общей сложности составляет более 32 млрд рублей (источник: СКР завершил следственные действия по делу о преступном сообществе Абызова // Интерфакс. 13.08.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/721657>).

Не случайно эксперты говорят о том, что **«фактически денежная политика ведется в России в интересах финансовых спекулянтов. Денежные власти гарантируют им сверхприбыли и стимулируют переток денег из реального сектора в финансовый и далее за рубеж. При этом основная часть (от 60 до 90%) оборота на российском валютно-финансовом рынке совершается американскими хедж-фондами, а также аффилированными с ними лицами. После того как Банк России отпустил обменный курс рубля в свободное плавание, именно они им манипулируют, раскачивая его в целях извлечения сверхприбыли за счет обесценения рублевых доходов и сбережений российских физических и юридических лиц... Сегодня денежные власти делают те же ошибки, последствия которых негативно сказываются на и без того уже 5 лет стагнирующей экономике»⁴⁸.**

И динамика общественного мнения, как один из главных критериев эффективности системы государственного управления, «не заставляет себя ждать», чутко реагируя на отсутствие выполненных властью обещаний снижением поддержки персонально тому, кто находится в ее центре — главе государства. По результатам и региональных, и общероссийских социологических исследований можно наблюдать медленную, но достаточно устойчивую динамику роста числа россиян, негативно отзывающихся о деятельности президента, причем не только в текущей динамике (что отчасти может быть связано с социально-экономическими и психологическими последствиями пандемии COVID-19), но и в годовой ретроспективе. Так, по сравнению с III президентским сроком (2012–2017 гг.) уровень одобрения В. Путина в целом по стране к 2019–2020 гг. снизился с 77 до 63–64% (рис. 2). По данным региональных исследований — с 63 до 53–56% (рис. 3).

⁴⁸ Глазьев С.Ю. Российская экономика в начале 2020 года: о глубинных причинах нарастающего хаоса и комплексе антикризисных мер // Российский экономический журнал. 2020. № 2. С. 19.

Рис. 2. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ по России)*

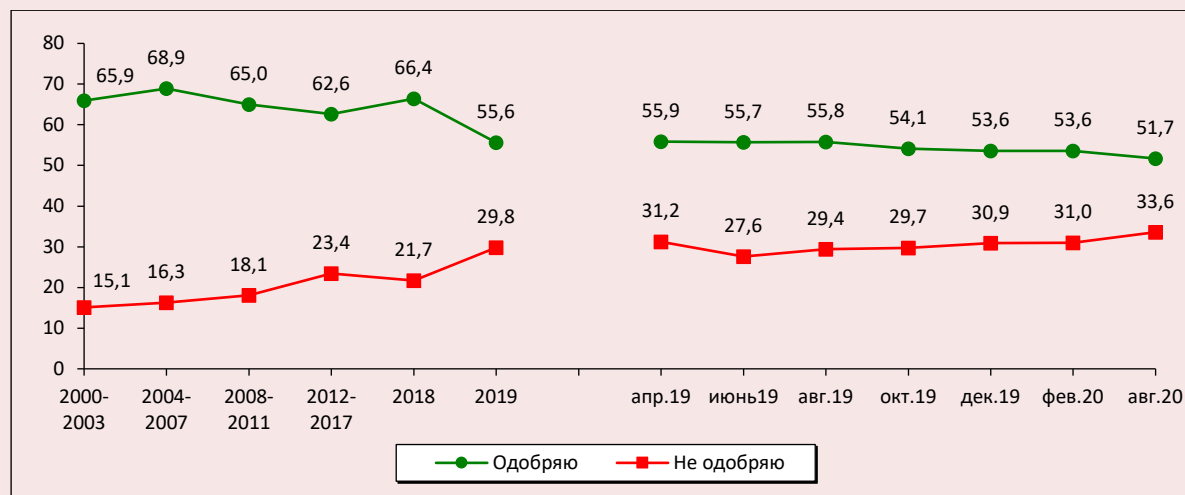

* Данные об уровне неодобрения деятельности Президента за 2000–2007 гг. отсутствуют.

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с 2012 по 2017 год (III президентский срок В.В. Путина) составлял 77%. В 2018 году он снизился на 6 п. п. (до 71%), в 2019 — на 7 п. п. (до 64%). По последним данным на август 2020 года он уменьшился еще на 4 п. п. и равен 60%.

В целом, по сравнению со средним уровнем одобрения деятельности Президента РФ за 2012–2017 гг., в августе 2020 года он снизился на 17 п. п. (с 77 до 60%).

Рис. 3. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

По данным Вологодского научного центра (ФГБУН ВолНЦ РАН), доля жителей Вологодской области, одобряющих деятельность главы государства, в 2012–2017 гг. составляла в среднем 63%. К 2018 году она незначительно увеличилась (на 3 п. п., до 66%), однако в 2019 снизилась на 10 п. п. (с 66 до 56%), а к августу уменьшилась еще на 4 п. п. (с 56 до 52%).

В целом, по сравнению со средним уровнем одобрения деятельности Президента РФ за 2012–2017 гг., к августу 2020 года он снизился на 11 п. п. (с 63 до 52%).

Таким образом, многолетняя нерешенность вопросов, связанных с реально ощутимым широкими слоями населения ростом уровня и качества жизни, а также с более справедливым распределением национального благосостояния (табл. 7), негативно отражается на динамике общественного мнения относительно эффективности системы государственного управления и деятельности лично главы государства.

Таблица 7. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения, %

20%-е группы населения России	2000–2004	2005–2008	2009–2012	2013–2018	2019
Первая (с наименьшими доходами)	5,6	5,2	5,2	5,3	5,3
Вторая	10,3	9,9	9,8	10,0	10,1
Третья	15,3	14,9	14,9	15,0	15,1
Четвертая	22,6	22,6	22,5	22,6	22,6
Пятая (с наибольшими доходами)	46,2	47,4	47,6	47,1	46,9

Источник: Федеральная служба государственной статистики // Распределение доходов населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_31g.doc

Об этом же говорит тот факт, что в большинстве субъектов РФ (в 47 из 86) доля людей, проголосовавших 1 июля 2020 г. против поправок к Конституции, была выше, чем в среднем по стране (вкладка 5).

Общероссийское голосование по поправкам к Конституции в некотором смысле можно рассматривать как референдум о доверии главе государства. Ведь именно В. Путин выступил с данной инициативой, стимулировал общественные дискуссии, создавал экспертные группы, проводил совещания с их представителями. Кроме того, среди изменений к Основному Закону фигурировала поправка о потенциальной возможности продления президентских сроков действующего главы государства, и российские избиратели голосовали, в том числе, и за нее тоже.

На основании этого логично сравнить результаты общероссийского голосования, прошедшего 1 июля 2020 г., с предыдущими президентскими выборами, состоявшимися 18 марта 2018 г. Несмотря на прирост голосов, отданных за поправки к Конституции, в

целом по стране на 1,3 млн чел. (+2,29%), в областных центрах и крупных промышленных городах 47 регионов, в которых доля голосов, отданных против внесения изменений, была выше, чем в среднем по стране, число избирателей, проголосовавших за внесение изменений в Основной Закон, оказалось значительно меньше количества людей, отдавших свой голос за В. Путина на президентских выборах 2018 года (почти на 33%, или на 2,6 млн чел.). В крупных городах Северо-Западного федерального округа – меньше на 50% (294 тыс. чел.), Сибирского федерального округа – на 70% (768 тыс. чел.; табл. 8).

Это означает, что жители указанных территорий за прошедшие два года («едва ли самых невзрачных года за все сроки В. Путина»⁴⁹) стали более критично относиться к тому, насколько эффективно выполняются обещания власти. Они поддержали поправки к Конституции, прежде всего их социальную и патриотическую составляющую, но не уверены в том, что эффективная реализация новых социальных обязательств государства возможна при элитах, которые не ставят социальные (то есть общественные) интересы в приоритет.

В областных столицах 36 из 47 проанализированных субъектов РФ доля тех, кто был против внесения изменений в Конституцию, оказалась выше, чем в среднем по региону. Учитывая, что именно в областных центрах чаще всего сосредоточивается административный ресурс, можно предположить, что такое голосование, во-первых, является реакцией людей на невыполненные обещания по прорывному развитию уровня и качества жизни и свидетельствует об их пессимистическом настрое относительно перспектив выполнения этих обещаний в будущем, а во-вторых, своего рода оценкой региональных элит; условий, которые ими созданы как отношение к нормам Конституции. Так, например, в г. Москве доля избирателей, проголосовавших 1 июля против внесения изменений в Основной Закон, составила 34% (в Московской области – 20%), в Хабаровске – 39% (в Хабаровском крае – 37%), в Иркутске – 41% (в Иркутской области – 35%) и т. д. (вкладка 5).

⁴⁹ Скоробогатый П. Конституционный пролог к будущему // Эксперт. № 28. 6–12.07.2020. С. 13.

Таблица 8. Прирост/снижение количества голосов, отданных за поправки к Конституции 1 июля 2020 г., по сравнению с числом голосов, отданных за В.В. Путина на выборах Президента РФ 18 марта 2018 г.

Территория*	За поправки к Конституции (общероссийское голосование 01.07.2020)	За В.В. Путина (выборы Президента РФ 18.03.2018)	Отклонение**	
			абс.	%
Россия	57747288	56426399	+1320889	+2,29
Северо-Западный федеральный округ	5047418	4974294	+73124	+1,45
8 регионов	1756603	2277051	-520448	-29,63
9 городов	585868	879929	-294061	-50,19
Дальневосточный федеральный округ	2516716	2632834	-116118	-4,61
9 регионов	1 620 659	2 020 741	-400 082	-24,69
9 городов	602764	752946	-150182	-24,92
Сибирский федеральный округ	5450713	6171330	-720617	-13,22
8 регионов	3 752 864	4 597 616	-844 752	-22,51
9 городов	1094324	1862818	-768494	-70,23
Уральский федеральный округ	4099934	4714255	-614321	-14,98
4 региона	3 086 407	3 750 461	-664 054	-21,52
5 городов	961940	1201400	-239460	-24,89
Центральный федеральный округ	14408730	14033866	+374864	+2,60
11 регионов	9623436	9782037	-158601	-1,62
9 городов	902925	1332911	-429986	-32,26
Приволжский федеральный округ	13016049	12270602	+745447	+5,73
7 регионов	3 492 484	4 042 900	-550 416	-15,76
7 городов	1033091	1440654	-407563	-39,45
ИТОГО во всех округах (8)	57643148	56015525	1627623	+2,82
во всех регионах (47)	23332453	26470806	-3138353	-11,86
во всех городах (49)	5180912	7470658	-2289746	-30,65

* Регионы, в которых доля голосов, отданных против поправок к Конституции, была выше, чем в среднем по стране (21,27%); их областные центры; а также некоторые крупные промышленные города (все они подробно представлены во вкладке 5).
** Разница между долей голосов, отданных за поправки к Конституции 1 июля 2020 г., и долей голосов, отданных за Президента РФ 18 марта 2018 г.

«Критики Конституции фиксируют, что мы должны признать не только большую поддержку Путина и Конституции, но и значительное число сказавших „нет”. Таковых в промышленных регионах срединной и северной России было много — примерно 40%. **Учитывая огромную явку, надо признать, что это сознательный шаг граждан, посчитавших своим долгом сказать „нет”. И это серьезно...** Люди, сказавшие „нет”, сказали это не в адрес суверенитета России, не в адрес национальной науки, образования, промышленности. **Они высказали сомнение в том, что нынешняя элита, которая так легко жила в интеграционной модели с нелюбезным Западом, которая, в общем-то, наплевательски относилась к неравенству, бедности, хозяйственной беспомощности страны, сможет не то что построить, а даже начать думать, как строить сильную суверенную Россию»⁵⁰.**

Исходя из приведенных фактов, сложно не согласиться с мнением экспертов о том, что «консолидировать общество вокруг поправок в Конституцию не получилось. Результат высок, но монолитной поддержки нет»⁵¹. Кредит доверия, в очередной раз выданный обществом действующей власти (так же как и конституционное большинство Единой России на выборах в Государственную Думу 2016 г., или рекордная поддержка В. Путина на президентских выборах 2018 года), не является бесконечным; его необходимо оправдывать, причем несмотря ни на какие форс-мажорные обстоятельства. В противном случае он вполне может оказаться последним»⁵².

⁵⁰ Все только начинается // Эксперт. № 28. 6–12.07.2020. С. 11.

⁵¹ Скоробогатый П. Конституционный пролог к будущему // Эксперт. № 28. 6–12.07.2020. С. 16.

⁵² Хазин М. Любой ценой нужно менять финансово-экономическую команду // Завтра. 2020. 19 июля. URL: https://zavtra.ru/blogs/lyuboj_tenoj_nuzhno_menyat_finansovo-ekonomicheskuyu_komandu

Вкладка 5 (А)

Итоги общероссийского голосования по поправкам к Конституции в регионах, в которых доля голосов, отданных «против», выше, чем в среднем по стране*, % от явки

Территория	Голосование по поправкам к Конституции (01.07.2020)						Отклонение (%)** доли голосов «против» в округе, области от среднего по РФ (21,27%)			Выборы Президента РФ (18.03.2018)		
	явка		за		против		абс.	%	абс.	%	за В.В. Путина	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%					абс.	%
РОССИЯ	74215555	67,97	57747288	77,92	15761978	21,27	0	73624100	67,54	56426399	76,64	
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	6789619	63,41	5047418	68,92	1675646	30,19	+41,94	6634513	63,28	4974294	75,08	
Ненецкий авт. округ	21879	58,36	9 567	43,78	12 074	55,25	+159,76	25109	63,62	17863	71,14	
Мурманская обл.	261887	45,15	163 735	62,54	95 095	36,33	+70,80	398049	66,36	303796	76,32	
Республика Коми	340092	51,82	221 113	65,08	115 322	33,94	+59,57	407116	60,40	290716	71,41	
Архангельская обл.	452371	50,58	297 432	65,78	150 935	33,38	+56,93	541192	59,20	407190	75,24	
Республика Карелия	239077	46,07	168 389	70,46	68 304	28,58	+34,37	297227	57,20	216899	72,97	
Вологодская обл.	546230	58,72	388 615	71,16	152 983	28,01	+31,69	626993	66,20	453576	72,34	
Новгородская обл.	242208	49,34	172 997	71,44	66 616	27,51	+29,34	288184	57,30	209286	72,62	
Калининградская обл.	465476	56,59	334 755	72,15	125 341	27,02	+27,03	495245	62,18	377725	76,27	
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	3529842	58,20	2516716	70,27	970678	28,57	+34,32	3885955	64,35	2632834	67,78	
Республика Саха	350707	55,56	204 435	58,34	142 464	40,65	+91,11	457065	71,00	294166	64,36	
Камчатский край	106091	44,08	65 485	61,76	39 406	37,16	+74,71	161930	67,74	112401	69,41	
Хабаровский край	435944	44,24	271 421	62,28	159 662	36,64	+72,26	648550	64,23	426385	65,74	
Магаданская обл.	54911	55,67	34 035	62,03	20 090	36,62	+72,17	73800	71,91	53341	72,28	
Амурская обл.	367667	59,17	103 726	70,42	258 548	28,25	+32,82	394681	62,15	264493	67,01	
Республика Бурятия	458277	64,60	329 208	71,95	121 205	26,49	+24,54	453654	75,20	334381	73,71	
Забайкальский край	471093	60,08	352 670	74,92	114 010	24,22	+13,87	458138	57,99	329911	72,01	
Сахалинская обл.	254486	67,99	189 466	74,84	60 853	24,04	+13,02	229139	61,22	153289	66,90	
Еврейская авт. обл.	90853	72,11	70 213	77,30	19 430	21,39	+0,56	77627	60,25	52374	67,47	
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	7512507	58,17	5450713	72,06	1982563	27,00	+26,94	8380774	64,54	6171330	73,58	
Омская обл.	985663	64,98	610 278	62,09	360 348	36,66	+72,36	928746	60,49	624934	67,29	
Иркутская обл.	824360	44,18	529 770	64,28	287 131	34,84	+63,80	1045720	55,70	763810	73,06	
Томская обл.	344033	44,57	223 046	64,86	117 232	34,09	+60,27	461270	59,27	328296	71,17	
Республика Алтай	83571	51,46	55 291	66,16	27 433	32,83	+54,35	102919	64,77	72674	70,61	
Новосибирская обл.	1034355	47,79	698 857	67,58	323 674	31,30	+47,16	1304738	60,41	926858	71,04	
Республика Хакасия	203523	51,48	141 381	69,52	59 758	29,38	+38,13	245366	65,87	169615	69,13	
Красноярский край	1211774	58,99	848 638	70,10	350 687	28,97	+36,20	1267615	60,34	941151	74,25	
Алтайский край	897951	49,49	645 603	71,91	241 132	26,86	+26,28	1191630	65,40	770278	64,64	

Территория	Голосование по поправкам к Конституции (01.07.2020)										Выборы Президента РФ (18.03.2018)			
	явка		за		против		Отклонение (%)** доли голосов «против» в округе, области от среднего по РФ (21,27%)	явка		за В.В. Путина				
	абс.	%	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%			
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	5704587	61,61	4099934	74,81	1553931	24,40	+14,72	1748424	66,41	4714255	75,56			
Свердловская обл.	1715988	51,55	1 132 182	65,99	565 242	32,94	+54,87	2085667	62,35	1555532	74,58			
Ханты-Мансийский авт. округ	707553	61,72	487 750	69,00	212 434	30,05	+41,28	788075	69,72	600404	76,19			
Челябинская обл.	1711446	65,88	1 190 097	69,54	505 597	29,55	+38,93	1748424	66,41	1275822	72,97			
Курганская обл.	397258	57,83	276 378	69,58	117 294	29,53	+38,83	434836	61,74	318703	73,29			
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	19158072	65,88	14408730	76,17	4550592	22,95	+7,90	18687906	64,37	14033866	75,16			
г. Москва	7861697	55,93	2 855 547	65,29	1 485 963	33,98	+59,76	4521355	59,94	3199214	70,76			
Московская обл.	4423963	76,18	3488197	78,85	888794	20,09	-5,55	3707556	63,60	2758911	74,41			
Костромская обл.	266283	50,97	180 846	67,92	83 044	31,19	+46,64	322346	60,51	221449	68,70			
Ярославская обл.	548819	55,85	374 053	68,29	168 930	30,84	+44,99	688208	64,12	472666	71,81			
Калужская обл.	483705	61,05	338 748	70,17	140 003	28,99	+36,30	543898	68,17	414027	76,12			
Владимирская обл.	5889661	53,26	419 606	71,18	164 025	27,82	+30,79	741964	65,01	546042	73,59			
Тверская обл.	571390	54,94	410 421	71,87	155 409	27,21	+27,93	616279	57,58	459198	74,51			
Смоленская обл.	412772	54,33	296 792	71,97	111 247	26,98	+26,85	473596	61,27	347859	73,45			
Курская обл.	527068	57,83	389 300	73,92	133 471	25,32	+19,04	595354	64,48	482257	81,00			
Ивановская обл.	512070	64,21	390 256	76,23	117 846	23,02	+8,23	474184	58,55	338335	71,35			
Липецкая обл.	610631	66,31	479670	78,56	124509	20,39	-4,14	670716	72,16	542079	80,82			
ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	16285831	71,75	13016049	77,72	3126339	21,47	+0,94	15868095	69,65	12270602	77,53			
Удмуртская Республика	661721	56,25	455 908	68,92	199 121	30,10	+41,51	749943	63,27	571623	76,22			
Пермский край	1040935	52,49	734 802	70,75	293 643	28,27	+32,91	1318884	66,51	993076	75,30			
Кировская обл.	579696	55,61	409 702	70,89	163 247	28,25	+32,82	661861	62,72	465948	70,40			
Ульяновская обл.	533103	54,24	379 056	71,16	148 346	27,85	+30,94	643360	64,33	477654	74,24			
Республика Чувашия	588237	64,11	426 779	72,57	154 351	26,25	+23,41	697527	76,22	539036	77,28			
Оренбургская обл.	1135011	73,55	834 406	73,60	286 720	25,29	+18,90	1003460	66,09	731838	72,93			
Республика Марий Эл	332430	61,86	251 831	75,76	77 884	23,43	+10,16	356511	66,43	263725	73,97			
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	10013117	80,96	8654101	85,75	1289863	13,54	-36,34	8590423	70,74	7007737	81,62			
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	5068306	85,47	4449487	87,52	564879	11,64	-45,28	4850814	83,94	4210607	86,86			

* В таблице представлены все субъекты РФ, в которых доля голосов, отданных против поправок в Конституцию, была выше, чем в среднем по стране (21,27%).

Ранжировано по доле голосов, отданных «против», в среднем по федеральным округам. Внутри федеральных округов – по доле голосов, отданных «против», в областях. Курсивом дана информация для справки.

** Разность между долей голосов, отданных «против», в округе, области и в среднем по РФ (21,27%), выраженная в % от среднего по РФ.

Источники: данные Центральной избирательной комиссии РФ (<http://www.cikrf.ru/>); расчеты авторов по данным ЦИК РФ.

Вкладка 5 (Б)

Итоги общероссийского голосования по поправкам к Конституции в областных центрах регионов, в которых доля голосов, отданных «против», выше, чем в среднем по стране*, % от явки

Территория	Голосование по поправкам к Конституции (01.07.2020)						Отклонение (%)** доли голосов «против» в округе, областном центре от среднего по РФ (21,27%)		Выборы Президента РФ (18.03.2018)			
	явка		за		против		абс.	%	явка		абс.	%
	абс.	%	абс.	%	абс.	%			абс.	%		
РОССИЯ	74215555	67,97	57747288	77,92	15761978	21,27	0	73624100	67,54	56426399	76,64	
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	6789619	63,41	5047418	68,92	1675646	30,19	+41,94	6634513	63,28	4974294	75,08	
Нарьян-Мар	9640	56,13	3583	37,13	5960	61,83	+190,69	10495	59,98	7477	71,24	
Сыктывкар	85793	57,84	50877	59,30	33811	39,41	+85,28	91656	61,33	63097	68,84	
Архангельск	119726	45,91	75470	63,04	43140	36,03	+69,39	154698	56,97	113964	73,67	
Мурманск	93230	40,57	59074	63,36	33310	35,73	+67,98	154220	64,84	118573	76,89	
Петрозаводск	90694	43,81	59232	65,31	30648	33,79	+58,86	126708	60,31	90310	71,27	
Великий Новгород	73241	41,73	47967	65,49	24509	33,46	+57,31	103741	58,19	72314	69,71	
Калининград	167868	40,93	110773	65,99	54747	32,61	+53,31	231627	58,61	171805	74,17	
Вологда	143099	57,19	100809	70,45	41214	28,80	+35,40	165684	66,41	115236	69,55	
Череповец	116984	48,10	78083	66,75	38029	32,51	+52,84	173602	69,30	127153	73,24	
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	3529842	58,20	2516716	70,27	970678	28,57	+34,32	3885955	64,35	2632834	67,78	
Якутск	93561	49,41	47703	50,99	44754	47,83	+124,87	142244	70,34	85732	60,27	
Магадан	31649	46,46	18834	59,51	12427	39,27	+84,63	47484	68,36	34124	71,86	
Хабаровск	191174	43,59	115673	60,51	73735	38,57	+81,34	290651	64,32	192140	66,11	
Петропавловск-Камчатский	47135	35,97	29539	62,67	17219	36,53	+71,74	84136	63,58	57450	68,28	
Улан-Удэ	176511	58,70	113508	64,31	58252	33,00	+55,15	183368	76,53	129065	70,39	
Благовещенск	93459	55,79	65842	70,45	26705	28,57	+34,32	102507	59,35	69301	67,61	
Биробиджан	37373	65,74	27087	72,48	9727	26,03	+22,38	34509	59,93	22906	66,38	
Южно-Сахалинск	102722	73,38	74409	72,44	26478	25,78	+21,20	83644	61,24	55060	65,83	
Чита	145829	59,90	110169	75,55	33751	23,14	+8,79	150385	60,78	107168	71,26	
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	7512507	58,17	5450713	72,06	1982563	27,00	+26,94	8380774	64,54	6171330	73,58	
Иркутск	179303	38,88	105292	58,72	72734	40,56	+90,69	270021	57,20	198813	71,78	
Омск	59158	70,43	36326	61,41	22158	37,46	+76,12	524929	57,93	341495	65,06	
Томск	149307	39,64	92385	61,88	55343	37,07	+74,28	222124	57,84	155189	69,87	
Новосибирск	423886	35,17	264068	62,30	156482	36,92	+73,58	705527	58,59	499141	70,75	
Горно-Алтайск	18440	41,68	11578	62,79	6690	36,28	+70,57	27837	62,09	18110	65,06	
Абакан	51503	39,44	32831	63,75	18272	35,48	+66,81	77884	61,16	52830	67,83	
Красноярск	464465	62,27	302612	65,15	127148	27,38	+28,73	431323	58,09	323312	74,96	
Норильск	87235	79,71	72209	82,78	14156	16,23	-23,70	78052	67,13	59172	75,81	
Барнаул	247589	46,53	177023	71,50	66652	26,92	+26,56	342211	64,28	219756	64,22	

Территория	Голосование по поправкам к Конституции (01.07.2020)						Выборы Президента РФ (18.03.2018)				
	явка		за		против		Отклонение (%)** доли голосов «против» в округе, областном центре от среднего по РФ (21,27%)				
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.		
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	5704587	61,61	4099934	74,81	1553931	24,40	+14,72	1748424	66,41	4714255	75,56
Екатеринбург	499808	45,02	315951	63,21	179632	35,94	+68,97	667461	60,51	493257	73,90
Курган	121234	46,44	81054	66,86	38873	32,06	+50,73	152170	57,19	108743	71,46
Челябинск	567560	65,97	402896	70,99	159386	28,08	+32,02	612728	70,17	407677	66,53
Магнитогорск	185924	59,64	118860	63,93	65246	35,09	+64,97	218836	70,28	155139	70,89
Ханты-Мансийск	47253	91,63	43179	91,38	3884	8,22	-61,35	44196	80,04	36584	82,78
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	19158072	65,88	14408730	76,17	4550592	22,95	+7,90	18687906	64,37	14033866	75,16
Липецк	149898	44,19	96981	64,70	51433	34,31	+61,31	257064	62,94	189357	73,66
Ярославль	221596	47,54	143985	64,98	74512	33,63	+58,11	301071	63,33	213687	70,98
Тверь	144480	44,16	95355	66,00	47754	33,05	+55,38	196125	58,89	144310	73,58
Кострома	40184	40,73	26673	66,38	13185	32,81	+54,25	133449	60,26	94644	70,92
Смоленск	128963	48,96	87224	67,63	40410	31,33	+47,30	166347	62,49	120411	72,39
Калуга	141838	48,65	97606	68,82	42776	30,16	+41,80	191555	64,63	144473	75,42
Курск	163423	46,95	113363	69,37	48773	29,84	+40,29	209698	59,72	164948	78,66
Владимир	158490	57,84	117847	74,36	39209	24,74	+16,31	183164	65,76	131985	72,06
Иваново	202347	64,85	123891	61,23	47024	23,24	+9,26	180154	57,21	129096	71,66
ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	16285831	71,75	13016049	77,72	3126339	21,47	+0,94	15868095	69,65	12270602	77,53
Ульяновск	200830	40,03	128476	63,97	69963	34,84	+63,80	302507	59,23	218414	72,20
Чебоксары	175431	47,41	112675	64,23	60899	34,71	+63,19	259231	67,72	191454	73,85
Ижевск	226684	45,81	146034	64,42	78522	34,64	+62,86	300004	60,44	224497	74,83
Йошкар-Ола	96014	45,99	62778	65,38	32301	33,64	+58,16	133282	63,38	96365	72,30
Киров	186650	44,42	121688	65,20	62295	33,38	+56,93	250155	59,44	174508	69,76
Пермь	312642	47,35	214198	68,51	95121	30,42	+43,02	441367	64,08	328367	74,40
Оренбург	324985	76,77	247242	76,08	73915	22,74	+6,91	278241	69,93	207049	74,41
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	10013117	80,96	8654101	85,75	1289863	13,54	-36,34	8590423	70,74	7007737	81,62
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	5068306	85,47	4449487	87,52	564879	11,64	-45,28	4850814	83,94	4210607	86,86
Байконур	6886	50,11	4288	62,27	2548	37,00	+73,95	9659	66,27	7568	78,35

* В таблице представлены все субъекты РФ, в которых доля голосов, отданных против поправок в Конституцию, была выше, чем в среднем по стране (21,27%).

Ранжировано по доле голосов, отданных «против», в среднем по федеральным округам. Внутри федеральных округов – по доле голосов, отданных «против», в областных центрах. Курсивом дана информация для справки.

** Разность между долей голосов, отданных «против», в округе, области и в среднем по РФ (21,27%), выраженная в % от среднего по РФ. Источники: данные Центральной избирательной комиссии РФ (<http://www.cikrf.ru/>); расчеты авторов по данным ЦИК РФ.

«Даже незначительные события, управленческие и политические ошибки могут вызвать резкий выплеск недовольства населения, причем не политического, а социально-экономического... Сильного запроса на протесты нет, но есть усталость от лубочной позитивной повестки и недоверие к институтам власти, неверие в их эффективность.

Сейчас и лоялисты, и оппоненты президента ждут преобразований, на которые Путин уже дважды за последние два года получил сильнейший мандат. Какими они будут?»⁵³

Таким образом, несмотря на достаточно напряженную экономическую обстановку в мире (в том числе и вследствие пандемии), главный вызов для Президента РФ и выстроенной им системы государственного управления сегодня находится «внутри» страны. Невыполнение конституционных обязательств и отсутствие ощутимых сдвигов в решении жизненно важных для населения проблем создает угрозу легитимности власти и существованию самого государства. Поэтому в ближайшие месяцы российскую государственность и лично В.В. Путина ждут не меньшие, а, возможно, и более серьезные испытания, чем в

период острой фазы распространения коронавирусной инфекции.

Сохранение таких проблем, как неработающая по факту система стратегического планирования, аморфный характер персональной ответственности должностных лиц, продолжение практики «оттягивания» сроков реализации национальных проектов, находящиеся в руках либеральных элит Правительства РФ «бразды правления» экономикой — все это делает перспективы социально-экономического развития России крайне туманными, подтверждая прогнозы экспертов, к которым мы обращались еще в 2017 году⁵⁴: Россию ждет «сценарий пролонгации либеральной модели, сценарий балансирования на пороге устойчивости развития...»⁵⁵.

1 июля 2020 г., поддержав поправки к Конституции, российское общество, хоть и с трудом, но выдало очередной кредит доверия власти и лично Президенту РФ в целях дальнейшего строительства той модели национально ориентированного государства, которую он начал создавать еще в 1999 году и в основе которой лежат «российская идея», «сильное государство» и «эффективная экономика»⁵⁶. Теперь задача системы

Из экспертного заключения Счетной палаты РФ (фев. 2020 г.): «Система стратегического планирования деятельности федеральных органов исполнительной власти в настоящее время разбалансирована и неэффективна, недостаточно нормативно урегулирована и методически обеспечена, с низким уровнем контроля и исполнительской дисциплины. В этом состоянии она не способствует достижению национальных целей и требует совершенствования.

В стратегическом планировании выявлены проблемы нормативного регулирования, методического обеспечения, организации контроля, открытости и доступности информации. Анализ показал, что нормативные правовые акты, регулирующие эту сферу, не формируют завершённую систему стратегического планирования. Они не согласованы между собой и не актуализированы в соответствии с документами, определяющими национальные цели и стратегические задачи социально-экономического развития страны. В результате ни один из утвержденных планов деятельности федеральных органов исполнительной власти на 2019–2024 годы не соответствует установленным требованиям. В планы деятельности федеральных органов исполнительной власти включено только 26% показателей госпрограмм и подпрограмм, за которые они отвечают. Из показателей национальных и федеральных проектов в планах учтено 55%»⁵⁷.

⁵³ Скоробогатый П. Конституционный пролог к будущему // Эксперт. № 28. 6–12.07.2020. С. 16.

⁵⁴ Ильин В.А. Актуальность тезиса «Кадры решают все!» для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 9–31.

⁵⁵ Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии). М.: Наука и политика, 2016. С. 669–670.

⁵⁶ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

⁵⁷ Бюллетень Счетной палаты РФ: госуправление. 2020. № 1 (266). С. 6.

«Убежден, что достижение необходимой динамики роста – проблема не только экономическая. Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная. Причем последний аспект на современном этапе мне представляется особенно значимым с точки зрения консолидации российского общества»⁵⁸.

государственного управления – сделать так, чтобы самые пессимистические прогнозы экспертного сообщества оказались ошибочными. Выданный обществом кредит доверия должен быть полностью оправдан Президентом, иначе он может стать последним, причем не только для него.

Персональная ответственность за решение ключевых вопросов национальной безопасности, которую принял на себя В.В. Путин 31 декабря 2015 г.⁵⁹, не позволяет ему безучастно смотреть на то, как властвующие элиты продолжают реа-

лизировать выгодный лично им курс национального развития, когда перспективы российской экономики, уровня и качества жизни населения, социальной стабильности в стране продолжают оставаться в тумане.

* * *

Представляется, что в концентрированном виде ожидания большинства россиян сформулировал С. Коновалов в «Независимой газете» № 170 от 12 августа 2020 г.: «Необходим свой „новый курс“, новое направление движения, необходимо институциональное понимание новой действительности, надо быть готовым к новым вызовам, быть готовым к противостоянию „черным лебедям“... „Новый курс“ – это не только про рост экономики в три раза, увеличение благополучия граждан или борьбу с коррупцией. Это про создание единой системы координат, если хотите – про национальную идею, которая перевернет представление о России в мире, но самое главное – перевернет представление самих граждан о своей стране»⁶⁰.

Литература

1. Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. 496 с.
2. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016*. National Bureau of economic research. Cambridge, MA August 2017. 79 p.
3. Глазьев С.Ю. Российская экономика в начале 2020 года: о глубинных причинах нарастающего хаоса и комплексе антикризисных мер // Российский экономический журнал. 2020. № 2. С. 3–39.
4. Скоробогатый П. Конституционный пролог к будущему // Эксперт. № 28. 6–12.07.2020. С. 13–18.
5. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. М., 2018. 55 с.
6. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.
7. Все только начинается // Эксперт. № 28. 6–12.07.2020. С. 11–12.
8. Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. *Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии)*. М.: Наука и политика, 2016. 712 с.

⁵⁸ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

⁵⁹ «Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения под руководством Президента Российской Федерации и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации» (источник: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 дек. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>).

⁶⁰ Коновалов С. Новая Конституция уже есть, нового курса развития – еще нет // Независимая газета. 2020. 12 августа. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/economics/2020-08-12/4_7935_12082020.html

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Vote of Confidence for the President is Confirmed. Achievement of Socio-Economic Development Goals before 2024–2030 is Uncertain

Abstract. All-Russian vote on amendments to the Constitution, which was conducted from June 25 to July 1 of 2020, showed that a vote of confidence, granted by society to a current system of public governance and the President personally during previous presidential elections, was confirmed. With a high voter turnout (68%), 78% of them supported Vladimir Putin's initiative to amend the Main Law. However, a detailed analysis of "pressure points" of the last vote (regions where the share of votes against constitutional amendments was above national average numbers) confirms experts' opinions that an idea to unite society around this event did not work out. The lack of real changes in the solution of key issues related to overcoming flagrant social inequality and the growth of the level and quality of life, which would be visible to general population, leads to people's exhaustion from another positive goals of socio-economic development that might not be fulfilled once again and remain only in a declarative form. It affected the dynamics of public opinion, and, in particular, it echoed in a high level of protest in most Russian regions (in 47 out of 86), its regional centers, and large industrial towns during all-Russian vote on amendments to the Constitution. At the same time, the President's Executive Order on Russia's national development goals through 2030, dated July 21, 2020, pushes back dates of national projects' implementation (from 2024 to 2030) once again and additionally decreases the level of optimism toward the implementation of national development goals until 2024 – exactly until the next elections of the President of the Russian Federation. An analysis of factual information and expert assessments, carried out by the authors, forces to state that, despite another vote of confidence granted by society to the President and his system of governance, the future of Russia's socio-economic development (at least until 2024–2030) remains unclear, and it increases residents' fears for their own and their families' life prospects, as well as for the country itself. In these circumstances, it is difficult to disagree with an opinion of several experts that, in order to overcome long-standing unresolved vital problems that concern population and improve the efficiency of the public administration system, it is necessary to take active steps (primarily by the President) toward the nationalization of ruling elites. Continuing balancing between liberal and state-patriotic forces in power may once again lead to failures in achieving key national development goals, which threatens the legitimacy and the very future of the Russian statehood.

Key words: efficiency of public governance, all-Russian vote on amendments to the Constitution, social inequality, national development goals, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aas@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

**Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ**

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780; ResearcherID: F-5579-2018

Аннотация. В статье представлены концептуальные основания уникального межрегионального исследования демографического поведения населения, основанного на социологическом мониторинге «Демографическое самочувствие России», изложены ключевые моменты методики его проведения, а также показан спектр возможностей анализа социологических данных. Цель работы заключается в определении комплексной методологии, не только позволяющей выявить отдельные практики демографического поведения населения, информационное поле их формирования, но и дающей возможность разработать модель оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок. Актуальность работы обусловлена необходимостью

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Для цитирования: Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 38–57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2

For citation: Shabunova A.A., Rostovskaya T. K. On the necessity to develop models of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 38–57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2

своевременно получать полные, научно обоснованные данные о состоянии и детерминантах демографического развития регионов России и эффективности демографической политики, в частности при реализации национального проекта «Демография». Теоретические основы представленного исследования учитывают институциональные и эволюционные концепты демографии, социологии, экономики, философии применительно к его объекту – демографическому поведению населения, реализованные в социодемографическом подходе, определяющем демографическое поведение населения как совокупность демографических установок (представлений) и действий, результатом которых становится обретение демографического статуса относительно детности, брачного состояния, состояния здоровья и территории проживания. Уникальность проведенного мониторинга заключается в возможности оценить демографическое поведение в единстве его видов (репродуктивного, матримониального, самосохранительного, миграционного), а также эффективность демографической политики. Показаны возможности анализа демографического поведения, такие как перекрестный анализ компонентов и детерминант демографического поведения, поиск территориальных особенностей социально-демографических процессов и их регулирования, определение особенностей социально-демографических групп населения. Результаты первой волны мониторинга позволяют увидеть развернутую картину сложившейся демографической ситуации, дают широкие возможности для получения информации и ее анализа, станут основой для определения направлений углубленного исследования и поиска путей и механизмов корректировки социально-демографической политики России. Всероссийский характер исследования помогает взвешенно подойти к анализу и корректировке ситуации в регионах, что представляется чрезвычайно важным, так как даст возможность учитывать региональную специфику и позволит выявить успешные практики. В итоге может быть создана модель условий, в которых формируются демографические установки и реальные линии поведения, приводящие к результатам, определенным демографической политикой страны.

Ключевые слова: демографическое развитие, демографическое поведение населения, мониторинг «Демографическое самочувствие России», национальный проект «Демография».

Введение

Демографическое развитие России с точки зрения национальной безопасности – ключевая сфера государственного управления. Количественные и качественные параметры населения определяют трудовой, инновационный, экономический потенциал страны. О понимании приоритетности демографического вопроса свидетельствует активизация политики в сфере поддержки рождаемости, укрепления общественного здоровья после обращения Президента РФ к Законодательному Собранию в 2006 году. Успехи демографической политики и эффективность новых мер поддержки семей с детьми принесли довольно значимые результаты: к 2013 году был достигнут естественный прирост населения, а нетто-коэффициент воспроизводства вырос до значения 0,81 (с 0,62 в 2006 г.). Реализуемые меры поддержали семьи, желающие иметь двоих и более детей, своевременно купировав обвал численности на последней демографической волне [1; 2]. Вместе с тем после 2016 года показатели демографиче-

ской ситуации в стране вновь стали ухудшаться. Сегодня в РФ реализуется национальный проект «Демография», однако перспективы его реализации оцениваются неоднозначно, а многие ученые прогнозируют депопуляцию населения¹ [3] и доказывают, что ресурсы увеличения численности населения если и не исчерпаны, то, по крайней мере, недостаточны. В связи с этим актуализируется вопрос, связанный с получением оперативной комплексной информации о трендах и детерминантах демографического развития с учетом существующей территориальной дифференциации процессов, в том числе для использования ее в ходе подготовки и принятия управленческих решений в рамках национального проекта «Демография».

¹ Население России 2017: двадцать пятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 480 с.; Демографический прогноз России до 2035 года / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781>

В современных условиях в детерминации демографических процессов усиливается влияние поведенческого фактора, а именно демографического поведения населения. Так, параметры рождаемости во многом определяются демографическими (репродуктивными, брачными) и здоровьесберегающими установками, в том числе к своему репродуктивному здоровью. Параметры заболеваемости и смертности во многом зависят от отношения каждого человека к собственному здоровью, реализации практик здорового образа жизни или деструктивных привычек, поэтому так важно изучать самосохранительное поведение населения, основываясь как на анализе статистической информации, так и на данных социологических исследований. На демографические параметры территорий может существенно влиять и миграция населения, которая, в свою очередь, зависит от миграционной мобильности.

В последние десятилетия произошли существенные трансформации репродуктивного поведения населения страны: широкое распространение получили практики планирования беременности [4], среднететные репродуктивные установки (ориентация на рождение 3–4 детей) сменились на малодетные (примерно 60% россиян ориентированы на 1–2 детей) [5], вырос средний возраст деторождения (возраст матери при рождении первенца в 1990-х гг. — 19 лет, в 2000-х гг. — 27 лет) [6]. Одновременно изменялись нормы матримониального поведения, что выразилось в широком распространении сожительства как формы, альтернативной официальному браку, или как отношений, предваряющих регистрацию партнерского союза (считают, что до регистрации первого брака «нужно пожить вместе», 40% россиян, повторного — 60%), в увеличении возраста вступления в брак (с 19 до 25 лет у женщин и с 23 до 27 у мужчин по сравнению с серединой 1990-х гг.) [7]. Ориентация населения страны на малодетность, «старение» брачности и материнства будут оказывать заметное влияние на уровень рождаемости².

² Захаров С.В. Какой будет рождаемость в России? // Демоскоп Weekly. 23 января — 5 февраля 2012. № 495–496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php>

Параметры самосохранительного поведения, напротив, слабо меняются, распространены деструктивные практики. Это усиливает риски выполнения ориентиров, поставленных в национальном проекте, в частности цели повышения ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет к 2024 году.

Поиск методологии и методики, которая позволит синтезировать статистические индикаторы изменения численности населения и социологические исследования социально-культурных, социально-экономических и социально-политических условий реализации демографических установок населения в разных регионах РФ, поднимает целый пласт исследовательских вопросов. Например, какие механизмы социально-демографической политики на федеральном, региональном, муниципальном уровнях работают эффективно, а какие не приведут к достижению целей; насколько население информировано об инструментах поддержки рождения детей; под влиянием каких факторов принимается решение о рождении второго и последующих детей; с какими трудностями сталкиваются семьи при рождении детей и, самый важный вопрос, каковы и чем обусловлены различия в реализации демографического поведения разных поколений и социально-демографических групп. Фиксация различий в демографическом поведении, практиках, культуре, мотивации разных возрастных групп — актуальная теоретическая проблема, которая помогает зафиксировать механизмы изменения демографического поведения, а это позволит прогнозировать тенденции и выработать рекомендации развития социально-демографической политики.

В целях реализации указанной задачи необходимо получить эмпирические данные для описания и типизации демографических практик разных поколений, определить факторы, ресурсы, проблемы и итоги реализации социально-демографической политики на разных исторических этапах в СССР и РФ, а также концептуализировать полученные результаты, что позволит выработать рекомендации по корректировке мер социально-демографической политики, в том числе по максимизации эффективности национального проекта «Демография».

В современной России демографическая политика складывается в противоречивом исследовательском поле. Полемика о качественной интерпретации демографической динамики и управлении демографическим развитием активно продолжается между научными школами [8; 9]. Мы разделяем позицию разумного влияния на управляемые факторы демографического развития в целях национальной безопасности и благополучия населения. В частности, таким фактором выступает демографическое поведение, вклад которого в воспроизводство и здоровье населения сложно переоценить.

Цель данной статьи — определить комплексную методологию, не только позволяющую выявить отдельные практики демографического поведения населения, информационное поле их формирования, но и дающую возможность разработать модель оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок.

Теоретико-методологические основы исследования

Объект исследования — демографическое поведение и демографические установки населения как его элемент и детерминанта, междисциплинарная категория, попадающая в поле социологии, демографии и психологии. Демографические установки представляют собой готовность к реализации конкретных действий и являются значимым предиктором демографического поведения населения в целом.

Учитывая интересующую нас изменчивость, детерминацию и механизм формирования демографического поведения, важно понимать социально-экономический контекст и его динамику, социокультурную природу объекта.

Основой исследования послужили работы, раскрывающие механизмы социальных изменений, трансформации социального поведения и культуры, в том числе К. Маркса и Ф. Энгельса (смена социально-экономических формаций), Ф. Гиддингса, О. Конта, Ч. Кули, К. Мангейма, М. Мид, П. Сорокина, Г. Тарда, П. Штомпки и др. Социальные изменения как реакцию на напряжение институциональных систем рассматривают Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Г. Спенсер. В рамках интегрированного подхода, реализованного в работах П. Бурдьё, Э. Гидденса и др., социальные изменения выступают итогом как активности субъекта, так и внешних

изменений институциональной системы. С опорой на институциональную теорию оцениваются и ресурсы осуществления социально-демографической политики (М. Аболафия, Н. Биггарт, Ф. Блок, К. Поланьи, В.В. Радаев, Н. Флигстин, М.А. Шабанова и др.). В числе российских авторов, занимающихся вопросами социальных изменений и процессов модернизации в РФ, Л.Е. Востряков, З.Т. Голенкова, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, В.С. Магун, Н.М. Римашевская, Ж.Т. Тощенко, М.Ф. Черныш, А.Е. Чирикова, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов и др. Перспективным является использование концептуальных схем исследования сущности человеческого и социального капиталов, рассмотренных как ресурсы актора (Г.С. Беккер, П. Бурдьё, М. Грановеттер, Т. Молитерно, Р. Патнэм, Р. Плойхарт, Ф. Фукуяма и др.).

Методологическая матрица исследования опирается на работы российских демографов, в которых выявлены причины эволюции норм детности и классифицированы типы демографического поведения (А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, Р.И. Акьюлов, Е.И. Акьюлова, А.Г. Вишневский и др.), изучены тенденции изменения социально-демографической политики в РФ (В.Н. Архангельский, Н.В. Зверева, А.Г. Вишневский, В.А. Горшков, Г.И. Климантова, Л.И. Кравченко, Н.М. Римашевская и др.), определена роль институтов семьи и образования в формировании ценностных ориентаций (М.К. Горшков, О.В. Кучмаева, Т.К. Ростовская, Л.И. Савинов, А.Б. Синельников, Т.А. Гурко, Н.Е. Тихонова, Ф.Э. Шереги и др.). Для понимания особенностей и закономерностей формирования демографических установок важно обратиться к социологии молодежи, а именно к теориям, обосновывающим выделение молодежи в особую социально-демографическую группу с присущими ей свойствами (Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, Д.Л. Константиновский, Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкин и др.), исследованиям социальных изменений, связанных с самоопределением молодежи (Т. Лисовский, В.Ф. Левичева, В.А. Луков и др.), исследованиям влияния средовых рисков на поведение молодежи в условиях неопределенности и концепции социокультурного механизма формирования и воспроизводства социальной реальности (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Н.А. Романович).

Человеческому и демографическому потенциалу российских регионов, а также институциональному пространству посвящен ряд работ (О.В. Байдалова, Е.С. Губанова, М.М. Гузев, Н.В. Дулина, З.М. Дыльнова, С.М. Имяреков, О.В. Иншаков, А.Э. Калинина, Е.В. Каргаполова, Н.И. Лапин, Н.М. Токарская, А.А. Шабунова, К.П. Юртаев и др.).

Влияние поведенческого фактора на динамику населения признается и в известных концепциях демографического перехода [10; 11], особенно второго и третьего [12–14]. Концепции третьего и четвертого демографического переходов, разрабатываемые А.В. Ионцевым, кроме того, определяют значимость и влияние миграции на демографический облик территорий [15]. Концепция эпидемиологического перехода обращает внимание на значимость самосохранительного (здоровьесберегающего, витального) по-

ведения населения при формировании общественного здоровья на современном этапе развития [16; 17].

Демографическое поведение с точки зрения демографов представляет собой систему относительно самостоятельных видов: репродуктивное, брачное (матримониальное), самосохранительное и миграционное. Каждый из них имеет свою структуру, выделяемую по неидентичным основаниям в рамках различных подходов. Так, психологический подход предполагает анализ ценностей, мотивов, целей/установок, решений, действий и контроль результата. Используемый применительно к самосохранительному поведению медицинский подход в фокусе исследований выделяет медицинскую активность, а также нормы здорового образа жизни, т. е. те действия, которые непосредственно входят в сферу ответственности здравоохранения (табл. 1).

Таблица 1. Теоретические подходы к интерпретации самосохранительного поведения и его структуры

Подход	Представители	Интерпретация ССП	Компоненты ССП
Медицинский	Ю.П. Лисицын, О.В. Гриницын, А.М. Изуткин, И.Ф. Матюшин	Самосохранительное поведение приравнивается к здоровому образу жизни (или гигиеническому поведению), т. е. <u>деятельности личности</u> , отдельных групп людей, наиболее характерной для конкретных социально-экономических, политических, экологических и прочих условий, направленной на сохранение и улучшение, укрепление здоровья	1. Ключевой элемент – <u>медицинская активность</u> 2. <u>Подчиненные ему элементы</u> (нормы ЗОЖ): - гигиена труда и техника безопасности; - отказ от курения и злоупотребления алкоголем; - психогигиеническая и психотерапевтическая самопомощь; - физическая активность; - сбалансированное питание; - своевременное обращение за мед. помощью; - навыки оказания первой помощи
Психологический	М. Бекер, Л. Майман, М. Фишбайн, А. Айзен, Дж. Прохазка, К. Диклементе, Н.В. Яковлева, Н.Н. Уланова, Л.Г. Уляева	Самосохранительное поведение (чаще называется здоровьесберегательным) рассматривается по-разному: - <u>как акт принятия решений</u> (М. Бекер, Л. Майман, М. Фишбайн, А. Айзен); - <u>как стадийный процесс</u> (Н. Вайнштейн, П. Сэндмен, Дж. Прохазка, К. Диклементе); - <u>как деятельность</u> (Н.В. Яковлева, Н.Н. Уланова, Л.Г. Уляева)	Основные компоненты ССП: 1) мотивация; 2) оценка текущего состояния здоровья (самооценка); 3) цели (установки); 4) система действий; 5) контроль результата
Социолого-демографический	А.И. Антонов, В.М. Медков, В.А. Борисов, В.А. Зотин, Т.В. Лифарь, И.В. Журавлева, Л.С. Шилова, Е.Б. Бабин, Л.В. Шибут, И.С. Вялов, Г.А. Ивахненко, В.Я. Шклярчук, Л.Ю. Иванова, А.А. Шабунова	Самосохранительное поведение – это <u>система действий и отношений личности</u> , направленных на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла и продление сроков жизни	1. Потребности (в здоровье и долголетию). 2. Установки (самооценка здоровья, ценность здоровья, социально одобряемые нормы). 3. Мотивы. 4. Действия (меры): - мед. активность; - физ. активность; - соблюдение режима труда и отдыха; - сексуальное поведение; - соблюдение режима питания; - наличие вредных привычек; - противодействие стрессу
Источник: [18].			

Матримониальное поведение рассматривается преимущественно вместе с репродуктивным. Это вполне обоснованный дизайн исследований – в XX–XXI вв. более 70% детей дает брачная рождаемость. К числу наиболее известных можно отнести оценки исторической эволюции данных видов поведения, обусловленные общественными трансформациями институтов семьи и брака (табл. 2). Представленные характеристики типов поведения изложены в рамках социодемографического подхода.

Социодемографический подход интегрирует социально-психологические основания поведения и его демографический смысл, определяя во всех видах два укрупненных компонента – это представления о том, какими должны быть сами действия, их конечный результат и непосредственно реализуемые поведенческие акты.

Первый компонент, в определенном смысле являющийся сформировавшимся образом семьи и семейной жизни, здоровьесбережения, изменяется с помощью демографических установок, второй – параметрами конкретных действий.

От демографических установок населения зависят демографическое поведение, детность и рождаемость, общественное здоровье. Научная проблема состоит в определении механизма формирования данных установок, выделении факторов и условий, оказывающих непосредственное и опосредованное влияние на этот процесс. Одним из определяющих факторов является социально-демографическая политика, под влиянием которой формируются условия реализации демографического поведения. Гипотетически неблагоприятные условия ведут к тому, что откладываются сроки деторождения, снижается детность, увеличиваются риски ре-

Таблица 2. Исторические типы репродуктивного и брачного поведения населения России и стран Европы

Тип репродуктивного поведения	Характеристики	Период	Тип брачного поведения	Характеристики	Период
Многодетное (традиционный тип)	5 и более детей в семье; отсутствие практик регулирования рождаемости (контрацепции, абортов); преобладание экономических мотивов деторождения (дети – рабочие руки, помощники в хозяйстве)	До сер. XIX в. в странах Зап. Европы; в России – до сер. XIX – нач. XX в.	Традиционный (восточно-европейский)	Ранний возраст вступления в брак (менее 24 лет), всеобщность брака, т. е. высокая доля населения, состоящего в браке (более 90%), и низкая доля безбрачия (менее 10%)	До конца XVII в. в странах Зап. Европы; в России – до нач. XX в.
Среднедетное (промежуточный тип)	3–4 детей в семье; ослабление внутрисемейной мотивации деторождения; применение регулирования рождаемости (аборты, контрацепция)	С сер. XIX в. в странах Зап. Европы; в России зарождается во 2-й пол. XIX в. в городской местности, с 20-х гг. XX в. на основной части страны	Западно-европейский (европейский)	Поздний возраст вступления в брак (старше 24 лет), низкая доля населения, состоящего в браке, высокая доля безбрачия (более 10%)	В Зап. Европе и др. развитых странах с конца XVIII – нач. XIX в.; в России – с нач. XX в. до 1940-х гг.
			Послевоенный	Ранний возраст вступления в брак (менее 24 лет), всеобщность брака	В странах Европы после Второй мировой войны (40–50-е гг. XX в.) до 1960–70-х гг.; в России – до 80-х гг. XX в.
Малодетное (современный тип)	1–2 детей в семье; планирование беременности; широкое распространение способов внутрисемейного регулирования числа деторождений	С 60-70-х гг. XX в. в Зап. Европе и развитых странах; в России – с конца 60-х гг. XX в.	Современный	Поздний возраст вступления в брак (старше 25 лет), высокий уровень окончательного безбрачия, высокая разводимость	В Зап. Европе и др. развитых странах – с 60–70-х гг. XX в.; в России – с 80–90-х гг.
Источник: [19].					

лизации «позитивных» демографических установок, реализуются деструктивные практики в сфере здоровья, население выезжает из территорий с субъективно и объективно «плохими» условиями для жизни. Благоприятные условия, в свою очередь, не всегда помогают увеличению рождаемости, укреплению общественного и индивидуального здоровья, миграционной привлекательности. Научная проблема расширяется, так как необходимо определить не только механизмы формирования демографических установок, но и какое содержание вкладывать в понятия «благоприятные» и «неблагоприятные» условия для деторождения, здорового образа жизни, жизни вообще. Гипотетически можно предположить, что благоприятные условия сопряжены с экономическим ростом. Однако практика показывает, что это не так, социально-экономическая ситуация — не единственный фактор, рождаемость снижается во многих экономически развитых странах и регионах даже быстрее, чем в слабо развитых. Более заметна связь развития здравоохранения и параметров здоровья, уровня жизни и миграции. Теоретическая проблема — поиск баланса разных факторов и оптимальной модели условий для формирования и реализации демографических установок. Именно поэтому представляется важным провести анализ результативности социально-демографической политики, учитывая при разработке методологии и методики исследования социально-культурные условия ее реализации, так как оптимальные модели могут различаться с учетом региональной специфики. Представляется, что всероссийское исследование демографического поведения (в широком его понимании) и самочувствия населения, проведенное в формате мониторинга, позволит обосновать выбор модели социально-демографической политики с учетом территориальных особенностей.

Именно на такой глубокий и комплексный анализ нацелен проект «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России», выполняемый творческим коллективом российских ученых академических институтов и ведущих университетов, поддержанный Российским научным фондом. В рамках реализуемого исследования разработаны инструментарий всероссийского социологического мониторинга «Демографическое

самочувствие населения регионов России», позволяющий провести комплексную оценку видов демографического поведения, в том числе с позиции их формирования, а также факторов реализации демографических установок. Анкета состоит из пяти блоков, позволяющих получить данные обо всех видах демографического поведения (брачное, репродуктивное, самосохранительное, миграционное) и эффективности демографической политики. Кроме того, выделение блоков поможет увидеть взаимную увязку установок и поведенческих практик различных видов демографического поведения, определить их взаимосвязи, выявить из них более отзывчивые к управленческим воздействиям. Расширяет возможности анализа и общий блок социально-демографических характеристик респондентов, уточняющий адресность выводов. Комплекс вопросов о демографической политике позволяет оценить значимость реализуемых мер для населения в целом, отдельных регионов, социально-демографических групп, лояльность населения к демографической политике федерального и регионального уровней и ее реальный эффект в виде результатов демографического поведения.

В феврале — марте 2020 года осуществлена первая волна выборочного социологического обследования путем анкетного опроса. Охвачено десять регионов России: г. Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Вологодская область, Волгоградская область, Ивановская область, Ленинградская область, Московская область, Нижегородская область, Свердловская область. Общий объем выборочной совокупности составил 5616 человек.

В опросе реализована многоступенчатая типологическая выборка. На первом этапе отобраны территории для проведения опроса и типы поселений (городские и сельские населенные пункты), на втором в каждом из них осуществлен систематический отбор (квотная выборка с учетом возрастных групп респондентов, пола, сферы профессиональной деятельности). Использование многоступенчатой выборки повышает точность результатов, доверительный интервал расчета данных для общероссийской выборки $\pm 0,4\%$ (при уровне достоверности 99,7%), для региональных выборок $\pm 4\%$ (при уровне достоверности 95,4%). Результаты репрезентативны для России в целом и

для включенных в выборочную совокупность регионов [20]. Таким образом, мы имеем возможность получить данные о параметрах демографического поведения россиян, в том числе его результатах, фиксируемых демографической статистикой, и факторах, его определяющих. Первая волна мониторинга, проведенная до начала активной фазы пандемии в стране, не только позволила получить уникальные данные об особенностях демографического поведения с учетом социодемографической стратификации населения и в комплексе его видов (матримонильное, репродуктивное, самосохранительное, миграционное), но и заложила основу для следующих волн исследования в постпандемийный период. Это существенно расширяет возможности для поиска путей повышения эффективности демографической политики вообще и национального проекта «Демография» в частности.

Результаты. Возможные направления анализа данных первой волны мониторинга

Комплексный характер инструментария дает широкие возможности для анализа, позволяющие не только понять тенденции, выявить основные факторы или мотивы поведения людей, но и обнаружить вопросы, требующие углубленного изучения, а также механизмов и инструментов решения проблем.

Мониторинговый характер начавшегося исследования позволит увидеть динамику ситуации, реакцию на меры социально-демографической политики. Уже первая волна дает широкие возможности. В представленной работе мы только обозначим возможные направления анализа полученного социологического среза.

– *Перекрестный анализ блоков (сопоставление реперных точек различных блоков анкеты)*, позволяющий увидеть глубокие разнообразные связи и учесть их в последующем анализе. Например, заметны взаимосвязи видов демографического поведения. Люди, ориентированные на многодетность, в большей степени нацелены на долголетие (в среднем 95 лет против 88–89 у ориентированных на малодетность и бездетность), что обусловлено желанием дольше пробыть вместе с членами семьи, заботиться о них (табл. 3). В данной группе наблюдаются более высокие оценки своего здоровья (считают его очень хорошим и хорошим 53% против 40% среди ориентированных на малодетность) и образа жизни (38% полагают, что его можно назвать здоровым). Вместе с тем от прямых простых выводов предостерегает анализ конкретных практик, выявивший, что среди семей, ориентированных на многодетность, более низкая медицинская активность, чаще встречается практика злоупотребления алкоголем.

Таблица 3. Параметры самосохранительного поведения в группах населения с разными репродуктивными планами

Вариант ответа	Среднее по опросу	Сколько всего детей (включая именующихся) Вы собираетесь иметь?		
		«Чайлдфри»	Планирующие малодетность (1–2 детей)	Планирующие многодетность (3+)
Численность категории в выборке (чел.)	5616	272	3121	927
Если бы у Вас была возможность выбора, то, какое число лет Вы предпочли бы прожить при самых благоприятных условиях? (лет)				
Среднее значение	90	89	88	95
Медианное значение	90	85	90	90
Почему Вы хотели бы прожить именно столько лет? (средний балл по 5-балльной шкале)				
Хотелось бы еще пожить и для себя, не работая	3,8	3,8	3,9	3,8
Не хочу терять свои пенсионные накопления и полностью их использовать	2,8	3,0	2,9	2,8
Пожилые люди пользуются уважением в обществе	2,4	2,5	2,4	2,4
Хочу подольше поработать и в пенсионном возрасте	2,4	2,5	2,3	2,5
Хочу помогать моим взрослым детям	3,6	2,5	3,7	3,9
Не хочу оставить супруга одного без моей помощи и поддержки	3,7	3,0	3,8	4,0
Хочу долго жить, чтобы увидеть внуков	4,2	2,8	4,3	4,5

Окончание таблицы 3

Вариант ответа	Среднее по опросу	Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?		
		«Чайлдфри»	Планирующие малодетность (1–2 детей)	Планирующие многодетность (3+)
Как Вы оцениваете свой образ жизни? (% от числа ответивших)				
Его можно назвать здоровым	32,8	31,1	30,8	38,4
Он не совсем здоровый	50,1	46,1	52,6	48,6
До здорового образа жизни мне далеко	17,1	22,8	16,6	13,1
Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья? (% от числа ответивших)				
<i>Количество предпринимаемых мер для сохранения и укрепления своего здоровья</i>				
Не отмечена ни одна из мер	11,8	13,2	11,3	10,4
1–2 меры	25,9	38,6	23,8	23,0
3–4 меры	30,4	29,0	32,8	25,4
5 и более мер	31,9	19,1	32,1	41,3
<i>В том числе, например:</i>				
<i>Придерживаются рекомендаций о здоровом питании</i>	20,3	<i>20,2</i>	<i>19,8</i>	<i>26,7</i>
<i>Злоупотребляют алкоголем</i>	45,8	<i>39,0</i>	<i>46,2</i>	<i>47,4</i>
<i>Не употребляют алкоголь вообще или употребляют умеренно*</i>	54,2	<i>61,0</i>	<i>53,8</i>	<i>52,6</i>
<i>Не обращаются к врачу в случае болезни</i>	29,0	<i>28,3</i>	<i>27,4</i>	<i>34,6</i>
<i>Обращаются за мед. помощью в случае болезни</i>	70,9	<i>71,8</i>	<i>72,5</i>	<i>65,5</i>
<i>Регулярно закаливаются</i>	34,2	<i>21,7</i>	<i>35,3</i>	<i>39,1</i>
* К этой группе отнесены те, кто не употребляет алкоголь вообще или употребляет, но ни один из алкогольных напитков не употребляется часто («ежедневно», «по выходным») и за последний месяц не было факта употребления 5 и более стандартных порций алкоголя за 1 раз.				
Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.				

Вполне логичны сочетанные мотивы матри-ониального поведения и репродуктивных планов индивидов. Брачный статус респондентов отчасти обусловлен их возрастными характеристиками (среди childfree больше молодежи). Легитимный брак в его традиционных основаниях более интенсивно поддерживают ориентированные на многодетность: средний балл по предложенным причинам-поводам регистрации брака у них выше среднего (табл. 4). А вот среди пар, ориентированных на малодетность, больше доля сожительствующих (8% против 4 и 6).

При анализе миграционных потоков и настроений важно понимать и репродуктивные планы населения. Миграционные настроения увязаны с репродуктивными ориентациями не столь явно и тесно. Хотели бы сменить место жительства примерно 30% опрошенных (табл. 5). В любом случае это сигнал для управленческих структур, требующий осмысления. Вероятно, среди причин отъезда цепочка оценки шагов

и мотивов останавливается на решении самых острых проблем. Люди уезжают за лучшими условиями жизни, которые четко увязаны с высокооплачиваемой работой, т. е. конструкция «я хочу уехать, потому что там будут лучше условия для рождения и воспитания детей», что, казалось бы, действительно важно, скрывается (не заметна) за поиском лучшего уровня жизни в принципе. Результаты проведенного этапа показывают, что этот вопрос требует углубленного анализа, возможно, с помощью фокус-группового исследования, следует углубить и территориальный срез (не только на региональном, но и на муниципальном уровне).

Уточнение степени воздействия и востребованности мер поддержки в группах населения с различными репродуктивными планами позволяет сделать более точные выводы. Среди планирующих многодетность россиян больше получателей государственной помощи (67% против 28% у бездетных и 60% у ориентированных на малодетность, табл. 6). Это объясняется

Таблица 4. Некоторые параметры брачного поведения в группах населения с разными репродуктивными планами

Вариант ответа	Среднее по опросу	Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?		
		«Чайлдфри»	Планирующие малодетность (1–2 детей)	Планирующие многодетность (3+)
Численность категории в выборке (чел.)	5616	272	3121	927
Состоите ли Вы в браке? (% от числа ответивших)				
Состою в зарегистрированном браке	47,4	10,3	52,4	55,1
Состою в незарегистрированном браке	7,1	4,4	8,4	5,5
Вдовец (вдова)	1,4	0,7	1,4	0,9
Разведен(а)	8,5	8,8	7,7	4,9
Никогда не состоял(а) в браке	35,6	75,7	30,2	33,6
Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то почему? (средний балл оценки значимости каждого из перечисленных факторов по 5-балльной шкале: 1 означает, что он практически не имеет значения, 5 – имеет очень большое значение)				
Это соответствует нормам общественной морали, мнению окружающих	3,1	2,7	3,1	3,3
Желание иметь ребенка в зарегистрированном браке	3,9	2,9	4,0	4,2
Если есть уверенность в том, что совместная жизнь в незарегистрированном браке «проверила брак на прочность» (или уже хорошо узнали друг друга)	3,2	2,9	3,2	3,3
Обеспечивает материальные права родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода	3,5	3,4	3,5	3,6
Это дает супругам гарантию, что они вместе проживут долгую жизнь	2,7	2,3	2,8	2,9

Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.

Таблица 5. Миграционные установки населения

Вариант ответа	Среднее по опросу	Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?		
		«Чайлдфри»	Планирующие малодетность (1–2 детей)	Планирующие многодетность (3+)
Хотите ли Вы уехать из этого населенного пункта? (% от числа ответивших)				
Да	30,4	28,8	30,4	31,1
Нет	50,9	50,6	50,7	53,9
Не задумывалась(ся)	18,7	20,6	18,9	15,0
Если да, то почему? (% от тех, кто хотел бы уехать)				
Плохая экология	26,3	37,7	26,3	28,2
Нет работы	25,0	16,9	29,0	20,2
Низкая зарплата	44,9	41,6	48,4	36,1
Здесь не осталось родственников	4,6	2,6	4,4	5,4
Нет перспектив	48,5	46,8	53,0	41,9
Другое	6,8	6,5	4,9	11,2

Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.

и тем, что среди них выше процент семей, уже имеющих детей на момент опроса. Степень значимости государственной поддержки для них также более важна (3,5 балла по 5-балльной шкале против 2,7 и 3,3 балла соответственно).

Для ориентированных на многодетность значимость практически всех вариантов мер поддержки выше, чем для других групп, особенно это выражено для мер, связанных с воспитанием детей, гибким графиком работы.

Таблица 6. Государственная поддержка: получение, оценка, информированность

Вариант ответа	Среднее по опросу	Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?		
		«Чайлдфри»	Планирующие малодетность (1–2 детей)	Планирующие многодетность (3+)
Пользуется ли или пользовалась раньше Ваша семья какой-либо государственной помощью? (% от числа ответивших)				
Пользуется	21,2	8,4	19,8	33,4
Раньше пользовалась, а сейчас нет	36,3	19,6	39,5	34,2
Никогда не пользовалась	42,5	72,0	40,7	32,4
Степень значимости полученной помощи для семьи (для тех, кто пользуется или пользовался раньше какой-либо государственной помощью, средний балл по 5-балльной шкале)				
Средний балл	3,4	2,7	3,3	3,5
Какие меры социальной помощи и поддержки необходимы для Вашей семьи? (степень необходимости, средний балл по 5-балльной шкале)				
<i>По уходу за ребенком дошкольного возраста</i>	3,0	2,2	2,9	3,5
<i>По присмотру за ребенком школьного возраста</i>	2,9	2,2	2,9	3,1
<i>По уходу за нетрудоспособным членом семьи</i>	2,6	2,7	2,5	2,6
<i>Помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику</i>	3,2	2,8	3,1	3,3
<i>Помощь в оказании бытовых услуг (сходить в магазин, убрать квартиру)</i>	2,3	2,6	2,3	2,4
<i>Помощь в организации семейного дела</i>	2,6	2,7	2,5	2,7
<i>Помощь в поиске дополнительных приработков</i>	3,0	2,8	3,0	3,0
<i>Дополнительное образование для детей</i>	3,3	2,6	3,3	3,6
<i>Консультативно-медицинские услуги</i>	3,5	3,3	3,5	3,6
<i>Содействие в организации досуга</i>	2,8	2,6	2,7	3,0
<i>Помощь в организации семейного отдыха</i>	2,9	2,8	2,8	3,0
В какой степени принятию решения о рождении Вашего младшего (единственного) ребенка помогло усиление мер государственной поддержки семей с детьми? (% от тех, у кого есть дети)				
Да, сильно повлияло	5,9	0,0	4,1	11,5
Да, немного повлияло	18,4	7,1	17,0	28,8
Нет	57,2	78,6	61,8	44,4
Трудно сказать	18,5	14,3	17,2	15,2
Информированность о мерах государственной семейной политики, действующих в регионе (средний балл по 5-балльной шкале, 1 – «практически ничего не знаю», 5 – «полностью владею информацией»)				
Средний балл	2,6	1,9	2,7	3,0
Нуждаетесь ли Вы в дополнительной информации о возможностях получения мер поддержки и помощи для Вашей семьи? (% от числа ответивших)				
Да	33,5	28,6	33,5	40,3
Нет	37,8	54,3	38,4	35,6
Затрудняюсь ответить	28,6	17,1	28,1	24,1

Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.

Активизация демографической политики была наиболее высоко оценена группой россиян, планирующих троих и более детей. Новые меры поддержки помогли в реализации имеющихся репродуктивных намерений 40% представителей данной группы. Среди планирующих 1–2 детей таких в два раза меньше – 21%. Один из факторов недооценки значимости реализуемых мер поддержки, отказа в их получении – недостаточная информи-

рованность как о самих формах помощи, так и порядке их получения. Средний балл оценки уровня владения информацией по данному вопросу – 2,6 по 5-балльной шкале, причем у не планирующих детей – 1,9 балла, у планирующих малодетность – 2,7, многодетность – 3,0. Потребность в информации у ориентированных на многодетность заметно выше, что определяется, очевидно, более высокой необходимостью поддержки.

– Поиск территориальных особенностей социально-демографических процессов и их регулирования

Еще одно важное преимущество всероссийского мониторинга – возможность выявить региональные особенности демографического поведения и восприимчивости к мерам демографической политики. Итоги первой волны показали, что регионы различаются, например, по репродуктивным ориентациям населения. Выше среднего желаемое число детей в Московской, Свердловской областях и республиках Татарстан и Башкортостан (табл. 7). По значению среднего ожидаемого числа детей к ним присоединяется Ставропольский край. Логично предположить, что репродуктивные установки сохраняют связь с планами населения, детерминируются оценкой степени благоприятности условий для их реализации.

С точки зрения реализации желаемого числа детей в ожидаемом критичнее всего условия оценивают жители Ивановской, Свердловской, Московской, Нижегородской областей и Республики Татарстан. В остальных регионах разница меньше, т. е., с одной стороны, условия для рождения желаемого числа детей люди оценивают как более благоприятные, с другой – в этих регионах сама потребность в детях в среднем ниже. В обеих республиках заметно большее ожидание реализации многодетности, доля планирующих троих детей практически в два раза больше, чем в Ивановской, Вологодской областях, Ставропольском крае. Интересно, что в Республике Башкортостан вместе с тем вторая по представленности группа childfree – 7%, но и самое большое число неопределившихся. При сравнении долей населения, ориентированного на бездетность в желаемом и планируемом

Таблица 7. Предпочитаемое число детей, региональный разрез

	Ивановская область	Московская область	г. Москва	Вологодская область	Волгоградская область	Ставропольский край	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская область	Свердловская область	Среднее по опросу
Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия? (% от числа ответивших)											
0	0,0	2,1	5,5	3,6	5,0	2,9	7,7	3,0	5,9	3,4	4,1
1	6,5	9,2	13,1	10,0	12,6	9,4	7,8	7,5	10,2	6,1	9,4
2	48,7	41,0	39,5	44,7	39,7	45,9	30,4	37,2	49,2	41,4	41,3
3	28,6	26,4	23,5	22,8	23,8	23,8	25,4	34,6	20,3	30,4	25,8
4	0,6	2,6	2,9	3,0	3,0	3,1	3,1	4,7	2,5	3,0	2,9
5 и более	0,0	7,5	4,6	1,8	1,5	2,9	6,1	3,4	1,7	5,9	3,8
Трудно сказать	15,6	11,1	10,9	14,2	14,5	12,0	19,5	9,7	10,2	9,9	12,7
Среднее желаемое число детей	2,3	2,5	2,2	2,2	2,1	2,3	2,4	2,5	2,1	2,5	2,3
Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь? (% от числа ответивших)											
0	6,5	4,8	8,7	2,7	4,9	4,3	6,9	4,2	5,7	4,2	5,2
1	28,6	17,7	21,7	17,1	18,0	16,3	10,8	14,6	24,5	17,7	18,1
2	42,2	40,3	35,7	47,5	40,5	46,6	31,3	44,5	45,3	46,5	41,9
3	7,8	15,2	15,1	11,6	15,5	12,6	21,3	18,9	6,6	15,3	14,5
4	0,0	2,2	1,1	1,2	1,9	2,6	3,1	2,9	0,0	1,2	1,7
5 и более	0,0	3,6	3,4	0,5	0,5	1,3	2,4	1,2	0,9	1,5	1,6
Трудно сказать	14,9	16,1	14,4	19,4	18,7	16,3	24,2	13,7	17,0	13,7	17,0
Среднее планируемое число детей	1,6	2,1	1,9	1,9	1,9	2,0	2,1	2,1	1,7	2,0	1,9
Разность между средним желаемым и ожидаемым числом детей	0,7	0,4	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4	0,5	0,4
Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.											

числе детей, тоже видна интересная закономерность: в Ивановской, Московской, Свердловской областях, г. Москве, Ставропольском крае доля планирующих бездетность выше доли желающих остаться бездетными. Это говорит о наличии группы населения, весьма критично оценивающей свои возможности реализовать родительство в предлагаемых условиях жизни.

Из регионов первой волны наиболее лабильными к новым мерам поддержки оказались Республика Башкортостан, Свердловская и Вологодская области, Ставропольский край, наименее – Ивановская и Нижегородская области (доля ответов о том, что меры демографической политики повлияли на решение о рождении ребенка, составили, соответственно, 36, 29, 26, 26; 0, 15%; рисунок).

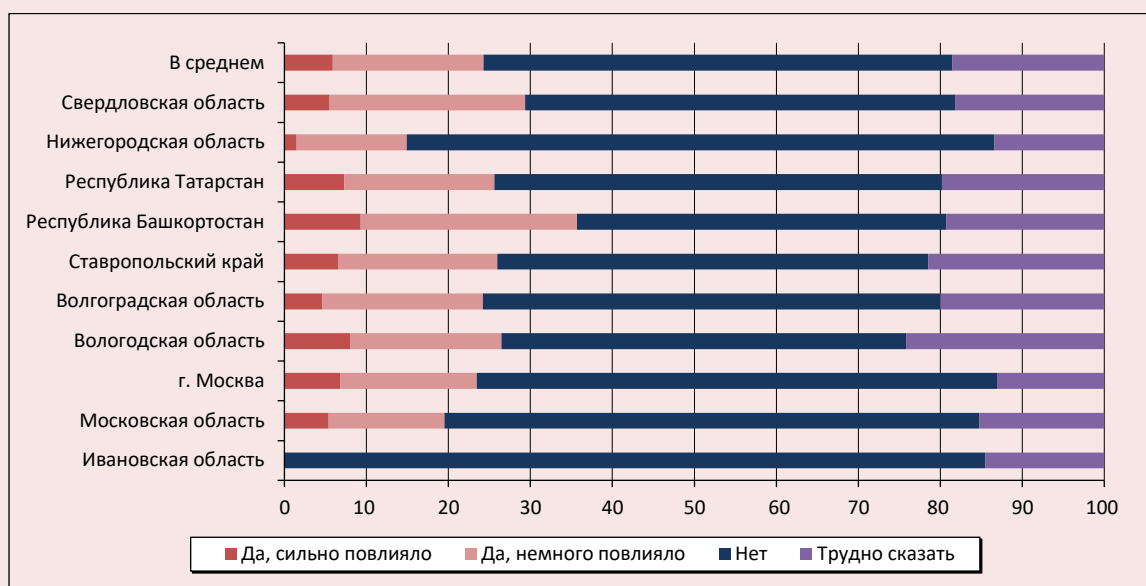
Интересной и информативной формой анализа представляется построение различных матриц, например матрицы востребованности мер социальной поддержки семей с детьми в территориальном разрезе. Региональные различия значимых мер вырисовываются достаточно ярко. Наиболее популярны дополнительное об-

разование детей и организация гибкого графика работы (табл. 8). Для Республики Башкортостан и Московской области важна помощь в поиске приработка, в Республике Татарстан остро стоит вопрос присмотра за школьниками, а в Ставропольском крае и Свердловской области – за детьми дошкольного возраста. Вологжане испытывают трудности и ждут помощи в организации досуга и семейного отдыха. Полное совпадение по набору мер со среднероссийскими показала Нижегородская область.

Набор трех наименее востребованных позиций различается заметно меньше, чем спектр наиболее значимых. Меньше всего значимы для семей с детьми такие виды социальной поддержки, как помощь в оказании бытовых услуг, помощь по уходу за нетрудоспособным членом семьи, помощь в организации семейного дела.

Сочетание построенной матрицы с анализом нормативно-правовой базы социально-демографической политики в обследованных регионах усилит аргументированность и точность выводов и предложений.

Распределение ответов на вопрос «В какой степени принятию решения о рождении Вашего младшего (единственного) ребенка помогло усиление мер государственной поддержки семей с детьми?» (% от числа ответивших)

Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 года в 10 регионах России.

Таблица 8. Матрица региональных различий значимости мер социальной поддержки семей с детьми (три наиболее и три наименее необходимые меры, средний балл по 5-балльной шкале)

Регион	Три самые значимые меры социальной поддержки семьи	Балл	Три наименее значимые меры социальной поддержки семьи	Балл
Ивановская область	Помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику	3,39	Помощь в организации семейного дела	2,46
	По уходу за ребенком дошкольного возраста	3,30	Помощь в оказании бытовых услуг (сходить в магазин, убрать квартиру)	2,12
	Помощь в организации семейного отдыха	3,18	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,07
Московская область	Дополнительное образование для детей	3,41	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,75
	Помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику	3,38	Помощь в организации семейного дела	2,57
	Помощь в поиске дополнительных приработков	3,29	Помощь в оказании бытовых услуг	2,43
г. Москва	Помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику	3,23	По присмотру за ребенком школьного возраста	2,60
	Дополнительное образование для детей	3,12	Помощь в оказании бытовых услуг	2,57
	Помощь в организации семейного отдыха	3,09	Помощь в организации семейного дела	2,56
Вологодская область	Помощь в организации семейного отдыха	3,19	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,29
	Другое (укажите, что именно)	3,14	Помощь в организации семейного дела	2,23
	Содействие в организации досуга	3,05	Помощь в оказании бытовых услуг	2,12
Волгоградская область	Помощь в организации семейного отдыха	3,17	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,44
	Дополнительное образование для детей	3,17	Помощь в организации семейного дела	2,43
	Другое (укажите, что именно)	3,10	Помощь в оказании бытовых услуг	2,20
Ставропольский край	Дополнительное образование для детей	3,56	Другое (укажите, что именно)	2,99
	По уходу за ребенком дошкольного возраста	3,33	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,94
	Помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику	3,27	Помощь в оказании бытовых услуг	2,70
Республика Башкортостан	Дополнительное образование для детей	3,50	Помощь в организации семейного дела	2,77
	Помощь в организации семейного отдыха	3,14	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,44
	Помощь в поиске дополнительных приработков	3,11	Помощь в оказании бытовых услуг	2,41
Республика Татарстан	Дополнительное образование для детей	3,63	Помощь в организации семейного дела	2,81
	Помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику	3,33	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,79
	По присмотру за ребенком школьного возраста	3,33	Помощь в оказании бытовых услуг	2,62
Нижегородская область	Дополнительное образование для детей	3,27	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,24
	Помощь в организации семейного отдыха	3,25	Помощь в организации семейного дела	2,13
	Помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику	3,22	Помощь в оказании бытовых услуг (сходить в магазин, убрать квартиру)	1,92
Свердловская область	Дополнительное образование для детей	3,53	Помощь в организации семейного дела	2,48
	Помощь в организации семейного отдыха	3,20	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,46
	По уходу за ребенком дошкольного возраста	3,18	Помощь в оказании бытовых услуг (сходить в магазин, убрать квартиру)	2,16
В среднем	Дополнительное образование для детей	3,33	Помощь в организации семейного дела	2,56
	Помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику	3,18	По уходу за нетрудоспособным членом семьи	2,55
	Помощь в организации семейного отдыха	3,15	Помощь в оказании бытовых услуг (сходить в магазин, убрать квартиру)	2,34

Источник: составлено авторами.

– *Обстоятельный анализ каждого блока анкетных данных. Социально-демографический портрет в отношении любой выделенной совокупности или для каждого отдельного вопроса.*

Основой для последующего углубленного и расширенного анализа, дополнений и перекрестных сопряжений является последовательное, логичное и полное обсуждение информации по каждому блоку анкеты. Такой анализ можно проводить как основываясь на данных в целом по опросу, так и с выделением отдельного региона или группы регионов. Единая для всех блоков «паспортичка» также дает дополнительные возможности для сравнений и выводов.

Россияне высоко ценят здоровье, декларируют важность достижения именно этой цели в жизни. Долголетие занимает третью по значимости позицию наряду с желанием иметь близкого человека, дать хорошее образование детям (табл. 9).

Хорошее здоровье является и важнейшей инструментальной ценностью: по оценкам рос-

сиян оно занимает второе место среди условий успешной жизни после коммуникативных навыков, вологжане отдали ему первое место (табл. 10).

Однако только декларации важности здоровья недостаточно для его сохранения и укрепления в течение всей жизни, важны широкое распространение и ежедневное использование здоровьесберегающих практик.

В основном ценят здоровье люди старшего возраста, женщины старше 55 лет, жители сельских территорий, а заботятся о нем в большей степени молодые женщины (42%), люди, имеющие высшее и послевузовское образование (36%), владельцы собственного бизнеса (35%), жители городов (33%), люди, высоко оценивающие свое материальное положение (7 и более баллов по 10-балльной шкале – 35%).

Оценивая свой образ жизни, половина опрошенных определила его как «не совсем здоровый», тогда как «здоровый» – лишь 33% респондентов. 17% опрошенных осознают, что «до здорового образа жизни им далеко».

Таблица 9. Значимость жизненных целей (средний балл по 5-балльной шкале, где 1 – «совсем не важно», 5 – «очень важно»)*

Цель	Вологодская область	В среднем по опросу
Иметь хорошее здоровье	4,6	4,7
Собственное хорошее жилье	4,7	4,6
Материальное благополучие моей семьи	4,6	4,6
Иметь рядом близкого человека	4,5	4,5
Дать детям хорошее образование	4,5	4,5
Прожить долгую жизнь	4,6	4,5

* Показаны только позиции со средним баллом не менее 4,5.
Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.

Таблица 10. Условия, необходимые для того, чтобы добиться успеха в жизни (средний балл по 5-балльной шкале, где 1 – «практически не имеет значения», 5 – «имеет очень большое значение»)

Условия успеха в жизни	Вологодская область	Ранг по значимости	В среднем по опросу	Ранг по значимости
Умение строить отношения с людьми	4,4	2	4,5	1
Хорошее здоровье	4,5	1	4,4	2
Способности, талант	4,2	4	4,3	2
Умение много и добросовестно работать	4,3	3	4,2	2
Умение приспосабливаться	4,0	6	4,2	3
Высокий уровень образования, воспитания, культуры	4,1	5	4,2	4
Удача, везение	3,9	7	4,1	5

Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.

Какие же практики *самосохранения* (действия, осознанно и бессознательно направленные на сохранение и укрепление собственного здоровья) наиболее распространены? Чаще всего россияне говорят о том, что для сохранения здоровья отказываются от курения (53%). Чуть более трети – посещают бани и сауны (31 и 36%), контролируют вес (34 и 35%), прибегают к очистке воды или покупают бутилированную воду (33%), стараются ходить пешком не менее 30 минут в день (34%) и соблюдают умеренность в употреблении алкоголя (31%). Но подавляющее большинство указанных практик не требует большого напряжения или каждодневных усилий. Все, что касается ежедневной утренней зарядки, регулярных занятий физкультурой, оптимального сочетания трудовых нагрузок и отдыха, имеет существенно более низкую распространенность (от 20% и ниже). Не велика распространенность и оздоровительных процедур в санаториях, профилакториях (7%). Кроме того, 17% россиян ничего не предпринимают для сохранения и укрепления собственного здоровья.

Весьма показателен анализ успешности попыток изменить свой образ жизни. В среднем больше половины опрошенных пытались его приблизить к здоровому по тем или иным параметрам (табл. 11). Самые значимые области ЗОЖ – повышение работоспособности и физической активности, они же и наиболее результативны (40 и 37% успешных). Примерно половина пытавшихся снизить вес достигла цели,

довольно успешны коррективы питания. Хуже всего обстоят дела с курением – успешность попыток бросить курить лишь 9% (в регионе – только 5%).

Интересное распределение ответов мы видим при сопоставлении самооценки здоровья и действий по его сохранению. Во-первых, доля тех, кто не занимается своим здоровьем, выше в группе с низкой его самооценкой и ниже среди оценивших свое здоровье как хорошее и отличное (табл. 12). Во-вторых, малоэнергозатратные практики в равной степени присущи людям с различной самооценкой здоровья. Активные занятия физической культурой более характерны для людей, определивших свое здоровье как очень хорошее и хорошее, – 36% (против 14–15% у тех, кто назвал его удовлетворительным и плохим). В-третьих, обращает на себя внимание то, что оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых не удается людям с низкой самооценкой здоровья. Это требует дополнительного осмысления и анализа. В-четвертых, люди с плохим здоровьем ожидаемо реже посещают баню (24% против 33 среди лиц с удовлетворительным здоровьем и 33% среди оценивших свое здоровье как очень хорошее и хорошее) и имеют более высокую медицинскую активность (35% против 28 и 29 соответственно), чаще проходят курс лечения (10% против 6 и 8); при этом среди нездоровых меньше соблюдающих умеренность в употреблении алкоголя (26% против 33 и 30), заботящихся об оптимальном сочетании труда и отдыха (16% против 22 и 24).

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос «В течение последних 12 месяцев пытались ли Вы всерьез...?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Вологодская область			В среднем по опросу		
	Да, пытался, и мне это удалось	Да, пытался, и мне это не удалось	Нет, не пытался	Да, пытался, и мне это удалось	Да, пытался, и мне это не удалось	Нет, не пытался
Повысить работоспособность	37,4	11,7	50,9	40,0	18,6	41,4
Увеличить свою физическую активность	38,1	14,5	47,4	37,0	23,8	39,3
Уменьшить потребление алкоголя	16,4	6,5	77,1	25,4	8,6	66,0
Бросить курить (% от тех, кто курит)	5,3	30,2	64,5	8,8	31,8	59,4
Снизить вес	19,1	18,6	62,3	25,7	21,2	53,1
Увеличить вес	2,5	3,1	94,4	8,0	7,3	84,6
Меньше употреблять жиров	24,0	11,5	64,5	24,4	14,5	61,2
Меньше употреблять соли	24,8	9,5	65,7	22,0	14,4	63,6
Меньше употреблять сахара	28,5	10,9	60,6	27,7	16,2	56,1

Примечание: сумма ответов равна 100% по строке (для Вологодской области и в среднем по опросу).

Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.

Таблица 12. Распределение ответов на вопрос «Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?» в зависимости от самооценки здоровья, % от числа ответивших

Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?	В среднем по опросу	Группы по самооценке здоровья		
		Очень хорошее, хорошее	Удовлетворительное	Плохое, очень плохое
Численность категории в выборке (чел.)	5616	2449	2586	308
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	24,1	36,2	15,2	13,6
Использую бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупаю бутилированную воду, пользуюсь водой из специальных источников (родников, колодцев)	33,5	37,3	31,4	34,7
Контролирую свой вес	34,3	37,3	33,4	29,2
Не курю	52,8	55,7	51,2	55,8
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	27,8	28,9	27,9	34,7
По возможности прохожу курс лечения в санатории, на курорте и т. п.	6,9	7,9	5,8	10,4
Посещаю баню, сауну	31,4	33,1	32,7	23,7
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	30,9	30,4	32,9	26,0
Стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха	34,5	35,6	34,5	37,7
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	28,3	29,0	28,5	29,5
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	22,2	24,4	21,7	15,6
Стараюсь организовать свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	21,9	25,3	19,8	23,1
Ничего специально не предпринимаю	17,5	13,2	20,8	20,5
Другое	0,5	0,7	0,3	0,6
Количество предпринимаемых мер для сохранения и укрепления своего здоровья				
Не отмечена ни одна из мер	11,8	8,2	12,9	15,3
1–2 меры	25,9	25,0	25,4	27,9
3–4 меры	30,4	29,8	32,9	27,6
5 и более мер	31,9	37,0	28,8	29,2
Источник: данные выборочного социологического исследования, проведенного в феврале – марте 2020 г. в 10 регионах России.				

Проведенный анализ позволяет утверждать, что оценка людьми своего образа жизни не всегда адекватна. Например, среди тех, кто считает его здоровым, треть либо вообще не реализует практик самосохранительного поведения, либо придерживается 1–2 из числа популярных. Осознанность нездорового образа жизни выше – среди признавших это таковых более 50%. Ориентированные на долголетие россияне прилагают заметно больше усилий к здоровьесбережению: и доля практикующих ЗОЖ, и спектр практик у них заметно выше.

Однако анализ распространенности факторов риска показывает, что они заметно меньше дифференцированы как среди групп, выделенных по самооценке образа жизни, так и по уставке на долголетие. Абсолютные лидеры среди современных факторов риска нездоровья – пренебрежительное отношение или незнание

норм здорового питания и соотношения труда и отдыха (почти по 40%), частый стресс, ощущение подавленности (55%) и связанное с ним употребление алкоголя (53%, при этом явное злоупотребление есть у 27%). Курение и алкоголь нередко выступают «лекарством» от стресса или посредниками при общении, четверть употребляющих признают потребность выпить и/или закурить (среди вологжан доля таких ответов критична – 43%). Если с традициями застолья и коммуникативных практик работать довольно сложно, то в комплексе релаксационных и антистрессовых поведенческих программ возможна и необходима системная работа по замещению деструкций.

Завершая краткий обзор по блоку «здоровье и самосохранительное поведение», отметим, что для россиян характерна декларация высокой ценности здоровья. В то же время

сохраняется устойчивый разрыв между пониманием, как нужно жить для сохранения здоровья, и тем, какие практики реализуются в повседневности. Очевидно, что большая часть россиян, используя ресурс здоровья для достижения иных жизненных целей, живет в некомпенсируемо высоком ритме, стрессогенных условиях, усугубляя ситуацию неадекватным способом расслабления и снижения стресса.

В такой ситуации важно действовать мягкой силой, формируя потребность в практиках самосохранения, подводя к обязательности их выполнения, нужно параллельно создавать доступную инфраструктуру, позволяющую реализовывать эти практики.

В статье мы сознательно не касались математических методов анализа полученной информации, так как это представляется важным уже на следующем этапе осмысления полученных первичных данных при поиске закономерностей, проведении факторного анализа и построении прогнозов. Конечно же, при выработке модели оптимальных условий формирования и реализации демографических установок не обойтись и без математического аппарата.

Таким образом, осознавая ответственность и сложность формирования методики, которая позволяет синтезировать многочисленные индикаторы демографического поведения населения и преломления их с точки зрения возможных направлений корректировки социально-демографической политики, творческий коллектив проекта «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» полагает, что сформированный социологический инструментарий сможет решить поставленную задачу.

Комплексный характер исследования уже по результатам первой волны мониторинга позволит понять сложившуюся ситуацию, даст широкие возможности для получения информации и ее анализа, станет основой для понимания направлений углубления исследования и поиска путей и механизмов корректировки социально-демографической политики.

Всероссийский характер исследования позволит взвешенно подойти к анализу и корректировке ситуаций в регионах, что представляется чрезвычайно важным, так как по многим демографическим проблемам не может быть единых решений для всей страны, важен региональный аспект.

Литература

1. Зверева Н.В., Архангельский В.Н. Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости в России // *Федерализм*. 2010. № 2 (58). С. 69–84.
2. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) // *Проблемы прогнозирования*. 2013. № 5. С. 129–136.
3. Архангельский В.Н., Елизаров В.В. Демографические прогнозы в современной России: анализ результатов и выбор гипотез // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2016. № 1. С. 524–545.
4. Денисов Б.П., Сакевич В.И. Применение контрацепции в России (по материалам выборочного обследования) // *Доказательная медицина и клиническая эпидемиология*. 2009. № 2. С. 32–37.
5. Тындик А.О. Репродуктивные установки населения в современной России // *SPERO*. 2012. № 16. С. 95–112.
6. Ипатова А.А., Тындик А.О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // *Мир России*. 2015. № 4. С. 123–148.
7. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // *Социальное пространство*. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.1
8. Синельников А.Б. Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25. № 4. С. 84–92. DOI:10.19181/socjour.2019.25.4.6819
9. Вишневецкий А.Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25. № 4. С. 93–104. DOI:10.19181/socjour.2019.25.4.6820

10. Notestein F.W. Population. The long view. In: *Food for the World*. University of Chicago Press, 1945. Pp. 35–57.
11. Landry A., Girard A. *La Révolution Démographique*. INED, 1982. 230 p.
12. Lesthaeghe R, van de Kaa DJ. Twee demografische transitities? *Bevolking: groei en krimp*, 1986, pp. 9–24.
13. Van de Kaa D. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*, 1993, vol. 42, no. 1.
14. Coleman D., Rowthorn R. Who's afraid of population decline? A critical examination of its consequences. *Population and Development Review*, 2011, vol. 37, Demographic Transition and Its Consequences, pp. 217–248.
15. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Формирование «Нового населения» в свете концепции четвертого демографического перехода // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2012. № 4. С. 75–86.
16. Omran A.R. The epidemiologic transition: A theory of the epidemiology of population change. *The Milbank Quarterly*, 2005, vol. 83 (4), pp. 731–757.
17. Weinstein N., Sandman P. The precaution adoption process model. In: *Health Behavior and Health Education*. San Francisco: Jossey-Bass, 2002. Pp. 121–143.
18. Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16
19. Калачикова О.Н., Короленко А.В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. № 4. С. 110–122. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-10
20. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Концептуальные подходы к проведению всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» как инструменту мониторинга результативности демографической политики // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 3. С. 89–99. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-3-89-99

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова — доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Тамара Керимовна Ростовская — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Shabunova A.A., Rostovskaya T.K.

On the Necessity to Develop Models of Optimal Conditions for the Formation and Implementation of Demographic Attitudes

Abstract. The article represents the conceptual foundations of a unique interregional study on the population's demographic behavior based on a sociological monitoring "Demographic well-being in Russia", the key points of its methodology are described here, and a range of possibilities for analyzing sociological data is shown as well. The purpose of this paper is to define a comprehensive methodology that not only allows identifying individual practices of the population's demographic behavior and the information field of its formation but also makes it possible to develop a model of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes. The relevance of this work is caused by the necessity to timely receive complete, scientifically justified data on the state and determinants of demographic development of Russian regions and the efficiency of demographic policy; in particular, while implementing the national project "Demography". The theoretical foundations of the presented research take into account the institutional and evolutionary concepts of demography, sociology, economics, and philosophy in relation to its object — the population's demographic behavior — implemented

in a sociodemographic approach that defines the demographic behavior of the population as a set of demographic attitudes (ideas) and actions that result in the acquisition of demographic status relative to childhood, marital status, health status, and territory of residence. The uniqueness of the monitoring is an opportunity to assess demographic behavior in the cohesion of its types (reproductive, matrimonial, self-preservatory, migration), as well as the efficiency of the demographic policy. The authors describe options of analyzing demographic behavior, such as cross-analysis of components and determinants of the demographic behavior, search for territorial features of socio-demographic processes and its regulation, and determination of the characteristics of the population's socio-demographic groups. The results of the first wave of this monitoring allow getting a detailed picture of a current demographic situation, provide ample opportunities for obtaining and analyzing information, and it will become a foundation for determining directions of an in-depth research and a search for ways and mechanisms to adjust Russia's socio-demographic policy. All-Russian nature of the study contributes to a balanced approach to an analysis and adjustment of the situation in the regions, which is extremely important because it will make it possible to take into account regional specifics and identify successful practices. As the result, a model of conditions may be created. In it, demographic attitudes and real behavior patterns, which lead to the results determined by the country's demographic policy, are formed.

Key words: demographic development, population's demographic behavior, monitoring "Demographic well-being of Russia", national project "Demography".

Information about the Author

Alexandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Build. 1, 6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Статья поступила 23.07.2020.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.3

УДК 614.4:519.876.5:004.942:332.144, ББК 51.9:32.972:60.8

© Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф.

Моделирование эпидемии COVID-19 – преимущества агент-ориентированного подхода

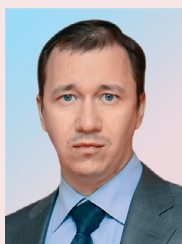

**Валерий Леонидович
МАКАРОВ**

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47

E-mail: makarov@cemi.rssi.ru

ORCID: 0000-0002-2802-2100; ResearcherID: I-9022-2016

**Альберт Рауфович
БАХТИЗИН**

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47

E-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9649-0168; ResearcherID: S-6203-2016

**Елена Давидовна
СУШКО**

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47

E-mail: sushko_e@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3565-5210; ResearcherID: E-4911-2015

**Алина Фагимовна
АГЕЕВА**

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47

E-mail: ageevaalina@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4902-1489; ResearcherID: S-6016-2017

Для цитирования: Моделирование эпидемии COVID-19 – преимущества агент-ориентированного подхода / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко, А.Ф. Агеева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 58–73. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.3

For citation: Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Ageeva A.F. COVID-19 epidemic modeling – advantages of an agent-based approach. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 58–73. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.3

Аннотация. В статье представлен авторский подход к созданию модельного инструмента прогнозирования эпидемиологической динамики в зависимости от карантинных мер с оценкой пиковых нагрузок на систему здравоохранения. В качестве такого инструмента предложена агент-ориентированная модель, в которой агенты-люди проходят стадии заболевания от инфицирования до выздоровления или смерти. Отличие агент-ориентированной эпидемиологической модели от классической заключается в том, что эти переходы моделируются не на групповом, а на индивидуальном уровне, что позволяет учесть неоднородность населения по характеристикам, связанным с чувствительностью людей к инфекции и с их участием в распространении заболевания. Так, вероятность тяжелых осложнений заболевания у агентов зависит от индивидуального базового уровня здоровья, а распространение инфекции имитируется с учетом социальных (родственных) связей. Новизна представленной агент-ориентированной модели эпидемий заключается в использовании механизма формирования семей, что делает имитацию контактов на уровне отдельного агента максимально приближенной к реальности. Модель апробирована на примере эпидемии COVID-19 в г. Москве. Для правдоподобной имитации заболевания агентов использовались эпидемиологические характеристики COVID-19, заданные экспертами-практиками, занимающимися обследованием и лечением больных. С помощью компьютерных симуляций получены оценки хода эпидемии при различных значениях параметров модели, включая влияние карантинных мер на такие характеристики, как численность инфицированных и умерших за весь период эпидемии; дата наступления пика заражения и его размах; пиковая потребность в койко-местах, в том числе реанимационных. Используемые социально-демографическая структура населения и эпидемиологические характеристики конкретной инфекции являются параметрами модели, что позволяет произвести ее настройку на особенности других регионов и инфекций для ее дальнейшего практического использования как инструмента поддержки управленческих решений в региональных и отраслевых ситуационных центрах. Для этого планируется развитие суперкомпьютерного варианта модели.

Ключевые слова: моделирование эпидемий, агент-ориентированные модели, компьютерное моделирование, вычислительные эксперименты на моделях социальных процессов, информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений.

Введение

В системе принятия важных управленческих решений необходимо использовать специально разработанное программное обеспечение, позволяющее моделировать реальную социально-экономическую ситуацию, прогнозировать ее развитие и предварительно оценивать последствия тех или иных планируемых мер. Решения, которые приходится оперативно принимать руководителям разного уровня в условиях пандемии COVID-19, беспрецедентны, что делает наличие подобного модельного инструментария еще более актуальным, так как позволяет накапливать и анализировать «виртуальный» опыт эффективных и неэффективных решений, полученный в ходе модельных (компьютерных) экспериментов. Такой опыт в дальнейшем может быть использован при наступлении аналогичных ситуаций, то есть он поможет оперативно принимать более подготовленные

решения в случае наступления новой эпидемии, вызванной аналогичной или какой-либо иной инфекцией.

Распространение эпидемий – это хорошо изученный и хорошо формализуемый процесс, что обеспечивает возможность его моделирования. Основной моделью эпидемий является модель, разработанная Андерсоном Г. Маккендриком и Уильямом О. Кермаком. Она описывает распространение инфекции, передающейся от человека к человеку [1]. Все население, согласно их концепции, делится на группы в зависимости от статуса по отношению к рассматриваемой инфекции. В базовой модели SIR такими группами выступают: S – Susceptible (восприимчивые, то есть те, кто не имеет иммунитета и может быть инфицирован), I – Infectious (инфицированные и заразные), R – Recovered (выздоровевшие и приобретшие

иммунитет), что соответствует основным стадиям заболевания. Со временем по мере распространения инфекции статус отдельных людей может меняться, что означает переход их в другую группу. Последовательность букв в аббревиатуре SIR означает последовательность перехода людей из одной группы в другую. Базовая модель SIR со временем усложнялась, в нее привносились новые стадии заболевания (и соответствующие группы населения), которые позволяли более детально учитывать особенности распространения различных видов инфекций. Появились такие модификации модели SIR, как SIS – для инфекций, при которых не образуется стойкий иммунитет (например, сезонный грипп); SEIR – для инфекций с инкубационным периодом (к которым относится и вирус COVID-19) и другие. Кроме того, для всех этих модификаций базовой модели есть варианты с добавлением в конце D – стадии смерти для отдельного учета динамики умерших.

На основе моделей класса SIR развилось целое направление моделирования эпидемий, имеющее опыт удачных практических разработок с использованием различных технологических подходов.

Традиционно для описания динамики развития эпидемии использовались дифференциальные уравнения, для которых подбирались коэффициенты, характеризующие как саму инфекцию – контагиозность, длительность инкубационного периода, летальность и др., так и конкретные условия ее распространения – численность населения, первоначальное число зараженных, наличие/отсутствие иммунитета у части населения и др. Важно то, что использование дифференциальных уравнений подразумевает однородность населения с точки зрения его участия в процессах распространения эпидемии. Поэтому, для того чтобы учесть существующую в действительности неоднородность, добросовестные исследователи делят население на группы (например, по возрастным категориям) и/или подбирают показатели, характеризующие, например, долю заразных людей среди инфицированных или же точку начала эпидемии, добиваясь совпадения результатов расчетов по модели с наблюдаемыми реальными данными. И только затем переходят к прогнозным расчетам. Хорошим примером подобного

исследования служит работа М.В. Тамма¹, использовавшего для расчетов модель COVID-19 Scenarios² [2], созданную под руководством Рихарда Нейера. Она показательна и в другом отношении – автор подчеркивает то, что данные о выявленных инфицированных не отражают истинную картину распространения инфекции, и предлагает свой способ решения этой проблемы.

Возможен и другой подход к реализации модели эпидемий – моделирование с точки зрения отдельного человека, который подвержен инфекции и может переходить от одной стадии заболевания к другой с вероятностью, зависящей от многих факторов. Наиболее гибким методом, реализующим моделирование на уровне отдельных людей, является особый вид имитационного моделирования – агент-ориентированное. В агент-ориентированной модели (АОМ) имитируется поведение отдельных агентов, способных действовать самостоятельно в соответствии со своими интересами и/или под влиянием внешней среды, в том числе под влиянием других агентов. С точки зрения задачи моделирования эпидемий, для решения которой в последние годы все чаще применяется агент-ориентированный подход, его основными преимуществами являются:

- отказ от требования знаний о взаимозависимостях различных глобальных характеристик, так как в случае агент-ориентированной модели изменение состояний социума в целом (искусственного общества) получается в результате агрегирования изменений состояния отдельных его членов (агентов). Как следствие – возможность при моделировании опираться на более достоверную информацию о процессах на микроуровне, то есть описывать условия перехода агентов из одной стадии заболевания в другую, опираясь на опыт экспертов-практиков, занимающихся обследованием и лечением больных;

¹ Тамм М.В. Коронавирусная инфекция в Москве: прогнозы и сценарии // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2020/03/30/v-moskve-vveli-zhestkie-karantinnnyemery-pohozhe-eto-pravilno-matematicheskaya-model-pokazyvaet-chto-inache-mogli-by-pogibnut-bolshe-100-tysyach-chelovek> (дата обращения 30.05.2020).

² Интерактивный вариант модели доступен для проведения экспериментов на ресурсе: COVID-19 Scenarios. Available at: <https://covid19-scenarios.org/>

- возможность воспроизвести на популяции агентов наблюдаемую в действительности структуру населения по тем характеристикам, которые связаны с его чувствительностью к инфекции, а также с участием в распространении заболевания, то есть естественным образом учесть неоднородность населения и создать наиболее реалистичную имитацию эпидемии.

В последнее время появилось настолько много исследований, посвященных АОМ эпидемий, что это привело даже к возникновению работ, предлагающих систему классификации. Например, выделяются четыре основные группы компонентов эпидемиологических АОМ: особенности заболевания и его распространения; воссоздание характеристик общества; имитирование повседневных перемещений населения либо социальных контактов; характеристики местности и природной среды (климатические и т. п.) [3]. Все модели авторы условно разделяют на те, в которых изучаются характер и динамика распространения эпидемии с целью прогнозирования эпидемиологической ситуации, и те, которые разработаны для тестирования мероприятий по борьбе с эпидемиями. В отдельную группу выделяются те модели, в которых оценивается рентабельность противоэпидемических мероприятий, например вакцинации.

Представим несколько примеров удачных эпидемиологических АОМ, основанных на переходе агентов из одной стадии заболевания, соответствующей схеме модели SEIR, в другую. Имитация распространения инфекции осуществляется на основе социальных взаимодействий отдельных агентов. Модели используют геоинформационные системы (ГИС), позволяющие визуализировать на карте распространение эпидемий, получаемое в результате моделирования. Это следующие работы:

- модель распространения вспышки кори в Бернаби (Канада) [4], предназначенная для изучения пространственной диффузии инфекционных заболеваний в городской среде через сеть человеческих контактов;

- модель вспышки гриппа H1N1 в 2009 году в Мексике [5], предназначенная для оценки воздействий правительственных мер по ограничению мобильности граждан с помощью официальных пропусков;

- модель пандемии в районе Большого Торонто в Онтарио (Канада) [6], в которой учитываются индивидуальные уровни подверженности агентов заражению и их способности передачи заболевания, соотнесенные с реальными демографическими данными и поведением населения. Используется Агентством Онтарио по охране и укреплению здоровья как инструмент для определения стратегии смягчения последствий пандемии.

Классическим примером очень большой АОМ, создававшейся для решения прикладной задачи, может служить полномасштабная распределенная агентная модель эпидемий Джошуа Эпштейна [7]. Первоначально она включала 300 млн агентов, перемещавшихся по карте США в соответствии с матрицей корреспонденций размерностью 4000×4000, затем была расширена до 6,5 млрд агентов для имитации последствий распространения вируса гриппа А (H1N1/09) в масштабах всей планеты.

Есть и работы, в которых используются разные подходы. Так, на примере моделей распространения гриппа проводится сравнение двух вариантов имитационного моделирования — системно-динамического и агент-ориентированного [8]; сравниваются результаты, полученные при помощи стохастической АОМ и структурированной метапопуляционной стохастической модели для моделирования базового сценария пандемии в Италии [9]. На популяции агентов в АОМ подробно воспроизводится социально-демографическая структура населения Италии. При построении глобальной модели метапопуляции использовались данные переписей по всему миру, а также данные о потоках путешествий авиакомпаний с диаграммами мобильности людей. Обе модели синхронизировались в своих начальных условиях, включающих параметры заболевания и объема импорта зараженных из международных поездок.

Отдельно стоит остановиться на моделях, разработанных именно для актуальной ныне пандемии COVID-19. Во-первых, следует отметить классический пример использования модели класса SEIR [10] для имитации и анализа вспышки COVID-19 в г. Ухане с учетом индивидуальной поведенческой реакции людей и действий правительства (продление праздника,

ограничение на поездки, развертывание госпиталей и карантин). В работе проводится сравнение с пандемией гриппа в Лондоне в 1918 году.

В целом исследований, посвященных пандемии COVID-19, уже накопилось очень много. Достаточно указать на портал MedRxiv. The Preprint Server for Health Science³, посвященный изучению самых разнообразных аспектов пандемии коронавируса SARS-CoV-2, на котором размещены почти четыре с половиной тысячи научных препринтов, причем большая их часть содержит разного рода эпидемиологические модели. Здесь представлены самые разнообразные подходы, например:

Эконометрическая модель [11], в которой оцениваются параметры временных рядов данных о смертности от COVID-19 для таких стран, как Южная Корея, Италия, Испания, Франция, Великобритания, Германия, США.

Глобальная макроэкономическая модель Global VAR (GVAR) [12], рассматривающая социальные взаимодействия людей разных стран (использовались данные сети Facebook) и влияние этих взаимодействий на оценку рисков, связанных с эпидемией COVID-19. Отношение к рискам служит основой поведения людей в ситуации эпидемии, соблюдения/несоблюдения ими социального дистанцирования (использовались агрегированные показатели отслеживания мобильности, полученные из Google Mobility Reports). В модели также отслеживается влияние эпидемии на такие важные компоненты экономики, как рынок труда и безработица.

Модели класса SIR. Модель [13], в которой население Греции поделено на две группы – моложе и старше 40 лет. Исследовано, как ослабление мер изоляции отдельно для той или иной группы влияет на общие показатели смертности. Модель [14], эксперименты с которой проводились на данных девяти европейских стран, что позволило выявить пандемические характеристики, являющиеся инвариантными в разных странах. Было обнаружено также небольшое влияние средней температуры в стране на вероятность инфекции в каждом контакте, причем более высокие температуры связаны с более низкой инфекционностью.

³ MedRxiv. The Preprint Server for Health Science. Available at: <https://connect.medrxiv.org/relate/content/181>

Агентная модель [15] для оценки влияния социального дистанцирования на смягчение эпидемиологической ситуации.

Но наибольший интерес для авторов представляли примеры моделей эпидемий, в которых: а) используется дифференциация населения по восприимчивости к инфекции; б) в явном виде учитываются характеристики самой инфекции; в) обеспечена возможность оценки влияния эпидемии на систему здравоохранения; г) интерфейс позволяет апробировать различные меры противодействия распространению эпидемии, поскольку именно эти компоненты авторы считают ключевыми для создания адекватной имитации эпидемии с возможностью ее дальнейшего практического использования как инструмента поддержки управленческих решений. С этой точки зрения наиболее важными для нас явились следующие работы:

- комбинированная модель распространения холеры [16], использующая дифференциальные уравнения, в которых детально учитываются эпидемиологические характеристики этого заболевания, а также механизм клеточных автоматов для имитации способности людей (агентов) перемещаться;

- модель Рихарда Нейера COVID-19 Scenarios⁴, основанная на использовании дифференциальных уравнений, но при этом позволяющая дифференцировать группы населения по восприимчивости к инфекции и по интенсивности социальных контактов в зависимости от возраста, варьировать характеристики самой инфекции. Модель настроена на оценку потребностей в госпитализации, в том числе в реанимации;

- АОМ, разработанная американскими и индийскими учеными [17], в которой учитывается дифференциация населения по уровню здоровья, экономическому положению и доступу к медицинской помощи, причем используются данные о фактической распространенности серьезных хронических заболеваний среди населения разных возрастных когорт. Модель предназначена для оценки различных стратегий вакцинации населения с точки зрения достигаемого снижения заболеваемости, а также

⁴ COVID-19 Scenarios. Available at: <https://covid19-scenarios.org/>

финансового бремени понесенных затрат. Эффективность затрат оценивается их соотношением со стоимостью инвалидности, которую удалось предотвратить;

- АОМ пандемического гриппа H1N1 в Египте [18], разработанная египетскими учеными. Агенты в модели дифференцируются по возрасту и социальным ролям (в том числе внутрисемейным), на основе чего имитируется их взаимодействие и инфицирование. Заданы параметры, характеризующие саму инфекцию. Кроме того, модель позволяет оценивать результативность различных мер борьбы с распространением эпидемии.

Наша цель — разработка АОМ как инструмента прогнозирования эпидемиологической динамики в зависимости от карантинных мер с оценкой пиковых нагрузок на систему здравоохранения на основе правдоподобной имитации процессов инфицирования отдельных людей и прохождения ими стадий заболевания COVID-19.

АОМ эпидемии COVID-19 в городе Москве Постановка задачи

Сама инфекция COVID-19 является новой и недостаточно изученной, поэтому информация о ее эпидемиологических характеристиках, об особенностях заражения, длительности различных периодов и др. с начала эпидемии поступала во многом противоречивая. К настоящему времени с уверенностью можно сказать следующее:

- инфекция новая, иммунитета к ней ни у кого нет;
- инфекция передается от человека к человеку, огромную роль играют личные контакты инфицированных;
- с момента инфицирования человека и до его заболевания наблюдается достаточно длительный инкубационный период, проходящий незаметно как для самого человека, так и для окружающих;
- человек, находящийся в инкубационном периоде, является источником инфекции при личном контакте, то есть латентный период практически совпадает с инкубационным (эта информация пока не уточнена, практически мы ориентировались на разницу в один день, характерную для гриппа);
- у большей части заболевших болезнь может протекать бессимптомно или же в легкой

форме, но при этом они также являются источниками инфекции при личном контакте;

- болезнь может протекать крайне тяжело, давать осложнения, вследствие которых возникает критическое состояние, требует длительного лечения в отделениях интенсивной терапии и даже приводить к летальному исходу;

- базовый уровень здоровья человека (наличие или отсутствие у него серьезных хронических заболеваний) играет существенную роль в том, как будет протекать болезнь и к какому исходу она приведет. В связи с тем, что среди людей старшего возраста значительно больше доля людей, страдающих хроническими заболеваниями, риск развития осложнений для них также значительно выше.

С учетом этих особенностей COVID-19 за основу была выбрана модификация модели распространения эпидемий SEIRD и для агентов-людей в создаваемой АОМ предусмотрены переходы между соответствующими состояниями.

При создании реалистичных АОМ, результаты работы которых можно было бы использовать в качестве оценки развития процессов, происходящих в реальной жизни, необходимо, как минимум, обеспечить два условия: во-первых, максимально точно воспроизвести структуру моделируемой системы в выбранный начальный момент времени; во-вторых, добиться максимально точной имитации действий агентов, участвующих в моделируемых процессах. Кроме того, должна быть предусмотрена возможность менять характеристики среды, влияющие на поведение агентов. Обычно подобные характеристики вводят в АОМ в качестве параметров, которые можно будет изменять в ходе компьютерных экспериментов. Именно такой подход позволяет имитировать различные сценарии развития процессов и/или воздействие предпринимаемых управленческих мер, чтобы оценивать их последствия.

Здесь важно подчеркнуть, что структура популяции агентов должна воспроизводить дифференциацию реального сообщества по характеристикам, существенным образом влияющим на поведение агентов именно в тех процессах, на имитацию которых настроена модель. В нашем случае — это дифференциация людей по восприимчивости к инфекции, способам и скорости передачи ее дальше. С учетом нашей за-

дачи следует, как минимум, обеспечить правильное распределение на популяции агентов базовых демографических характеристик, таких как возраст и пол, а также некоторого показателя состояния здоровья. Кроме того, необходимо формирование семей, так как именно внутри семей происходят постоянные интенсивные контакты между людьми.

В качестве объекта моделирования была выбрана Москва. В условиях мегаполиса можно с большей уверенностью говорить об интенсивных взаимодействиях жителей, то есть можно ожидать большего правдоподобия модели SEIRD. Кроме того, Москва раньше других регионов столкнулась с проблемой COVID-19, и власти были вынуждены принимать меры, действие которых отразилось на развитии эпидемической ситуации.

Кроме объекта моделирования, важно было определиться с тем, какие данные можно считать достаточно надежными для использования в качестве исходных при построении модели. Если говорить о данных, связанных с населением, то следует понимать, что отделить Москву от Московской агломерации достаточно сложно. Есть данные о возрастном-половом составе постоянного населения Москвы, но существует также маятниковая трудовая миграция, есть обычная миграция, в том числе и неофициальная, а есть огромные транспортные потоки через вокзалы и аэропорты. И все эти люди могут принимать участие в процессе распространения инфекции. Однако на первом этапе создания АОМ эпидемии COVID-19 в г. Москве – при разработке ее прототипа – важно было апробировать механизмы имитации процессов распространения инфекции и прохождения агентами стадий заболевания, в связи с чем пришлось упростить задачу. Итак, мы ограничились рассмотрением постоянного населения Москвы. Кроме того, для чистоты эксперимента в течение моделируемого периода не учитывались процессы естественного движения населения – рождаемость и смертность от других причин.

Если же говорить о данных, связанных с самой новой коронавирусной инфекцией, то следует отметить, что публикуемые ежедневно данные о численности зараженных не дают и не могут дать полной картины, так как они зависят и от количества проведенных тестов, и от самой

схемы тестирования. Так, на первых порах тестирование проводилось в основном среди тех, у кого наблюдались подозрительные симптомы, и/или среди тех, кто имел контакты с уже выявленными заболевшими. Однако теперь уже достоверно известно и о длительном инкубационном периоде, и о большой доле бессимптомных больных. В связи с этим данные о численности заболевших мы посчитали недостаточно надежными, для того чтобы основывать на них работу модели.

Основным источником информации, использованной для имитации процессов заражения новых больных и особенностей протекания болезни, явились официальные методические рекомендации⁵, подготовленные отечественными экспертами-эпидемиологами с учетом опыта китайского, американского и европейского центров по контролю за заболеваемостью, результатов научных исследований и данных, подготовленных специалистами ВОЗ.

Прототип АОМ эпидемии COVID-19 в г. Москве был разработан в ЦЭМИ РАН на языке программирования Java. Исходные данные, необходимые для построения модели, создания популяции агентов и распределения их свойств, модель считывает из внешнего файла в Excel-формате и в файле такого же формата сохраняет результаты моделирования для последующей их обработки и анализа.

Так же, как и создатели модели COVID-19 Scenarios, мы считали важным оценить нагрузку на систему здравоохранения, поэтому в нашей модели на каждом шаге имитации (который соответствует одному дню), кроме численности групп агентов, находящихся на разных стадиях заболевания, также подсчитывается число необходимых койко-мест в больницах, в том числе в отделениях интенсивной терапии.

Реализация АОМ эпидемии COVID-19

Исходные данные: численность населения Москвы и его распределение по возрасту и полу; численность популяции агентов; распределение рождений детей по возрасту матери; распределение населения по уровню здоровья.

⁵ Временные методические рекомендации Минздрава России, версия 5 от 08.04.2020. URL: https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/ai/doc/114/attach/vremennie_mr_COVID-19_versiya_5.pdf (дата обращения 30.05.2020).

Параметры модели: стартовая численность инфицированных; начальное репродуктивное число R_0 (количество человек, которых в среднем заражает один носитель вируса); доля заболевших с легкой формой болезни; минимальная и максимальная длительность инкубационного периода; минимальная и максимальная продолжительность болезни.

Установка стартового состояния модели

Значения демографических характеристик агентов – возраста и пола – распределяются с помощью процедур масштабирования на популяции агентов заданной численности таким образом, чтобы воспроизвести в искусственном обществе возрастную-половую структуру населения Москвы, соответствующую исходным данным. В модели также учитывается дифференциация людей по уровню здоровья, который задается по шкале: «отличное», «практически здоров», «слабое» (последняя категория подразумевает наличие хронических заболеваний). Первоначально агенты наделяются базовым уровнем здоровья в соответствии с исходными данными о соотношении групп, после чего значение корректируется с учетом их возраста (с возрастом увеличивается вероятность перехода здоровья агента в худшую категорию). Затем агенты образуют семьи, для чего используется исходная информация о распределении рождений детей по возрасту матери. Агент «запоминает» свои семейные связи с помощью индивидуальных коллекций (списков) ближайших родственников: супруга; родителей; детей; братьев и сестер (подробнее о процедурах, с помощью которых в модели имитируются процессы образования семей, см. [19]).

Имитация процессов распространения инфекции COVID-19

На каждом шаге работы модели агенты заражаются от других агентов – больных или инфицированных (за исключением находящихся в больнице/на карантине/на самоизоляции). Каждый агент-источник инфекции на каждом шаге имитации может передавать ее дальше двумя разными способами: родственникам (вероятность заболеть для каждого родственника принята равной 0,2) и посторонним агентам, которые выбираются случайным образом из популяции агентов. Вероятность заразить для агента-источника инфекции в последнем случае определяется как отношение числа возможных заражений к длине периода, в течение которого он считается заразным (сумма длительностей инкубационного периода и периода болезни). В случае «успешного» заражения число возможных заражений у агента-источника уменьшается на единицу, и больше этот агент в течение шага имитации никого не заражает. А для вновь инфицированного агента определяется план течения болезни: длительность инкубационного периода, степень тяжести болезни и ее продолжительность, необходимость госпитализации (в том числе реанимации), а также исход болезни – выздоровление агента с образованием иммунитета или смерть. И в том, и в другом случае такой переболевший агент на последующих шагах имитации не участвует в процессе распространения инфекции. Конкретные значения всех этих параметров определяются для каждого агента вероятностным способом в соответствии с правилами, представленными в *таблице 1*.

Таблица 1. Характеристики агентов, связанные с заболеванием COVID-19, и способы их определения

Показатель	Возможные значения в модели	Способ определения значения	Экспертные оценки и их источник
Стадия заболевания	Целое число в интервале [0, 4]: 0 – восприимчивый; 1 – инфицированный; 2 – заболевший; 3 – выздоровевший; 4 – умерший	Первоначальное значение = 0. На дальнейших шагах имитации меняется при переходе к следующим категориям в соответствии с планом течения болезни	
Длительность инкубационного периода, дни	Целое число в интервале [Min, Max]	Выбирается вероятностным способом с помощью бета распределения с заданными границами. Параметры распределения подобраны таким образом, чтобы среднее значение (≈ 6) совпадало с заданным экспертно (5-7)*	Для агентов в возрасте старше 18 лет: Min = 2; Max = 14; Среднее значение 5-7 дней. Для детей: Min = 2; Max = 10*

Окончание таблицы 1

Показатель	Возможные значения в модели	Способ определения значения	Экспертные оценки и их источник
Степень тяжести заболевания	Целое число в интервале [0, 2]: 0 – легкое течение; 1 – тяжелое; 2 – критически тяжелое	По умолчанию = 0. С вероятностью, зависящей от уровня здоровья агента, присваивается 1 – тяжелое течение, а из тех, кому выпала 1, с заданной вероятностью выбираются те, у кого тяжесть заболевания критическая	У 80% пациентов заболевание протекает в легкой форме. Доля критически тяжелых – 0,25 от всех тяжелых больных*
Продолжительность болезни, дни	Целое число в интервале [Min, Max]	Выбирается вероятностным способом с помощью бета распределения с заданными границами. Параметры распределения подобраны таким образом, чтобы длительность лечения возрастала с увеличением тяжести заболевания	Для агентов в возрасте старше 18 лет: Min = 2; Max = 14; Среднее значение 5-7 дней. Для детей: Min = 2; Max = 10*
Госпитализация	Целое число со значениями: 0 – не нуждается; 1 – нуждается	По умолчанию = 0. Если тяжесть заболевания больше 1, то устанавливается 1. Агент помещается в больницу на текущем шаге имитации	
Реанимация	Целое число со значениями: 0 – не нуждается; 1 – нуждается	По умолчанию = 0. Если тяжесть заболевания больше 1, то устанавливается 1 и агент помещается в реанимацию на текущем шаге имитации Если тяжесть заболевания равна 1, то устанавливается 1 с вероятностью 0,33 и определяется время его перевода в реанимацию	Вероятность перевода в реанимацию рассчитана с учетом того, что потребность в реанимации оценена как 0,5 от числа госпитализированных**. Время наступления кризиса и соответствующего перевода агента в реанимацию устанавливается с учетом данных экспертов – 8-й день от начала заболевания*
Исход болезни	Стадия заболевания = 3 Стадия заболевания = 4	По умолчанию = 3. Если агент находится в реанимации, то с вероятностью = 0,09 устанавливается 4	Вероятность смерти рассчитана с учетом официальных данных по г. Москве о фактической летальности
Число возможных заражений	Целое число, означающее максимально возможное число агентов – не родственников, которых способен заразить агент	Рассчитывается вероятностным способом в соответствии со значением параметра в десятичном формате	Оценка ВОЗ от 20.03.2020***: 2–3,1
Режим изоляции	Целое число в интервале [0, 2]: 0 – свободное перемещение; 1 – самоизоляция; 2 – изоляция	По умолчанию = 0. Если агент госпитализирован, то устанавливается 2. Если агент попадает в категорию, для которой предусмотрен режим самоизоляции, то устанавливается 1	

Составлено с использованием данных:
 * Временные методические рекомендации Минздрава России, версия 5 от 08.04.2020. С. 11–13, 36, 49. URL: https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/ai/doc/114/attach/vremennye_mr_COVID-19_versiya_5.pdf (дата обращения 30.05.2020).
 ** Изменения к Приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 марта 2020 г. № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации в целях реализации COVID-19» от 02 апреля 2020 г. С. 8.
 *** Насколько опасен коронавирус: заразность, летальность и группы риска // РИА. 20.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200319/1568742369.html> (дата обращения 30.05.2020).

По завершении каждого шага собирается статистика по популяции агентов об их состояниях, результаты демонстрируются в окне интерфейса модели и сохраняются в выходном файле.

Анализ апробации прототипа АОМ эпидемии COVID-19

На *рисунке 1* показана область интерфейса модели, в которой пользователь может задать параметры эксперимента, а также обобщающие результаты, достигнутые при заданных значениях параметров на текущем шаге моделирования.

В данном случае – на 1 сентября 2020 года при отсутствии ограничительных мер для всего населения, но при соблюдении карантина членами семей госпитализированных агентов.

Апробация модели и оценка таких ее свойств, как реалистичность, устойчивость получаемых результатов, зависимость их от различных параметров и др., проводились с по-

мощью компьютерных экспериментов. Для каждого сценария эксперимента осуществлялась серия проб, затем полученные результаты усреднялись и оценивалась их устойчивость (разброс значений). Численность агентов во всех экспериментах – 100 тысяч. В течение моделируемого периода не учитывались процессы естественного движения населения – рождаемость и смертность от других причин.

Первая серия экспериментов проводилась для оценки адекватности реакции модели на изменение начального репродуктивного числа. Для сравнения были выбраны значения: $R_0 = 0,9$ (при значении, меньшем единицы, эпидемия должна затухать); $R_0 = 1,5$ (что соответствует показателю свиного гриппа) и $R_0 = 2,0$ – по оценке специалистов ВОЗ для COVID-19. Динамика численности инфицированных агентов, получаемая по результатам моделирования при различных значениях R_0 и при отсутствии карантинных мер, показана на *рисунке 2*.

Рис. 1. Интерфейс АОМ эпидемии COVID-19 в г. Москве

Моделирование эпидемии COVID-19 г. Москва

АОМ-аналог модели распространения инфекций с инкубационным периодом и летальным исходом SEIRD (Susceptible - Exposed - Infectious - Recovered - Dead)

Параметры, характеризующие эпидемию

Начальное репродуктивное число	1.5	<input type="button" value="OK"/>
Доля заболевших с легкой формой болезни, %	80.0	
Длительность инкубационного периода, дней	2	-- 14
Длительность лечения, дней	14	-- 21

Параметры эксперимента

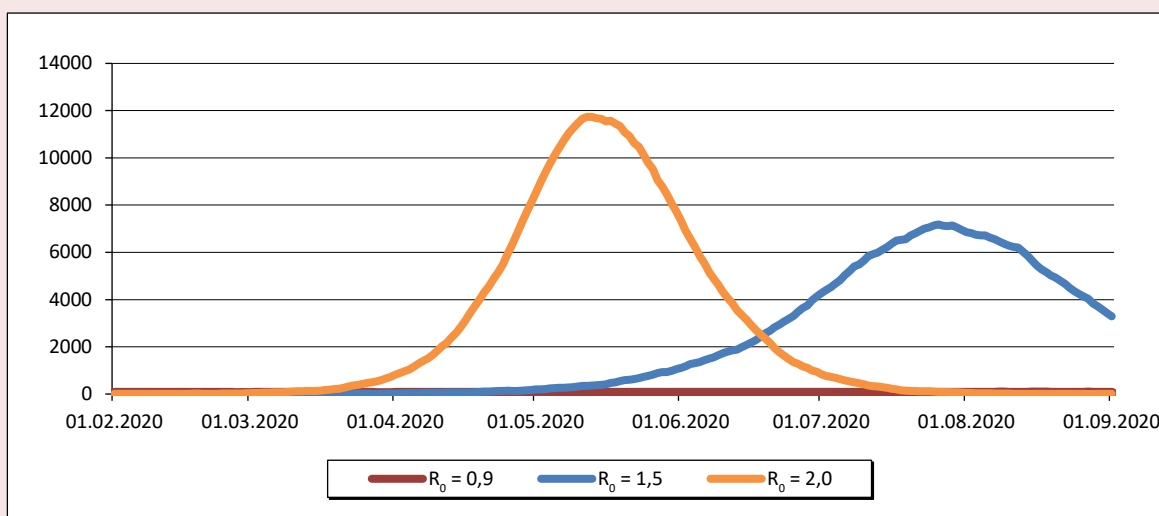
Стартовая численность инфицированных, чел.	500
☐ Самоизоляция для лиц старше 65 и их дисциплина:	0 0.9 1
☐ Самоизоляция для всех и их дисциплина:	0 0.6 1

Прогноз на 1 день

Прогноз на 30 дней

Результаты моделирования

Всего инфицированных, тыс. чел.	10,258.51
Максимальное число пациентов в больницах, тыс. /день	531.861
в том числе, в реанимации	223.039
Всего умерших, тыс. чел.	71.781

Рис. 2. Динамика численности инфицированных агентов при различных значениях начального репродуктивного числа R_0 и отсутствии карантинных мер

Источник: рассчитано по результатам компьютерных экспериментов с АОМ эпидемии COVID-19 в г. Москве.

На графике рисунка 2 видно, что результаты моделирования с помощью агент-ориентированного подхода аналогичны результатам, получаемым на классической SEIRD модели. Так, при значении $R_0 = 0,9$ численность инфицированных крайне мала (максимальное число зараженных агентов не превышает 17) и не увеличивается до конца моделируемого периода; при $R_0 = 2$ наблюдается высокий пик заражения (11,5–11,6 тыс. агентов), приходящийся на 8–10 мая, а при $R_0 = 1,5$ пик значительно ниже

(7,1–7,2 тыс. агентов) и смещен вправо (25–27 июля), так что к концу периода эпидемия не заканчивается, хотя процесс инфицирования новых агентов идет на убыль.

Следующая серия экспериментов была направлена на оценку влияния ограничительных мер на скорость и масштаб развития эпидемии. Просчитаны следующие варианты при $R_0 = 2$:

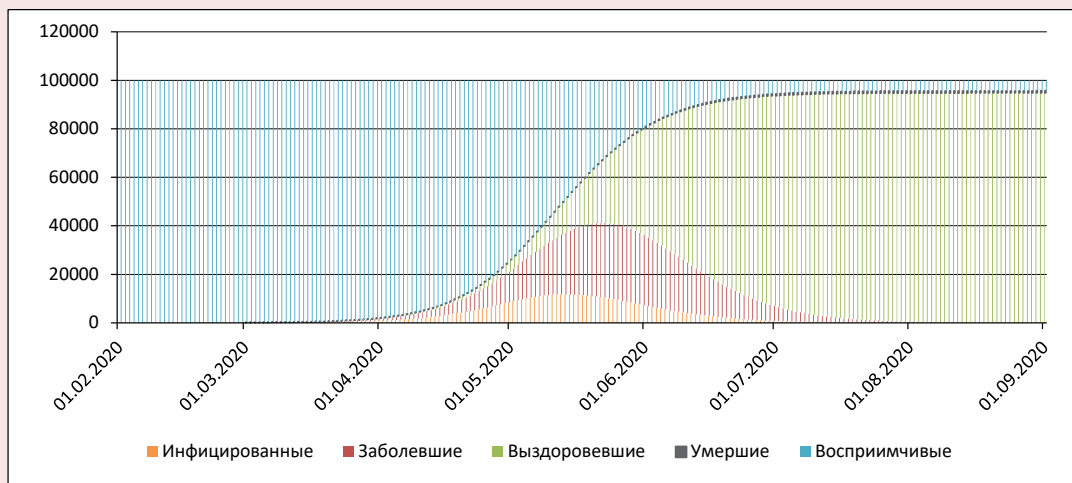
- Вариант 1 – отсутствие ограничительных мер;

 Таблица 2. Оценка эпидемиологических показателей в отсутствие карантинных мер и при самоизоляции лиц старше 65 лет ($R_0 = 2$)

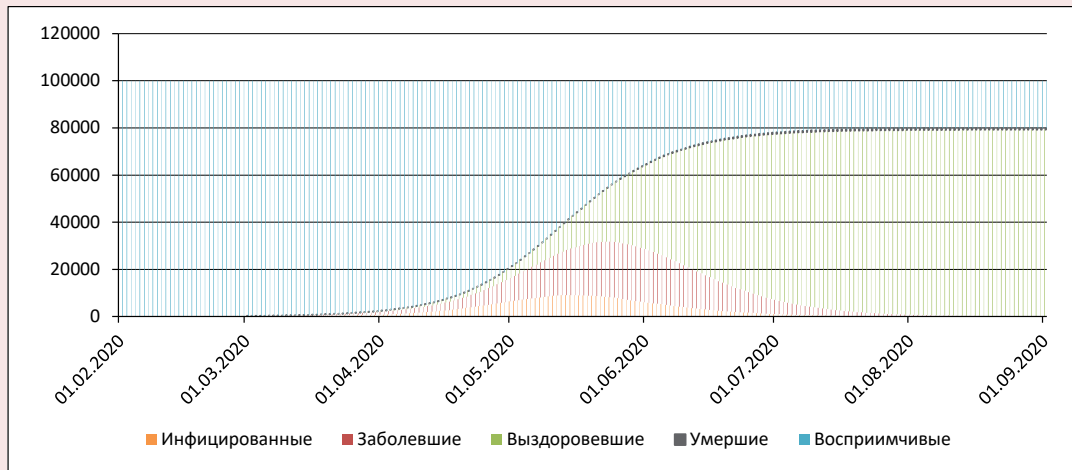
Показатель	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Общая численность инфицированных за весь период, тыс. чел.	12067,922	10083,283 (-16,4%)	Аналогично Варианту 2
Доля инфицированных от общей численности населения, %	95,7	79,9	Аналогично Варианту 2
Максимальное число необходимых мест в больницах, тыс.	861,120	630,513 (-26,8%)	Аналогично Варианту 2
в т. ч. в реанимационных отделениях, тыс.	359,410	257,857 (-28,3%)	Аналогично Варианту 2
пик потребности	27 мая	26 мая	29 июня
Численность умерших, тыс. чел.	105,842	88,433 (-16,4%)	79,098 (-25,3%)

Составлено по результатам компьютерных экспериментов с АОМ эпидемии COVID-19 в г. Москве.

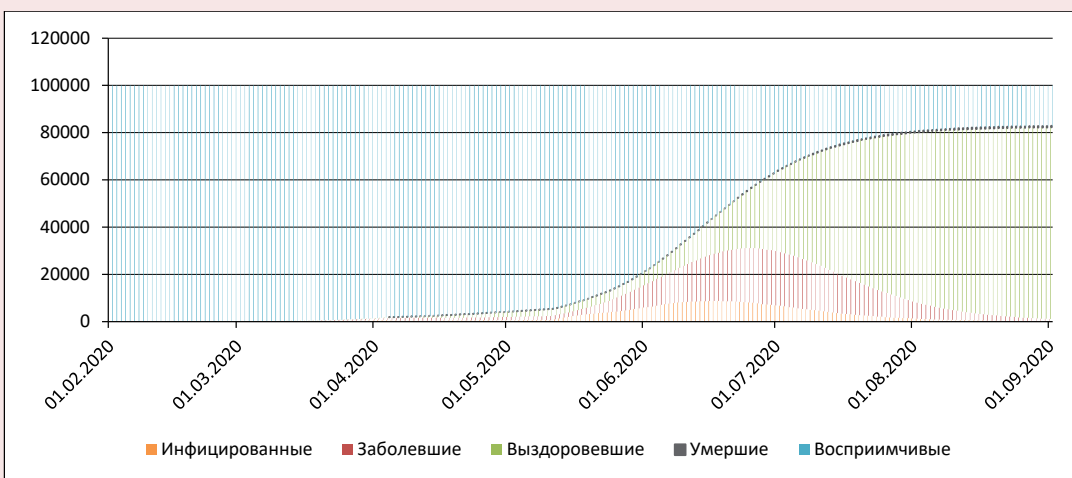
Рис. 3. Динамика соотношения групп популяции агентов. Варианты: а) отсутствие ограничительных мер; б) самоизоляция граждан старше 65 лет; в) самоизоляция всех граждан с 04.04.2020 по 11.05.2020

а)

б)

в)

Источник: рассчитано по результатам компьютерных экспериментов с АОМ эпидемии COVID-19 в г. Москве.

- Вариант 2 – имитировалось выполнение указа мэра Москвы от 23 марта 2020 г.⁶ в части соблюдения гражданами в возрасте старше 65 лет режима самоизоляции начиная с 26 марта и до 1 сентября. Считалось, что граждане этой категории достаточно дисциплинированы (вероятность выполнения ими предписания составляет 0,9);

- Вариант 3 – дополнительно к условиям варианта 2 – самоизоляция всех остальных, дисциплинированность – 0,5.

Результаты моделирования показали, что введение ограничительных мер позволяет существенно снизить число умерших (-16,4%), а также пиковые нагрузки на систему здравоохранения (-26,8%). Более подробно результаты моделирования представлены в *таблице 2*, где численность агентов и число необходимых койко-мест переводятся в масштаб, соответствующий численности населения. В варианте 3 заметное улучшение касается только числа умерших (-25,3% по сравнению с вариантом 1), а пик заболевания отодвигается на месяц – до 29–30 июня. Ход эпидемии для рассмотренных вариантов проиллюстрирован на *рисунках 3а-в*.

Сопоставление различных вариантов прогнозов свидетельствует об адекватной реакции модели на введение соответствующих ограничительных мер. Что же касается абсолютных значений численности различных групп агентов, то очевидно, что модель нуждается в калибровке для уточнения множества параметров, заданных экспертно, в первую очередь даты начала эпидемии и начального числа инфицированных. Откалиброванная таким образом модель, на наш взгляд, может использоваться при решении практических задач, связанных с апробацией ограничительных мер.

Следует отметить, что наблюдавшийся разброс результатов различных проб достаточно велик, что связано с самим использованием вероятностных механизмов при большом числе параметров модели на относительно малой по численности популяции агентов. Для того чтобы улучшить устойчивость модели,

необходимо увеличить популяцию агентов. Это потребует перехода на суперкомпьютерные технологии. Суперкомпьютерный вариант эпидемической АОМ планируется разрабатывать на основе созданной в ЦЭМИ РАН программной системы МЕБИУС [20], позволяющей проектировать АОМ с численностью агентов до 1 млрд.

Заключение

Проанализировав результаты апробации представленного прототипа демографической АОМ эпидемии COVID-19 в г. Москве, можно сделать следующие выводы.

Использование агент-ориентированного подхода позволило создать конструкцию реалистичной эпидемиологической модели, в которой в явном виде учитываются: а) особенности протекания конкретного инфекционного заболевания, вызвавшего эпидемию; б) неоднородность населения региона с точки зрения его восприимчивости к инфекции; в) социальные связи отдельных людей, существенным образом влияющие на частоту контактов и, как следствие, – на вероятность передачи инфекции. Особенностью представленной конструкции, отличающей ее от других известных АОМ эпидемий, является использование механизма формирования семей, что делает имитацию контактов на уровне отдельного агента максимально приближенной к реальности.

Модель в ходе компьютерных экспериментов показала адекватную реакцию как на варьирование основных эпидемиологических параметров, так и на управляющие воздействия, направленные на ограничение распространения инфекции.

Используемые социально-демографическая структура населения и эпидемиологические характеристики конкретной инфекции являются параметрами модели, что делает ее достаточно универсальной и позволяет настроить ее на особенности других инфекций и других регионов.

Предложенный подход к моделированию эпидемий может быть расширен. Например, в АОМ одновременно можно дифференцировать агентов и с точки зрения их участия в различных видах экономической деятельности. Причем на основе учета межотраслевых связей возможно выстраивать цепочки создания ко-

⁶ О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ: указ мэра Москвы от 23 марта 2020 г. № 26-УМ.

нечного продукта, что позволит в ходе компьютерных экспериментов оценивать как прямые, так и отдаленные последствия эпидемии, различных ограничительных мер и мер поддержки населения и бизнеса не только для экономики в целом, но и для отдельных ее отраслей.

Таким образом, на основе представленной АОМ эпидемии можно разрабатывать универсальные программные комплексы, предназначенные для систем поддержки принятия решений для ведомственных и региональных ситуационных центров.

Литература

1. Kermack W.O., McKendrick A.G. Contribution to the mathematical theory of epidemics. In: *Proceedings of the Royal Society of London. Series A, August 1927. Containing Papers of a Mathematical and Physical Character*. Vol. 115, issue 772, pp. 700–721. DOI: 10.1098/rspa.1927.0118
2. Noll N.B., Aksamentov I., Druelle V., Badenhorst A., Ronzani B., Jefferies G., Albert J., Neher R. COVID-19 Scenarios: An interactive tool to explore the spread and associated morbidity and mortality of SARS-CoV-2. *COVID-19 SARS-CoV-2 preprints from medRxiv and bioRxiv*, 2020. DOI: 10.1101/2020.05.05.20091363. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.05.20091363v2>
3. Hunter E., Namee B.M., Kelleher J.A. Taxonomy for Agent-Based Models in Human Infectious Disease Epidemiology. *JASSS*, 2017, 20(3), 2. DOI: 10.18564/jasss.3414. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/20/3/2.html>.
4. Perez L., Dragicevic S. An agent-based approach for modeling dynamics of contagious disease spread. *International Journal of Health Geographics*, 2009, no. 8 (50). DOI: 10.1186/1476-072X-8-50
5. Frias-Martinez E., Williamson G., Frias-Martinez V. An agent-based model of epidemic spread using human mobility and social network information. In: *Proceedings of the 3rd International Conference on Social Computing (SocialCom'11), Boston, MA, USA, 9–11 October 2011*. Pp. 49–56. DOI: 10.1109/PASSAT/SocialCom.2011.142
6. Aleman D.M., Wibisono T.G. A nonhomogeneous agent-based simulation approach to modeling the spread of disease in a pandemic outbreak. *Interfaces*, 2011, 41 (3), pp. 301–315. DOI: 10.1287/inte.1100.0550
7. Epstein J.M. Modelling to contain pandemics. *Nature*, 2009, vol. 460, p. 687. Available at: <http://www.nature.com/nature/journal/v460/n7256/full/460687a.html>
8. Аль-Азази А.А., Масленников Б.И. Сравнительный анализ методов имитационного моделирования // *Науковедение*. 2014. Вып. 1. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/30TVN114.pdf> (дата обращения 30.05.2020).
9. Ajelli M., Gonçalves B., Balcan D., Colizza V., Hu H., Ramasco J.J., Merler S., Vespignani A. Comparing large-scale computational approaches to epidemic modeling: Agent-based versus structured metapopulation models. *BMC Infectious Diseases*, 2010, no. 10, p. 190. Available at: <https://bmcinfectdis.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/1471-2334-10-190>
10. Lin Q., Zhao S., Gao D., Lou Y., Yang S., Musa S.S., Wang M.H., Cai Y., Wang W., Yang L., He D. A conceptual model for the coronavirus disease 2019 (COVID-19) outbreak in Wuhan, China with individual reaction and governmental action. *International Journal of Infectious Diseases*, 2020, 93, pp. 211–216. DOI: 10.1016/j.ijid.2020.02.058
11. Fokas A.S., Dikaios N., Kastis G.A. COVID-19: Predictive mathematical models for the number of deaths in South Korea, Italy, Spain, France, UK, Germany, and USA. *COVID-19 SARS-CoV-2 preprints from medRxiv and bioRxiv*, 2020. DOI: 10.1101/2020.05.08.20095489. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.08.20095489v1>
12. Milani F. COVID-19 outbreak, social response, and early economic effects: A global VAR analysis of cross-country interdependencies. *COVID-19 SARS-CoV-2 preprints from medRxiv and bioRxiv*, 2020. DOI: 10.1101/2020.05.07.20094748. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.07.20094748v1>
13. Fokas A.S., Cuevas-Maraver J., Kevrekidis P.G. Two alternative scenarios for easing COVID-19 lockdown measures: One reasonable and one catastrophic. *COVID-19 SARS-CoV-2 preprints from medRxiv and bioRxiv*, 2020. DOI: 10.1101/2020.05.08.20095380. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.08.20095380v2>

14. Bhanot G., DeLisi C. Predictions for Europe for the Covid-19 pandemic from a SIR model. *COVID-19 SARS-CoV-2 preprints from medRxiv and bioRxiv*, 2020. DOI: 10.1101/2020.05.26.20114058. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.26.20114058v2>
15. Milne G.J., Xie S., Poklepovich D. A Modelling Analysis of strategies for relaxing COVID-19 social distancing. *COVID-19 SARS-CoV-2 preprints from medRxiv and bioRxiv*, 2020. DOI: 10.1101/2020.05.19.20107425. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.19.20107425v1>
16. Башабшех М.М., Масленников Б.И. Имитационное моделирование пространственного распространения эпидемий (на примере холеры) с применением метода клеточных автоматов с помощью программы Anylogic // *Наукоедение*. 2013. Вып. 6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/135TVN613.pdf> (дата обращения 30.05.2020).
17. Megiddo I., Colson A.R., Nandi A., Chatterjee S., Prinja S., Khera A., Laxminarayan R. Analysis of the Universal Immunization Programme and introduction of a rotavirus vaccine in India with IndiaSim. *Vaccine*, 2014, vol. 32, suppl. 1, pp. A151–A161. DOI: 10.1016/j.vaccine.2014.04.080
18. Khalil K.M., Abdel-Aziz M., Nazmy T.T., Abdel-Badeeh Salem M. An agent-based modeling for pandemic influenza in Egypt. In: *INFOS 2010: 7th International Conference on Informatics and Systems, Cairo, Egypt, 28-30 March 2010*. Pp. 1–7. Available at: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1001/1001.5275.pdf>
19. Агент-ориентированная суперкомпьютерная демографическая модель России: анализ апробации / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко, Г.Б. Сушко // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 6. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.4
20. Система проектирования масштабируемых агент-ориентированных моделей, включающих популяции агентов разных типов с динамически изменяющейся численностью и сложными многоэтапными взаимодействиями агентов, образующих социальные сети. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2020612410, 20.02.2020. Заявка № 2020611366 от 06.02.2020 / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко, Г.Б. Сушко.

Сведения об авторах

Валерий Леонидович Макаров – академик РАН, доктор физико-математических наук, научный руководитель, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: makarov@cemi.rssi.ru)

Альберт Рауфович Бахтизин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com)

Елена Давидовна Сушко – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: sushko_e@mail.ru)

Алина Фагимовна Агеева – кандидат архитектуры, ведущий инженер, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: ageevalina@yandex.ru)

Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Ageeva A.F.

COVID-19 Epidemic Modeling – Advantages of an Agent-Based Approach

Abstract. The article presents the authors' approach to creating a model tool for predicting epidemiological development depending on quarantine measures with an assessment of peak loads on the health system. An agent-based model is proposed as such a tool, where agents-people go through the stages of disease

from infection to recovery or death. The difference of an agent-based epidemiological model from the classical one is that these transitions are modeled not at the group level but at the individual one, which makes it possible to account for the heterogeneity of the population by the characteristics related to people's sensitivity to the infection and their involvement in the spread of the disease. Thus, the probability of the agents' severe disease complications depends on the individual basic level of health, and the infection spread is simulated taking into account the agents' social (family) relationships. The novelty of the presented agent-based model of epidemics lies in the use of the mechanism of family formation, which makes the simulation of contacts at the level of an individual agent as close to reality as possible. The model was tested on the example of the COVID-19 epidemic in the city of Moscow. For a plausible simulation of the agents' disease, the epidemiological characteristics of COVID-19 were used, set by expert practitioners involved in the examination and treatment of patients. Using computer simulations, the researchers obtained estimates of the epidemic course for various values of the model parameters, including the impact of quarantine measures on such characteristics as the number of infected and dead over the entire period of the epidemic, the date of the infection peak and its scope, and the peak need for beds, including intensive care. The used socio-demographic structure of the population and epidemiological characteristics of a specific infection are the parameters of the model, which allows it to be adjusted to the particular qualities of other regions and infections for its further practical use as a tool for supporting management decisions in regional and sectoral situation centers. A supercomputer version of the model is planned to be developed for this purpose.

Key words: epidemic modeling, agent-based models, computer modeling, computational experiments on social processes models, information technologies of decision-making intellectual support.

Information about the Authors

Valerii L. Makarov – RAS Academician, Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Scientific Director, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: makarov@cemi.rssi.ru)

Albert R. Bakhtizin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Director, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com)

Elena D. Sushko – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: sushko_e@mail.ru)

Alina F. Ageeva – Candidate of Sciences (Architecture), Leading Engineer, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: ageevaalina@yandex.ru)

Статья поступила 04.06.2020.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.4

УДК 330.5, 338.001.36, ББК 65.012.3, 65.6

© Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н.

Структурная динамика экономики: влияние инвестиций в старые и новые технологии

**Олег Сергеевич
СУХАРЕВ**

Институт экономики Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: o_sukharev@list.ru
ORCID: 0000-0002-3436-7703; ResearcherID: C-3767-2018

**Екатерина Николаевна
ВОРОНЧИХИНА**

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация, 614990, ул. Букирева, д. 15
E-mail: voronchikhina.katya@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7033-5832

Аннотация. Целью исследования выступают определение степени влияния инвестиций в технологическое обновление на экономический рост, установление соотношения вклада в темп роста инвестиций в старые и новые технологии. Данная задача решается при рассмотрении структурной динамики ВВП по расходам для США, Германии, России и Китая. Методологию исследования составляет структурный анализ, с помощью которого установлена «структурная формула», дающая оценку вклада в темп роста экономики инвестиций в новые и старые технологии, а также вклада иных компонент ВВП по расходам. Такой подход позволяет выделить сложившиеся в рассматриваемых странах модели экономического роста — потребительскую, инвестиционную, смешанную и режимы технологического развития по чувствительности общей технологичности экономики к инвестициям в новые и старые технологии. Под инвестициями в новые технологии

Для цитирования: Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Структурная динамика экономики: влияние инвестиций в старые и новые технологии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.4

For citation: Sukharev O.S., Voronchikhina E.N. Structural dynamics of the economy: impact of investment in old and new technologies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.4

понимаются инвестиции в технологические инновации, а общая технологичность экономики определяется по соотношению объема отгруженных инновационных и объема не инновационных товаров, работ, услуг. Метод разбивки инвестиций помогает оценить вклад инвестиций в новые технологии в темп экономического роста, причем как в сравнительном ключе относительно иных компонент ВВП, так и для рассматриваемых стран. Результатом исследования явились идентификация модели экономического роста по наибольшему вкладу компоненты ВВП на рассматриваемом периоде, вкладу в темп инвестиций в новые и старые технологии, а также определение чувствительности технологичности к инвестициям в новые и старые технологии в США, Германии, Китае и России. В ходе анализа было установлено, что влияние инвестиций на динамику ВВП и уровень технологичности не синхронизировано, что требует изменения подхода в области макроэкономической политики, направленной не только на стимулирование инвестиций как локомотива роста, но и такое их распределение, которое бы совместно с изменением институтов приводило к повышению технологичности экономики.

Ключевые слова: структура ВВП по расходам, инвестиции, старые и новые технологии, технологичность, экономический рост, «структурная формула», модель экономического роста, режим технологического развития.

Введение

Структурная динамика экономики охватывается проблемой роста при перманентном изменении элементов экономической структуры, причем рост этих элементов детерминирован их взаимодействием, взаимным влиянием. Такое видение происходящих в экономике изменений длительное время не находило отражения в экономических теориях роста [1]. Проблема состояла не только в сложности явления и долгосрочном характере структурных изменений, но и в том, что агрегатный подход в моделировании роста преобладал над структурным представлением. Отраслевые сдвиги, оцениваемые по перемещению труда, или изменению квалификации, либо модели отраслевой диверсификации [2] в силу действия эффекта производительности [3–5] стали использоваться совсем недавно, не говоря уже об учете эффекта проведения структурных реформ, влияния интеграции [6; 7] или эффективных структурных изменений на экономический рост [8]. Шумпетеровское направление в экономической науке за последнюю четверть века дало возможность учитывать технологические и институциональные трансформации в их влиянии на экономический рост [9–11].

Структурная динамика стала представляться в моделях, которые отнюдь не ориентированы на длительный период, поскольку скоростные изменения в технологиях, институтах довольно быстро сказываются на темпе развития элементов экономики, вносящих свой вклад в общую

величину динамики в период быстрых глобальных трансформаций [12].

Таким образом, экономический рост можно разложить по вкладу элементов экономической структуры в общую величину его темпа, отслеживая краткосрочные изменения. На каждый элемент, его долю в экономике и его динамику влияют факторы, которые могут действовать совместно или раздельно. В частности, понижение процентной ставки способно увеличить валовое потребление и активизировать инвестиции, но ухудшить, например, экспортные позиции страны посредством притока иностранной и укрепления национальной валюты, что сдержит экспорт и удешевит импорт. Соответственно, изменится соотношение вклада валового потребления и инвестиций в темп экономического роста, как и чистого экспорта. Структурные реформы, проводимые одновременно, могут каким-то образом усилить или ослабить этот процесс, изменив вклад компонент ВВП в общую динамику. Помимо изменения вклада и темпа валовых инвестиций, меняется и их структура. Данный аспект слабо учитывается в моделях технологических изменений и экономического роста [2; 13], причем диверсификация экономики далеко не всегда снижает риски развития [14] и способствует прогрессу в области технологий [15]. Структура инвестиций становится определяющей во влиянии на экономическую динамику и технологические изменения.

Существуют исследования, показывающие влияние прямых иностранных инвестиций на экономический рост [16], однако аспекты того, как влияют инвестиции в новые и старые технологии на технологичность и рост, требуют раскрытия, особенно в сравнительной части сложившихся моделей роста и режимов технологических изменений в различных странах. Структурные трансформации вне контекста инвестиций в новые и старые технологии, особенно при рассмотрении вопросов индустриального развития, эффектов деиндустриализации, технологического обновления, изучить в полном объеме проблематично [17; 18]. Новая промышленная политика требует оценить не только состояние институтов, инструментов политики или инвестиции в НИОКР [19], но и их влияние на структуру инвестиций [20], задающую возможности технологического обновления [21]. Это требует создать структурные модели экономического роста и провести эмпирические исследования с выделением в ходе структурного анализа взаимодействующих элементов экономики [13].

Рассмотрим задачу, связанную с определением вклада инвестиций в новые и старые технологии в темп экономического роста, а также распределением режимов технологического развития по чувствительности технологичности экономики к каждому типу инвестиций. Решение этой задачи предпринято ниже, оно позволит обозначить не только меры структурной, макроэкономической политики роста в стратегическом измерении, но и создать инструменты диагностики структурной динамики для рассматриваемых стран (США, Германия, Россия и Китай) с учетом сложившегося режима технологического развития.

Методология исследования. Структурный анализ динамики ВВП и технологичности экономики

Структурная динамика экономики может быть определена по изменению элементов агрегированного показателя, выступающего обобщенной характеристикой, в частности ВВП. Современное развитие выражается в его перманентном увеличении, однако его компоненты изменяют свою долю в величине продукта и темп динамики, что сказывается на величине

общего темпа экономического роста. По изменению соотношения долей компонент ВВП и их темпа можно оценивать происходящие структурные изменения, исследовать проблему структурной динамики и экономического роста. Вместе с тем отметим, что каждая компонента ВВП весьма неоднородна, в частности инвестиции осуществляются в различные виды деятельности, проекты, технологии, следовательно, структура инвестиций также перманентно изменяется и оказывает свое влияние на темп экономического роста.

Под новыми технологиями будем понимать вновь созданные передовые технологии, а уже используемые — считать условно старыми технологиями¹. Под технологичностью в строгом смысле следует понимать возможность получения одного и того же результата, но с меньшими издержками, достигаемыми за счет применения более совершенной или абсолютно новой технологии для рассматриваемого интервала времени. При этом на начальной стадии издержки обычно возрастают в силу дороговизны самой технологии, но затем они окупаются широкими возможностями ее применения. Однако в рамках задачи количественной оценки технологичности применим показатель «уровень технологичности», который можно определить как соотношение объема отгруженных товаров, работ, услуг, созданных

¹ В качестве инвестиций в новые технологии рассматривается показатель «затраты на технологические инновации» (источник для России — <https://www.gks.ru/folder/14477>). В связи с отсутствием в международных статистических источниках, в том числе в статистических службах стран, аналогичного показателя (затраты на технологические инновации) для США, Германии, Китая, по другим странам принят в расчет показатель «внутренние затраты на научные исследования и разработки» как в наибольшей степени близкий к затратам на технологические инновации (<https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart>, методика расчета — https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/rd_esms.htm). Под инвестициями в старые технологии понимается разница между валовым накоплением основного капитала (валовые инвестиции — I, источник — <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.ZS>) и затратами на технологические инновации (для всех рассматриваемых стран — показатель расчетный), поскольку разница по России в среднем составляет 30%, что является приемлемым, с нашей точки зрения, для задач исследования.

на новых технологиях – инновационных, к общему объему товаров, работ, услуг, относимых к неинновационным². Инвестиции можно распределить между новыми и старыми технологиями, что может использоваться для характеристики технологического обновления, так как определенным образом влияет на технологичность – создание благ на новых и старых технологиях. В этом случае валовые инвестиции, как компоненту ВВП, можно представить в виде суммы инвестиций в новые и старые технологии, а именно $I = In + Is$. ВВП $Y = C + I + G + Nx$, представляющий собой сумму валового потребления (C), инвестиций (I), государственных расходов (G) и чистого экспорта (Nx), будет иметь вид: $Y = C + In + Is + G + Nx$. Продифференцировав по времени оба выражения для ВВП по расходам, получим структурные формулы, позволяющие оценить вклад каждого элемента ВВП в темп экономического роста. С общими инвестициями структурная формула примет вид:

$$g = gc * c + gI * i + gG * a + gNx * b, \quad (1)$$

где:

$$g = \left(\frac{1}{Y}\right) \left(\frac{dY}{dt}\right); gc = \left(\frac{1}{C}\right) \left(\frac{dC}{dt}\right); gI = \left(\frac{1}{I}\right) \left(\frac{dI}{dt}\right);$$

$$gG = \left(\frac{1}{G}\right) \left(\frac{dG}{dt}\right); gNx = \left(\frac{1}{Nx}\right) \left(\frac{dNx}{dt}\right) \quad \text{– темпы}$$

роста ВВП и его компонент;

² Объем отгруженных товаров, работ, услуг на новых технологиях определяется как объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг (источник для России – <https://www.gks.ru/folder/14477>; для США, Германии, Китая расчет произведен суммированием объема отгруженных товаров по видам деятельности, относящихся к инновационным, по методике Евростата: авиационно-космическая промышленность, вычислительная техника, электронное оборудование, фармацевтическая продукция, научные приборы, электротехническое оборудование, химическая продукция, неэлектрическая техника, вооружение. Источники: Евростат. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>; Бюро экономического анализа США. URL: <https://www.bea.gov/data/gdp>; Статистика Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>). Объем отгруженных товаров, работ, услуг на старых технологиях равен разнице общего объема отгруженных товаров, работ, услуг за вычетом объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг.

$$c = \frac{C}{Y}, i = \frac{I}{Y}, a = \frac{G}{Y}, b = \frac{Nx}{Y} \quad \text{– структурные}$$

параметры ВВП по расходам, доли, соответственно, валового потребления, инвестиций, правительственных расходов и чистого экспорта.

$$g = gc * c + gIn * n + gIs * s + gG * a + gNx * b, \quad (2)$$

где:

gIn, gIs – темп роста инвестиций в новые и старые технологии соответственно,
 n, s – доля инвестиций в новые ($n = \frac{In}{Y}$) и старые ($s = \frac{Is}{Y}$) технологии в ВВП.

Выражения (1)–(2) представляют собой «структурную формулу», позволяющую оценить вклад каждой компоненты ВВП в темп экономического роста для текущего интервала времени.

Согласно структурным формулам (1) и (2) видно, что каждая компонента ВВП вносит свой вклад в темп экономического роста страны. Отметим, что этот вклад изменяется, в связи с чем можно вести речь о доминировании той или иной компоненты ВВП по ее вкладу в темп роста на некотором интервале времени. Если основной вклад в темп роста вносит валовое потребление, можно говорить о потребительской модели экономического роста, если инвестиционные расходы – то об инвестиционной. Если доминирует чистый экспорт, то это внешнеэкономическая модель роста. При условии, что государственные расходы будут вносить основной вклад в темп роста, хотя для рассматриваемых стран такой случай не характерен, будет присутствовать модель роста за счет государственного сектора. В теории она возможна исключительно по оценке влияния рассматриваемых компонент. В том случае, когда не удастся установить доминирующее значение ни одной компоненты, их вклад на интервале времени перемешивается, можно говорить о смешанной модели роста, без явно выраженной доминанты. Для того чтобы воздействовать на экономический рост, подыскивая инструменты экономической политики, следует оценить вклад этих компонент и факторов, влияющих на их динамику и долю в ВВП.

Конечно, изменяющиеся компоненты ВВП могут показывать связную динамику, иметь одни и те же причины изменения. Например, при снижении процента (ключевая процентная ставка) способны увеличиться как инвестиции, так и потребление. Однако не факт, что инвестиции увеличатся равнозначно по направлению новых и старых технологий. Это зависит и от величины снижения процентной ставки, и от его исходного уровня, и от других институциональных условий, влияющих на процесс технологического замещения.

Происходящие трансформации обычно охватывают все элементы структуры, в связи с чем перманентно изменяется соотношение инвестиций в новые и старые технологии, причем по-разному при данной динамике общей величины инвестиций.

Так, общие инвестиции растут, структура распределения инвестиций в новые и старые технологии, например, сохраняется при соответствующем их увеличении. Однако структура распределения может изменяться при росте либо сокращении общей величины инвестиций. Также вполне возможен вариант, когда общая величина инвестиций сохраняется, но структура распределения инвестиций между старыми и новыми технологиями изменяется. Аналогичные процессы могут происходить не только при росте общих инвестиций, но и при их сокращении. Как бы ни изменялись схемы распределения инвестиций, они, вне всяких сомнений, влияют на процесс технологического обновления, то есть на то, как старые технологии вытесняются новыми. Технологическое обновление влияет на процесс создания новых видов благ и его эффективность. Масштаб и скорость производства, в свою очередь, тоже зависят от того, каким образом распределяются инвестиции, а само распределение зависит от исходной эффективности. В каждой экономике существует своя доля создаваемых на новых технологиях благ и инвестиций в новые технологии, в связи с чем они отличаются по вкладу в темп экономического роста, так как динамизм технологического обновления также зависит от многих институциональных условий и исходного наращенного технологического потенциала.

Выражение (2) можно преобразовать с учетом структуры инвестиций в новые и старые технологии:

$$\begin{aligned} \frac{dI}{dt} &= I_s \frac{d\gamma}{dt} + \frac{dI_s}{dt} (1 + \gamma) \\ \gamma &= \frac{I_n}{I_s} \\ \frac{d\gamma}{dt} &= \gamma (g_{I_n} - g_{I_s}) \\ d_{is} &= \frac{I_s}{I} \\ i_s &= \frac{I_s}{Y} \\ I &= I_s + I_n = (1 + \gamma) I_s \end{aligned} \quad (3)$$

С учетом (3) структурная формула (2) будет иметь вид:

$$\begin{aligned} g &= g_{I_n} * (1 + \gamma) * \gamma * i_s * d_{is} + \\ &+ g_{I_s} * (1 + \gamma) * i_s * d_{is} + \\ &+ g_c * c + g_G * a + g_{NX} * b \end{aligned} \quad (4)$$

Из выражения (4), которое отличается от выражения (2) только записью, следует, что вклад инвестиций в новые и старые технологии в темп роста отличается и зависит, во-первых, от величины темпа каждого вида инвестиций, во-вторых, от доли инвестиций в общей величине инвестиций или от величины распределения инвестиций $\gamma = I_n/I_s$.

Темп каждого вида инвестиций определится сложившимся режимом технологического развития, обновления. Этот режим детерминирован тем, насколько технологичность будет возрастать от осуществляемых инвестиций в новые и старые технологии. В частности, наиболее весомое значение имеет повышение технологичности от осуществления инвестиций в новые технологии. Вполне возможен вариант, когда инвестиции в новые технологии не приводят к ощутимому увеличению технологичности, на которую оказывают большее влияние инвестиции в старые технологии. Это говорит о том, что в экономике по тем или иным причинам затруднены процессы технологического замещения, обновления.

Если доля инвестиций в новые технологии полностью зависит от величины осуществляе-

Таблица 1. Основные режимы технологического развития экономики по чувствительности к элементам структуры инвестиций

Рост инвестиций In, Is	Технологичность (рост/снижение)			
	Лидерство	Сдача позиций	Рывок	Деградация
In	Рост	Снижение	Рост	Снижение
Is	Снижение	Рост	Рост	Снижение

Источник: составлено авторами.

мых инвестиций в новые технологии, то есть от того, как удастся нарастить инвестиции в новые технологии, то темп их роста будет зависеть от жесткости институтов, регулирующих решения по замене технологий. Кроме того, институты кредитования, мотивы агентов переходить на новые технологии, наличие самих этих новых технологий до стадии их практического внедрения, а также готовность всех звеньев экономики воспринять такие технологические инновации будут влиять как на складывающийся режим технологического развития, так и на величину инвестиций в новые технологии и их динамизм. Увеличение инвестиций в новые технологии может повышать общий уровень технологичности, но может и не приводить к его существенному увеличению. То же относится и к инвестициям в старые технологии. Таким образом, по чувствительности технологичности к инвестициям в новые и старые технологии можно выделить режимы технологического развития (табл. 1).

Рост инвестиций в старые технологии способен увеличить общий технологический уровень экономики, а в новые технологии — понизить. При этом общая технологичность может возрасти. В связи с этим режимы под названием «лидерство» и «рывок» предполагают, что технологичность возрастает. Причем основной вклад в увеличение должны давать инвестиции в новые технологии, особенно для режима технологического развития «лидерство». Рост инвестиций в старые технологии при таком режиме действует в направлении понижения технологичности, но общий уровень технологичности увеличивается исключительно за счет новых технологий. Механизм замещения старых технологий новыми срабатывает и на уровне инвестиций. При развитии по режиму «сдача позиций» рост инвестиций в новые

технологии не повышает технологичность, она понижается, а инвестиции в старые технологии действуют в направлении повышения технологичности. При этом общая технологичность может возрасти. Технологический рывок наблюдаем, когда оба вида инвестиций способствуют повышению технологического уровня. Здесь имеет значение эластичность технологичности по каждому виду инвестиций, характеризующая, какой вид инвестиций обеспечивает больший прирост технологичности. С учетом того, что этот режим технологического развития обозначен как «рывок», инвестиции в новые технологии должны в большей степени влиять на повышение общей технологичности. Если рост инвестиций в новые и старые технологии не приводит к повышению технологичности экономики, то такой режим можно обозначить как технологическую деградацию. Его характеристиками являются высокий уровень отсталости по технологиям, значительные издержки и низкая эффективность.

С помощью предложенной в таблице 1 матрицы основных технологических режимов можно осуществить ранжирование стран или отдельных регионов по типу технологического режима, связав его с моделью экономического роста.

Повышение технологического уровня имеет массу эффектов последствия, то есть одних инвестиций недостаточно. К тому же может присутствовать эффект насыщения, когда при повышении технологического уровня становится все труднее повышать его далее в силу увеличивающихся затрат, расширяющихся потребностей в новых инвестициях, роста институциональных проблем развития. Возникающие дисбалансы на рынке труда и капитала тоже действуют в этом направлении, влияя на технологическое обновление.

Исходный технологический уровень также определяет динамизм и эффективность экономики, возможность замещения технологий. Процесс замещения технологий ориентируется на ожидаемый доход, окупаемость, которая зависит от сложившихся к текущему моменту технологических возможностей и состояния рынков.

Структурный анализ полезен в смысле не только идентификации конкретной экономики с точки зрения реализуемой модели ее роста, но и технологического развития, может применяться в компаративных исследованиях при сравнении результатов экономического развития стран, для получения прогноза в области развития технологий и качества экономического роста, структуры экономики. Его можно использовать для верификации мер макроэкономической политики, поскольку идентификация модели роста и технологического развития позволяет согласовать методы секторальных и сугубо макроэкономических воздействий, часто конфликтующих друг с другом.

Далее рассмотрим представленный подход на примере наиболее крупных игроков мировой технологической динамики: США, Германии и Китая, а также России как важного игрока в современной глобальной конкуренции по отдельным технологическим направлениям. Проведем структурный анализ динамики ВВП согласно полученному выражению (2), учитывая структуру инвестиций – разделение инвестиций на инвестиции в технологические инновации (инвестиции в новые технологии) и прочие инвестиции (инвестиции в старые технологии), как разницу между валовыми инвестициями и инвестициями в технологические инновации. Затем проанализируем чувствительность технологичности, под которой понимается отношение объема инновационных отгруженных товаров, работ, услуг к величине неинновационных товаров, к инвестициям в новые и старые технологии, что позволит идентифицировать сложившуюся модель технологического развития каждой страны. Итогом проводимого анализа выступает оценка влияния структуры инвестиций и технологического обновления на экономический рост государств, показывающих различную экономическую динамику и характеризующихся различным уровнем технологического развития.

Сравнительный анализ структурной динамики экономик США, Германии, Китая и России

Представим структурную динамику ВВП следующих стран: США, Германия, Китай и Россия – в период 2001–2017 гг.³ (рис. 1–4)⁴, отдельно выделив изменение вклада инвестиций в новые и старые технологии и оценив точность расчета, сравнивая расчет по «структурным формулам» (1) и (2) с фактическими данными по росту экономик указанных стран. Для Китая и России отклонение расчетных от фактических значений наиболее существенное, что можно связать с качеством данных или с особенностями их представления. Для Германии и США точность расчета довольно высокая.

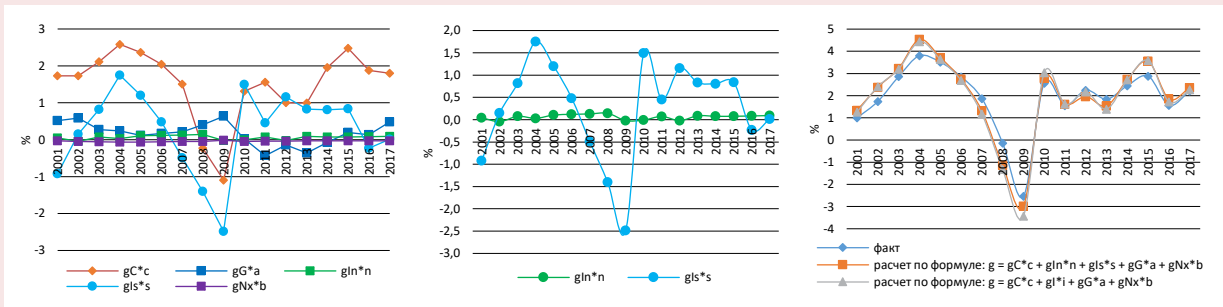
Из рис. 1 следует, что в США на рассматриваемом отрезке времени сложилась потребительская модель роста, так как валовое потребление вносит основной вклад в экономическую динамику. Второй по значимости вклад принадлежит инвестициям в старые технологии. Инвестиции в новые технологии вносят весьма незначительный вклад в темп роста.

Для экономики Германии до 2012 года характерна смешанная модель экономического роста, не обнаруживающая одной доминирующей компоненты ВВП по вкладу в темп роста. Однако особенностью является то, что инвестиции в новые технологии вносят в отдельные годы основной вклад в темп экономического роста Германии. На значительном отрезке времени вклад в темп роста инвестиций в новые технологии сопоставим или выше вклада в темп роста инвестиций в старые технологии. С 2012 года начинает доминировать

³ Для РФ используется период 2006–2018 гг., так как статистика по инвестициям имеется с 2005 года.

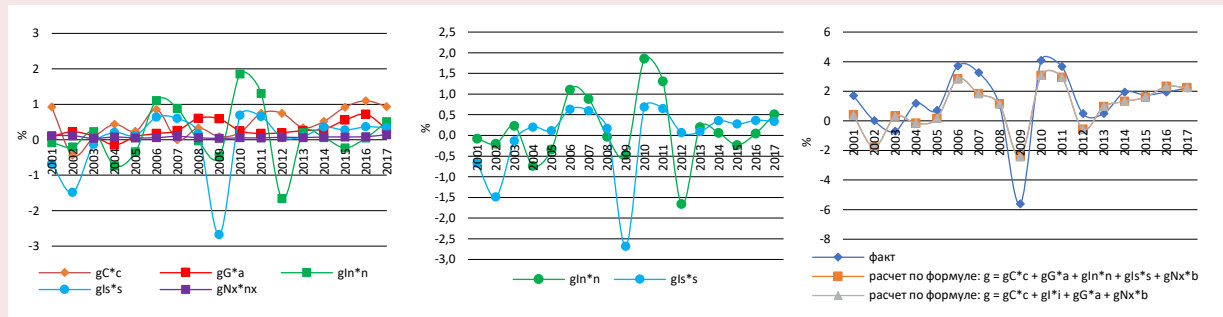
⁴ Источником для расчетов являются данные Всемирного банка по странам, по России – Росстата (<https://www.gks.ru/accounts>). Согласно методике Росстата применительно к России элементы использования ВВП приведены в сопоставимые цены с учетом индекса-дефлятора и индекса физического объема элементов использования ВВП. 2002–2011 гг. приведены к ценам 2008 г., 2012–2015 – к ценам 2011 г., 2016–2018 – к ценам 2016 г. Источники по другим странам: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.KD.ZG?locations=DE>; <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.ZS>; <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.GOVT.ZS?locations=DE>; <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.ZS?locations=DE>; <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.KD.ZG?locations=CN>

Рис. 1. Структурная динамика ВВП по компонентам (слева), вклад инвестиций (в центре), точность расчета (справа), США, 2001–2017 гг.

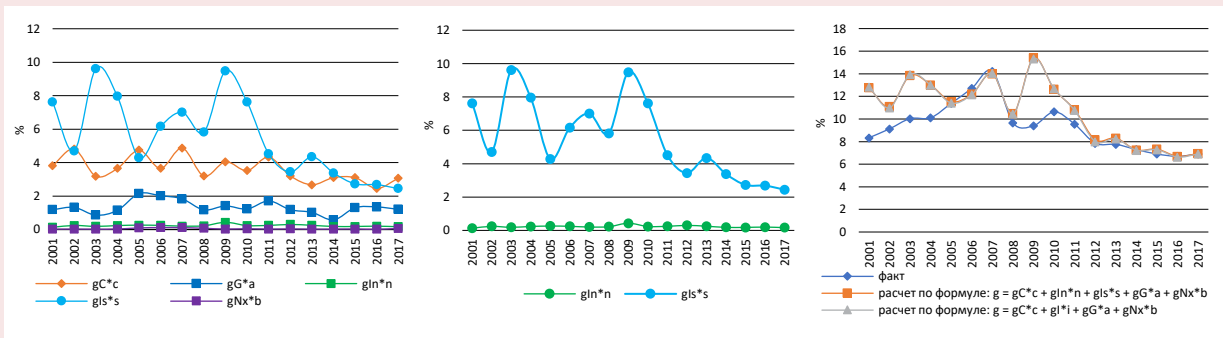
Источник: данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/>

Рис. 2. Структурная динамика ВВП по компонентам (слева), вклад инвестиций (в центре), точность расчета (справа), Германия, 2001–2017 гг.

Источник: данные Евростата. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>

Рис. 3. Структурная динамика ВВП по компонентам (слева), вклад инвестиций (в центре), точность расчета (справа), Китай, 2001–2017 гг.

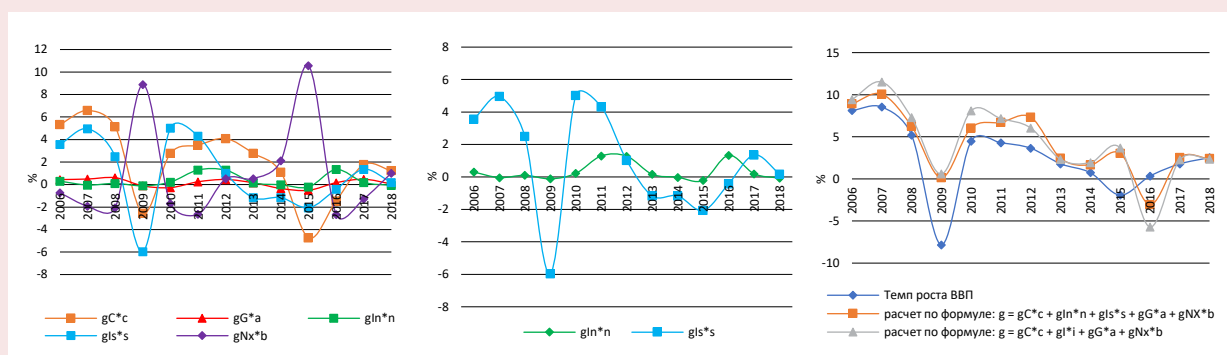

Источник: данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/>

валовое потребление, вклад инвестиций в старые технологии становится выше вклада в темп роста инвестиций в новые технологии. Тем самым можно утверждать, что для потре-

бительской модели роста как в США, так и в Германии с 2012 года характерен более высокий вклад инвестиций в старые, а не в новые технологии.

Рис. 4. Структурная динамика ВВП по компонентам (слева), вклад инвестиций (в центре), точность расчета (справа), Россия, 2006–2018 гг.

Источник: данные Росстата. URL: <https://www.gks.ru/accounts>

В Китае сложилась инвестиционная модель экономического роста, так как именно инвестиции дают наибольший вклад в темп роста на исследуемом интервале времени. Однако вклад инвестиций в старые технологии много выше вклада в темп роста инвестиций в новые технологии. Обращает на себя внимание, в отличие от США, что правительственные расходы вносят в темп роста Китая ощутимый вклад. Однако основополагающий вклад в темп роста принадлежит инвестициям в старые технологии, что является символом развития традиционных отраслей экономики Китая.

В среднем темп роста российской экономики был выше, нежели темп роста экономики США и Германии в 2006–2017 гг. Судя по рис. 4, для России характерна потребительски-смешанная модель экономического роста, то есть имеются годы, когда по вкладу в темп роста полностью доминирует валовое потребление, и всего три года на рассматриваемом отрезке, когда основной вклад в темп роста вносят инвестиции. В кризисные годы (2009 и 2015) доминировал чистый экспорт, выступая компонентой сопротивления кризису. В 2016 году основной вклад в темп роста вносят инвестиции в новые технологии. Вместе с тем реализация приоритетов не позволяла ощутимо увеличить общую технологичность российской экономики (рис. 5).

Рис. 5 дает представление об общем уровне технологичности в рассматриваемых странах. Самый высокий уровень демонстрирует Герма-

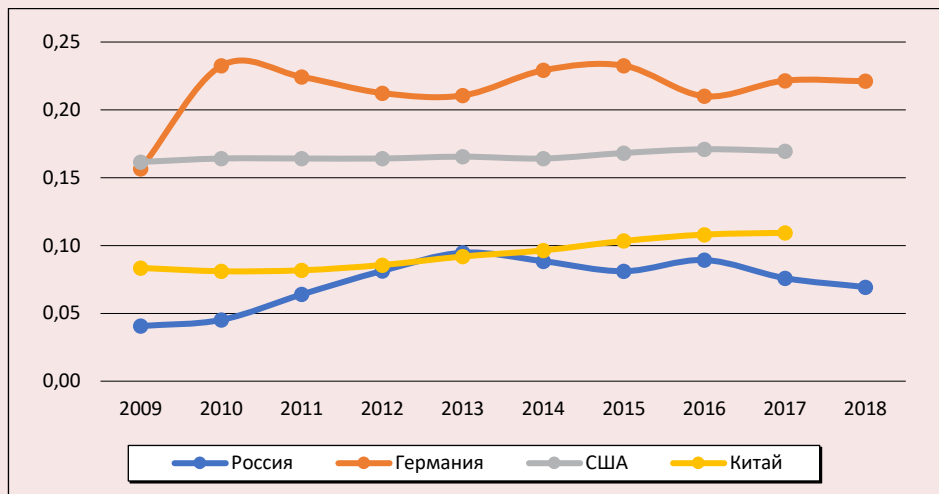
ния, для которой инвестиции в новые технологии вносят наибольший вклад в темп экономического роста. Ей уступают США. Технологичность Китая и России совпала только в 2013 году, на всем промежутке времени данный показатель в России меньше, чем в Китае, причем если до 2013 года технологичность в России возрастала, то с 2013 года она в среднем понижается. Имеются периоды повышения и снижения технологичности и в Германии, но сама величина этого показателя примерно в 2,5 раза выше, нежели в России.

Рассматриваемые нами страны, помимо величины инвестиций, отличаются по чувствительности технологичности к инвестициям в новые и старые технологии. Далее предпринят эконометрический анализ, позволивший выделить модели связи технологичности и инвестиций в новые и отдельно в старые технологии (рис. 6–9).

Экономика США показывает зависимость от инвестиций в новые и старые технологии как основных факторов повышения технологического уровня. Отметим, что по величине инвестиций в старые и новые технологии США являются безусловным лидером среди рассмотренных стран, инвестируя ежегодно от 2 до 3 трлн долл. в старые и от 400 до 500 млрд долл. — в новые технологии⁵. Вторую позицию занимает Китай, инвестируя ежегодно в старые технологии примерно от 2,5 до 4 трлн долл., а в новые — от 100 до 220 млрд долл.

⁵ Рассмотрен интервал 2009–2017 гг. (по рис. 6–9).

Рис. 5. Уровень технологичности в США, Германии, Китае и России, 2009–2018 гг.

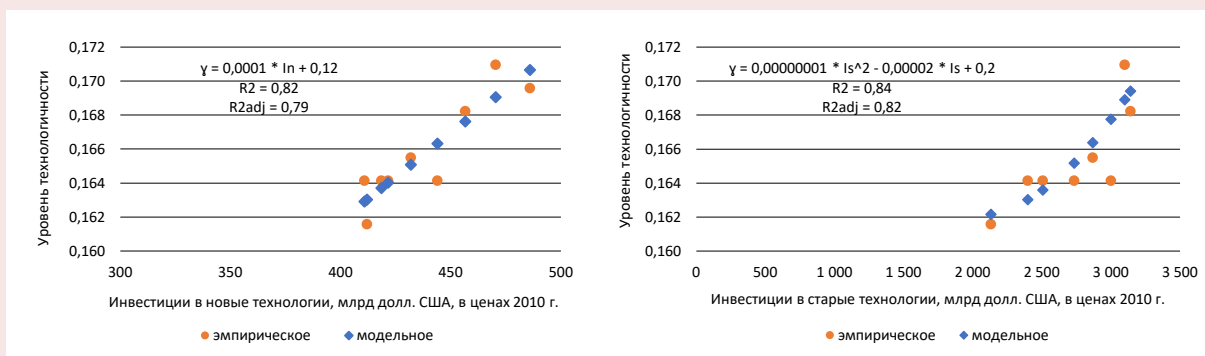

Источник: данные Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477>, https://www.gks.ru/enterprise_industrial; данные Евростата. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>; данные Бюро экономического анализа США. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=51&step=1>; данные Национального бюро статистики Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

Германия инвестирует в старые технологии от 530 до 650 млрд долл., в новые – от 90 до 120 млрд долл. Россия уступает всем рассмотренным странам, располагая самым малым объемом инвестирования как в старые, так и осо-

бенно в новые технологии (400 млрд долл. и 18 млрд долл. соответственно). Это на порядок меньше, чем Китай, в 2–6 раз меньше, чем Германия, и в 20 с лишним раз меньше, чем США инвестируют в новые технологии.

Рис. 6. Технологичность и инвестиции в новые* (слева) и старые** (справа) технологии в США, 2009–2017 гг. в ценах 2010 года

* Статистики модели: F-критерий = 33, D-Врасчет. = 2,6 € [1,32; 2,68], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 1,17, χ^2 крит. = 15,5

** Статистики модели: F-критерий = 18,6, D-Врасчет. = 1,7 € [1,32; 2,68], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 2,25, χ^2 крит. = 15,5

Источник: данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/>

Немецкая экономика в плане повышения технологичности сильно зависит от инвестиций в новые технологии, меньше — от инвестиций в старые технологии (рис. 7). Оба вида инвестиций действуют в направлении увеличения общей технологичности.

Экономика Китая демонстрировала увеличение технологичности при росте инвестиций в новые и старые технологии (рис. 8), хотя в старые технологии вкладывалось на порядок больше ресурсов, чем в новые.

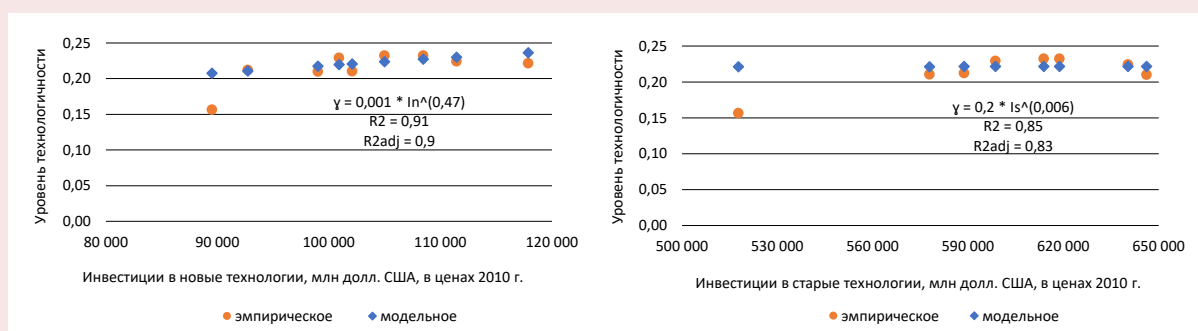
Как следует из рис. 9, в российской экономике в период 2009–2017 гг. некоторый рост инвестиций в старые технологии увеличивал технологичность, затем приводил к ее снижению. Рост инвестиций в новые технологии

сопровождался общим снижением технологического уровня. Причинами этого, предположительно, являются низкая чувствительность технологических цепочек в силу имеющихся в них разрывов к инвестициям в новые технологии и недостаточный их масштаб.

Следовательно, имелся период, когда технологичность возрастала за счет инвестиций в старые технологии и понижалась при осуществлении инвестиций в новые и старые технологии.

Поскольку в российской экономике наблюдается рост инвестиций в новые технологии при снижении общей технологичности, а рост инвестиций в старые технологии имеется при увеличении технологичности и при ее снижении, то характер технологического развития

Рис. 7. Технологичность и инвестиции в новые* (слева) и старые** (справа) технологии в Германии, 2009–2017 гг. в ценах 2010 года

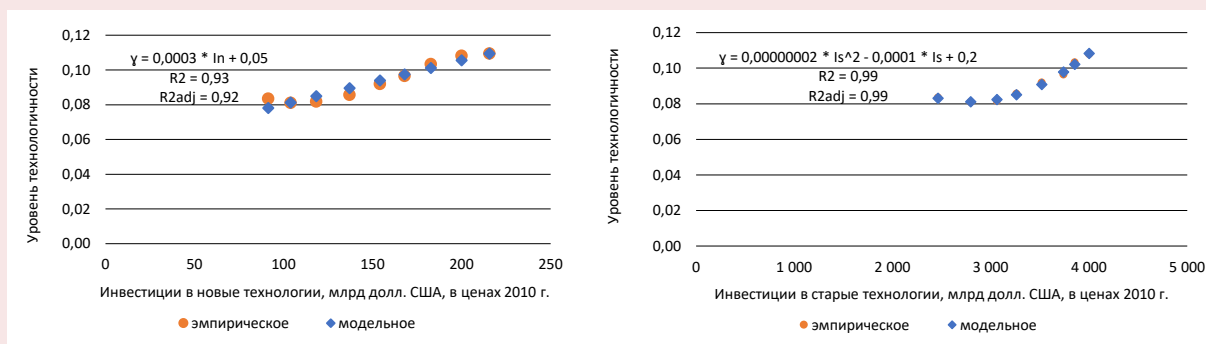

* Статистики модели: F-критерий = 11,7, D-Врасчет. = 2 € [1,32; 2,68], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 0,22, χ^2 крит. = 15,5

** Статистики модели: F-критерий = 5,7, D-Врасчет. = 1,7 € [1,32; 2,68], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 0,09, χ^2 крит. = 15,5

Источник: данные Евростата. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>

Рис. 8. Технологичность и инвестиции в новые* (слева) и старые** (справа) технологии в Китае, 2009–2017 гг. в ценах 2010 года

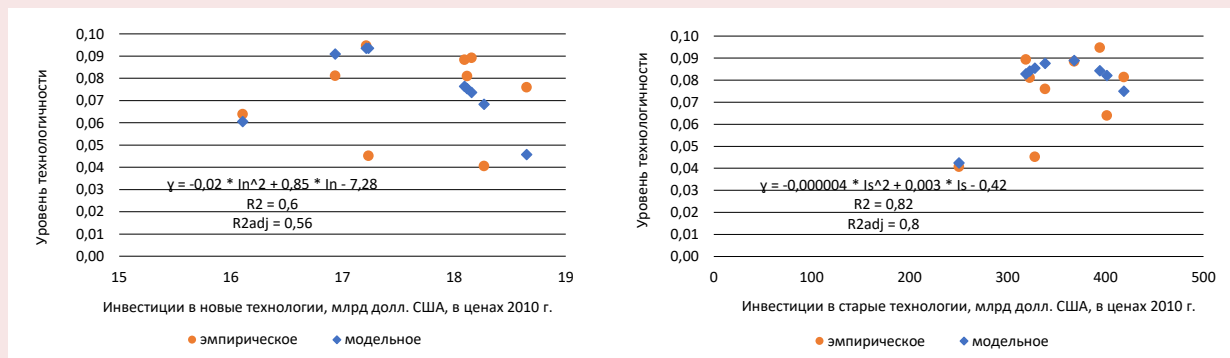

* Статистики модели: F-критерий = 94,2, D-Врасчет. = 1,4 € [1,32; 2,68], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 1,55, χ^2 крит. = 15,5

** Статистики модели: F-критерий = 923,4, D-Врасчет. = 1,7 € [2,6; 2,68], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 0,39, χ^2 крит. = 15,5

Источник: данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/>

Рис. 9. Технологичность и инвестиции в новые* (слева) и старые** (справа) технологии в России, 2009–2017 гг. в ценах 2010 года

* Статистики модели: F-критерий = 7,2, D-Wрасчет. = 1,6 € [1,32; 2,68], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 4,78, χ^2 крит. = 15,5

** Статистики модели: F-критерий = 23,2, D-Wрасчет. = 2,5 € [1,32; 2,68], Тест Уайта: χ^2 расчет. = 2,25, χ^2 крит. = 15,5
Источник: данные Росстата. URL: <https://www.gks.ru/accounts>

располагается между режимом «сдача позиций» и «технологическая деградация» (табл. 2). При этом происходит перемещение с одного режима на другой.

Китайская экономика демонстрирует режим технологического развития типа «рывок». В связи с тем, что в немецкой экономике на рост технологичности наиболее сильное влияние оказывают инвестиции в новые технологии, а инвестиции в старые технологии практиче-

ски не сказываются на увеличении технологичности, такой режим можно отнести к типу «технологическое лидерство» (см. табл. 2). В США обнаружен рост технологичности от инвестиций двух типов, однако невысокий, что характерно для режима «технологического лидерства», а рывок может наблюдаться лишь по отдельным технологическим направлениям. Тем самым в США сочетаются два режима технологического развития.

Таблица 2. Модели экономического роста и режимы технологического развития США, Германии, Китая и России

Страна	Модель экономической динамики* (по рис. 1–4)	Чувствительность технологичности к инвестициям в новые технологии	Чувствительность технологичности к инвестициям в старые технологии	Режим технологического развития** (по рис. 6–9)
США	Потребительская	Рост инвестиций – рост технологичности (незначительный)	Рост инвестиций – рост технологичности (незначительный)	Лидерство/рывок
Германия	Смешанная	Рост инвестиций – рост технологичности (сильное влияние)	Рост инвестиций – слабый рост технологичности (слабое влияние)	Лидерство
Китай	Инвестиционная	Рост инвестиций – рост технологичности	Рост инвестиций – рост технологичности	Рывок
Россия	Потребительски-смешанная	Рост инвестиций – снижение технологичности	Рост инвестиций – снижение и небольшое повышение технологичности	Сдача позиций/деградация

* Модели экономической динамики для США, Германии, Китая в период 2001–2017 гг., для России в период 2006–2018 гг. по причине имеющихся данных за соответствующие годы.

** Режимы технологического развития выделены для стран в период 2009–2017 гг. по причине наличия данных для указанных лет на момент проведения исследования.

Источник: составлено авторами по рис. 1–9, табл. 1.

Как следует из таблицы 2, лидерство в области технологического развития обеспечивается при смешанной и потребительской модели роста. Сдача позиций и технологическая деградация проявляются для потребительски-смешанной модели роста. Технологический рынок характерен для инвестиционной модели. Другие режимы технологического развития могут проявляться при различных моделях экономического роста.

Среднегодовой темп роста в России оказался вторым после Китая (табл. 3) в период 2001–2017 гг. Однако устойчивость роста, измеряемая по среднеквадратическому отклонению душевого ВВП за период 2000–2018 гг., была низкой (отклонение высокое), в отличие от Китая и США. Инновационная модель роста в Германии характеризовалась наибольшей неустойчивостью, что имманентно инновационной динамике.

Темп экономического роста сильно зависел от вклада инвестиций в новые и старые техно-

логии для Германии, для Китая, причем в большей степени от вклада в рост инвестиций в старые технологии. Что касается США, то вклад темпа роста инвестиций в новые технологии практически не влиял на сам темп роста, в отличие от вклада инвестиций в старые технологии. В России вклад инвестиций в новые технологии практически не влиял на темп роста, однако вклад инвестиций в старые технологии оказался существенным.

На рис. 10 приведен расчет чувствительности технологичности к изменению инвестиций в новые и старые технологии за период 2010–2017 гг. Диаграмма содержит показатель, который выражает изменение технологичности в процентах при увеличении инвестиций на один процентный пункт.

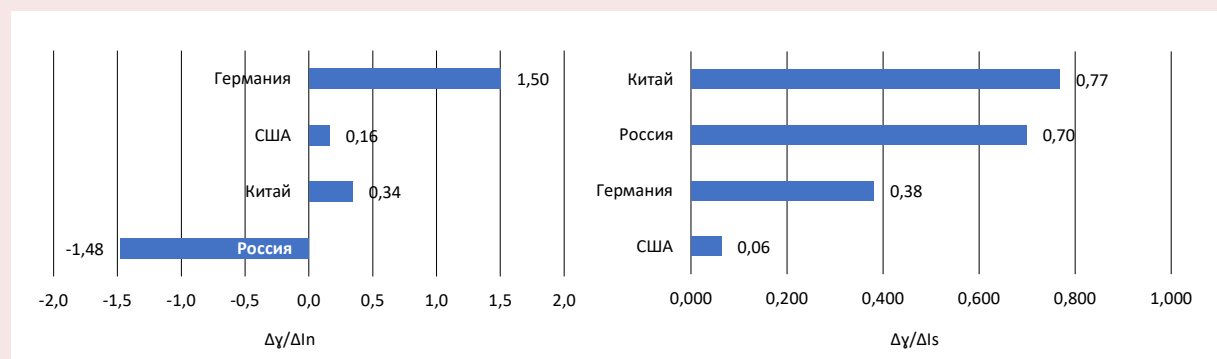
Увеличение инвестиций в новые технологии на один процент понижало технологичность российской экономики на 1,48%. Такой результат требует интенсификации усилий по инвестированию новых технологий, расширяя мас-

Таблица 3. Среднегодовой темп роста и его устойчивость, 2000–2018 гг.

	Среднегодовой темп роста ВВП, %	Среднеквадратическое отклонение изменения душевого валового продукта в ценах 2010 года, за период 2000–2018 гг., долл.
Россия	3,77	1932,09
Германия	1,41	3284,1
США	2,07	912,3
Китай	9,14	222,4

Источники: данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/>; данные Евростата. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>, данные Росстата. URL: <https://www.gks.ru/accounts>

Рис. 10. Чувствительность технологичности к изменению инвестиций в новые (слева) и старые (справа) технологии по странам, 2010–2017 гг.

Источники: данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/>; данные Евростата. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>; данные Росстата. URL: <https://www.gks.ru/accounts>

штаб их применения и объем инвестиций. Особо следует воздействовать на повышение степени восприимчивости экономической среды к новым технологиям. Наиболее чувствительна к инвестициям в новые технологии технологичность немецкой экономики. При увеличении инвестиций в новые технологии на 1% технологичность возростала на 1,5%, то есть примерно на столько же, насколько технологичность российской экономики понижалась. Вторым после Германии по показателю чувствительности технологичности к инвестициям в новые технологии оказался Китай, за ним – США. К инвестициям в старые технологии наиболее чувствительна технологичность экономики Китая, затем – технологичность российской экономики. Далее располагаются Германия с двукратным отрывом и США с десятикратным отрывом от чувствительности технологичности к инвестициям в старые технологии относительно российской и китайской экономик. Тем самым получено весьма интересное соотношение. Инвестиции в старые технологии могут вносить существенный вклад в динамику ВВП, но технологичность ощутимо не повышать. А инвестиции в новые технологии могут практически не давать вклада в динамику ВВП, но существенно влиять на повышение технологичности. Только для Германии влияние на динамику ВВП и технологичность для инвестиций в новые технологии совпадает. Четко видно, что из четырех стран оформились две пары. Первая пара – Германия и США, где чувствительность технологичности высока к инвестициям в новые технологии и низка – к инвестициям в старые. Вторая пара – Россия и Китай, где, наоборот, чувствительность высока к инвестициям в старые и низка к инвестициям в новые технологии.

Таким образом, важной задачей выступает изменение условий для распределения инвестиций между новыми и старыми технологиями, трансформации институтов, мотивов инвестирования, для того чтобы изменить чувствительность реакции технологического уровня на поступающий ресурс в виде инвестиций и т. д. Следовательно, обычного наращивания инвестиций для обеспечения роста недостаточно, более того, вклад в рост может присутствовать, но уровень технологичности при том

существенно изменяться не будет. Данное обстоятельство выступает ценным, на наш взгляд, условием при планировании политики роста, так как сведение ситуации только к обеспечению темпа роста может обернуться тем, что в будущем соответствующие факторы будут недоразвиты, с вытекающим конкурентным поражением страны на мировом рынке.

Заключение

Проведенное исследование вносит вклад в развитие теории экономического роста и технологических изменений благодаря учету структуры инвестиций в новые и старые технологии, выделению режимов технологической динамики. Это позволяет оценить не только вклад инвестиций в различные виды технологических возможностей, но и влияние технологического обновления на темп роста. Прикладное значение сводится к возможности провести сопоставительный анализ траекторий технологического развития и роста для различных стран, регионов с учетом чувствительности уровня технологичности к инвестициям в новые и старые технологии.

Подводя итог исследованию, приходим к следующим наиболее важным выводам, составляющим определенную перспективу для проведения дальнейшей поисковой работы в рамках данной темы.

Во-первых, достижение макроэкономических целей развития требует осуществлять структурный анализ динамики целевых показателей, что необходимо для определения причин и степени влияния инструментов на их изменение. Инвестиции способны ускорить рост даже в текущем режиме, но, например, не смогут быстро увеличить технологичность, особенно если наращиваются инвестиции в старые технологии. В настоящее время пропорция по инвестициям в ведущих по экономическому развитию странам сложилась не в пользу инвестиций в новые технологии. Однако в одних государствах они вносят основной вклад и в динамику экономики, и в рост технологичности, в других – вклад в изменение и динамики, и технологичности весьма скромный. Имеются примеры, в частности Россия, где рост технологичности осуществляется за счет инвестиций в старые технологии, то есть за счет их некоторого обновления.

Во-вторых, быстрое увеличение инвестиций в новые технологии может положительно сказаться на вкладе в темп экономического роста, однако совсем не означает, что технологичность реагирует на такое быстрое увеличение и возрастает. Она может даже понизиться, что наглядно демонстрирует пример развития российской экономики. Тем самым возникает несогласованная динамика, при которой инвестиции могут положительно повлиять на темп роста, но не обеспечить увеличения технологичности экономики.

В-третьих, инвестиции в новые и старые технологии способны обеспечивать режим технологического развития в виде рывка, то есть существенно повышать технологичность и одновременно вносить основной вклад в темп экономического роста. В этом случае, как видно по китайской экономике, доминировать могут инвестиции в старые технологии. Однако инвестиции в новые технологии позволяют постепенно занимать ведущие конкурентные позиции в области высоких технологий.

В-четвертых, инвестиции в новые технологии могут давать более значимый вклад в темп роста и быть локомотивом в повышении технологичности, что характерно для Германии, несмотря на то что модель экономического роста является смешанной. Тем не менее в ней впол-

не рельефно виден вклад инвестиций в новые технологии, в отличие от других рассмотренных стран.

В-пятых, изменить влияние инвестиций на технологичность возможно не только за счет увеличения объема инвестиций, например в новые технологии, но и за счет институциональных коррекций, регулирующих распределение инвестиций, потоки, технологическое обновление. Конечно, исходное состояние технологической базы будет сильно влиять на чувствительность технологичности к увеличению соответствующих инвестиций, как и достигнутый технологический уровень. Чем он выше, тем, видимо, ниже окажется чувствительность. Это наглядно видно по изменению технологичности Германии и США, занимающих верхний уровень по величине технологичности.

Таким образом, при планировании экономической политики роста необходимо не только принимать во внимание сложившуюся модель экономической динамики с оценкой поведения структурных элементов, но и в эпоху скоростных технологических изменений учитывать чувствительность технологичности к формируемой структуре инвестиций. То есть требуется прилагать усилия по обоснованному формированию такой структуры. Представленный нами анализ помогает решать подобные задачи на уровне макроуправления.

Литература

1. Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P. The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal. *Economia*, 2017, vol. 18, issue 3, pp. 392–410. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.econ.2017.05.003>
2. Freire C. Economic diversification: A model of structural economic dynamics and endogenous technological change. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, vol. 49, pp. 13–28. DOI: 10.1016/j.strueco.2019.03.005
3. Alonso-Carrera J., Raurich X. Labor mobility, structural change and economic growth. *Journal of Macroeconomics*, 2018, vol. 56, pp. 292–310. DOI: 10.1016/j.jmacro.2018.03.002
4. Samaniego R. M., Sun J. Y. Productivity growth and structural transformation. *Review of Economic Dynamics*, 2016, vol. 21, pp. 266–285. DOI: 10.1016/j.red.2015.06.003
5. Pi J., Zhang P. Structural change and wage inequality. *International Review of Economics & Finance*, 2018, vol. 58, pp. 699–707. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.iref.2018.07.010>
6. Brancaccio E., Garbellini N., Giammetti R. Structural labour market reforms, GDP growth and the functional distribution of income. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2018, vol. 44, pp. 34–45.
7. Cutrini E. Economic integration, structural change, and uneven development in the European Union. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, vol. 50, pp. 102–113. DOI: 10.1016/j.strueco.2019.06.007
8. Vu K. M. Structural change and economic growth: Empirical evidence and policy insights from Asian economies. *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 41, 2017, pp. 64–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2017.04.002>

9. Aghion P., Akcigit U., Howitt P. Lessons from Schumpeterian Growth Theory. *The American Economic Review*, 2015, vol. 105, no. 5, pp. 94–99. DOI: 10.1257/aer.p20151067
10. Breschi S., Malerba F., Orsenigo L. Technological Regimes and Schumpeterian Patterns of Innovation. *The Economic Journal*, 2000, vol. 110, no. 463, pp. 388–410. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00530>
11. Castellacci F. A Neo-Schumpeterian Approach to Why Growth Rates Differ. *Revue économique*, 2004, vol. 55, no. 6, pp. 1145–1169. DOI:10.3917/reco.556.1145
12. Landesmann M.A., Stölling R. Structural change, trade and global production networks: An ‘appropriate industrial policy’ for peripheral and catching-up economies. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, vol. 48, pp. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2018.04.001>
13. Sukharev O.S. *The Theory of Economic Growth: Institutions, Structures, Technologies and Information*. Moscow, 2019.
14. Sukharev O.S. The restructuring of the investment portfolio: the risk and effect of the emergence of new combinations. *Quantitative Finance and Economics*, 2019, no. 3 (2), pp. 390–411. DOI: 10.3934/QFE.2019.2.390
15. Sukharev O.S. Structural analysis of income and risk dynamics in models of economic growth. *Quantitative Finance and Economics*, 2020, vol. 4 (1), pp. 1–18. DOI: 10.3934/QFE.2020001
16. Iamsiraroj S. The foreign direct investment–economic growth nexus. *International Review of Economics & Finance*, 2016, vol. 42, pp. 116–133. DOI: 10.1016/j.iref.2015.10.044
17. Romano L., Traù F. The nature of industrial development and the speed of structural change. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2017, vol. 42, pp. 26–37. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2461290>
18. Brondino G. Productivity growth and structural change in China (1995–2009): A subsystems analysis. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, vol. 49, pp. 183–191. DOI: 10.1016/j.strueco.2018.09.001
19. Vo L.V., Le H.T.T. Strategic growth option, uncertainty, and R&D investment. *International Review of Financial Analysis*, 2017, vol. 51, pp. 16–24. DOI: 10.1016/j.irfa.2017.03.002
20. Felice G. Size and composition of public investment, sectoral composition and growth. *European Journal of Political Economy*, 2016, vol. 44, pp. 136–158. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2016.07.001
21. Andreoni A., Chang H-J, Scazzieri R. Frontiers of Industrial Policy: Structures, Institutions and Policies. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, vol. 48, pp. 1–150.

Сведения об авторах

Олег Сергеевич Сухарев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: o_sukharev@list.ru)

Екатерина Николаевна Ворончихина – кандидат экономических наук, старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: voronchikhina.katya@yandex.ru)

Sukharev O.S., Voronchikhina E.N.

Structural Dynamics of the Economy: Impact of Investment in Old and New Technologies

Abstract. The purpose of the study is to determine the degree of impact of investment in technological renewal on economic growth, to establish the ratio of the contribution of investment in old and new technologies to the growth rate. This problem is solved when considering the GDP structural dynamics by expenditure in the case of the United States, Germany, Russia and China. The research methodology is based on structural analysis, which establishes a “structural formula” assessing the contribution of investment in new and old technologies to the growth rate of the economy, as well as the contribution of other GDP components by expenditure. This approach allows us to distinguish the existing models of economic growth in the countries under consideration – consumer, investment, mixed models and

technological development modes according to the sensitivity of the overall technological economy to investment in new and old technologies. Investment in new technologies is understood as investment in technological innovations, and the overall technological efficiency of the economy is determined by the ratio of the volume of innovative goods shipped and the volume of non-innovative goods, works, and services. The investment breakdown method helps to assess the contribution of investment in new technologies to economic growth, both in a comparative way relative to other GDP components, and for the considered countries. The result of the study is the identification of the economic growth model by the largest contribution to GDP component in the period under review, the contribution to the rate of investment in new and old technologies, as well as the determination of the sensitivity of technology to investment in new and old technologies in the United States, Germany, China and Russia. The analysis found that the impact of investment on the GDP dynamics and the level of technology is not synchronized, which requires to change the approach to macroeconomic policy, aimed not only at stimulating investments as a driver of growth, but also their distribution in such a way which would lead to an increase in the technology of the economy together with changing the institutions.

Key words: GDP structure by expenditure, investment, old and new technologies, manufacturability, economic growth, “structural formula”, model of economic growth, mode of technological development.

Information about the Authors

Oleg S. Sukharev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of RAS (32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: o_sukharev@list.ru)

Ekaterina N. Voronchikhina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Lecturer, Perm State National Research University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: voronchikhina.katya@yandex.ru)

Статья поступила 17.02.2020.

Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации

**Дмитрий Александрович
ИЗОТОВ**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: izotov@ecrin.ru
ORCID: 0000-0001-9199-6226; ResearcherID: S-3876-2017

Аннотация. Целью исследования является оценка торговых эффектов интеграции в АТР, возникающих вследствие процессов глобализации и регионализации, что проявляется в функционировании торговых соглашений и их пролиферации. Показано, что в рамках процесса регионализации в АТР снижаются взаимные торговые барьеры в условиях формирования субглобальной сети двух- и многосторонних торговых соглашений. Определено, что подавляющее большинство функционирующих в мире ЗСТ+ сосредоточено в АТР при тенденции увеличения доли внутрирегиональной торговли. Выявлены общие закономерности интеграционных процессов в АТР на основе декомпозиционной оценки эффектов торговых соглашений в рамках синтезированного современного подхода к оценке гравитационных зависимостей. Интеграционные процессы в АТР в долгосрочном периоде генерировали эффект создания торговли для стран субглобального региона, заключивших торговые соглашения, а эффект от глобализации способствовал увеличению общего эффекта от интеграции. На основе полученных оценок определено, что вклад эффекта от глобализации в общий эффект от интеграции между странами АТР был выше, чем от заключения торговых соглашений. Эффекты от глобализации более чем вдвое увеличивали общий эффект от интеграции для государств АТР, заключивших торговые соглашения. Уточнено, что для осуществляющих пролиферацию торговых соглашений стран АТР увеличение общего эффекта от интеграции происходило преимущественно за счет регионализации. Полученная оценка подтвердила высказанное предположение о наличии дискриминации по отношению к

Для цитирования: Изотов Д.А. Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 91–107. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.5

For citation: Izotov D.A. The effects of Asia-Pacific countries' trade integration in the context of globalization and regionalization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 91–107. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.5

экономикам государств АТР, не расширяющих географию заключенных торговых соглашений в регионе. На основе полученных оценок утверждается, что результативной стратегией для России является увеличение охвата стран АТР для заключения торговых соглашений с целью диверсификации внешней торговли и поддержки экспортно ориентированных отраслей экономики.

Ключевые слова: торговля, интеграция, регионализация, глобализация, торговое соглашение, зона свободной торговли, таможенный союз, общий эффект от интеграции, эффект от глобализации, эффект от заключения торгового соглашения, накопленный эффект от интеграции, страна-экспортер, страна-импортер, АТР.

Введение

За последнюю четверть века товарооборот между странами мира вырос более чем в девять раз; средняя импортная пошлина сократилась в три раза, средневзвешенная – в два раза; доля торгуемых беспошлинно товарных групп в мировом импорте увеличилась более чем в два раза, составляя половину его стоимости¹. Заметное расширение торговых взаимосвязей между странами стало возможным благодаря интеграционным процессам в глобальной и субглобальной экономике.

Во-первых, распространилась практика мультилатерализма [1] в международных экономических отношениях на основе общих механизмов, позволяющих каждой стране пользоваться привилегиями в отношениях со всеми странами-партнерами. Заключение в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) обязательств по либерализации торговли между ведущими экономиками мира, а далее – присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО) с 1994 года практически всех стран мира способствовали общему снижению таможенной нагрузки на торговлю и ее интенсификации [1; 2].

Во-вторых, идет процесс регионализации, понимаемый как построение торгово-экономических отношений определенными странами и группами стран на основе двух- и многосторонних межгосударственных соглашений первоначально ввиду значительного увеличения масштабов внутриотраслевой и внутрифирменной торговли глобального корпоративного сектора [3; 4], далее – по причине отсутствия прогресса в рамках Дохийского раунда ВТО в 2001 году, предполагающий снижение тарифных мер и нетарифных ограничений между раз-

витыми и развивающимися государствами для обоюдного облегчения доступа к рынкам друг друга. Процессы регионализации и отсутствие возможностей для нахождения глобального компромисса между развитыми и развивающимися странами способствовали самостоятельному заключению двух- и многосторонних торговых соглашений [1; 5]. Некоторым группам стран удалось перейти к более зрелым форматам интеграции, т. е. к созданию общего рынка, предполагающего сравнительно свободное перемещение капитала и трудовых ресурсов; экономического союза, заключающегося в координации экономической политики и унификации институциональных норм. К более зрелым форматам может быть отнесен Европейский союз в рамках «традиционной» модели интеграции [5; 6].

Другие страны и объединения находятся на первоначальном этапе двусторонней/многосторонней экономической интеграции. Между ними первоначально заключались частичные по охвату торговые соглашения (ЧТС)², соглашения о создании зон свободной торговли (ЗСТ)³ и таможенного союза (ТС)⁴. Неизбежно функциональная составляющая ЧТС, ЗСТ и ТС стала расширяться за счет охвата других сфер экономических взаимодействий между странами путем заключения соглашений об экономической интеграции, предполагающих, в

² В соответствии с ЧТС сокращение различного рода ограничений распространяется только на определенные товарные группы.

³ ЗСТ предполагает значительную либерализацию торговли между странами-участницами с точки зрения сокращения тарифных мер и нетарифных ограничений, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам.

⁴ В случае создания ТС страны вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран.

¹ Рассчитано на основе статистики ООН и Всемирного банка.

частности, либерализацию торговли услугами. В результате произошло расширение торговых соглашений, согласно модели «нового регионализма» [7], исходные форматы стали смешанными, характеризуясь некоторыми чертами общего рынка. Поэтому ряд заключенных в первоначальных интеграционных формах соглашений стал существовать в расширенном формате. Массовое заключение двусторонних торговых соглашений способствовало проявлению эффекта «домино» [8], означающего расширение двух- или многосторонних торговых соглашений за счет новых стран-членов, с целью нивелирования негативных последствий от неучастия в данном объединении. В итоге на текущий момент в мире функционирует 19 ЧТС, 250 ЗСТ и 17 ТС, из них в расширенном формате – 1, 143 и 5 соответственно.

В-третьих, процесс регионализации неизбежно привел к попыткам создать крупные торговые форматы, к которым способно присоединиться большое число стран-участников, заключивших торговые соглашения. В результате реализующиеся двух- и многосторонние торговые соглашения стали рассматриваться в качестве основы для построения более масштабных форм экономической интеграции в мире [9].

Несмотря на общее снижение барьеров в глобальной торговле, некоторые исследователи видят в процессе регионализации риски для свободной торговли [10]. Одновременное участие стран в различных торговых соглашениях способствовало значительному усложнению и несистемной фрагментации глобального экономического пространства по причине искажения правил свободной торговли и проявления дискриминации [11]. С другой стороны, отмечается, что массовое заключение торговых соглашений, наряду с механизмами ГАТТ и ВТО, способствует снижению тарифной нагрузки на потоки товаров между странами, увеличивая масштабы глобальной торговли [12], это, в свою очередь, способствует укреплению мирных взаимоотношений между государствами, значительно увеличивая издержки вооруженных конфликтов между ними [13].

Интеграционные процессы в рамках регионализации наиболее отчетливо проявились в АТР, на который к 2018 году приходилось более половины мировой торговли. В АТР существен-

но увеличивается внутрорегиональная торговля за счет сокращения тарифных мер и нетарифных ограничений, расширения региональной сети двусторонних и многосторонних торговых соглашений. Можно предположить, что экономики не заключивших торговые соглашения стран АТР подвергаются дискриминации в субглобальном регионе. Россия сейчас относится именно к таким государствам, поскольку вступило в силу⁵ лишь одно подписанное торговое соглашение со странами субглобального региона – расширенное соглашение ЗСТ (в дальнейшем – ЗСТ+) между российской стороной, как участницей Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и Вьетнамом в 2016 году. С другой стороны, к АТР относятся довольно разные экономики и подписанные ими торговые соглашения могут быть недостаточно эффективными. Высказываются мнения [1], что заключение торговых соглашений в ряде случаев было политическим актом, не имея под собой каких-либо экономических оснований. С этих точек зрения важно оценить эффекты от реализации существующих торговых соглашений в АТР для понимания, действительно ли интеграционные процессы в рамках регионализации оказывают положительное влияние на торговлю стран, в него вовлеченных, и как это влияние соотносится с воздействием практики мультилатерализма или процесса глобализации.

Традиционно [14] результативность торговой интеграции возникает в случае превышения эффекта создания над эффектом отклонения торговли⁶. Оценки результативности торговой интеграции в АТР для существующих торговых форматов/соглашений строились главным образом во второй половине 1990-х гг.

⁵ В 2019 году было подписано соглашение о создании ЗСТ между ЕЭС и Сингапуром, которое пока не вступило в силу. Анонсированные в 2010 году переговоры российской стороны с Новой Зеландией о подписании расширенного соглашения ЗСТ были приостановлены после 2014 года.

⁶ Эффект создания торговли отражает переориентацию национального рынка с менее эффективного источника поставки товара на более экономически целесообразный импорт той страны или объединения стран, с которыми осуществляется либерализация торговли. Эффект отклонения торговли означает переориентацию отечественной экономики с покупки определенного ряда товаров на мировом рынке на приобретение продукции из страны или группы стран, с которой заключается преференциальное торговое соглашение.

в рамках классических гравитационных моделей (см., например: [15; 16; 17]), что по причине эндогенности входящих в них параметров приводило к некорректным выводам. При построении более сложных моделей интерес смещен в сторону исключительно перспективных оценок эффектов от создания крупных торговых форматов в АТР [18; 19]. В современных исследованиях торговой интеграции с использованием корректной методики оценки гравитационных зависимостей [20; 21], как правило, не рассматриваются субглобальные компоненты. Эпизодические исследования по некоторым странам Восточной Азии указали на позитивное воздействие торговых соглашений на экономику этих государств и третьих стран [22; 23]. При этом для АТР в целом подобного рода оценки не осуществлялись. Исходя из сказанного, представляется важным оценить эффекты от реализации торговых соглашений между странами АТР, а также определить вклад процесса глобализации в общий эффект торговой интеграции на основе синтеза современных подходов к оценке гравитационных зависимостей.

Таким образом, целью исследования является оценка торговых эффектов интеграции в АТР, возникающих вследствие процесса глобализации, функционирования торговых соглашений и их пролиферации. Предполагается решение следующих задач: проанализировать процесс торгово-экономической интеграции в АТР; выбрать прикладную модель для оценки и сформировать массив данных; оценить эффекты торговой интеграции в АТР. Начальным для анализа стал 1994 год в связи с созданием современного глобального института регулирования торговых взаимодействий – ВТО.

Процесс торговой интеграции в АТР

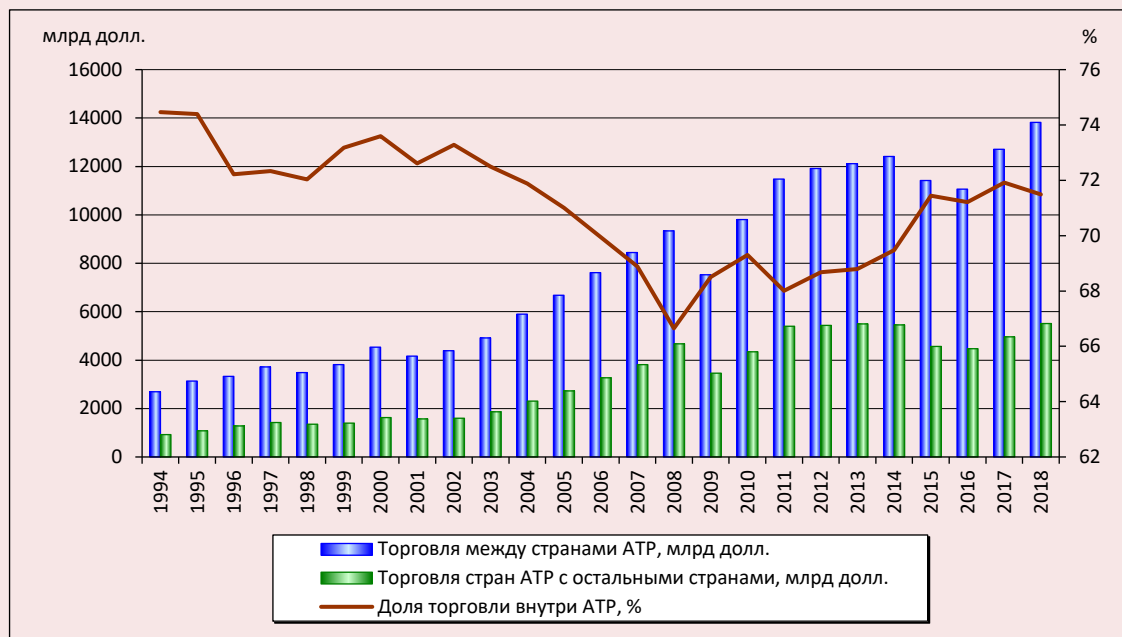
В 1990-е гг. в качестве основной движущей силы интеграционных процессов в АТР выступил крупный субглобальный (на первом этапе японский [24; 25]) и глобальный корпоративный сектор, осуществляющий производственный процесс в рамках вертикальной торговли для последующего распределения готовой продукции по всему миру [26]. В результате в АТР стала отчетливо проявляться фрагментация производства в пространстве как характерный элемент процесса современной глобальной интеграции [27]. В сочетании с пространственной

фрагментацией производства значительно увеличились расстояния, на которые стали перемещаться товары конечного и промежуточного спроса, что послужило основой для интеграции региональных рынков [28]. Рост торговли и производства в АТР, преимущественно в Восточной Азии, стал достигаться благодаря созданию сборочных производств на основе прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в развивающихся странах с избыточной рабочей силой; увеличению отдачи от масштаба производства в условиях снижения издержек и нивелирования барьеров для внутрифирменной торговли. В результате в 1990-е гг. доля внутрирегиональной торговли в АТР характеризовалась высокими значениями за счет постепенного создания производственной структуры взаимодействий между развитыми и развивающимися странами, расположенными главным образом в Восточной Азии (*рис. 1*).

Затем, в 2000-е гг., доля внутрирегиональной торговли сокращалась по причине массового переноса промышленных предприятий в Китай и страны Юго-Восточной Азии с целью увеличения экспорта по всему миру готовой продукции, произведенной с минимальными издержками. Также уменьшение ее доли было связано с высокими ценами на энергоносители, поставляемые в АТР из стран Персидского залива, на которые приходилось до трети импорта нефти и нефтепродуктов субглобального региона.

В 2010-е гг. стала увеличиваться доля торговли внутри АТР. Благодаря высоким темпам экономического роста за счет прямого или косвенного участия в субглобальных и глобальных производственных связях емкость рынков большинства развивающихся стран АТР значительно выросла, стимулируя торговлю внутри субглобального региона товарами как промежуточного, так и конечного спроса [29]. Главным генератором роста торговли между странами АТР стала являться китайская экономика, на которую к середине 2010-х гг. приходилось до четверти внутрирегионального товарооборота, по сравнению с 4,0% в конце 1980-х гг. В результате к 2018 году на торговлю между странами АТР приходилось более 70,0% суммарного товарооборота стран субглобального региона.

Рис. 1. Внутрорегиональная и внешняя торговля стран АТР

Источник: рассчитано на основе статистики Всемирного банка.

Помимо торговли товарами, экономика АТР стала главным аккумулятором и транслятором прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире. За исключением нескольких эпизодов, с середины 1990-х гг. по настоящее время доля стран АТР составляет в среднем 55–60% от общемирового объема как исходящих, так и входящих ПИИ⁷. Потоки горизонтальных, вертикальных и экспортных ПИИ в АТР стали проявляться в разной степени, получив название «сетевых» [30].

Ряд стран субглобального региона по причине специфики структуры экономики, отсутствия избыточных трудовых ресурсов и технологий (Россия, Монголия, некоторые государства Латинской Америки), а также по политическим причинам (КНДР) не принимают прямого участия в производственной кооперации в АТР, играя роль экспортера сырьевых товаров либо поставщика ограниченного контингента трудовых ресурсов.

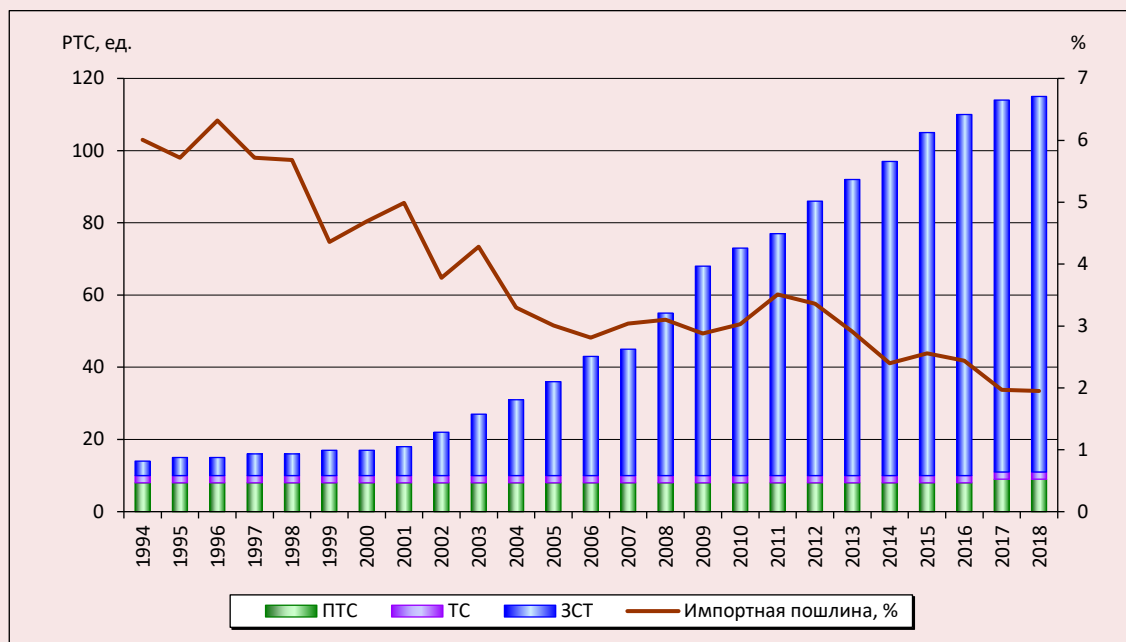
⁷ Рассчитано на основе статистики ООН и Всемирного банка.

Заметные результаты расширения внутререгиональной торговли были бы невозможны без значительного снижения различного рода барьеров в связи с процессами глобализации и регионализации. Со второй половины 1990-х гг. в АТР стали активно заключаться торговые соглашения, первоначально расширившие экономические взаимодействия стран субглобального региона между собой и внешним миром [31], главным образом по причине снижения торговых барьеров. Торговые соглашения страны АТР активно заключали также с государствами, территориально не относящимися к субглобальному региону. В 2000-е гг. практически все страны АТР⁸ присоединились к ВТО. В связи с этим по сравнению с 1990-ми гг. средневзвешенная импортная пошлина стран, входящих в АТР, к 2018 году снизилась почти в три раза⁹ (рис. 2).

⁸ За исключением некоторых малых островных государств, КНДР и России, которая стала полноправным членом ВТО только в 2012 году.

⁹ Импортная пошлина между странами АТР характеризовалась более низкими значениями по сравнению со странами, не входящими в субглобальный регион.

Рис. 2. Количество торговых соглашений и средневзвешенная импортная пошлина в АТР

Примечание: показаны значения эффективной применяемой средневзвешенной импортной пошлины; количество торговых соглашений приведено накопленным итогом. ЧТС – частичное по охвату торговое соглашение, ТС – таможенный союз, ЗСТ – зона свободной торговли. К 2018 году в АТР функционировало 114 торговых соглашений: 9 ЧТС, 103 ЗСТ и 2 ТС, из которых в расширенном формате – 1, 95 и 0 соответственно.

Источник: статистические базы данных ВТО и Всемирного банка.

До 1990-х гг. предпосылок для регионализации и фрагментации в АТР не наблюдалось, политические мотивы в интеграции превалировали над экономическими: предпринимались действия по созданию экономико-политического союза в Латинской Америке и в Океании, а также для поддержки развивающихся стран (Протокол о торговых переговорах, Глобальная система торговых преференций между развивающимися странами и Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение). Также было заключено торговое соглашение между странами Юго-Восточной Азии.

Далее развитие экономических взаимодействий в АТР генерировало возникновение интеграционных форм как между географически близкими странами, так и между государствами, относящимися к определенной группе экономик. В 1990-е гг. заключены многосторонние ЗСТ+ между тремя крупнейшими экономиками Северной Америки (НАФТА) и практически всеми странами Юго-Восточной Азии

(в рамках АСЕАН¹⁰) [5]. Если мотивом для создания НАФТА являлась необходимость расширить торгово-экономические связи, то создание ЗСТ+ на основе АСЕАН вначале не характеризовалось такой целевой установкой, не оказывая какого-либо заметного влияния на торговлю между странами-участницами объединения. Ситуация изменилась после кризиса 1997 года, когда механизмы ЗСТ+ АСЕАН были использованы для глубокой торговой интеграции и кооперации в рамках валютно-денежной политики, а также вовлечения в механизмы ЗСТ других крупных экономик АТР [32].

В 2000-е гг. странами с крупнейшими экономиками, расположенными в южной части Тихого океана (Новой Зеландией, Сингапуром, Чили, а также Брунеем), было подписано соглашение об учреждении Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства в

¹⁰ Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины.

формате ЗСТ+ [9]. Наряду с этим осуществлялись попытки привязать экономики государств Центральной и Южной Америки к рынку НАФТА (Центральноамериканское соглашение о свободной торговле). Произошло сближение стран АСЕАН с Большой тройкой Северо-Восточной Азии – Китаем, Японией и Республикой Корея (в дальнейшем – формат ЗСТ АСЕАН+3) и другими ключевыми партнерами объединения – Индией, Новой Зеландией и Австралией (в дальнейшем – формат ЗСТ АСЕАН+6).

В соответствии с логикой событий к концу первого десятилетия XXI века казалось, что в АТР создаются условия для заключения крупного многостороннего торгового-экономического соглашения в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, охватывающего практически все национальные экономики региона, которое могло бы функционировать в формате ЗСТ. Однако последующее развитие экономических взаимодействий в АТР скорее генерировало сближение географически близких стран. В 2010-е гг. создаются дальнейшие предпосылки для формирования ЗСТ+ между странами НАФТА и экономиками Латинской Америки (Торговое соглашение между Мексикой и странами Центральной Америки, Соглашение о создании Тихоокеанского альянса). С начала 2010-х гг. ведутся активные переговоры о создании ЗСТ+ между странами Большой тройки Северо-Восточной Азии.

Активизация роли США в интеграционных процессах первоначально внесла серьезные коррективы в инерционное расширение торговых соглашений субглобального региона, создав основу для формирования крупных торговых форматов в АТР. Также предпосылками для создания крупных торговых форматов в АТР послужили нарастание отрицательных экстерналий ввиду сложности согласований заключенных торговых соглашений и снижения выгод от их эксклюзивности [33], кризисы 2000-х гг. Данный процесс, с одной стороны, являлся источником для зарождающегося дуализма между США и КНР в субглобальном регионе, с другой – был способен вывести торговые-экономические взаимодействия в АТР, во всяком случае для целого ряда стран региона, на более продвинутый уровень. Впоследствии

США приостановили свое участие в создании мегаформата АТР, и в 2018 году было заключено Всестороннее и прогрессивное соглашение Транстихоокеанского партнерства в формате ЗСТ+ за исключением американской экономики. Параллельно с этим велись переговоры о заключении Всестороннего регионального экономического партнерства, которое базируется на расширении масштабов торгового-экономических взаимодействий в рамках ЗСТ АСЕАН+6.

В результате к 2018 году в АТР было сконцентрировано почти 70% функционирующих в мире ЗСТ+. Нарастающая пролиферация ЗСТ+ в АТР создала условия для возникновения эффекта «чаши спагетти» [34], проявляющегося в издержках от заключенных соглашений для ряда экспортеров [35]. При этом фиксируется тенденция роста доли внутрирегиональной торговли. С этой точки зрения представляется важным оценить торговые эффекты, возникающие вследствие процесса глобализации, функционирования торговых соглашений, а также их пролиферации для экспортирующих и импортирующих стран АТР.

Данные и методика оценки

Методика оценки. Гравитационное моделирование является одним из наиболее распространенных методов оценки интеграционных эффектов, однако только в рамках последнего десятилетия были сформулированы четкие методические рекомендации для решения подобного рода исследовательских задач. Несмотря на проблему эндогенности торговой политики [36], которая приводила к значительному смещению в оценках и, соответственно, к некорректным выводам, долгое время оценка интеграционных эффектов в гравитационных моделях строилась путем включения фиктивной переменной наличия/отсутствия торгового соглашения между странами в правую часть уравнения, наряду с переменными, неизменными во времени и имеющими стоимостные характеристики [15; 16; 17; 37; 38].

Ввиду наличия проблемы эндогенности при определении эффектов интеграции посредством включения фиктивных переменных торговых соглашений оценка гравитационной зависимости имеет свои особенности [20], поскольку в явном виде не включает расстояние, размер торгуемых экономик, а также ключевые

институциональные показатели. Для объяснения данной особенности требуется разложение исходного уравнения гравитации между странами i и j (1):

$$X_{ij} = \frac{A_i w_i^{-\theta} \tau_{ij}^{-\theta}}{P_j^{-\theta}} E_j, \quad (1)$$

где: X_{ij} – экспорт из страны i в страну j ; E_j – общие расходы в стране j на товары различного происхождения, включая товары, произведенные в j ; доля расходов страны j распределяется на товары i и прямо зависит от следующих трех факторов: A_i – характеристика производственных технологий, доступных в стране i , w_i – размер оплаты труда в i , τ_{ij} – торговые издержки типа «айсберг», возникающие при продаже товаров из страны i в страну j . Предполагается, что товары являются несовершенными субститутами, поэтому влияние торговых и производственных издержек на торговлю зависит от постоянной эластичности замещения в торговле, т. е. $\theta > 1$. Все стоимостные факторы влияют только на размер торговли по отношению к общему уровню конкуренции на рынке импорта из страны j , которая учитывается через суммирование в знаменателе (1), т. е.: $P_j^{-\theta} = \sum_i A_i w_i^{-\theta} \tau_{ij}^{-\theta}$. Показатель $P_j^{-\theta}$ отражает внутреннее многостороннее сопротивление для страны-импортера (j) и внешнее многостороннее сопротивление для страны-экспортера (i) [39].

Далее уравнение (1) выражается в экспоненциальной форме [40; 41], при включении времени – t и вектора ошибок – $\varepsilon_{ij,t}$:

$$X_{ij,t} = \exp \left[\ln A_{i,t} w_{i,t}^{-\theta} + \ln \frac{E_{j,t}}{P_{j,t}^{-\theta}} + \ln \tau_{ij,t}^{-\theta} \right] + \varepsilon_{ij,t}. \quad (2)$$

Уравнение (2) решается методом квази-максимального правдоподобия Пуассона во избежание проблемы гетероскедастичности [41] и с целью включения «нулевых» торговых потоков [42].

Для того чтобы определить влияние торговых соглашений на торговые взаимодействия, вектор торговых издержек ($\ln \tau_{ij,t}^{-\theta}$) разлагается на следующие компоненты [43]:

$$\ln \tau_{ij,t}^{-\theta} = Z_{ij} \delta + \beta_1 FTA_{ij,t} + u_{ij,t}, \quad (3)$$

где: Z_{ij} – набор независимых во времени переменных, включенных в общий уровень

торговых издержек между i и j с вектором коэффициентов δ ; $FTA_{ij,t}$ – фиктивная переменная, отражающая наличие/отсутствие торгового соглашения между i и j . Таким образом, переменная Z_{ij} включает в себя географические (расстояние, границы и т. д.) и институциональные (общность языка, колониальные связи и т. д.) характеристики. Согласно рекомендациям [43], набор независимых во времени переменных учитывается в виде фиксированных эффектов для торгующих пар стран, т. е. $\mu_{ij} = Z_{ij} \delta$, поскольку δ не является необходимым параметром для оценки эффектов от торговых соглашений. Также во избежание проблемы эндогенности [44] стоимостные характеристики в правой части уравнения (1) для i и j абсорбируются и учитываются при оценке в рамках фиксированных эффектов для страны-экспортера/импортера с учетом времени, т. е.: $\pi_{i,t} = \ln A_{i,t} w_{i,t}^{-\theta}$, $\chi_{j,t} = \ln E_{j,t} / P_{j,t}^{-\theta}$.

Таким образом, отличающееся от классических гравитационных зависимостей базовое уравнение для оценки эффектов от заключения торговых соглашений имеет следующий вид:

$$X_{ij,t} = \exp[\pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} + \beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t}] + \varepsilon_{ij,t}, \quad (4)$$

где: π_i – фиксированные эффекты для страны-экспортера с учетом года; χ_j – фиксированные эффекты для страны-импортера с учетом года; μ_{ij} – фиксированные эффекты для пар торгующих стран. Оценка уравнения (4) позволяет определить изменения (в %) двусторонних торговых потоков стран, заключивших торговые соглашения ($[e^{\beta_{FTA}} - 1] \times 100$), а также их тарифный эквивалент ($[e^{\beta_{FTA}/(1-\theta)} - 1] \times 100$)¹¹.

Помимо включения вышеперечисленных фиксированных эффектов в соответствии с рекомендациями [45], позволяющими получить несмещенные оценки, необходимо использовать интервальные панельные данные с лагом 3–5 лет для корректировки изменений в торговой политике и других торговых издержек, возникающих в процессе двусторонней торговли [46]; включать в панельные данные внутристрановую торговлю [47].

¹¹ Эластичность замещения (θ) подбирается на интервале от 5 до 10 [39].

Расширение базового уравнения (4) для задач нашего исследования позволяет получить количественную оценку других эффектов интеграции, в частности *эффектов* отклонения/создания торговли для экспортирующих и импортирующих стран *от расширения торговых соглашений* [21]:

$$X_{ij,t} = \exp[\pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} + \beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \beta_2 FTA_{i,-j,t}^{out} + \beta_3 FTA_{-i,j,t}^{out}] + \varepsilon_{ij,t}, \quad (5)$$

где: $FTA_{i,-j,t}^{out}$ – фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице, если страна-экспортер i заключила торговое соглашение с любой страной – торговым партнером в АТР помимо страны j , и равно нулю в противном случае; $FTA_{-i,j,t}^{out}$ – фиктивная переменная, равная единице, если страна-импортер j заключила торговое соглашение с любой страной АТР помимо i . $FTA_{i,-j,t}^{out}$ и $FTA_{-i,j,t}^{out}$ представляют собой эффекты отклонения/создания торговли для страны-экспортера и страны-импортера от расширения количества торговых соглашений при отрицательных/положительных значениях β_2 и β_3 .

Далее включение в модель (4) лаговых значений компоненты $FTA_{ij,t}$ позволяет оценить *накопленный эффект от торговых соглашений* [48]:

$$X_{ij,t} = \exp[\pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} + \beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \sum_{n=1}^{n=3} \beta_n FTA_{ij,t-(1-n)}] + \varepsilon_{ij,t}, \quad (6)$$

где: n – количество лагов.

Эффекты интеграции в (4–6) от реализации торговых соглашений могут быть значительно переоценены по причине включения эффектов от глобализации. В связи с этим для разграничения *непосредственного эффекта от заключения торгового соглашения и эффекта от глобализации* в (4–6) необходимо включить набор новых переменных, отражающих наличие барьеров между странами i и j для каждого года T [40]. Данный прием возможен только в случае включения в оцениваемую панель данных, отражающих стоимостные объемы внутренней торговли анализируемых стран. На основе (4–6) эти зависимости приобретают следующий вид:

$$X_{ij,t} = \exp[\pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} + \beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij}] + \varepsilon_{ij,t}, \quad (7)$$

$$X_{ij,t} = \exp[\pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} + \beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \beta_2 FTA_{i,-j,t}^{out}] \times [\beta_3 FTA_{-i,j,t}^{out} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij}] + \varepsilon_{ij,t}, \quad (8)$$

$$X_{ij,t} = \exp[\pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} + \beta_0 + \sum_{n=1}^{n=3} \beta_n FTA_{ij,t-(1-n)} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij}] + \varepsilon_{ij,t}, \quad (9)$$

где: $INTL(T)_{ij}$ – фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице для международной торговли для каждого года T и нулевое – для внутривнутристрановой. По причине мультиколлинеарности с остальными фиксированными эффектами, невозможно оценить межстрановые эффекты границ сразу для всех лет в массиве, т. е. необходимо выбрать какой-либо год в качестве базового показателя.

Таким образом, значения β_1 из (4), β_2 и β_3 из (5), $\sum \beta_n$ из (6) отражают *общий эффект от интеграции*, а β_1 из (7), β_2 и β_3 из (8), $\sum \beta_n$ из (9) – *непосредственный эффект от заключения торгового соглашения*. Соответственно, разница между значениями β_1 из уравнений (4) и (7), β_2 , β_3 из (5) и (8), $\sum \beta_n$ из (6) и (9) будет показывать *эффект от глобализации* для стран, заключивших торговые соглашения.

Данные для оценки. Всего в АТР насчитывается 50 стран и экономических территорий, взаимная торговля по которым отражена в статистике ООН и Всемирного банка для периода 1994–2018 гг. В соответствии с методическими рекомендациями для получения несмещенных оценок в оцениваемую панель необходимо включить торговлю на отечественном рынке. Одним из способов, позволяющим учесть влияние внутреннего рынка, является включение показателя, отражающего выпуск товаров в национальной экономике за исключением экспорта [40; 45]. Необходимые компоненты данного показателя были получены из специальных баз данных СЕРП и ООН. Однако ограничением для включения всех без исключения стран и экономических территорий АТР в оцениваемую панель становится отсутствие для некоторых из них надежной статистики, характеризующей размер их внутреннего рынка. По этой причине 11 государств и три экономических территории (Заморские территории Франции) были исключены из дальнейшего анализа: КНДР и малые островные экономики АТР

(Вануату, Восточный Тимор, Кирибати, Маршалловы острова, Науру, Новая Каледония, Палау, Самоа, Соломоновы острова, Тувалу, Уоллис и Футуна, Французская Полинезия). Исключение данных стран не является критичным, поскольку их доля в торговле внутри АТР была мизерной: 0,59% в 1994 году и 0,12% в 2018. В итоге в оцениваемую панель вошли 36 стран и экономических территорий субглобального региона: Австралия, Бруней, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Мексика, Монголия, Мьянма, Никарагуа, Новая Зеландия, Панама, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сальвадор, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Фиджи, Филиппины, Чили, Эквадор и Япония.

В соответствии с рекомендациями [21] для оценки эффектов интеграции в качестве торговых соглашений должны быть использованы данные о наличии либо отсутствии вступивших в силу ЗСТ и ТС, исключая, таким образом, ЧТС. Для построения фиктивных переменных, отражающих наличие торговых соглашений с другими странами субглобального региона, вступивших в силу, использовалась информация из базы данных ВТО. В результате для формирования фиктивных переменных были отобраны 102 торговых соглашения¹². В нашем исследовании, в соответствии с рекомендациями, использовались интервальные значения торговых взаимодействий с лагом в четыре года: 1994, 1998, 2002, 2006, 2010, 2014 и 2018 гг. Исследование охватывало 9072 наблюдения.

Результаты оценки

В соответствии с описанной методикой, на первом этапе была получена оценка непосредственных эффектов (7–9) от заключения торговых соглашений между странами АТР путем включения фиктивной переменной межстрановой торговли. Расчеты показали, что страны АТР, заключившие торговые соглашения в рамках субглобального региона, увеличили взаимную торговлю на 11,1%, сократив при этом торговые барьеры на 2,6% (табл. 1).

¹² В случае если торговое соглашение между странами вступило в силу в первом полугодии текущего года, оно было отнесено к текущему году, если во втором — к следующему.

Предварительный анализ показал, что одновременное включение в зависимость (8) фиктивных переменных $FTA_{i,-j,t}^{out}$ и $FTA_{-i,j,t}^{out}$ невозможно из-за их тесной корреляции, поэтому они оценивались в рамках двух зависимостей (столбцы II и III табл. 1). В соответствии с полученной оценкой расширение торговых соглашений в АТР вызывало эффект создания торговли как для страны-экспортера, так и импортера. В среднем за рассматриваемый период государства, осуществлявшие пролиферацию торговых соглашений с другими экономиками АТР, экспортировали на 38,1% и импортировали на 37,6% больше, при сокращении торговых барьеров на 7,8 и 7,7% для экспорта и импорта соответственно.

Что касается оценки накопленного эффекта от торговых соглашений (столбец IV табл. 1), то, применяя подход суммарной оценки факторов [45], подразумевающий суммирование лаговых и интервальной компонент, был получен статистически значимый параметр, указавший, что страны АТР, заключившие торговые соглашения, увеличили двустороннюю торговлю на 14,2% и сократили взаимные торговые барьеры на 3,3%. В итоге дополнительный эффект от накопленного действия торговых соглашений в АТР состоял в увеличении торговли заключивших их стран на 3,2 п. п. и снижении торговых барьеров на 0,7 п. п. (разница между данными, представленными в столбцах 2 для IV и I в табл. 1).

Включение в регрессии переменных торговли между странами ($INTL$) за соответствующие годы указало на проявление процесса глобализации в АТР, который вызван, прежде всего, общим снижением тарифных и нетарифных барьеров, в том числе в связи с присоединением подавляющего большинства стран субглобального региона к ВТО. В результате за четверть века наблюдалось постепенное снижение торговых барьеров между странами АТР, что, в свою очередь, привело к мультиплицированию торговли в субглобальном регионе. Однако было обнаружено отсутствие статистической значимости $INTL$ для 2014 года, что может быть объяснено, с одной стороны, замедлением роста мировой экономики в этот период, с другой — возможным исчерпанием вклада процесса глобализации в рост торговли в АТР.

Таблица 1. Результаты оценки для определения эффектов от заключения торговых соглашений между странами АТР

Переменная	I		II		III		IV	
	1	2	1	2	1	2	1	2
FTA	0,105** (0,039)	11,06/ -2,59	0,083** (0,039)	8,61/ -2,04	0,083** (0,039)	8,63/ -2,05	–	–
FTA(exp)	–	–	0,323* (0,064)	38,09/ -7,75	–	–	–	–
FTA(imp)	–	–	–	–	0,319* (0,064)	37,62/ -7,67	–	–
FTA(cumul)	–	–	–	–	–	–	0,133** (0,055)	14,21/ -3,27
INTL ₁₉₉₄	-0,356* (0,057)	-29,98/ 9,32	-0,235* (0,058)	-20,92/ 6,04	-0,234* (0,058)	-20,87/ 6,03	-0,341* (0,065)	-28,88/ 8,89
INTL ₁₉₉₈	-0,332* (0,055)	-28,22/ 8,64	-0,215* (0,051)	-19,32/ 5,51	-0,216* (0,051)	-19,42/ 5,55	-0,316* (0,064)	-27,12/ 8,23
INTL ₂₀₀₂	-0,265* (0,051)	-23,28/ 6,85	-0,146* (0,047)	-13,54/ 3,70	-0,147* (0,047)	-13,65/ 3,74	-0,260* (0,052)	-22,86/ 6,70
INTL ₂₀₀₆	-0,121* (0,031)	-11,40/ 3,07	-0,103* (0,031)	-9,82/ 2,62	-0,104* (0,031)	-9,84/ 2,62	-0,115* (0,032)	-10,83/ 2,91
INTL ₂₀₁₀	-0,075** (0,030)	-7,19/ 1,88	-0,071** (0,029)	-6,85/ 1,79	-0,071** (0,029)	-6,86/ 1,79	-0,068** (0,031)	-6,56/ 1,71
INTL ₂₀₁₄	-0,004 (0,031)	–	-0,005 (0,030)	–	-0,005 (0,030)	–	-0,002 (0,031)	–
константа	-9,13* (0,443)	–	-0,97** (0,379)	–	-4,81* (0,599)	–	-1,34* (0,407)	–
log квази-максимального правдоподобия	-6,3E+03	–	-6,3E+03	–	-6,3E+03	–	-6,3E+03	–
Pseudo R ²	0,99	–	0,99	–	0,99	–	0,99	–

* p < 0,01, ** p < 0,05.
 В скобках указаны робастные значения стандартных ошибок. В столбце 1 представлены коэффициенты β, а также характеристики соответствующей регрессии в целом; в столбце 2 показано увеличение взаимной торговли (в %) / тарифный эквивалент барьеров в торговле (в %), т. е. $[e^{\beta_{FTA}} - 1] \times 100 / [e^{\beta_{FTA}/(1-\theta)} - 1] \times 100$, при $\theta = 5$. FTA(exp) и FTA(imp) соответствуют параметрам $FTA_{i,j,t}^{out}$ и $FTA_{i,j,t}^{in}$ в рамках модели (8), FTA(cumul) – $\sum_{n=1}^t FTA_{i,j,t-(1-n)}$. Базовым для переменной INTL является 2018 год. Оценки полученных фиксированных эффектов не приводятся в целях лаконичности изложения.
 Источник: расчеты автора.

Результаты относительно проявления эффекта глобализации в АТР подтверждаются оценкой общего эффекта от торговой интеграции между странами субглобального региона, при исключении фиктивной переменной торговли между странами (табл. 2).

Расчеты показали, что с учетом влияния процесса глобализации заключение торгового соглашения между странами АТР приводило к увеличению их взаимного экспорта на 28,3% и сокращению торговых барьеров на 6,0%. Глобализация также существенно мультиплицировала общий эффект от интеграции при пролиферации торговых соглашений с другими странами АТР. В соответствии с оценкой, практикующие такую политику страны АТР

экспортировали на 65,8% и импортировали на 65,4% больше, при сокращении торговых барьеров для экспорта на 11,9%, для импорта – на 11,8%.

Оценка накопленного общего эффекта интеграции в АТР указала на увеличение торговли на 43,5% и сокращение взаимных торговых барьеров на 8,6% для стран, заключивших торговые соглашения. Данные эффекты сопоставимы с оценками, полученными для глобальной экономики более раннего периода [21]. Дополнительный общий эффект от интеграции в АТР для 1994–2018 гг. проявлялся в увеличении торговли между заключившими торговые соглашения странами на 15,2 п. п. и в снижении торговых барьеров на 2,6 п. п.

Таблица 2. Результаты оценки для определения общего эффекта интеграции между странами АТР

Переменная	I		II		III		IV	
	1	2	1	2	1	2	1	2
FTA	0,249* (0,036)	28,27/ -6,03	0,131* (0,036)	13,97/ -3,22	0,131* (0,036)	13,99/ -3,22	–	–
FTA(exp)	–	–	0,506* (0,064)	65,81/ -11,88	–	–	–	–
FTA(imp)	–	–	–	–	0,503* (0,064)	65,41/ -11,82	–	–
FTA(cumul)	–	–	–	–	–	–	0,361* (0,044)	43,44/ -8,62
константа	-8,38* (0,455)	–	-2,04* (0,361)	–	-5,71* (0,673)	–	-11,08* (0,713)	–
log квази-максимального правдоподобия	-6,4E+03	–	-6,3E+03	–	-6,3E+03	–	-6,4E+03	–
Pseudo R ²	0,98	–	0,98	–	0,98	–	0,98	–

* p < 0,01.
 В скобках указаны робастные значения стандартных ошибок. В столбце 1 представлены коэффициенты β, а также характеристики соответствующей регрессии в целом; в столбце 2 показано увеличение взаимной торговли (в %) / тарифный эквивалент барьеров в торговле (в %), т. е. $[e^{\hat{\beta}_{FTA}} - 1] \times 100 / [e^{\hat{\beta}_{FTA}/(1-\theta)} - 1] \times 100$, при $\theta = 5$. FTA(exp) и FTA(imp) соответствуют параметрам $FTA_{i,j,t}^{out}$ и $FTA_{i,j,t}^{int}$ в рамках модели (8), FTA(cumul) – $\sum_{n=1}^{n=3} FTA_{i,j,t-(1-n)}$. Базовым для переменной INTL является 2018 год. Оценки полученных фиксированных эффектов не приводятся в целях лаконичности изложения.
 Источник: расчеты автора.

Таким образом, полученные оценки позволяют декомпозировать общий эффект от интеграции в АТР на две составляющие: эффект от заключения торгового соглашения и эффект от глобализации (табл. 3).

Сопоставление эффектов показало, что для стран АТР, реализующих торговые соглашения, общий положительный эффект от интеграции в рамках субглобального региона достигался главным образом за счет процесса глобализации, который проявлялся в либерализации тарифно-таможенного регулирования и снижении нетарифных барьеров. Вклад эффекта

от заключения торгового соглашения в общий эффект от интеграции между странами АТР был меньше, чем от глобализации: в 1,6 раза – без учета накопленных эффектов (FTA) и в 2,1 раза – с их учетом (FTA(cumul)). При этом нельзя не отметить большую роль торговых соглашений в сокращении торговых барьеров между странами, их заключившими (столбец 2 табл. 3). С этой точки зрения процесс глобализации в АТР стал необходимым условием для наращивания двухсторонних торговых обменов, а заключение торговых соглашений играло скорее вспомогательную роль.

Таблица 3. Эффекты торговой интеграции в АТР

Торговый эффект	FTA		FTA(exp)		FTA(imp)		FTA(cumul)	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Общий эффект от интеграции	28,28 [100,0]	-6,04 [100,0]	65,80 [100,0]	-11,87 [100,0]	65,40 [100,0]	-11,82 [100,0]	43,45 [100,0]	-8,63 [100,0]
Эффект от глобализации	17,22 [60,9]	-3,45 [57,1]	27,72 [42,1]	-4,12 [34,7]	27,79 [42,5]	-4,15 [35,1]	29,23 [67,3]	-5,36 [62,1]
Эффект от заключения торгового соглашения	11,06 [39,1]	-2,59 [42,9]	38,09 [57,9]	-7,75 [65,3]	37,61 [57,5]	-7,67 [64,9]	14,22 [32,7]	-3,27 [37,9]

Примечание: 1 – изменение взаимной торговли (в %); 2 – тарифный эквивалент барьеров в торговле (в %). В квадратных скобках указан вклад эффектов от глобализации и заключения торгового соглашения в общий эффект от интеграции в АТР. FTA – эффект создания торговли от реализации торговых соглашений; FTA(exp) – эффект создания торговли для страны-экспортера; FTA(imp) – эффект создания торговли для страны-импортера; FTA(cumul) – накопленный эффект от реализации торговых соглашений.
 Источник: расчеты автора.

Однако для стран, осуществляющих практику пролиферации торговых соглашений в АТР, вклад эффекта от заключения торгового соглашения в общий эффект от интеграции оказался преобладающим: примерно 58,0% для стран-экспортеров и стран-импортеров (FTA(exp) и FTA(imp)). При этом указанные соглашения обеспечивали примерно 65,0% от общего сокращения (100,0%) двусторонних торговых барьеров для стран-экспортеров и стран-импортеров. С этой позиции полученная оценка объясняет мотивацию руководства целого ряда стран АТР по увеличению количества заключенных соглашений, что проявляется в «эффекте домино» в субглобальном регионе.

Заключение

По мере смещения центра глобальной экономической активности в регион Тихого океана в АТР снижаются взаимные торговые барьеры в условиях формирования субглобальной сети двух- и многосторонних торговых соглашений в рамках процесса регионализации. В результате на сегодняшний день подавляющее большинство функционирующих в мире ЗСТ+ сосредоточены в АТР. При тенденции увеличения доли внутрирегиональной торговли дальнейшее расширение количества стран-участниц, заключивших ЗСТ+ в АТР, создало условия для возникновения эффектов «домино» и «чаши спагетти». Вероятно, процесс регионализации в АТР консервируется за счет того, что для целого ряда стран реализуемые торговые соглашения преимущественно основываются на чувствительных перечнях торгуемых промышленных товаров промежуточного спроса, которые в ближайшей перспективе не позволят значительно сблизить экономики региона за счет снижения торговых барьеров для других торгуемых товаров. Несмотря на ряд попыток, создание крупных торговых форматов в АТР, способных абсорбировать многочисленные торговые соглашения в регионе, пока не увенчалось успехом по причине принципиальных разночтений между потенциальными странами-участницами. Обсуждение и создание различных торговых форматов, с одной стороны, генерирует процесс системной фрагментации субглобальной торгово-экономической системы, с другой — создает условия для дальнейшей либерализации торговли, с точки зрения снижения нетарифных барьеров, дополняя функции ВТО.

В проведенном исследовании были выявлены общие закономерности в рамках интеграционных процессов в АТР с помощью декомпозиционной оценки эффектов торговых соглашений. На основе синтеза современных подходов к оценке гравитационных зависимостей определено, что интеграционные процессы в АТР в долгосрочном периоде оказывали положительное влияние на торговлю стран субглобального региона, заключивших торговые соглашения, генерируя для них эффект создания торговли. Полученные оценки указали на то, что эффект от глобализации способствовал увеличению общего эффекта от интеграции в АТР. За анализируемый период наблюдалось постепенное снижение торговых барьеров между странами АТР за счет процесса глобализации, что вызвало рост торговли в субглобальном регионе.

В соответствии с полученными оценками обнаружено, что вклад эффекта от глобализации в общий эффект от интеграции между странами АТР был выше, чем от заключения торговых соглашений, т. е. от регионализации. Полученные оценки дают основание утверждать, что для вовлеченных в интеграционные процессы стран АТР общий положительный эффект достигался благодаря распространению практики мультилатерализма, который проявлялся в общей либерализации тарифно-таможенного регулирования и снижении нетарифных барьеров в субглобальном регионе. В результате эффекты от глобализации более чем двукратно мультиплицировали общий эффект от интеграции для стран АТР, заключивших торговые соглашения. При этом нельзя не отметить большую роль торговых соглашений в сокращении торговых барьеров между государствами АТР, их заключившими.

Важное уточнение касается стран АТР, осуществляющих пролиферацию торговых соглашений. Для них эффект от заключения торговых соглашений (регионализация), наоборот, преобладал над эффектом от глобализации. Полученная оценка говорит о том, что эффект «чаши спагетти» оказывал незначительное воздействие на торговлю стран АТР, объясняя, таким образом, практику увеличения количества ЗСТ+ в субглобальном регионе, которая, в свою очередь, проявлялась в «эффекте домино». С этой точки зрения одной из результа-

тивных стратегий для какой-либо экономики региона по расширению торговли со странами АТР стало заключение торговых соглашений с широким по охвату числом стран субглобального региона. Только в этом случае общий эффект от интеграции будет мультиплицирован больше за счет реализуемых торговых соглашений, а не глобализации.

Оценки подтвердили предположение о том, что в субглобальном регионе по отношению к экономикам АТР, не усиливающим либерали-

зацию торговых взаимоотношений со странами региона за счет расширения географии заключенных торговых соглашений, проявляется скрытая дискриминация. Данное обстоятельство указывает на необходимость для российской стороны существенно расширить географию заключаемых торговых соглашений с государствами АТР для географической диверсификации внешней торговли и поддержки экспортно ориентированных отраслей экономики.

Литература

1. Baldwin R. The world trade organization and the future of multilateralism. *Journal of Economic Perspectives*, 2016, vol. 30, pp. 95–116. DOI: 10.1257/jep.30.1.95
2. Загашвили В. Застой в ВТО как проявление кризиса глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 6. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-5-12
3. Hummels D., Ishii J., Yi K.M. The nature and growth of vertical specialization in world trade. *Journal of International Economics*, 2001, vol. 54, pp. 75–96. DOI: 10.1016/S0022-1996(00)00093-3
4. Lancaster K. Intra-industry trade under perfect monopolistic competition. *Journal of International Economics*, 1980, vol. 10, pp. 151–175. DOI: 10.1016/0022-1996(80)90052-5
5. Whalley J. *Why Do Countries Seek Regional Trade Agreements?* NBER Working Paper 5552. April 1996. Available at: <http://www.nber.org/papers/w5552.pdf> (accessed: 10.04.2020).
6. Афонцев С.А. Единое экономическое пространство: предпосылки успеха интеграции // *Экономическая свобода и государство: друзья или враги* / под ред. А.П. Заостровцева. СПб: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2012. С.141–155.
7. Dür A., Baccini L., Elsig M. The design of international trade agreements: Introducing a new dataset. *The Review of International Organizations*, 2014, vol. 9, pp. 353–375. DOI: 10.1007/s11558-013-9179-8
8. Baldwin R. *A Domino Theory of Regionalism*. NBER Working Paper 4465. September 1993. Available at: <http://www.nber.org/papers/w4465.pdf>
9. Baldwin R. *Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade*. NBER Working Paper 12545. September 2006. Available at: <http://www.nber.org/papers/w12545>
10. Bhagwati J. Regionalism and multilateralism: An overview. In: *New Dimensions in Regional Integration*. Ed. by J. De Melo and A. Panagariya. Cambridge University Press, 1993, pp. 22–51. DOI: 10.1017/CBO9780511628511
11. Bhagwati J. *Termites in the Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade*. New York: Oxford University Press, 2008. 139 p.
12. Cipollina M., Salvatici L. Reciprocal trade agreements in gravity models: A meta-analysis. *Review of International Economics*, 2010, vol. 18, pp. 63–80. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2009.00877.x
13. Martin P., Mayer T., Thoenig M. The geography of conflicts and regional trade agreements. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2012, vol. 4, pp. 1–35. DOI: 10.1257/mac.4.4.1
14. Viner J. *The Customs Union Issue*. Oxford University Press, 2014. 256 p.
15. Frankel J.A. *Regional Trading Blocs in the World Economic System*. PIIE, 1997. 388 p.
16. Rose A., Lockwood B., Quah D. One money, one market: The effect of common currencies on trade. *Economic Policy*, 2000, vol. 15, pp. 9–45. DOI: 10.1111/1468-0327.00056
17. Wei S.-J., Frankel J.A. Open versus closed trade blocs. In: *Regionalism versus Multilateral Trade Arrangements*. Ed. by T. Ito, A.O. Krueger. NBER-EASE, 1997, pp. 119–140. Available at: <http://www.nber.org/chapters/c8598>
18. Bergsten C.F., Noland M., Schott J.J. *The Free Trade Area of the Asia-Pacific: A Constructive Approach to Multilateralizing Asian Regionalism*. ADBI Working Paper 336. 2011. Available at: <http://www.adbi.org/working-paper/2011/12/22/4835.fta.asia.pacific.asian.regionalism/>

19. Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R. *The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief*. Congressional Research Service. February 9, 2016. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf>
20. Baier S.L., Yotov Y.V., Zylkin T. On the widely differing effects of free trade agreements: Lessons from twenty years of trade integration. *Journal of International Economics*, 2019, vol. 116, pp. 206–226. DOI: 10.1016/j.jinteco.2018.11.002
21. Dai M., Yotov Y.V., Zylkin T. On the trade-diversion effects of free trade agreements. *Economic Letters*, 2014, vol. 122, pp. 321–325. DOI: 10.1016/j.econlet.2013.12.024
22. Nguyen D.B. A new examination of the impacts of regional trade agreements on international trade patterns. *Journal of Economic Integration*, 2019, vol. 34, pp. 236–279. DOI: 10.11130/jei.2019.34.2.236
23. Park I. East Asian regional trade agreements: Do they promote global free trade? *Pacific Economic Review*, 2006, vol. 11, pp. 547–568. DOI: 10.1111/j.1468-0106.2006.00334.x
24. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries. *Journal of Developing Economies*, 1962, vol. 1, pp. 3–25. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x
25. Kojima K. The “Flying geese” model of Asian economic development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications. *Journal of Asian Economics*, 2000, vol. 11, pp. 375–401. DOI: 10.1016/S1049-0078(00)00067-1
26. Ando M. Fragmentation and vertical intra-industry trade in East Asia. *North American Journal of Economics and Finance*, 2006, vol. 17, pp. 257–281. DOI: 10.1016/j.najef.2006.06.005
27. Fujita M., Mori T. Frontiers of the new economic geography. *Papers in Regional Science*, 2005, vol. 84, pp. 377–405. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2005.00021.x
28. Yamamoto K. A two-region model with two types of manufacturing technologies and agglomeration. *Regional Science and Urban Economics*, 2005, vol. 35, pp. 808–836. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2004.10.001
29. Thorbecke W. *Enjoying the Fruits of their Labor: Redirecting exports to Asian consumers*. RIETI Discussion Paper Series 15-E-016. February 2015. Available at: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/15e016.pdf>
30. Baldwin R., Okubo T. *Networked FDI: Sales and Sourcing Patterns of Japanese Foreign Affiliates*. NBER Working Paper No. 18083. 2012. Available at: <http://www.nber.org/papers/w18083>
31. Feridhanusetyawan T. *Preferential Trade Agreements in the Asia-Pacific Region*. IMF Working Paper WP/05/149. July 2005. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2005/wp05149.pdf>
32. Pomfret R. Regional integration in East Asia. In: *International Handbook on the Economics of Integration*. Vol. I (General Issues and Regional Groups). Ed. by M.N. Jovanovic, E. Elgar. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publishing Limited, 2011, pp. 377–392.
33. Petri P.A. Multitrack integration in East Asian trade: Noodle bowl or matrix? *Asia Pacific Issues*, October 2008, no. 86. Honolulu: East-West Center. Available at: <http://www.eastwestcenter.org/publications/multitrack-integration-east-asian-trade-noodle-bowl-or-matrix>
34. Hiratsuka D. East Asia’s economic integration and institutional cooperation for further integration. In: *International Handbook on the Economics of Integration*. Vol. I (General Issues and Regional Groups). Ed. by M.N. Jovanovic, E. Elgar. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publishing Limited, 2011, pp. 393–415.
35. Hayakawa K., Jinji N., Matsuura T., Yoshimi T. *Costs of Utilizing Regional Trade Agreements*. RIETI Discussion Paper Series 19-E-054. July 2019. Available at: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/19e054.pdf>
36. Trefler D. Trade liberalization and the theory of endogenous protection: An econometric study of U.S. import policy. *Journal of Political Economy*, 1993, vol. 101, pp. 138–160. DOI: 10.1086/261869
37. De Rosa D. Gravity model analysis. In: *Maghreb Regional and Global Integration: A Dream to Be Fulfilled*. Ed. by G.C. Hufbauer, C. Brunel. Policy Analyses in International Economics 86, PIIE, 2008, pp. 47–68.
38. Shirono K. *Real Effects of Common Currencies in East Asia*. IMF Working Papers no. 07/166. 2007. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Real-Effects-of-Common-Currencies-in-East-Asia-21166>
39. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle. *American Economic Review*, 2003, vol. 93, pp. 171–192. DOI: 10.1257/000282803321455214
40. Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. Economic integration agreements, border effects, and distance elasticities in gravity equations. *European Economic Review*, 2015, vol. 78, pp. 307–327. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2015.06.003

41. Santos Silva J., Tenreyro S. The log of gravity. *Review of Economics and Statistics*, 2006, vol. 88, pp. 641–658. DOI: 10.1162/rest.88.4.641
42. Santos Silva J.M.C., Tenreyro S. Further simulation evidence on the performance of the Poisson pseudo-maximum likelihood estimator. *Economics Letters*, 2011, vol. 112, pp. 220–222. DOI: 10.1016/j.econlet.2011.05.008
43. Baier S.L., Bergstrand J.H. Do free trade agreements actually increase members' international trade? *Journal of International Economics*, 2007, vol. 71, pp. 72–95. DOI: 10.1016/j.jinteco.2006.02.005
44. Bacchetta M., Beverelli C., Cadot O., Fugazza M., Grether J.-M., Helble M., Nicita A., Piermartini R. *A Practical Guide to Trade Policy Analysis*. WTO and UNCTAD co-publication. 2012. 200 p. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wto_unctad12_e.pdf
45. Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*. United Nations and World Trade Organization, 2016. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtounctad2016_e.pdf
46. Olivero M.P., Yotov Y.V. Dynamic gravity: Endogenous country size and asset accumulation. *Canadian Journal of Economics*, 2012, vol. 45, pp. 64–92. DOI: 10.1111/j.1540-5982.2011.01687.x
47. Anderson J.E., Yotov Y.V. Terms of trade and global efficiency effects of free trade agreements, 1990–2002. *Journal of International Economics*, 2016, vol. 99, pp. 279–298. DOI: 10.1016/j.jinteco.2015.10.006
48. Piermartini R., Yotov Y.V. *Estimating Trade Policy Effects with Structural Gravity*. WTO Working Papers no. 2016/10. WTO, Geneva, 2016. DOI: 10.30875/2d235948-en

Сведения об авторе

Дмитрий Александрович Изотов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Izotov D.A.

The Effects of Asia-Pacific Countries' Trade Integration in the Context of Globalization and Regionalization

Abstract. The aim of the research is to assess the trade effects of integration in the Asia-Pacific region, arising from the processes of globalization and regionalization, which is manifested in the functioning of trade agreements and their proliferation. It is shown that mutual trade barriers are reduced in the context of the formation of a sub-global network of bilateral and multilateral trade agreements as part of the regionalization process in the Asia-Pacific region. It is determined that the vast majority of free trade zones functioning in the world is concentrated in the Asia-Pacific region while the share of intraregional trade is tending to increase. The authors reveal general regularities of integration processes in the Asia-Pacific region based on the decomposition assessment of the effects of trade agreements in the framework of a synthesized modern approach to the assessment of gravitational dependencies. Integration processes in the Asia-Pacific region in the long term have been generating the effect of creating trade for the countries of the sub-global region that concluded trade agreements, and the effect of globalization contributed to an increase in the overall effect of integration. Based on the obtained estimates, it is determined that the contribution of the globalization effect to the overall effect of integration between the Asia-Pacific countries was higher than from the conclusion of trade agreements. The effects of globalization more than doubled the overall effect of integration for the Asia-Pacific countries that concluded trade agreements. It is clarified that for the Asia-Pacific countries that are carrying out the proliferation of trade agreements, the increase in the overall effect of integration was mainly due to regionalization. The obtained estimate confirmed the assumption that there is discrimination against the economies of the Asia-Pacific countries that do not expand the geography of concluded trade agreements in the region. Based on the obtained

estimates, it is argued that the effective strategy for Russia is to increase the coverage of the Asia-Pacific countries to conclude trade agreements in order to diversify foreign trade and support export-oriented sectors of the economy.

Key words: trade, integration, regionalization, globalization, trade agreement, free trade zone, customs Union, overall effect of integration, effect of globalization, effect of concluding trade agreement, accumulated effect of integration, exporting country, importing country, Asia-Pacific region.

Information about the Author

Dmitrii A. Izotov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Статья поступила 05.06.2020.

DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.6
УДК 332.15, ББК 65.9 (2-Рос)-05
© Терентьева М.А.

Роль малого предпринимательства в обеспечении занятости на Российском Севере*

**Марина Алексеевна
ТЕРЕНТЬЕВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: terentyeva@iespn.komisc.ru
ORCID: 0000-0001-6204-7363; ResearcherID: J-8576-2016

Аннотация. Статья посвящена изучению уровня и динамики малого предпринимательства на Российском Севере в современных условиях на основе официальной статистики и авторского социологического опроса. Раскрываются причины функционирования и развития малого предпринимательства в рыночных условиях. Рассмотрены регионы Крайнего Севера и приравненные к ним местности. Объектом исследования является малое предпринимательство в северных регионах России. Предмет исследования – особенности предпринимательского развития в северных регионах России. Цель работы заключается в изучении процессов, происходящих в сфере занятости в секторе малого предпринимательства, а также его развития в северных регионах России. Информационную основу составляют труды отечественных и зарубежных экономистов, материалы периодических изданий, интернет-ресурсы по указанной тематике. Результаты исследования показывают, что занятость в малом предпринимательстве в северных регионах России, для которых характерно доминирование добывающих отраслей в экономике, не оказывает сильного влияния на общую занятость, что связано с пока еще недостаточной развитостью данного сектора. Наблюдается сужение сектора малого предпринимательства на рассматриваемых территориях. На примере одного из северных регионов (Республика Коми) показан вклад малого предпринимательства в обеспечение занятости. Выявлено влияние малого предпринимательства на основные социально-экономические показатели региона. Дана оценка и отмечен

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми, проект «Занятость населения в малом предпринимательстве (на примере Республики Коми)» № 18-410-110002, на 2018–2020 гг.

Для цитирования: Терентьева М.А. Роль малого предпринимательства в обеспечении занятости на Российском Севере // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 108–124. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.6

For citation: Terentyeva M.A. Role of small business in providing employment in the Russian North. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 108–124. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.6

низкий уровень предпринимательской активности населения: северяне не стремятся к открытию бизнеса ввиду низкого уровня ожиданий, связанных с улучшением экономической ситуации, понимания проблем пространственного развития на территории проживания. В качестве основных причин низкой предпринимательской активности северян можно назвать дефицит предпринимательских компетенций, отсутствие стартового капитала и трудности с его привлечением. Выделены ключевые направления повышения занятости в сфере малого предпринимательства в северных регионах.

Ключевые слова: малое предпринимательство, занятость, безработица, предпринимательская активность, возраст, Север России.

Введение

Мнения ученых-исследователей относительно роли и значения малого предпринимательства в современной экономике расходятся. Одни отдают ему приоритетную роль, называя неотъемлемой частью современного экономического мира [1, с. 15]. Другие полагают, что государство и крупные корпорации в экономическом плане должны прокладывать путь малым формам, т. к. последние не в состоянии самостоятельно создать развитое экономическое пространство [2]. Опыт развитых стран, делающих ставку на малое предпринимательство, показывает, что малый бизнес является лидером в производственном секторе. Его доля в ВВП в этих государствах превышает 50,0%, в результате малый бизнес определяет экономический рост. В России сложившаяся ситуация экономического развития такова – до 80,0% ВВП создают крупные предприятия, они и определяют развитие социально-экономических систем [3].

Важно отметить, что не стоит однозначно говорить о необходимости развивать либо малые, либо только крупные хозяйствующие субъекты. Они взаимодополняемы: как малые предприятия не смогут развиваться без поддержки государства и крупного бизнеса, так государственные структуры и крупные предприятия нуждаются в услугах малых предприятий. То есть все три структуры: государственный сектор, крупный бизнес (корпорации) и сектор малого предпринимательства – должны органично взаимодополнять друг друга. Примером такого гармоничного развития являются северные страны – Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция. В России малому предпринимательству отводится значительная роль, особенно в обеспечении занятости населения, однако в большинстве регионов страны эта задача пока не реализована, что связано с сильной

дифференциацией субъектов по социально-экономическому развитию [4]. Для регионов Севера России, в которых жизнедеятельность проходит в сложных природно-климатических условиях, обуславливающих удорожание жизни, характерна еще более заметная степень социально-экономической дифференциации [5]. Она определяется очаговым характером расселения, малочисленностью населения, моноотраслевой экономикой, узкой сферой приложения труда, транспортной неразвитостью, низким уровнем жизни и т. д. Развитие малого предпринимательства позволит решить часть этих проблем, прежде всего связанных с развитием территории.

Понимание значимости малого предпринимательства для экономического развития определило разработку и принятие федеральных и региональных государственных мер¹ с целью стимулирования предпринимательской активности. Мероприятия по повышению влияния малого бизнеса на занятость не вызвали пока существенных изменений в экономике страны [6]. Однако зарубежные исследования свидетельствуют о том, что именно малый бизнес может выступать основным «производителем» рабочих мест, обеспечивая стабильную занятость [7]. Спорность вопроса о влиянии малого предпринимательства на уровень занятости, на рынке труда определила выбор темы исследования, его теоретическую и практическую значимость.

¹ Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: nacionalnyy-proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy (дата обращения 28.05.2020); Официальный сайт Министерства экономики Республики Коми. URL: <https://econom.rkomi.ru/nacionalnye-proekty> (дата обращения 28.05.2020).

Исходя из актуальности исследования, его целью стало изучение процессов, происходящих в сфере занятости населения в секторе малого предпринимательства, а также развития малого бизнеса на Российском Севере. Задачи исследования: дать оценку состоянию развития малого предпринимательства в северных регионах страны; определить влияние малого предпринимательства на занятость; обозначить основные проблемы в развитии малого бизнеса. Задачи исследования обусловили следующие этапы работы:

- рассмотреть теоретические концепции развития малого предпринимательства и его роль в обеспечении занятости;
- определить динамику развития малых предпринимательских структур на Севере;
- раскрыть влияние малых предприятий на занятость в северных регионах РФ;
- выделить ключевые направления в развитии малого предпринимательства на Севере России.

Теория

В рамках Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor, GEM) «предпринимательство – любая попытка создания нового бизнеса или предприятия, например индивидуальная трудовая деятельность, новая коммерческая организация либо расширение существующего бизнеса, предпринятая отдельным лицом, группой лиц либо ранее существовавшими коммерческими организациями» [8]. Изучение предпринимательского процесса, по GEM, включает несколько этапов, начиная с выявления потенциальных предпринимателей (оценивается предпринимательская активность населения) до владельцев уже устоявшегося бизнеса. В условиях рынка при выборе формы занятости значимыми становятся такие качества, как инициативность, организационные способности, лидерские качества и др., то есть те, которые необходимы для реализации предпринимательской активности [9]. Рост предпринимательской активности обеспечивает увеличение занятости (появление новых рабочих мест).

До конца 70-х гг. XX века считалось, что все новые рабочие места создаются крупными фирмами. Однако Д. Берч на примере США доказал, что крупные («слоны») и мелкие («мыши») предприятия растут медленно, незначительно

влияя на увеличение занятости и ВВП. По его оценкам, только 4,0% определенных предприятий, называемых «газелями» (основное требование отнесения фирмы к данной категории – не менее 20,0% ежегодного роста дохода в течение четырех лет и наличие в базовом году объема дохода не менее ста тысяч долларов в год), способны к созданию 70,0% рабочих мест в стране [10]. При этом «газели» – не всегда инновационно активные фирмы. Сравнительный анализ автор проводил на основе определения размера компаний по численности работников, темпов роста. Он рекомендует осуществлять государственную политику, направленную на поддержку такого типа предприятий. Стоит отметить, что исследования Д. Берча подверглись серьезной критике, предъявляемой к методике расчета, использованию в ней только критерия роста. Б. Кирхгофф предложил классификацию предприятий, в основе которой находился не только рост, но и темп внедрения инноваций [11]. Его расчеты показали, что фирмы, имеющие низкие темпы инноваций, но высокий темп роста, создали наибольшее количество новых рабочих мест [12].

Таким образом, малые формы предприятий играют важную роль в создании новых рабочих мест, обеспечивая устойчивую занятость. В Китае более 75,0% трудоспособного населения занято на малых предприятиях, в Германии и по странам Евросоюза – более 70,0%, в США – чуть более 52,0% [13; 14]. Доля занятых на малых предприятиях в России меньше показателей развитых стран, в 2018 году она составила 15,0% [15]. Регионы РФ в значительной степени дифференцированы по социально-экономическому развитию и, как следствие, по уровню развития малых фирм [16]. Выделяют три теоретические модели, объясняющие рост малого бизнеса с учетом региональной специфики [17; 18]. Во-первых, это модель роста малого бизнеса вследствие появления новых технологий, инноваций. Во-вторых, это модель роста доходов, доказывающая рост малого бизнеса в результате повышения спроса на продукцию и услуги. И, в-третьих, это модель экономического спада, в рамках которой безработица рассматривается как фактор роста малого бизнеса. Различные авторы добавляют другие факторы роста малого бизнеса: государственные затраты на содержание инфраструктуры [19], открытость

информационного пространства, доступность результатов научных исследований, в том числе касающихся новых технологий [20], степень рисков ведения бизнеса [21], а также наличие человеческого капитала, отраслевую структуру региональной экономики [22].

Согласно первой теоретической модели, рост числа малых форм предприятий обусловлен появлением инноваций. У. Боумол предлагает создание благоприятного инновационного климата в регионах, что способствует территориальному развитию. В связи с этим одним из элементов социальной политики государства и муниципалитетов должно стать обеспечение благоприятного инновационного климата. Все это не приведет в полной мере к развитию малого предпринимательства, содействовать ему необходимо через повышение конкуренции в экономике, используя потенциал возможных предпринимателей [7]. Добавим, в терминологии У. Боумола [23] только производительное предпринимательство развивается за счет инновационной деятельности, требующей трудоемкой работы со стороны госструктур.

В рамках второй модели рост малых предприятий обеспечивается изменениями (повышением) спроса на продукцию и услуги. Происходит это за счет роста доходов у населения. Третья теоретическая модель показывает, что рост малых форм предприятий возможен вследствие экономического спада и повышения уровня безработицы. Проблема безработицы является социальной, остановимся на ней подробнее. В ряде научных работ показано, что малые предприятия вносят наибольший вклад как в создание, так и в ликвидацию рабочих мест в регионе [24]. Часто государственная политика поддержки малых предприятий в этом аспекте рассматривается и проводится как противодействие безработице.

Зарубежные и отечественные авторы сходятся в том, что малые предприятия способствуют развитию самозанятости, тем самым ослабляя напряженность на рынке труда [17; 25–28]. Это помогает государству значительно сократить финансовые затраты на поддержание на должном уровне безработицы в регионах.

Д. Одретч и Р. Тюрлик отмечают, что при низком уровне предпринимательского развития рост малых фирм приведет к увеличению фирменных доходов и, в конечном счете, к снижению

безработицы [28]. Они предлагают государству осуществлять контроль над соблюдением низких барьеров входа/выхода из бизнеса, что необходимо для поддержания рыночного равновесия.

Представляется важным взгляд на развитие малого предпринимательства с позиции третьей теоретической модели, в которой безработица рассматривается как фактор роста малого предпринимательства. Северные регионы России имеют достаточно высокие показатели безработицы по сравнению со среднероссийскими значениями. Так, в 2018 году уровень безработицы на Севере составил 6,8%, что на 2,0% выше, чем в среднем по стране. Решение проблемы безработицы мы видим в развитии малого бизнеса. Он позволит расширить возможности занятости для населения (его отдельных групп), улучшить качество жизни.

Далее в работе сделана попытка проанализировать и оценить уровень развития малого предпринимательства в регионах Российского Севера.

Методы

Для анализа и оценки развития малого предпринимательства в регионах выбран подход по природно-климатическому признаку: выделены северные регионы, обладающие спецификой, отражающейся на оценках социально-экономического развития. В европейской части Российского Севера к ним относятся республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области и Ненецкий автономный округ. В азиатской части – это Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, республики Тыва и Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области.

Информационную базу исследования составляют данные Федеральной службы государственной статистики, региональных органов статистики; материалы социологического опроса, законодательные и нормативные акты; информация периодической печати, научных публикаций, конференций, системы Интернет и другие результаты научных исследований. Используются методы динамического и статического анализа занятости в малом предпринимательстве.

Более подробно проблема занятости в малом предпринимательстве на северных территориях РФ рассмотрена на примере Республики

Коми, региона с неблагоприятными природно-климатическими условиями, но значительным природно-ресурсным потенциалом. Доля добывающих отраслей в структуре ВРП Коми превышает 33,0%, при этом доля занятых в данных отраслях составляет немногим более 6,0%, безработица достаточно высокая: ее уровень почти на 3,0% выше по сравнению со среднероссийскими значениями.

В исследовании для характеристики предпринимательской деятельности определена предпринимательская активность населения региона посредством оценки доли населения, относящегося к потенциальным предпринимателям, т. е. к тем, кто видит во внешней среде возможности для создания собственного дела и уверен в наличии знаний, необходимых для управления собственной компанией.

Для оценки предпринимательской активности применен социологический метод (опрос), проведенный сотрудниками Коми научного центра Уральского отделения РАН в четвертом квартале 2018 года в четырех городах Республики Коми — это моногорода (Воркута, Инта, Усинск) и столичный город (Сыктывкар). В них в совокупности проживает 413,1 тысячи человек (или 76,1% населения Коми). В опросе участвовали люди от 16 до 60 лет и старше (в возрасте экономической активности), общий размер выборки составил 640 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная, согласованная с генеральной совокупностью населения городов по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышала 5,0%.

Опрос проходил с помощью анкетирования. В контексте изучаемого вопроса наибольший интерес представляет информация о том, как респонденты оценивают совокупность условий для ведения бизнеса и перспективы развития. Анкета включала блок вопросов: 1) социально-демографическая характеристика (пол, возраст, образование, семейное положение, уровень доходов); 2) трудовая биография (работает/не работает, сфера труда, стаж, реализует/не реализует профессиональные знания, умения); 3) оценка предпринимательской активности (желание/нежелание организовывать собственный бизнес, причины желанья/нежеланья, оценка уровня информированности граждан о существующих механизмах поддержки предпринимательской деятельности).

Результаты и обсуждения

Для северных регионов России характерны тяжелые условия труда в связи с природно-климатическим фактором, но северные территории богаты природными ресурсами, их стратегическое значение для страны огромно. По данным Росстата, на рассматриваемые северные регионы в 2018 году приходится лишь 3,3% российского оборота малых и микропредприятий и 4,1% среднесписочной численности работников, не считая внешних совместителей.

Малое предпринимательство двояко влияет на процессы занятости. Так, рост предприятий малого бизнеса обеспечивает рабочими местами свободную рабочую силу, однако для него характерны жесткая конкуренция (как между предприятиями самого малого бизнеса, так и со стороны среднего и крупного бизнеса) и высокая зависимость от условий внешней среды (высокие риски, неопределенность на внутренних и внешних рынках, низкая доступность основных финансовых ресурсов и т. д.). В результате это часто приводит к разорению, влекущему за собой сокращение рабочих мест. В связи с этим необходимо создать благоприятный предпринимательский климат, при котором рост занятости имел бы стабильный характер [29].

Занятость на Севере характеризуется тенденцией к снижению. Численность занятых в северных регионах за 2008–2018 гг. уменьшилась на 2,3%. Доля занятых на малых предприятиях в 2018 году составляет 10,3% (табл. 1).

Несмотря на снижение численности безработных вкупе со снижением занятых в целом за 2008–2018 гг., уровень безработицы на Севере увеличивался (рост составил 1,4 п. п.), однако за последние три года (2016–2018 гг.) он снизился (см. табл. 1).

На Российском Севере наблюдается отрицательная динамика не только общей занятости, но и занятости в сфере малого предпринимательства (табл. 2).

В сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица занятость имела положительные тенденции до 2012 года. После принятия в 2012 году Государственной Думой Федерального закона от 03.12.2012 № 243-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного

Таблица 1. Динамика численности занятых в северных регионах России, 2008–2018 гг.

Год	Численность занятого в экономике населения, тыс. чел.	в т. ч. численность занятых на малых предприятиях		Уровень безработицы, %*	
		тыс. чел.	%	РФ	Северные регионы
2008	4342,2	408,2	9,4	6,2	8,2
2009	4310,3	449,1	10,4	8,3	8,9
2010	4259,7	512,6	12,0	7,3	8,4
2011	4253,8	506,5	11,9	6,5	7,7
2012	4258,7	482,3	11,3	5,5	6,9
2013	4235,0	475,4	11,2	5,5	6,9
2014	4197,7	454,6	10,8	5,2	6,6
2015	4262,0	476,9	11,2	5,6	7,0
2016	4223,0	421,8	10,0	5,5	7,0
2017	4260,9	458,4	10,8	5,2	6,8
2018	4244,9	436,2	10,3	4,8	6,2

* Численность безработных определена по методике МОТ.
 Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2009–2019 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 21.05.2020).

Таблица 2. Динамика занятости в северных регионах России, 2008–2018 гг.

Показатель	Год										
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Ежегодный прирост общей занятости, %	-	99,3	98,8	99,9	100,1	99,4	99,1	101,5	99,1	100,9	99,6
Ежегодный прирост занятости на малых предприятиях, %	-	96,3	97,7	99,0	100,3	99,0	98,3	97,8	98,6	98,2	95,2
Численность занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица, тыс. чел.	357,5	332,3	359,2	323,8	371,7	342,4	338,2	315,7	342,6	330,2	331,5
Ежегодный прирост (сокращение) занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица, %	-	93,0	108,1	90,1	114,8	92,1	98,8	93,3	108,5	93,2	100,4
Общий ежегодный прирост занятости в сфере малого бизнеса, включая организации и предпринимателей без образования юридического лица, %	-	95,9	98,8	98,1	101,8	98,2	98,4	97,3	99,6	97,6	97,4

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2009–2019 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 21.05.2020); Малое и среднее предпринимательство, 2009–2019 гг. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13223> (дата обращения 21.05.2020).

страхования» численность занятых в индивидуальном предпринимательстве начала падать, поскольку для индивидуальных предпринимателей были существенно увеличены страховые выплаты. Рост занятых в индивидуальном предпринимательстве в 2016 году по сравнению с 2015 годом на 8,5% можно объяснить принятием ФЗ № 477 от 29.12.2014 «О внесении из-

менений в статью 346 и главу 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Согласно документу, индивидуальные предприниматели, которые открывают свое дело в производственной, социальной и научной сферах, могут быть освобождены от налогов на два налоговых периода. Кроме того, было принято Распоряжение Правительства РФ от 27 января

2015 года № 98-р «О плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году», также предусматривающее ряд льгот в части налогообложения для малого и среднего бизнеса. Несмотря на льготы, занятость в индивидуальном предпринимательстве падает, в целом за 2008–2018 гг. численность занятых в индивидуальном предпринимательстве снизилась на 7,5%.

Распределение индивидуальных предпринимателей по возрасту в 2018 году показывает, что среднестатистический предприниматель – это лицо в возрасте 30–49 лет (в сумме их доля составила более 60,0%). Среди молодежи индивидуальное предпринимательство на Севере не распространено, что чаще всего связано с отсут-

ствием или недостаточностью у данной категории лиц финансов для начала бизнеса (табл. 3).

С 2008 по 2018 год число российских малых предприятий выросло в два раза, в северных регионах рост оказался чуть значительнее. Увеличение количества малых предприятий за 2008–2018 гг. на Севере в 2,3 раза привело к росту занятости в этой сфере на 6,8% [30]. Оборот малых предприятий в северных регионах за данный период увеличился в два раза [30].

Динамика развития малого предпринимательства на Севере нестабильна (табл. 4).

Сложность становления рассматриваемого сектора связана с проблемами криминализации бизнеса и общества, излишнего вмешательства государственной политики и рядом других [31]. Данные по северным регионам страны, приве-

Таблица 3. Распределение численности индивидуальных предпринимателей по возрасту в северных регионах России, 2018 год, %

Регион	Всего, чел.	в т. ч. в возрасте (лет)				
		15–29	30–39	40–49	50–59	60–72
Европейский Север	64367	13,1	32,4	28,5	19,5	6,4
Республика Карелия	12242	12,2	34,9	28,9	17,1	7,0
Республика Коми	14937	16,3	27,6	23,5	28,1	4,5
Архангельская область	23660	11,3	33,7	28,0	21,2	5,8
Ненецкий автономный округ	411	11,7	30,9	35,5	21,9	-
Мурманская область	13117	13,7	33,3	34,6	9,0	9,4
Азиатский Север	87759	14,5	27,6	31,7	21,0	5,3
Ханты-Мансийский автономный округ	23799	14,7	26,5	31,7	24,8	2,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	5309	5,2	27,0	40,4	18,5	8,9
Республика Тыва	9886	14,4	35,5	30,5	14,4	5,3
Республика Саха (Якутия)	29950	18,0	26,1	30,1	22,7	3,1
Камчатский край	5503	9,1	29,5	29,1	21,4	10,9
Магаданская область	2848	8,2	27,0	39,4	18,3	7,2
Сахалинская область	9965	13,9	26,7	32,0	14,2	13,2

Составлено по: Итоги выборочного обследования рабочей силы, 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 21.05.2020).

Таблица 4. Динамика численности малых предприятий (Российский Север), 2008–2018 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего предприятий, тыс. ед.	45,3	52,1	76,2	83,2	95,9	105,4	110,8	109,7	105,6	114,4	107,6
Прирост числа предприятий, % (2008 – 100%)	-	46,3	59,7	84,1	102,3	112,7	110,6	102,7	119,6	106,5	99,4

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2009–2019 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 21.05.2020).

денные в табл. 4, показывают, что рост числа малых предприятий наблюдался в 2010 и 2012 гг., но в целом он оказался незначительным. Увеличение числа официально учтенных малых предприятий во многом можно объяснить «впрыскиваниями» государственных финансов, не носящих системный характер. Здесь стоит отметить, что чаще всего государственная политика по развитию предпринимательства направлена на стартапы [32], что не способствует появлению значительного количества рабочих мест. Так, например, в США нужно как минимум 43 людям открыть свое дело, чтобы через 10 лет иметь 9 стабильных рабочих мест [7]. Спецификой развития малого бизнеса является аккумуляция его в сфере услуг, так как она не требует значительных вложений в организацию производственного процесса. Данные таблицы 5 за 2018 год свидетельствуют, что

более половины предприятий на Севере (74,4%) работают в сфере услуг, доля же малых предприятий в сфере услуг составила 64,3%.

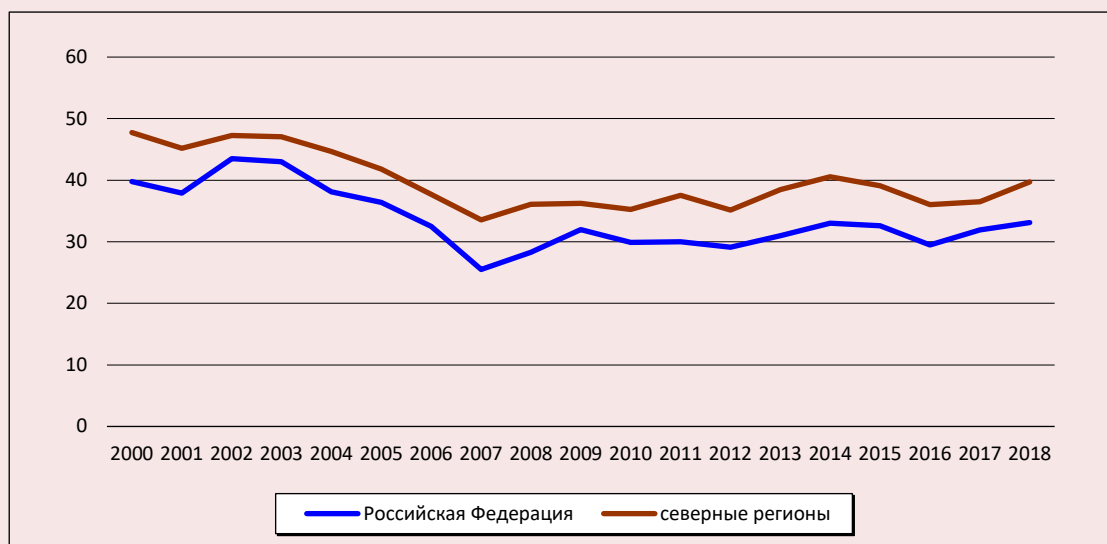
Жизнеспособность и устойчивость малого предпринимательства в современных российских условиях остаются острейшими проблемами. Удельный вес убыточных малых предприятий на Севере в 2018 году составлял 39,7%, что на 6,6% выше, чем в среднем по РФ (рис. 1). За последние 20 лет число убыточных малых предприятий снизилось на 8,0%. Ярким примером, характеризующим высокую зависимость малого предпринимательства от факторов внешней среды, является сокращение убыточных предприятий за 2002–2007 гг., когда наблюдалось стабильное и устойчивое экономическое положение в стране. Снижение рассматриваемого показателя в регионах Севера составило 13,7%, в целом по РФ – 18,0%.

Таблица 5. Доля всех предприятий на Российском Севере в сфере услуг в 2018 году, ед.

Показатель	Все предприятия	В том числе с численностью занятых, чел.			
		до 15	16–100	101–250	251 и более
Количество предприятий во всех отраслях	182804	87156	583066	453927	1152372
Количество предприятий в сфере услуг	136173	78887	498650	341088	579913

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2019 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 21.05.2020).

Рис. 1. Динамика убыточных малых предприятий в северных регионах России, 2000–2018 гг., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2019 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 21.05.2020).

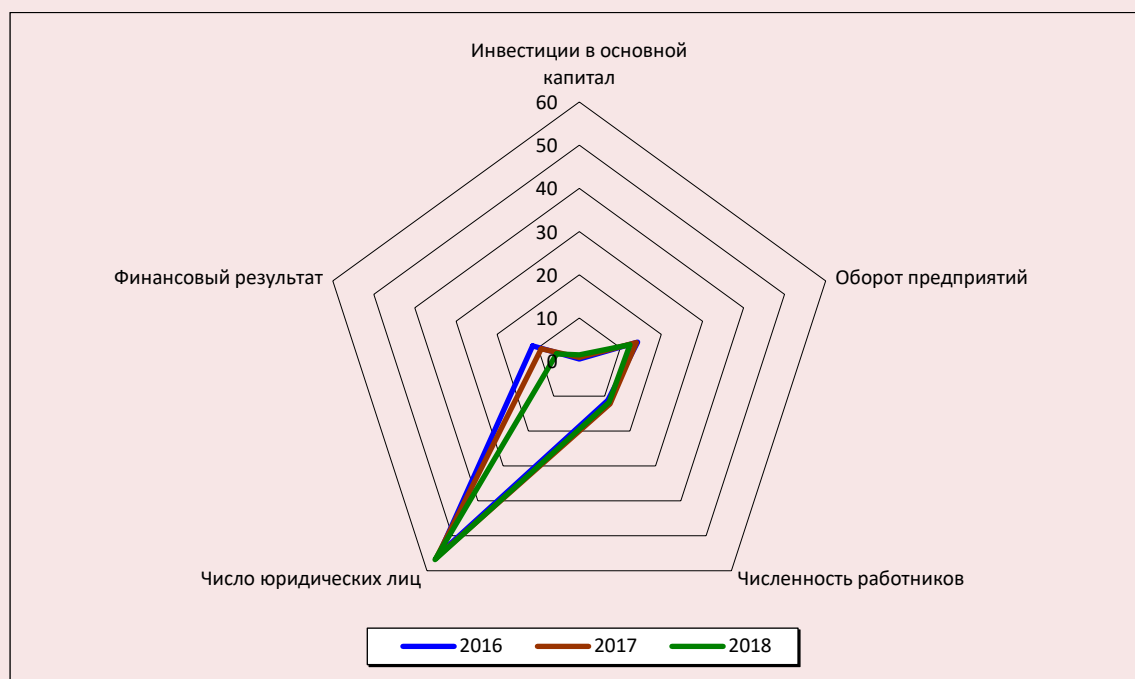
Малое предпринимательство на Севере подвержено значительным рискам, связанным с неразвитостью рыночных отношений, недостаточностью финансовых средств, высоким уровнем налогообложения и высокой стоимостью кредитных ресурсов, низким уровнем защиты прав собственности, высоким уровнем инфляции, нестабильностью экономической ситуации в стране, в сфере промышленности – с бюрократическим давлением [33]. Кроме того, наряду с общероссийскими проблемами на малый бизнес в рассматриваемых регионах оказывает влияние северная специфика: удорожание продукции по причине природно-климатических условий, отдаленность и др. Вклад малых предприятий в основные экономические показатели на Севере России пока незначителен (рис. 2).

Таким образом, занятость в малом предпринимательстве пока не оказывает существенного

влияния на социально-экономическую ситуацию в северных регионах. За анализируемые годы удельный вес занятого населения в малом секторе в общей численности занятого населения снижается, падение составило 13,8%.

Далее рассмотрим один из северных регионов России – Республику Коми. В Республике Коми 2008–2018 гг. ознаменовались снижением общего уровня занятости (падение в 1,18 раза)², в период 2008–2016 гг. уровень безработицы вырос на 1,6%. Это самый высокий показатель роста среди северных регионов России. Коми – регион, имеющий монопрофильную специализацию многих поселений, что обуславливает высокий риск безработицы, ведущий впоследствии к вымиранию монопрофильных городов и рабочих поселков, массовому переселению в другие регионы [34]. Сгладить указанные тенденции позволит развитие малого предпринимательства.

Рис. 2. Доля субъектов малого предпринимательства в основных экономических показателях Российского Севера, 2016–2018 гг., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2019 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 21.05.2020).

² Итоги выборочного обследования рабочей силы, 2009–2019 гг. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265>

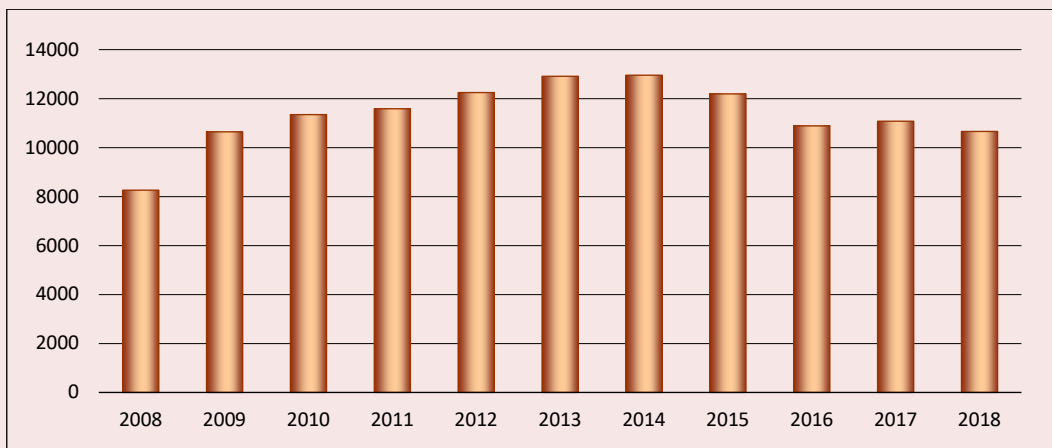
За последние десять лет в республике наблюдалось снижение уровня занятости в малом предпринимательстве почти в два раза, обусловленное сокращением числа малых предприятий (рис. 3).

Наблюдавшийся в отдельные годы рост числа малых предприятий в республике был вызван

проводимой государственной политикой по поддержке стартапов.

По статистическим данным (рис. 4), в 2018 году удельный вес показателей числа малых предприятий в общих экономических показателях Республики Коми составил 57,0%. Сравнение значений среднемесячной заработной

Рис. 3. Динамика численности малых предприятий в Республике Коми, ед.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2019 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 21.05.2020).

Рис. 4. Доля субъектов малого бизнеса в основных экономических показателях Республики Коми, 2018 год, %

Источник: Статистический ежегодник Республики Коми. 2019: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2019. 347 с.

платы по малому бизнесу и полному кругу предприятий и организаций показывает отставание размеров заработной платы в малом бизнесе, разрыв достигает 12,0%. Низкие средние заработные платы в предпринимательском секторе сокращают возможности привлечения в него высококвалифицированных специалистов.

Примерно шестая часть занятого в экономике Коми населения работает в сфере малого бизнеса. Для малого бизнеса характерны низкие доли показателей инвестиций в основной капитал, основных фондов и оборот предприятий. Но в целом за 2000–2018 гг. финансовый результат деятельности малых предприятий в республике имел положительную динамику (рис. 5).

По графику видно, что финансовый результат малых предприятий серьезно пострадал от экономического кризиса 2014 года, вызванного девальвацией рубля, снижением цен на углеводороды и неблагоприятными внешними условиями, что выразилось в паде-

нии оборота с 1472,1 млн руб. в 2015 году до 1326,6 млн руб. в 2016 году³. В 2017 году значительно выросла сумма прибыли (на 47,1%), в 2018 году снова наблюдалось падение на 7,1%. Экономические кризисы цикличны и неизбежны, но можно смягчить их влияние на экономику региона, принимая своевременные меры. Так, проводимые в Коми мероприятия по поддержке малого предпринимательства реализуются в рамках целевых программ федерального значения, государственных программ Республики Коми и ведомственных подпрограмм. В республике действуют государственная программа «Развитие экономики» на 2013–2021 гг., подпрограмма «Малое и среднее предпринимательство в Республике Коми». Бюджет на 2013–2021 гг. по программе составляет 1 668 585,6 тыс. рублей, из них средства федерального бюджета – 1 151 043,9 тыс. рублей. В рамках указанной подпрограммы целевым показателем по увеличению занятости является повышение доли среднесписочной

Рис. 5. Динамика финансового результата малых предприятий Республики Коми, 2000–2018 гг., млн руб. (в ценах 2000 года)

Источники: Малое и среднее предпринимательство, 2009–2019 гг. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13223>; Статистический ежегодник Республики Коми, 2009–2019. URL: <https://komi.gks.ru/statistical-compilation/document/67052>

³ Статистический ежегодник Республики Коми, 2009–2019. URL: <https://komi.gks.ru/statistical-compilation/document/67052>

численности работников (без внешних совместителей) на микропредприятиях, малых предприятиях в общей численности занятого населения. Но, к примеру, такой важный показатель, как количество вновь созданных рабочих мест (включая вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей) субъектами малого предпринимательства, получившими государственную поддержку, при поддержке муниципальных программ (подпрограмм), содержащих мероприятия, направленные на развитие малого предпринимательства, был исключен с 1 января 2018 года.

Выделяются следующие подходы, используемые для поддержки малого предпринимательства в республике: 1) в 2016 году малому бизнесу предоставлялась прямая финансовая поддержка; 2) в 2017 году использовался проектный подход; 3) с 2018 года по настоящее время – «лоскутная» модель; 4) к 2024 году планируется перейти на централизованную модель поддержки малого бизнеса.

Поддержка малого предпринимательства проводится в последние годы с целью снижения административной нагрузки на малые предприятия, расширения имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства, создания благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятых граждан, а также развития инфраструктуры и популяризации предпринимательства (сформированы и продолжают создаваться региональные и муниципальные центры поддержки предпринимательства, бизнес-инкубаторы, промышленные парки, гарантийные фонды, фонды микрофинансирования и др.). Деятельность этих структур позволила в некоторой степени повысить предпринимательскую активность населения региона.

Оценка предпринимательской активности населения в Республике Коми, регионе с повышенным уровнем вынужденной незанятости при высокой экономической активности населения [35], по результатам социологического опроса, проведенного в городах Коми сотрудниками научного центра Уральского отделения РАН в четвертом квартале 2018 года, показала, что 70,1% респондентов, куда входит экономически активное население, позитивно отно-

сятся к предпринимательству (по России более 80,0%⁴). При анализе возможностей для развития предпринимательства в городах учитывалось мнение респондентов, их восприятие перспектив открытия бизнеса на ближайшие пять лет с точки зрения развитости территории проживания. Так, большинство (44,2%) указало на имеющиеся трудности в развитии территории, которые вполне решаемы, 28,8% ответили, что ситуация в городе неблагоприятная и изменений не произойдет, 25,9% – что изменения будут, но в сторону ухудшения. Лишь 10,3% опрошенных видят положительные перспективы для города, связывая их с развитием промышленного производства (41,2%), малого предпринимательства (24,1%) и сферы услуг (18,7%).

Условия для развития предпринимательской активности неудовлетворительные. Так, 31,5% респондентов указывают на неблагоприятную ситуацию в развитии территории и отмечают, что данные тенденции останутся неизменными. Еще 44,3% активных граждан ответили, что имеющиеся проблемы территориального развития вполне решаемы.

На уровень предпринимательской активности влияют сложившиеся представления населения о возможностях для предпринимательской деятельности и его способности, компетенции к ведению бизнеса. В условиях экономических кризисов воздействие на такую оценку оказывает компетентностная самооценка. То есть чем выше предпринимательская активность, тем выше оценка респондентами своих компетенций [36]. В Республике Коми 25,2% трудоспособных респондентов, проживающих в городской местности, хотели бы заниматься предпринимательской деятельностью, причем у мужчин уровень предпринимательской активности выше, чем у женщин, на 10,0%. При сравнении предпринимательской активности населения моногородов (Воркута, Инта) и административного центра (Сыктывкар) выяснилось, что она выше в столичном городе (30,0 против 21,0% соответственно).

⁴ Предпринимательство в России: доверие, барьеры и факторы успеха: аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116444> (дата обращения 21.05.2020).

Среди причин нежелания открыть свое дело горожане указали отсутствие опыта ведения бизнеса (25,4%), отсутствие начального капитала (24,9%), неуверенность в успехе (15,4%), откладывание открытия бизнеса на перспективу (12,1%), отсутствие связей и незнание информации о бизнесе (10,6%), другие причины, среди которых отсутствие интереса к предпринимательству (6,5%), возрастные ограничения (4,8%).

Уровень предпринимательской активности в городах Коми сильно снижается при увеличении возраста респондентов⁵: молодежь 16–29 лет – 28,2%, средний возраст 30–44 лет – 24,0%, 45–50/54 лет – 4,9%, более 50/54 лет – 1,4%. Молодежь готова заниматься предпринимательской деятельностью, но отсутствие финансового капитала часто становится причиной того, что дальше «желания» дело не идет. Низкий уровень предпринимательской активности в старших возрастах связан с «нежеланием» снова начинать что-то новое равно как при наличии, так и отсутствии финансовых ресурсов.

Распределение ответов на вопрос о реализации профессиональных знаний, навыков и способностей свидетельствует, что те, кто имеет наибольший уровень знаний, меньше всего реализуют их (ответ «реализую лишь незначительную часть» дал каждый третий респондент). При этом сдерживает респондентов, прежде всего, отсутствие денежных средств (около 30,0%). Оценка же респондентами такого фактора, как наличие возможностей местного рынка труда, показала, что в ней преобладают

низкие значения. Более высокие оценки рынка труда дают только жители города Усинска (в среднем 3,0 балла; табл. 6).

В рамках проведенного нами опроса была оценена степень информированности населения о мерах государственной поддержки предпринимательства. Результаты исследования среди молодежи республики показали, что 42,1% респондентов испытывают недостаток информации по всем вопросам, связанным с открытием бизнеса. Треть молодых людей ответили, что им ничего неизвестно о государственных программах, ориентированных на поддержку местного бизнеса и населения (34,6%). Еще 15,6% отмечали, что что-то слышали о государственных программах, но не вникали в их суть. Лишь 7,7% известно о программах и проектах, направленных на развитие предпринимательства.

Таким образом, в целом по Республике Коми за последние 10 лет увеличивалось количество малых предприятий в совокупности с устойчивым ростом их финансовых результатов, среднесписочная численность занятых на малых предприятиях при этом сократилась. На 2018 год количество малых предприятий увеличилось по сравнению с 2008 годом на 28,6%, среднесписочная численность занятых на малых предприятиях сократилась за рассматриваемые годы на 29,4%, удельный вес работников малых предприятий в общей среднесписочной численности занятых составил в 2018 году 17,0%. По итогам опроса городского населения республики в 2018 году можно отметить, что уровень предпринимательской

Таблица 6. Оценка возможностей рынка труда в городах Коми, 2018 год, средний балл*

Показатель	В целом по выборке	Сыктывкар	Воркута	Инта	Усинск
Наличие рабочих мест	2,3	2,3	2,2	1,7	3,0
Разнообразие рабочих мест	2,1	2,6	2,1	1,7	2,7
Возможности профессиональной реализации	2,3	2,5	2,3	2,1	2,9
Возможности карьерного роста	2,5	2,7	2,4	2,2	3,2
Уровень жизни населения в городах	2,5	2,7	2,4	2,3	3,4

* Оценка по шкале от 0 до 5 баллов: 5 – очень хорошо, 4 – хорошо, 3 – удовлетворительно, 2 – плохо, 1 – очень плохо.
Источник: данные опроса, проведенного автором.

⁵ Данный показатель рассчитывался как удельный вес населения, планирующего открыть собственный бизнес, в общей численности населения, давшего положительный ответ на вопрос «Желаете ли Вы открыть свое дело?» (т. е. в общей численности планирующих открытие собственного дела, предпринимающих активные действия для организации собственного бизнеса).

активности в северных моногородах (Воркута, Инта и Усинск) уступает значениям аналогичного показателя в административном городе (Сыктывкар). Предпринимательская активность горожан с возрастом снижается. В городах наблюдаются низкая доля потенциальных предпринимателей, слабая информированность населения о мерах поддержки малого предпринимательства государственными и муниципальными органами власти. Значительное влияние на рассмотренные процессы оказывают как северные факторы (ограниченность рынков, неразвитость инфраструктуры), так и низкая оценка горожанами своих предпринимательских компетенций, отсутствие стартового капитала.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что каждый исторический этап экономического развития характеризуется своими особенностями. Современные тенденции в мировой экономике, для которой свойственно бурное развитие высоких технологий, показывают, что малые формы субъектов хозяйствования являются наиболее успешными. В результате занятость в данном секторе в зарубежных странах резко выросла. Российская реальность отличается, в стране преобладают крупные формы хозяйствования, соответственно, распространена занятость на крупных предприятиях. Целью нашего исследования стало изучение занятости населения в малом предпринимательстве на Севере России. Результаты анализа показали, что динамика развития малого предпринимательства на Севере имеет неравномерный характер, малый бизнес в основном формируется в сфере услуг, в целом занятость за последние десять лет сокращается. В отдельные годы (2010 и 2012) на Российском Севере увеличилось число малых предприятий, однако данный вид хозяйствования развивался не благодаря росту доходов населения, а благодаря экономическому спаду, увеличению уровня безработицы в регионах.

Это связано с государственной политикой, препятствующей росту безработицы, но не решающей проблему создания рабочих мест, в приросте числа которых на Севере сыграла роль самозанятость.

Пример одного из северных регионов (Республики Коми) показывает, что роль малого предпринимательства в экономике пока незначительна, число малых предприятий и численность работников снижаются, размер прибыли малого бизнеса за 2008–2018 гг. в сопоставимых ценах с учетом инфляции уменьшился.

Данные социологического опроса, проведенного нами, указывают на низкий уровень предпринимательской активности городского населения в Республике Коми, что обусловлено северной спецификой жизнедеятельности (транспортная неразвитость, отдаленность, малые размеры рынков, инфраструктурная необустроенность и т. д.). В результате северяне оценивают перспективы территориального развития, возможности рынка труда на низком уровне, в целом имея положительное отношение к предпринимательству.

В связи с этим в рамках государственной поддержки малого бизнеса на Севере необходимо продолжать работу по популяризации предпринимательства, снижению административных барьеров, информационно-консультативную работу с малыми предприятиями, осуществлять мониторинг малых предприятий с определением возможности для их расширения (открытие новых рабочих мест).

Исследование вносит вклад в развитие теории экономического анализа (раскрытие специфики формирования малого предпринимательства и выделение влияния малого бизнеса на занятость в северных регионах). Практическая значимость работы обусловлена возможностью использовать результаты при составлении региональных программ по стимулированию предпринимательской активности и развитию малого предпринимательства.

Литература

1. Российский крупный бизнес / под ред. Я.Ш. Паппэ, Я.С. Галухина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2009.
2. Тюкавкин Н.М. Перспективы развития крупного бизнеса // Вестник СамГУ. 2013. № 10 (111). С. 100–101.

3. Курило А.Е., Морошкина М.В. Развитие малого предпринимательства: сравнительный анализ северных и российских регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 3. С. 146–147. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.145-154
4. Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70. DOI 10.31857/S086904990005814-7
5. Корчак А.Д., Корчак Е.А. Основные характеристики рынка труда северных регионов РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6. С. 36–37.
6. Захарова Ж.А., Кислинский В.В. Актуальные проблемы развития малого предпринимательства в регионах Центра России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 3 (59). URL: <https://eee-region.ru/article/5922/> (дата обращения 28.05.2020).
7. Чепуренко А.Ю. Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (Заметки на полях работ современных зарубежных классиков) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 2 (14). С. 102–124.
8. Верховская О.Р., Дорохина М.В. Предпринимательская активность современной России // Российский журнал менеджмента. 2008. № 1. С. 25–52.
9. Войнова С.И., Савельева И.П. Оценка предпринимательской активности: сущность и виды экономической деятельности // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2012. № 1. С. 35–40.
10. Юданов А.Ю. Носители предпринимательства: фирмы-газели в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 5. С. 91–108.
11. Kirchoff V.A. *Entrepreneurship and Dynamic Capitalism*. Westport: Praeger, 1994.
12. L.L.G. Soete. Firm size and inventive activity: the evidence reconsidered. *European Economic Review*, 1979, vol. 12 (4), pp. 319–340.
13. Лю Сямэй. Малый и средний бизнес в условиях глобализации мировой экономики // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого. 2014. № 2 (57). С. 89–95.
14. Садыкова Л.Г. Особенности развития малого предпринимательства в зарубежных странах // Вопросы экономики и права. 2010. № 12. С. 231–235. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/06/29/1267393400/Sadykova%20231-235.pdf> (дата обращения 21.05.2020).
15. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования. 2019. № 2 (64). С. 4–14. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-2-1
16. Дуброва Т.А., Агекян Э.А., Ключко Ю.С. Эконометрическое исследование факторов развития малого предпринимательства в регионах России // Региональные исследования. 2014. № 5. С. 130–135.
17. Storey D.J., Strange A. Are They Now? Some changes in Firms Located on UK Science Parks in 1986. *New Technology, Work and Employment*, 1992, vol. 7, pp. 15–28.
18. Keeble D. New firm and regional economic development: Experience and impacts in the 1980s. *Cambridge Regional Review*, 1990, № 1, pp. 19–38.
19. Bartik T.J. Small business start-ups in the United States: estimates of the effects of characteristics of States. *Southern Economic Journal*, 1989, vol. 55, pp. 1004–1018.
20. Brusco S. The Emilian Model: Productive decentralization and social integration. *Cambridge Journal of Economics*, 1982, vol. 6, pp. 167–184.
21. Развитие предпринимательства в бывших социалистических республиках (Роль малого бизнеса в экономическом развитии) / под ред. В.Г. Басаевой, Т.А. Сильченко, Е.Г. Почесневой. Новосибирск: ИЭиООП, 1995.
22. Beesley M.E., Hamilton R.T. Small firm's seedbed role and the concept of turbulence. *The Journal of Industrial Economics*. 1984, vol. 33 (2), pp. 217–231.
23. Baumol W. Entrepreneurship: productive, unproductive and destructive. *J. of Political Econ.*, 1990, vol. 98 (5), pp. 893–921.
24. Hart M., Hanvey E. Job Generation and new and small firms: some evidence from the late 1980s. *Small Business Economics*, 1995, vol. 7, pp. 97–109.
25. Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. Как изучать сегодняшнюю Россию // Мир России. 2004. № 1. С. 120–121.

26. Shane S. *The illusions of entrepreneurship: The Costly Myths that Entrepreneurs, Investors, and Policy Makers Live by*. New Haven, CT and London: Yale University Press, 2008.
27. Антохина Ю.А., Гузикова Л.А., Видякина В.А. Экономическая роль малого бизнеса в современной России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4 (33). С. 14–18.
28. Audretsch D.B., Thurik R. Linking entrepreneurship to growth. *OECD Science, Technology, and Industry Working Papers*, 2001, no. 2, pp. 3–34.
29. Дикинс Д., Фрил М. Предпринимательство и малые фирмы [пер. с англ.: А.Б. Раппопорт]. Харьков: Гуманитарный Центр, 2014. 443 с. Пер. изд.: *Entrepreneurship and Small Firms / David Deakins, Mark Freel*. London, 2014.
30. Терентьева М.А. Малое предпринимательство в северном регионе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2019. № 1. С. 268–373.
31. Артемьев Н.В., Латов Ю.В. Институционально-экономические причины «теневиизации» малого бизнеса России // *Terra Econimicus*. 2015. Т. 13. № 1. С. 62–70.
32. Бондаренко Т.Г., Исаева Е.А. Стартапы в России: актуальные вопросы развития // *Наукоеведение*. 2015. Т. 7. № 5. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/83EVN515.pdf> (дата обращения 07.10.2019). DOI: 10.15862/83EVN515
33. Быкова Н.Н., Рогозина Л.С. Проблемы развития бизнеса в России // *Молодой ученый*. 2016. № 3 (107). С. 480–482.
34. Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / под. ред. В.В. Фаузера. М.: Экон-Информ, 2018.
35. Попова Л.А., Терентьева М.А. Актуальные вопросы развития трудового потенциала Республики Коми // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2012. № 6 (24). С. 146–154.
36. Рубин Ю.Б. Компетентностный подход в обучении российской молодежи предпринимательству // *Формирование профессиональных предпринимательских компетенций молодежи в процессе обучения предпринимательству: материалы междунар. конф.* М., 2014. С. 5–14.

Сведения об авторе

Марина Алексеевна Терентьева – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: terentyeva@iespn.komisc.ru)

Terentyeva M.A.

Role of Small Business in Providing Employment in the Russian North

Abstract. The article is devoted to the study of the level and dynamics of small business in the Russian North in current conditions on the basis of official statistics and the author's sociological survey. The reasons of the functioning and development of small business in market conditions are revealed. Regions of the Far North and territories equated to such are studied. The object of the research is small business in the northern Russian regions. The subject of the research is the study of the features of business development in the northern Russian regions. The purpose of this work is the study of processes taking place in the sphere of employment in the small business sector and its development in the northern regions of Russia. The information basis of this paper consists of domestic and foreign economists' works, materials of periodicals, and Internet resources on this topic. The results of the study show that employment in small businesses in the northern Russian regions, which are characterized by the dominance of extractive industries in the economy, does not have a strong impact on overall employment which is caused by this

sector's current insufficient advancement. There is a narrowing of the small business sector on studied territories. With a case study of one northern region (the Komi Republic), we showed a contribution of small business into the provision of employment. The impact of small business on primary socio-economic indicators of the region is revealed. The assessment was conducted, and a low level of residents' business activity was noted: northerners do not seek to open a business due to a low level of expectations associated with the improvement of the economic situation and understanding of spatial development problems on the territory of residence. The main reasons of northerners' low business activity are the lack of entrepreneurial skills, the lack of start-up capital and difficulties with its attraction. The key directions of the increase of employment in the small business sphere of the northern regions are highlighted.

Key words: small business, employment, unemployment, business activity, age, Russian North.

Information about the Author

Marina A. Terentyeva – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of The North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: terentyeva@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 08.10.2019.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.7

УДК 332.146, ББК 65.049(2)

© Бухвальд Е.М.

Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России

Евгений Моисеевич

БУХВАЛЬД

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32

E-mail: buchvald@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9892-5930; ResearcherID: Q-7131-2017

Аннотация. Цель статьи — обозначить наиболее важные экономические, правовые и институциональные положения, которые желательно отразить в новых «Основах государственной политики в сфере развития местного самоуправления на период до 2030 года». Сделан вывод о том, что именно запоздалое решение о подготовке обновленного варианта Основ обусловило значительные трудности в практической реализации преобразований в муниципальной среде в Российской Федерации, а также многие пробелы и последующие многочисленные дополнения и изменения в 131-ФЗ об общих принципах организации местного самоуправления. Обновление Основ представляется в настоящее время крайне значительным. Это связано с пятью важными новациями, заставляющими пересмотреть цели и инструменты государственной политики в области местного самоуправления. Первая из них — общемировой тренд децентрализации управления, существенно усиливающий роль локального звена социально-экономических систем. Вторая важная новация — актуальность задачи осуществить «федерализацию» государственного регулирования местного самоуправления. Третья новация — необходимость органично вписать местное самоуправление в единую вертикаль стратегического планирования, эффективное функционирование которой приобретает решающее значение с точки зрения обеспечения устойчивости социально-экономического развития страны, ее регионов и муниципальных территорий. Четвертая востребованная новация — целесообразность закрепить формулу или принцип, позволяющий остановить бесконечную череду реорганизаций российского самоуправления, а также разного рода разъединительных и объединительных процессов в этой сфере. Наконец, пятая из подоб-

Для цитирования: Бухвальд Е.М. Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 125–135. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.7

For citation: Bukhval'd E.M. New basic principles of the state policy in an area of local self-government development in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 125–135. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.7

ных новаций — необходимость завершить трансформацию российского местного самоуправления из низового звена административно-командной системы в социально-экономический институт, органично сочетающий признаки публичной власти и начала современного гражданского общества и на деле реализующий такой конституционный принцип, как «самостоятельное решение населением вопросов местного значения».

Ключевые слова: местное самоуправление, преобразования в муниципальной среде, государственная политика развития местного самоуправления, субъекты Федерации, гражданское общество.

Введение

Утверждение и эффективное функционирование системы стратегического планирования возможны только при условии его осуществления на основе властно-управленческой «вертикали» со сбалансированным кругом полномочий и ответственности по всем уровням. Необходимым звеном этой вертикали, как и всего экономико-правового механизма федеративных отношений, выступает система институтов местного самоуправления. Прочно утвердилось справедливое мнение, что местное самоуправление, сочетая признаки публичной власти и начал гражданского общества, позволяет реализовать инициативы населения, усилить меру его инициативы и ответственности за стабильное социально-экономическое развитие территорий. Вместе с тем в современной зарубежной экономической теории не менее важное место отводится роли местного самоуправления как института, способного «разгрузить» органы государственного управления от избыточных административных функций с возможностью сосредоточиться на общенациональных задачах стратегического характера и обеспечении условий для их решения [1; 2].

Возрастание роли местного самоуправления в решении ключевых вопросов социально-экономического развития территорий создает, однако, растущие сложности в обеспечении баланса между ролью этих институтов как органа публичной власти, тесно взаимодействующего со всеми структурами государственного управления, и одновременно — как института гражданского общества, нацеленного на максимальную реализацию методов прямого или непосредственного народовластия. Кроме того, реализуя начала гражданского общества, местное самоуправление неизменно действует в жестких правовых рамках законодательного регулирования, причем условия федеративно-

го государства уже изначально предполагают специфику развития институтов местного самоуправления [3], в т. ч. в качестве баланса регулятивных начал, идущих от федерального центра и субъектов Федерации [4]. Механизмом реализации этих начал выступают государственные концепции или программы развития местного самоуправления, новый вариант которых сегодня крайне востребован не только в интересах экономики страны, но и в целях ее устойчивого социально-политического развития.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Обоснование выбора тематики статьи связано с наличием существенных рисков, что новый этап разработки концептуальных документов, касающихся государственной политики в отношении российского местного самоуправления, может повторить ошибки предшествующих лет. Речь идет о документах, в которых предлагаемые преобразования в сфере местного самоуправления недостаточно увязывались с развитием российской модели федерализма, не ставились конкретные цели для намечаемых преобразований и не формировались четкие представления о путях решения задач. Методика нашего исследования основывается на комбинации экономического, правового и институционального подходов к оценке проблем и перспектив развития российского местного самоуправления, на учете неизбежного многообразия в формировании и деятельности муниципальных сообществ в различных регионах России. Следует отметить, что проблемы подготовки новых «Основ государственной политики в сфере развития местного самоуправления на период до 2030 года» (далее — Основы), как фактически уже документа стратегического планирования, с научной точки зрения еще практически не рассматривались. В связи

с этим научная новизна исследования заключается в обосновании путей «включения» муниципального звена управления в «вертикаль» стратегического планирования, а также в развитии представлений о двойственной природе местного самоуправления как органа публичной власти и института гражданского общества. Такая двойственность трактуется не как противоречие, а как взаимодополняющий механизм, позволяющий интегрировать усилия публичной власти, представителей гражданского общества, всего населения при реализации единой стратегии социально-экономических преобразований и достижении национальных целей развития в Российской Федерации.

Основы как элемент институционального компонента стратегического планирования

Состоявшее 30 января 2020 года заседание Совета по развитию местного самоуправления (далее – Совет), посвященное роли местного самоуправления в реализации национальных проектов¹, охватило собой широкий круг вопросов функционирования и дальнейшего преобразования муниципального пространства в Российской Федерации. Можно сказать, что работа Совета, ее итоги и рекомендации как бы прервали довольно длительный период откровенного молчания и отсутствия четких перспектив относительно того, как должно далее развиваться местное самоуправление в России. Предшествующими событиями аналогичного уровня по данной тематике можно, пожалуй, считать Всероссийский съезд муниципальных образований, который состоялся в г. Суздале в ноябре 2013 года, и последующую встречу Президента РФ В.В. Путина с частью участников этого съезда в Москве. Формальным поводом для проведения этих мероприятий тогда стал «тройной» юбилей целого ряда событий, существенно важных для функционирования системы местного самоуправления в стране.

Прежде всего, это 10 лет со дня принятия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; 15 лет с момента ратификации Европейской хартии местного самоуправления и 20 лет со времени принятия

¹ Заседание Совета по развитию местного самоуправления. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62701>

действующей Конституции Российской Федерации. В резолюции съезда, весьма критично оценившего состояние всех компонентов развития российских муниципалитетов, признавалась «необходимой и целесообразной» разработка основных направлений дальнейшего развития местного самоуправления в Российской Федерации на средне- и долгосрочную перспективу². Однако на деле подобный документ как основа этого вектора социально-экономической политики государства на том этапе так и не появился.

Принятие в 2014 году Федерального закона о стратегическом планировании³ дало определенные надежды полагать, что объектом такого планирования станут не только различные хозяйственные и социальные процессы в стране, но и те новации институционального характера, которые должны были бы обеспечить реализуемость всех иных целей стратегического планирования. Однако институциональный компонент стратегического планирования фактически не был реализован, а такие системно важные для развития страны и ее экономики институты, как федеративное устройство и организация местного самоуправления, стратегического видения на перспективу так и не получили [5].

В этом смысле выдвинутую Президентом РФ В.В. Путиным на Совете 30 января 2020 года инициативу «начать разработку проекта новых Основ государственной политики в сфере развития местного самоуправления на период до 2030 года» следует оценить как чрезвычайно важную и актуальную. От чего нам оттолкнуться в этой работе; что нужно воспринять из ранее наработанного и что отвергнуть? Для ответа на указанные вопросы необходимо обратиться к тем документам, которые формально наличествуют в этой сфере в настоящее время. До разработки и принятия новых Основ официально действующими остаются «Основные положения государственной политики в области раз-

² Резолюция Всероссийского съезда муниципальных образований. URL: <http://www.vsmsinfo.ru/vserossijskij-s-ezd-munitsipalnykh-obrazovanij/rezolyutsiya-vserossijskogo-s-ezda-munitsipalnogo-obrazovaniya>

³ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

вития местного самоуправления в Российской Федерации». Документ принят еще в 1999 году⁴ и на данный момент числится в базах правовой информации как действующий.

Прочтение «Основных положений...» 1999 года дает определенную почву для размышлений, что, собственно, мы хотим от нового подобного документа. Конечно, с позиции сегодняшнего дня, накопленного опыта политических и социально-экономических преобразований в стране можно утверждать, что ключевые тезисы этого документа во многом излишне декларативны и неконкретны. Именно это часто создает впечатление, что и сейчас целый ряд положений в документах по развитию местного самоуправления многократно повторяется. Однако на деле это не всегда так, поскольку многие документы раз за разом просто дублируют некорректности, изначально сложившиеся в конституционно-правовой базе российского местного самоуправления, и/или дефекты в формировании его экономических основ.

Например, «Основные положения...» 1999 года лишь повторяли один конституционный тезис, который де-факто является недействующим. Это тезис о праве органов местного самоуправления на «установление местных налогов и сборов». В действительности органы местного самоуправления Российской Федерации не могут устанавливать местные налоги (они устанавливаются только федеральным законодателем), а могут лишь эти налоги вводить, взимать и в известных рамках администрировать. «Основные положения...» указывали на необходимость «перераспределения средств федерального бюджета, направляемых в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации, обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований для решения вопросов, отнесенных к их компетенции». Однако в ходе осуществления преобразований в системе российского самоуправления на основе 131-ФЗ 2003 года⁵ изменения в струк-

⁴ Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 15.10.1999 г. № 1370. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24661/

⁵ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

туре консолидированных бюджетов субъектов Федерации пошли как раз в обратную сторону: доля местных бюджетов в них не увеличивалась, а сокращалась. Скудные финансовые ресурсы российского самоуправления оказались просто «размазаны» по тысячам новых муниципальных бюджетов [6].

Очень важным мы считаем следующий тезис «Основных положений...» 1999 года: «Серьезные трудности в практической деятельности органов местного самоуправления вызывает неоднозначность в понимании некоторых норм российского муниципального права, в том числе закрепленных Конституцией Российской Федерации». Что конкретно имелось в виду, документ не прояснял, однако до настоящего времени поправки в этом блоке конституционных положений так и не появились, хотя именно сейчас эту потребность можно считать вполне осознанной. Важно, однако, чтобы реформирование правовых основ российского местного самоуправления не остановилось на уровне конституционных поправок, а повлекло за собой их развернутое толкование в федеральных законах, так или иначе затрагивающих этот блок вопросов.

Тем не менее ряд важных установок «Основных положений...» 1999 года можно считать по крайней мере формально реализованными. Документ указывал на наличие в Российской Федерации территорий, где население не могло на деле осуществить свое право на местное самоуправление. В настоящее время таких лакун в стране нет, конечно, если не считать проблематичность организации местного самоуправления в городах федеративного значения — Москве и Санкт-Петербурге [7]. В этих мегаполисах значительная часть населения либо вообще не имеет представления о существовании в нем особого института внутригородских муниципалитетов, либо ассоциирует их с районными управами, хотя на деле это не местное самоуправление (например, в Москве районные управы — низовое звено аппарата Правительства Москвы как субъекта Федерации).

В «Основных положениях...» 1999 года отмечалось наличие неясностей с разграничением полномочий местного самоуправления и органов государственной власти. Можно утверждать, что в целом эта проблема была решена в ходе принятия названного выше 131-ФЗ,

когда для каждого вида муниципальных образований был сформирован перечень «собственных» полномочий по вопросам местного значения, а затем введен институт так называемых «добровольных» полномочий [8]. Проблема, однако, в том, что весь период после принятия 131-ФЗ перечень «собственных», т. е. обязательных к исполнению, полномочий муниципалитетов постоянно увеличивался, а круг источников доходной части местных бюджетов серьезному расширению не подвергался. Местное самоуправление, особенно на поселенческом уровне, так и не обрело экономической самостоятельности. Хотя сельские поселения составляют примерно 80% всех действующих муниципалитетов, на них приходится лишь 7,4% собственных доходов местных бюджетов. Такое самоуправление теряло доверие и уважение населения или, как отмечали эксперты, «самоуправление населения» постепенно превращалось в «самоуправление муниципальных чиновников».

Реально обозначившийся круг проблем с практической реализацией 131-ФЗ по местному самоуправлению выявил тот очевидный факт, что «Основные положения...» государственной политики в этой сфере, утвержденные в 1999 году, серьезно отстали от жизни и для целеполагания осуществляемых преобразований нуждаются в обновлении. Однако эта востребованность, как было отмечено выше, реального отклика не имела, что придает инициативе Президента РФ по подготовке новых Основ исключительную социально-политическую значимость.

Системность и конкретность как основа проектирования для российского местного самоуправления

Предложение Президента РФ разработать новые «Основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления на период до 2030 года» дает реальный шанс перейти от мелочных и часто бессистемных корректировок в экономико-правовых основах российского муниципального сообщества к четкой и целеориентированной программе действий в этом направлении. Центральным моментом в новых Основах, безусловно, будет вопрос о более тесном, согласованном взаимодействии государственной и муниципальной власти в решении приоритетных хозяйственных

и социальных задач, в т. ч. зафиксированных в действующих национальных проектах Российской Федерации.

Вместе с тем нельзя согласиться с тезисом о том, что у нас местное самоуправление якобы «отделено от государства». Думается, что такая позиция не что иное, как достаточно упрощенная трактовка ст. 12 Конституции РФ («Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти»). О подобной «отделенности» неправомерно говорить, по крайней мере, по трем причинам. Во-первых, основные правовые рамки функционирования местного самоуправления в России, как и во всех странах устоявшейся демократии, законодательно определяются государством (как федеральным, так и региональным законодателем). Во-вторых, не будет преувеличением сказать, что местное самоуправление у нас существует на «государственные средства», т. к., согласно последнему мониторингу Минфина России (за 2019 год)⁶, на собственно местные налоги (их всего два) приходится 15,8% налоговых доходов местных бюджетов и 6,7% их собственных доходов в целом. В-третьих, «связка» государственного и муниципального управления обеспечивается широким привлечением муниципального звена к исполнению государственных полномочий, в основном полномочий субъектов Федерации (хотя одновременно имеет место и обратный процесс – перераспределение полномочий с уровня муниципальных образований на региональный уровень). Финансирование делегированных государственных полномочий – существенный компонент расходной части местных бюджетов. По оценкам Минфина России, расходы на осуществление государственных полномочий в 2019 году составили 33,3% от всех расходов местных бюджетов.

Вместе с тем, как отметил В.В. Путин на заседании Совета по местному самоуправлению 30 января 2020 года, достижение согласованности действий государственного и муниципаль-

⁶ Министерство финансов РФ. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2019 год. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/regionsresults/Monitoring_local/results/?id_57=130321

ного управления не должно привести к утрате последним его самостоятельности. Полагаем, что в силу имеющейся ныне множественности толкований названная выше конституционная формула из ст. 12 должна получить «официальную» конкретизацию как в новых Основах, так и в 131-ФЗ о местном самоуправлении по таким позициям, как государственное регулирование, государственный контроль и государственное финансирование местного самоуправления.

Не менее важно уйти от бесконечного повторения одних и тех же общих положений, которые уже давно воспринимаются не как основа реальных действий, а как набор лозунгов и восклицаний. Это касается прежде всего акцента на укрепление финансово-бюджетной базы местного самоуправления. В современных условиях, в отличие от прежних лет, оно должно быть достигнуто не за счет перекачки средств из вышестоящих бюджетов, а преимущественно благодаря действенному стимулированию мер по расширению и более полному использованию налогового потенциала муниципальных образований. Не исключено, что уже пришло время на деле реализовать конституционный принцип о праве органов местного самоуправления на установление местных налогов и/или на основе федерального законодательства расширить перечень местных налогов, допускаемых ко введению и взиманию на местном уровне [9]. Откладывать и далее решение этой проблемы недопустимо, поскольку только экономически самодостаточная местная власть может внести весомый вклад в достижение значимых приоритетов социально-экономической политики государства, принять деятельное участие в реализации государственных программ и национальных проектов и пр.

Одной из главных задач, которую предстоит решить в ходе подготовки новых Основ, несомненно, является вопрос об оптимальной институционализации местного самоуправления в Российской Федерации. При этом необходимо строго придерживаться принципов государства федеративного типа. Как мы полагаем, в данном случае новые Основы могли бы взять на себя задачу восполнения или конкретизации некоторых пробелов в конституционном регулировании местного самоуправления, представленных, как было сказано выше, еще в

документе 1999 года. Речь прежде всего идет о необходимости, наконец, четко определить, что конкретно составляют те самые «общие принципы» организации местного самоуправления, установление которых, согласно Конституции РФ (п. «н» ст. 72), относится к полномочиям по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Более того, применительно к данной сфере общественно-экономических отношений следует конкретизировать и сам механизм «совместного ведения», а именно разграничить вопросы, подлежащие урегулированию федеральным законодателем, и те, которые вполне определенным образом должны быть предметом согласования с субъектами Российской Федерации [10].

Подобную целевую нагрузку мы считаем принципиально важной, поскольку 131-ФЗ по сравнению с ранее действовавшим законодательством по местному самоуправлению, хотя и пытался скопировать немецкий опыт организации местного самоуправления [11], на деле имел «антифедералистский» характер. Закон существенно ограничил полномочия субъектов Федерации по организации системы местного самоуправления и в итоге упразднил многообразие подобной организации, существовавшее до введения в действие 131-ФЗ. Не исключено, что формула «общих принципов» окажется слишком узкой и неконкретной для законодательного обеспечения единства и взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления. Тогда это неизбежно потребует и соответствующих конституционных новаций.

Как мы полагаем, главная и исключительная роль федерального законодателя в данном случае состоит в том, чтобы соблюсти баланс между обеспечением равного права всех граждан Российской Федерации на местное самоуправление и гибким разнообразием форм его организации в различных регионах с учетом их социально-экономических, природно-географических, национально-этнических и иных особенностей. Это касается и вопроса об институционализации системы местного самоуправления. Здесь присутствует необходимость соблюсти баланс между узаконением возможных для использования видов муниципальных образований и многократно повторенной в различ-

ных документах конституционной формулой относительно того, что структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно (ч. 1 ст. 131 Конституции РФ). В регулировании институциональной структуры местного самоуправления нужно четко разграничить, что регулируется федеральными законами и законами субъектов Федерации и что именно и каким образом «определяется населением самостоятельно».

При этом в практической реализации формулы «определяется населением самостоятельно» целесообразно максимально расширять применение соответствующих самоуправлению как институту гражданского общества непосредственных форм народовластия (например, местных референдумов) и сократить круг ситуаций, когда по закону мнение населения выражается не им самим, а через решения местных представительных органов власти [12]. Не случайно не только в отечественной, но и в зарубежной научной литературе опирающееся на начала гражданского общества местное самоуправление рассматривается как важный признак демократии, высокой общей, включая политическую, культуры населения, как выражение его инициативы и ответственности [13; 14]. Для этой цели местными сообществами повсеместно осваиваются качественно новые инструменты коммуникации, взаимодействия и принятия населением решений по местным вопросам, в т. ч. и на сетевой основе [15].

По-видимому, именно неопределенность в названном выше разграничении полномочий стала одной из причин волнообразности в представлениях о том, какая именно структура местного самоуправления в наибольшей мере отвечает специфике России и интересам ее населения. Как нам уже приходилось неоднократно отмечать, изменения в системе российского местного самоуправления, начатые с принятием 131-ФЗ, существенно модифицировали структуру муниципальной организации в стране, причем в двух разнонаправленных трендах. Другими словами, структура российского местного самоуправления подверглась некой поляризации.

С одной стороны, муниципалитеты размельчались за счет обязательного введения во всех регионах поселенческих муниципалитетов,

входящих в состав двухуровневой системы местного самоуправления (муниципальные районы). С другой стороны, в результате столь же обязательной по данному закону ликвидации внутригородских муниципальных образований (кроме городов федерального значения) в Российской Федерации возникли единые муниципальные образования (городские округа) с населением до 1 млн человек и даже более. Правда, в настоящее время эта диспропорция несколько сглаживается благодаря укрупнению муниципальных образований, когда поселенческие муниципалитеты объединяются и/или формируют единый городской или муниципальный округ. Также крупным городам страны, в первую очередь «столицам» субъектов Федерации, вернули возможность образовывать внутригородские муниципальные образования, хотя к настоящему времени на такую децентрализацию городского местного самоуправления решились всего три города – Махачкала, Самара и Челябинск.

Конечно, полностью «заморозить» изменения в институциональной структуре российского местного самоуправления невозможно. Однако, по нашему мнению, задача новых Основ – закрепить формулу или принцип, которые позволили бы остановить бесконечную череду реорганизаций муниципальных образований в виде разного рода объединительных или разделительных процессов и пр. [16; 17]. В целом необходимо разграничить вопросы реорганизации институтов местного самоуправления и административно-территориальные реформы [18].

Не исключено, что ключевую роль здесь может сыграть принцип экономической целесообразности самостоятельного муниципального образования. Например, это возможно в виде установления такого критерия, как способность муниципального образования полноценно функционировать и осуществлять свои полномочия при максимальном нормативе расходов местного бюджета на управленческие нужды в размере не более 25% расходной части этого бюджета (на заседании Совета по местному самоуправлению 30 января 2020 года говорилось о муниципалитетах, где на указанные цели уходит до 70% и более расходной части местных бюджетов). Это, так сказать, минимальное тре-

бование «снизу». Соответственно, определенным ограничителем «сверху» может стать установление предельной численности населения в едином муниципальном образовании, технически соответствующей возможности использовать непосредственные формы народовластия. Такая формула может быть реализована путем введения требования об обязательности формирования внутригородских муниципалитетов в городах, например, с численностью населения 500 тыс. чел. и более.

Однако одними только организационными изменениями в институциональной структуре местного самоуправления обеспечить эффективность его функционирования, в т. ч. и адекватность его финансово-экономической базы, невозможно. Без радикального продвижения в этом направлении итогом всяческих объединительных реорганизаций, в частности на поселенческом уровне, может стать только то, что К. Маркс в «Немецкой идеологии» характеризовал как «равенство людей в нищете».

Вопрос, как радикально поправить ситуацию в сфере местных финансов, обсуждается уже более 20 лет, но без особых позитивных продвижений. Проблема еще и в том, что ни Основы, ни даже федеральный закон, регулирующий те или иные стороны функционирования института местного самоуправления, внести изменения в ситуацию с местными бюджетами не могут (ранее действовал Федеральный закон «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации»; утратил силу с 1 января 2009 года). В настоящее время данный круг вопросов — исключительная прерогатива федерального налогово-бюджетного законодательства, а таковое очень консервативно и крайне редко и неохотно реагирует на призывы существенно укрепить финансовую базу российского местного самоуправления. Как можно преодолеть эту устойчиво тупиковую ситуацию?

Складывается впечатление, что сейчас четких, экономически мотивированных представлений о том, как можно существенно укрепить финансовую базу российского местного самоуправления, не существует. На заседании Совета по местному самоуправлению 30 января 2020 года о финансовых проблемах муниципалитетов говорили почти все участники, а конкретных предложений по данному вопросу было

немного. По сути, все свелось к проблеме погашения задолженности муниципалитетов по бюджетным кредитам, к передаче на местный уровень некоторых видов налоговых поступлений и призывам к более полному учету нужд муниципалитетов в системе бюджетно-трансфертных отношений. В ходе обмена мнениями выявилась дилемма относительно того, как лучше содействовать социально-экономическому развитию муниципалитетов: дополнительными налоговыми и иными доходами в их бюджеты или через включение муниципальных образований в реализацию различных федеральных программ и проектов. Однозначного решения здесь нет. Это еще одна ниша для достаточно сложно определяемого и регулируемого баланса рычагов финансово-экономической политики государства в отношении местного самоуправления.

На наш взгляд, новые Основы должны включить в себя четкую программу действий государства по развитию экономической базы российского местного самоуправления. Прежде всего в программе необходимо обозначить ключевые этапы и направления для обоснования оптимальной схемы достижения финансово-бюджетной устойчивости российского местного самоуправления на основе взаимодействия нескольких каналов. Это — повышение роли местных налогов с более полным использованием локальной налоговой базы; межбюджетные трансферты с усилением значимости их стимулирующего («премиального») компонента; участие муниципальных образований в реализации государственных (федеральных и региональных) программ и проектов. В последнем случае важно добиться обоснованной пространственной равномерности распределения средств программ и проектов и, главное, полного соответствия их «вещественного наполнения» (как правило, объектов капитального строительства) реальным нуждам соответствующих муниципалитетов и их населения; сбалансированности по этим объектам капитальных и текущих затрат, т. к. последние обычно остаются за самими муниципалитетами.

Заключение

Несмотря на то что об изменениях, которые последовали в российском местном самоуправлении после принятия 131-ФЗ, принято гово-

речь как о муниципальной реформе или, по крайней мере, ее очередном этапе, на наш взгляд, понятие «реформа» в данном случае не вполне уместно. Реформа – это система действий, «сцементированных» четким видением того, что предполагается достичь в ее ходе через совокупность ее целевых установок и механизмов их достижения. На рассматриваемом этапе преобразований это сформировано не было. Сегодня даже трудно констатировать, завершена реформа или нет, и если нет, то какие дальнейшие шаги она может предусматривать.

В этом плане можно предположить, что новые Основы будут представлять систему стратегического целеполагания при дальнейшем преобразовании российского местного самоуправления и обеспечивать эти цели новаций экономического, правового и институционального характера, что и соответствует понятию «реформа» в полном смысле слова. Теоретико-методологическое обоснование подобного целеполагания и разработка путей его практического осуществления ставят в настоящее время важнейшую задачу, связанную с дальнейшими научными исследованиями в этом направлении.

С учетом общего акцента на переход к практике социально-экономического стратегирования Основы должны сформировать стратегию государства в сфере местного самоуправления, причем тесно взаимосвязанную со всеми иными слагаемыми системы стратегического планирования, и прежде всего со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 года⁷. Следует расширить и конкретизировать полномочия субъектов Федерации по регулированию всех сторон развития российского самоуправления с учетом специфики различных типов регионов страны [19].

Основы должны обеспечить активную роль институтов местного самоуправления в повышении результативности общей макроэкономической, инновационной и инвестиционной политики России [20], а также в реализации таких новаций политики пространственного регулирования, как различные «точки роста», территории с особыми условиями хозяйствования, малые и моногорода и пр. Значительно большее внимание должно быть уделено вопросам межмуниципального сотрудничества, дающего муниципалитетам значительные выгоды, в т. ч. и экономического характера [21; 22].

Литература

1. Laffin M. The politics of evaluation in performance of management regimes in english local government. In: *Evaluating Reforms of Local Public and Social Services in Europe. Governance and Public Management*. Cham. Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 49–64. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-61091-7_4
2. Wayenberg E., Kuhlmann S. Comparative local government research: theoretical concepts and empirical findings from a European perspective. In: *The Palgrave Handbook of Public Administration and Management in Europe*. London: Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 841–863. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-55269-3_44
3. Lynn N.J., Novikov A.V. Refederalizing Russia: Debates on the idea of federalism in Russia. *The Journal of Federalism*, 1997, volume 27, issue 2, pp. 187–203. Available at: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a029905>
4. Клисторин В.И. Российский федерализм: программы и инициативы // Регион: экономика и социология. 2005. № 3. С. 3–16.
5. Бухвальд Е.М. Стратегическое планирование – институциональная основа перехода к устойчивому развитию российской экономики // Федерализм. 2016. № 1. С. 19–30.
6. Переверзев В.М. Местные бюджеты как основа финансового обеспечения местного самоуправления // Вопросы экономики и права. 2011. № 4. С. 302–307.
7. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Мегалополисы и феномен мегалополисности в России // Регион: Экономика и социология. 2017. № 1 (93). С. 42–77. DOI: 10.15372/REG20170103

⁷ Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <https://www.http://government.ru/docs/35733/>

8. Бухвальд Е.М. Муниципальная реформа: проблемы переходного периода и пути их решения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2007. № 3. С. 135–154.
9. Крылова Е.М., Харченко Е.Э. Формирование местных бюджетов в условиях децентрализации власти и развития местного самоуправления в России // Путь науки. 2017. № 4 (38). С. 44–46.
10. Упоров И.В. Полномочия субъектов Российской Федерации по правовому регулированию института местного самоуправления // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 9 (62). С. 49–54. DOI: 10.24158/per.2018.9.8
11. Маркварт Э. Организация местного самоуправления в Германии и применимость немецкого опыта к российским реалиям // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 61–73.
12. Тарабан Н.А. Местное самоуправление в России: институт гражданского общества или ступень властной вертикали // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 44–49. DOI: 10.18572/1813-1247-2018-3-44-49
13. Golosov G.V., Gushchina K., Kononenko P. Russia's local government in the process of authoritarian regime transformation: incentives for the survival of local democracy. *Local Government Studies*, 2016, vol. 42, no. 4, pp. 507–526. DOI: 10.1080/03003930.2016.1154848
14. Магомедов К.О. Проблемы функционирования и развития местного самоуправления в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4 (128). С. 96–103. DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.05
15. Попов К.Н. Сетевые форумы как инструмент самоорганизации местных сообществ // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 41–48.
16. Шуваева А.И. Современное состояние и развитие институтов местного самоуправления // NovaInfo. 2018. Т. 1. № 84. С. 126–130.
17. Силагадзе А.А., Павлов Н.В. Перспективы развития института местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник современных исследований. 2018. № 12 (27). С. 110–113.
18. Сунгуров А.Ю., Тиняков Д.К. Административная реформа и ее проекты в современной России // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 39–51.
19. Ворошилов Н.В. Региональная политика по развитию муниципальных образований: оценка эффективности и особенности реализации в современных условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 58–75. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.4
20. Funashima Y. Macroeconomic policy coordination between Japanese central and local governments. *Empirical Economics*, 2018, no. 54, pp. 1631–1651. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00181-017-1275-9>
21. Slack E., Bird R. Does municipal amalgamation strengthen the financial viability of local government? A Canadian example. *Public Finance and Management*, 2013, no. 13 (2), pp. 99–123.
22. Тамбовцев И.Л. Межмуниципальные взаимодействия с позиции экономического анализа // TERRA ECONOMICUS. 2017. Т. 15. № 3. С. 19–31. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-19-31/

Сведения об авторе

Евгений Моисеевич Бухвальд – доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: buchvald@mail.ru)

Bukhval'd E.M.

New Basic Principles of the State Policy in an Area of Local Self-Government Development in Russia

Abstract. The purpose of the article is to highlight the most important economic, legal, and institutional foundations which are advised to be included in the new “Basic principles of national policy on local self-

government development through to 2030”. It was concluded that it was a late decision to prepare a new version of the Principles which caused significant difficulties in the practical implementation of reforms in the municipal environment of the Russian Federation along with many gaps and numerous subsequent additions and amendments in Federal Law no. 131-FZ “On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation”. Nowadays, update of the Principles is very important. It is related to five significant novations which make us reexamine aims and instruments of the state policy in the local self-government area. The first one is a global trend of management decentralization that noticeably strengthens the role of a local link of socio-economic systems. The second important novation is the relevance of a task to implement “federalization” of the government’s management of local self-government. The third novation is a necessity to naturally include local self-government in a unified vertical of strategic planning: its efficient functioning takes a crucial part in providing sustainability of the country, its regions, and municipal territories’ socio-economic development. The fourth demanded novation is expediency to secure a formula, or a principle, that would allow stopping an infinite series of reorganizations of Russian self-government together with various dividing and unifying processes in this sphere. Finally, the fifth novation is a necessity to finish the transformation of Russian local self-government from a low-level component of the administrative and command system into a socio-economic institution that naturally combines features of social authority and the beginning of a modern civil society and practically implements an institutional principle of “independent solution of local issues by people”.

Key words: local self-government, transformations in the municipal environment, state policy for local self-government development, federal entities, civil society.

Information about the Author

Evgenii M. Bukhval’d – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Center for Federative Relations and Regional Development at the Institute of Economics of RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: buchvald@mail.ru)

Статья поступила 25.02.2020.

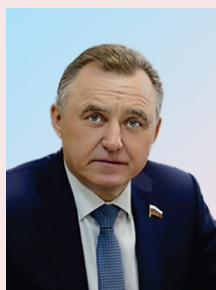
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.8

УДК 334.025, ББК 65.050

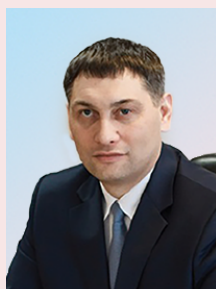
© Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А.

О подходах к построению новой системы государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации

**Евгений Борисович
ШУЛЕПОВ**

Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 103265, ул. Охотный ряд, д. 1
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: shulepov@duma.gov.ru
ORCID: 0000-0001-6731-1653

**Константин Алексеевич
ЗАДУМКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: zk00@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5313-0835

**Анна Александровна
ЩЕРБАКОВА**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15
E-mail: annascherbakova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3733-1909

Для цитирования: Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. О подходах к построению новой системы государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 136–153. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.8

For citation: Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. On approaches to constructing a new public administration system of developing rural territories of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 136–153. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.8

Аннотация. В статье ставится актуальнейший на сегодняшний день вопрос: как создать систему государственного управления социально-экономическим развитием российских сельских территорий, соответствующую современным реалиям? Авторы проанализировали основные вызовы и тренды, проявляющиеся в трансформации объекта управления. Первым важным трендом выступает формирование активной мобильной социальной группы — дачников, которые ломают стереотипы о вымирании русской деревни желанием приобрести недвижимость в сельской местности. При этом они имеют запрос на экологичность и эстетику места проживания. С ними рядом встают инициативные предприниматели, пытающиеся вырваться в лидеры новой возрождающейся деревни. Однако выявлена непривлекательность сельских территорий для бизнеса ввиду отсутствия доступа к основным факторам производства. Все это происходит на фоне устаревшей сельской инженерной и социальной инфраструктуры, которая требует высоких затрат на поддержание. Однако мир не стоит на месте и переход человечества от индустриального к информационному обществу характеризуется сменой технологического базиса — главной производительной силой становится креативный человек. Сегодня происходит цифровизация всех сфер деятельности человека, стираются границы по доступности, исключается временной фактор. И сельские территории должны встроиться в эти глобальные процессы. Это, соответственно, требует принципиально новых подходов к преобразованию субъекта управления и управляющим воздействиям. Авторами предложен новый подход, предполагающий устойчивое развитие сельских территорий через комплекс мер: внедрение стратегического планирования и проектного подхода, развитие местного и территориального общественного самоуправления, развитие местной многоукладной экономики, развитие кооперации, внедрение современных технологий, снятие законодательных ограничений, введение режима ТОСЭР, эффективное государственное управление.

Ключевые слова: государственное управление, развитие, сельские территории, системный подход, стратегический подход, мировоззрение, ограничения.

Введение в проблематику

Сельские территории России обладают мощным природным, экономическим и историко-культурным потенциалом, который при эффективном использовании в XXI веке может обеспечить устойчивое многоотраслевое развитие [1], полную занятость, высокие уровень и качество жизни населения. Они имеют все возможности для улучшения здоровья нации, повышения демографических показателей через хорошую экологическую ситуацию [2], органическое земледелие, формирование экологического мышления и ответственного потребления. Сегодня на российских сельских территориях постоянно проживает 37,3 млн человек¹, в том числе 23,6% — молодежь в возрасте от 15 до 34 лет². По данным опросов

Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), более 42% (61,6 млн человек) россиян имеют недвижимость за городом³, используемую для временного проживания преимущественно в летний период. Это явление в таком масштабе характерно только для России, хотя распространено во многих странах мира. В европейских государствах дачи ограничены тремя сотками, деятельность на них строго регламентирована (так, в Германии у 1,2% населения есть дачи); в США имеют недвижимость и в городе, и за его пределами преимущественно только обеспеченные люди; в Финляндии загородные дачи предназначены для отдыха, финны не занимаются садоводством и огородничеством.

¹ Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 252 с.

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2019 года: бюллетень. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm (дата обращения 07.05.2020).

³ Русская дача: запрос на новый уровень комфорта. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9818> (дата обращения 07.05.2020).

Сегодня в развитии сельских территорий заинтересована большая часть граждан России, однако социально-экономические процессы в сельской местности в последние годы характеризуются рядом негативных тенденций.

1. Снижается общее количество деревень и сел. По данным всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. число сельских населенных пунктов сократилось на 1,4% (с 155,3⁴ до 153,1 тыс.⁵). По данным Минфина РФ⁶, в конце 2018 года в России насчитывалась 153,5 тысячи сельских населенных пунктов, с 2010 года произошло увеличение на 0,3%.

В 1990-е годы на некоторое время приобрели значение повсеместные территориальные перемещения из города в сельскую местность, но реально ощутимой прибавки сельскому населению они не дали. С 1989 по 2002 год около 300 бывших поселков городского типа, главным образом из-за малочисленности населения, было возвращено в сельскую поселенческую сеть. В результате общее число сельских населенных пунктов в России возросло почти на 2,5 тысячи. Однако увеличение происходило в основном за счет малочисленных населенных пунктов: в 1989 году по России всего 20% деревень и прочих поселений имели не более 10 жителей, а к 2002 году их стало уже вдвое больше (39,3%) [3].

В последние годы изменение динамики объясняется созданием «сельских агломераций» вокруг крупнейших и крупных городов, однако в основном они формируются за счет временно проживающего населения (дачников) или постоянных жителей, работающих в городе. Все-таки в целом продолжают усиливаться негативные тенденции обезлюдивания «русской деревни».

2. Уменьшается общее число сельских жителей. Наблюдаются низкая ожидаемая продолжительность жизни и миграционный отток

⁴ Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения 07.05.2020).

⁵ Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 07.05.2020).

⁶ Информация о количестве населенных пунктов по субъектам Российской Федерации на 31.12.2018. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/naseleennykh_punktov_po_subektam_31.12.2018.xls (дата обращения 07.05.2020).

населения, особенно остро стоит вопрос удержания молодежи [4]. Так, ожидаемая продолжительность жизни при рождении на селе составляет 71,67 года, что ниже, чем в городе, на 1,67 года⁷. С 2010 по 2019 год количество сельских жителей сократилось на 0,8% (с 37,6⁸ до 37,3 млн человек⁹).

3. В течение 2015–2019 гг. заметна устойчивая тенденция смещения бедности в сторону сельских территорий [5], порог бедности в селах составляет 30,7%¹⁰ на фоне повышенной безработицы. В России черта бедности находится на уровне минимального размера оплаты труда – 12,13 тысячи рублей на человека. Бедность сельских жителей – это бедность и с точки зрения уровня доходов, и из-за недостаточного доступа к базовым общественным социальным услугам, и как следствие ограниченности жизненных возможностей.

Если сельский социум условно разделить на группы¹¹, то самая многочисленная из них – сельские жители, которые занимают пассивную позицию и не видят будущего. Вторая группа – активные предприниматели, работающие на себя и создающие рабочие места. Также можно выделить отдельную активную группу – дачников. Собственно, именно эти горожане сейчас нагляднее всего опровергают тезисы о вымирании деревни, и, хотя численно их сейчас довольно мало, они могут значительно влиять на развитие сельских территорий.

По данным опросов ВЦИОМ, 31% россиян хотели бы в будущем приобрести дачу¹². Наиболее значимые характеристики при покупке загородной недвижимости: удаленность от дома (68%), наличие дома на участке и его обустрой-

⁷ Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 252 с.

⁸ Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 07.05.2020).

⁹ Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 252 с.

¹⁰ Тарасов А. Уровень бедности в России. URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html> (дата обращения 07.05.2020).

¹¹ О «вымирании» деревни // Свободная пресса. Нижний Новгород. № 16 (54), 19 июля 2007 г. URL: <http://svpressa-nn.ru/2007/16/o-vymiranii-derevni.html> (дата обращения 07.05.2020).

¹² Русская дача: запрос на новый уровень комфорта. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9818> (дата обращения 07.05.2020).

ство (70%), наличие готового сада или огорода (51%), а также доступность коммуникаций — электричества (85%), водопровода и канализации (81%), газификации (62%).

4. Модернизация инженерной, социальной и транспортной инфраструктуры на селе идет низкими темпами, при этом темпы разрушения значительно выше. Так, по данным Центра экономических и политических реформ, с 2005 по 2015 год число медицинских учреждений сократилось в 3,3 раза (с 3,6 до 1,1 тыс.), число школ — на 35,9% (с 40,4 до 25,9 тыс.)¹³. При этом в 2005–2015 гг. наблюдалась положительная, но недостаточная динамика развития инженерной инфраструктуры. Обеспеченность жилищного фонда увеличилась по холодному водоснабжению — на 14%, водоотведению и горячему водоснабжению — на 11%, газификации — на 22%¹⁴.

5. Снижается количество действующих предприятий. Согласно данным всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг.¹⁵, число сельскохозяйственных организаций сократилось на 39,2% (с 59,2 до 36,0 тыс.). При этом площадь сельхозугодий уменьшилась на 31,2% (с 132,3 до 90,2 млн га), а поголовье крупного рогатого скота — на 17,8% (с 23,5 до 19,3 млн голов). Количество личных подсобных хозяйств за 10 лет сократилось на 8% и составило 23,5 млн единиц, число заброшенных хозяйств увеличилось на 1,1 млн единиц.

6. Низкими темпами на сельских территориях внедряются технологические, социокультурные инновации, передовые технологии, недостаточно внимания уделяется энергоэффективности и энергосбережению. Если обратиться к статистике 2017 года, то на сельскохозяйственное производство в России приходилось всего 1,4% всей потребляемой в стране энергии, а на бытовой сектор — 14,3%¹⁶.

¹³ Россия — страна умирающих деревень. URL: <http://serg.su/wp-content/uploads/2016/12/Россия-страна-умирающих-деревень.pdf> (дата обращения 07.05.2020).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 года. URL: <https://www.gks.ru/folder/520> (дата обращения 07.05.2020); Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. URL: <https://www.gks.ru/519> (дата обращения 07.05.2020).

¹⁶ Производство и потребление электроэнергии в Российской Федерации в 2017 году. URL: <https://1prime.ru/science/20181115/829538943.html> (дата обращения 07.05.2020).

В России периодически рассматривается вопрос об установлении социальной нормы потребления электроэнергии в размере 300 кВт/ч на семью в месяц. В 2017 году в сельских поселениях 34 регионов указанная норма была превышена¹⁷. Это закономерно, так как сельские жители традиционно вынуждены применять электроэнергию для повышения комфортности домов и в силу хозяйственной необходимости. Бытовой тариф на электроэнергию существенно различается для городских и сельских потребителей — для жителей села тариф на 30% ниже, чем в городе. Если обратиться к опыту других стран, то в 2010 году в более чем 37% американских домов, включая сезонные, электричество использовалось в качестве основного источника для отопления, почти в 44% — для горячего водоснабжения, 60% жилищ было оснащено электроплитами (в РФ в 2017 году — около 22%)¹⁸.

7. Усиливается нагрузка на экологические системы, связанная с развитием крупного животноводства, пожарами, незаконными свалками мусора, хищническими вырубками лесов, загрязнением водоемов и рек. Большой частью она обусловлена утратой государственного контроля, так как полномочия и ответственность органов местного самоуправления значительно ограничены.

Таким образом, все отчетливее формируются тренды и вызовы, которые отражают происходящие изменения объекта государственного управления — сельских территорий:

1. Россияне преимущественно имеют и приобретают недвижимость в агломерациях вокруг крупных и крупнейших городов, выражая при этом запрос на экологичность и эстетику места проживания. Горожане отличаются сегодня высокой мобильностью, готовы часто выезжать за город, совмещать жизнь в городе и за его пределами.

¹⁷ Нормирование и реальное потребление электроэнергии домашними хозяйствами (социальный и региональный аспекты). URL: <https://1prime.ru/science/20181205/829580690.html> (дата обращения 07.05.2020).

¹⁸ Производство и потребление электроэнергии в Российской Федерации в 2017 году. URL: <https://1prime.ru/science/20181115/829538943.html> (дата обращения 07.05.2020).

2. Переход на новый технологический уклад. Переход человечества от индустриального к информационному обществу характеризуется сменой технологического базиса. В информационной индустрии человеческий интеллект становится главной производительной силой, благодаря которой создается интеллектуальный продукт [6]. В связи с этим кардинально меняются роль и место человека в экономике. Только креативный (творческий) человек способен производить новые знания и информацию – главный ресурс информационной экономики.

В отличие от индустриальной экономики, которая является национальной по своему масштабу, сетевая экономика носит глобальный характер, что существенно расширяет число взаимодействующих сторон. В условиях сетевой экономики операции осуществляются в электронном виде, приводя к созданию виртуальных взаимоотношений. Происходит цифровизация всех сфер деятельности человека, то есть стираются границы по доступности, временной фактор. В этих условиях можно повышать качество сельской жизни на основе цифровых технологий, а также внедрять интеллектуальную автоматизацию в сельское хозяйство.

3. В настоящее время высоки эксплуатационные затраты на поддержание устаревшей инженерной и социальной инфраструктуры на селе. Решить эту проблему можно только путем создания новой многофункциональной инфраструктуры [7], которая будет отвечать современным условиям.

4. Непривлекательность сельских территорий для бизнеса, так как закрыт доступ к основным факторам производства: затруднен доступ к природным ресурсам и земле, отсутствуют высококвалифицированные кадры, высоки затраты на создание новых производств, требующих дополнительных вложений в развитие производственной инфраструктуры.

Указанные вызовы и тренды характерны и для сельских территорий за рубежом [8]. Как показывают исследования¹⁹, формирование сельских территорий будущего уже началось и

представляет собой перспективное поле для технологических инноваций, поддержания здорового и экологичного образа жизни, развития региональных рынков органической продукции.

Обозначенные тренды, связанные с трансформацией объекта управления, требуют кардинально изменить субъект управления – систему государственного управления развитием сельских территорий. Это задача становится все более актуальной, так как создание условий для устойчивого развития сельских территорий является одной из важнейших стратегических целей государственной политики, достижение которой позволит обеспечить продовольственную безопасность, повысить конкурентоспособность российской экономики и благосостояние граждан.

Таким образом, в статье ставится цель – разработать модернизированную систему государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации, базирующуюся на стратегическом планировании «снизу вверх», проектном управлении и межсекторном партнерстве.

Для достижения цели последовательно решаются задачи:

- структурировать существующие научные подходы, рассмотреть современную государственную политику применительно к развитию сельских территорий как в России, так и за рубежом;
- сформулировать и структурировать основные управленческие проблемы, препятствующие устойчивому развитию сельских территорий России;
- разработать новые элементы системы государственного управления развитием сельских территорий России.

При этом в качестве целевых ориентиров, достижение которых должен обеспечить модернизированный объект управления, можно принять целевые ориентиры ООН в области устойчивого развития²⁰:

1. Экономический рост должен носить инклюзивный характер, с тем чтобы обеспечивать устойчивые рабочие места и равенство.

¹⁹ РСХБ назвал семь глобальных трендов развития сельских территорий до 2050 года. URL: <https://www.rshb.ru/news/401393/> (дата обращения 07.05.2020).

²⁰ Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 07.05.2020).

2. Для достижения устойчивого развития крайне важны инвестиции в инфраструктуру.

3. Энергетика становится ключевым фактором, способствующим решению современных проблем.

4. Продовольственный и сельскохозяйственный секторы предлагают ключевые решения для развития и являются центральным элементом борьбы с голодом и бедностью.

5. Работа по достижению устойчивого развития невозможна без создания партнерских отношений на глобальном, региональном и местном уровнях.

6. Защита и восстановление экосистем и содействие их рациональному использованию помогут в достижении устойчивого развития.

Управление развитием сельских территорий в странах осуществляется с использова-

нием различных принципов и механизмов (табл. 1). Австралия и США применяют рыночную модель с минимальным вмешательством государства. При этом США, как и страны ЕС, ограничивают сельскохозяйственное производство через механизмы государственной поддержки. Китай и Индия ориентированы на преодоление бедности [8; 9].

Существуют различные подходы к проблеме сельского развития как на уровне теоретических разработок, так и на уровне практической реализации политики. Эти концепции часто применяются вместе, накладываются одна на другую и реализуются на основе сложных взаимодействий институциональных, политических и социальных сил, которые имеют свои специфические цели.

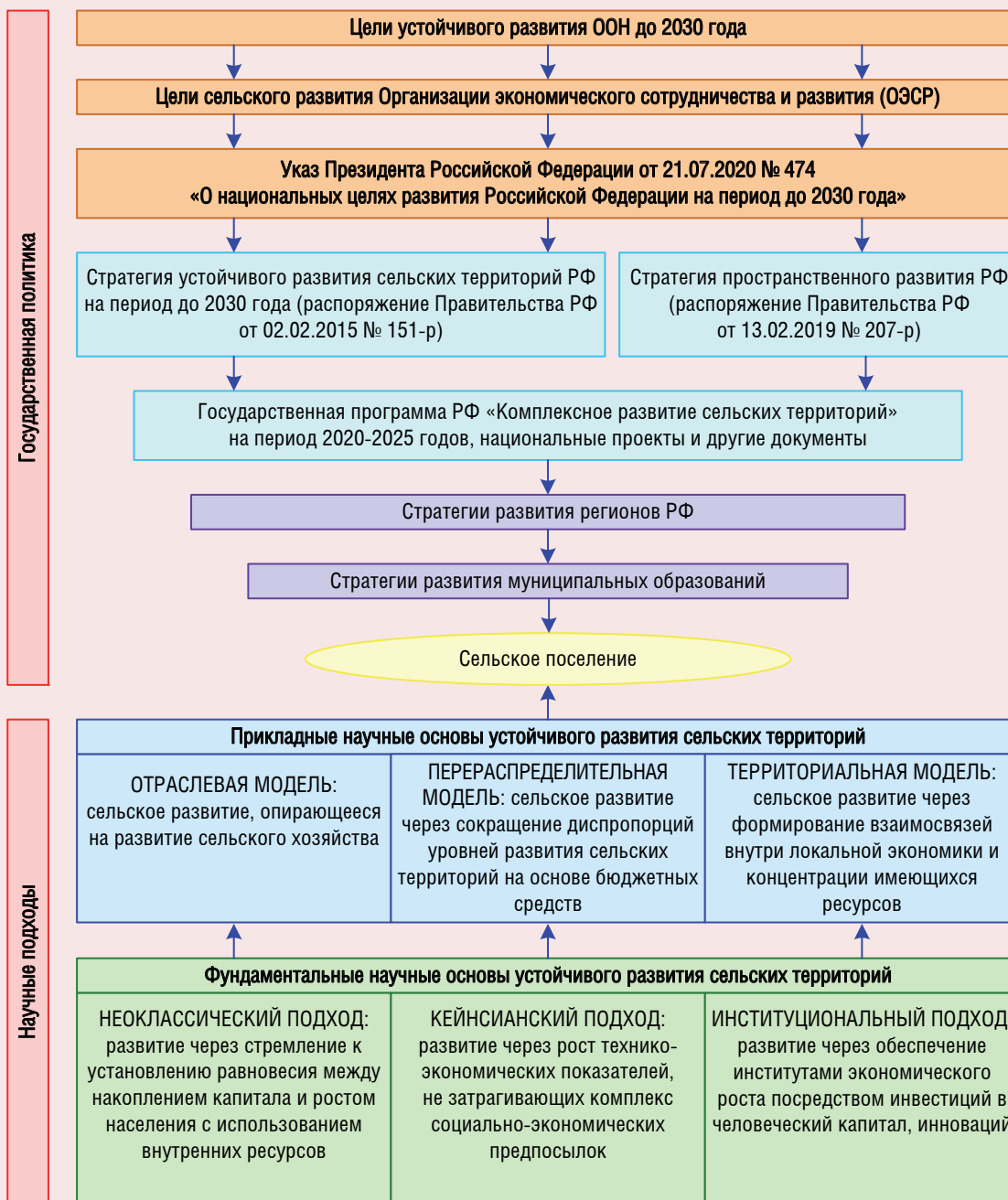
Таблица 1. Зарубежный опыт развития сельских территорий

Страна	Краткая характеристика применяемых мер
Страны ЕС	Действует многоуровневая и межведомственная система управления и финансирования сельского хозяйства. В Германии сельские территории развиваются на основе принципа сохранения традиционного уклада жизни, в Великобритании и Испании активно поддерживается сельский туризм, в Голландии развитие имеет эколого-экономическую направленность. Европейская политика сельского развития 2014–2020 гг. – 118 программ; бюджет Европейского фонда для сельского развития – 100 млрд евро, страны ЕС – 61 млрд евро, 30% – экологические цели, 5% – поддержка местных инициатив.
США	В 2017 году создана целевая группа по сельскому хозяйству и сельскому процветанию; основные цели – интеграция сельских территорий в единое информационное пространство, повышение качества жизни, обеспечение занятости сельского населения, распространение инноваций, экономическое развитие. Основой развития сельских территорий является функционирование местных сообществ.
Канада	Развитие сельских территорий на децентрализованной основе – 118 программ, 15 «региональных корпораций развития»; опора на местные инициативы и сетевую структуру Canadian Rural Partnership (создана в 1998 году); основное внимание жителям малонаселенных и удаленных территорий – матричный критерий для распределения средств по этим индикаторам.
Китай	Интересным представляется опыт создания поселково-волостных предприятий, которые должны стать важнейшим элементом кооперативного сектора в сельской местности. Основой развития сельских территорий в Китае является создание социальной инфраструктуры села и реализации масштабных национальных проектов в сельской местности. Действуют программы «Оживление села» (до 2022 г.), «Сельскохозяйственная модернизация» (до 2035 г.), «Омоложение села» (до 2020 г.) и «Создание сильного сельскохозяйственного сектора и достижение полной самореализации фермеров» (до 2050 г.).
Индия	Функционирует закон о гарантировании занятости в сельской местности Махатмы Ганди. Реализуются национальные флагманские программы, которые гарантируют 100 дней работы сельским домохозяйствам. Цели: сглаживание социального неблагополучия, экологические ориентиры.
Австралия	Реализует модель экстенсивного сельскохозяйственного производства (низкий уровень господдержки сельхозпроизводителей, ориентация на другие виды деятельности). Широкое распространение на сельских территориях выработки электроэнергии посредством альтернативных источников энергии, что влияет на характер общественных отношений.
Бразилия	Развитие сельских территорий происходит в значительной степени за счет экстенсивного способа ведения сельского хозяйства, сочетающегося с применением новых технологий. Подразделения корпорации Embrapa созданы в каждом штате, они занимаются развитием отраслевой специализации, имея финансовую автономию, что позволяет реализовывать проекты государственно-частного партнерства.
Составлено по: Семин А.Н., Стрелка Е.А. Анализ отношений, возникающих в процессе стратегического планирования развития сельских территорий // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-otnosheniy-voznikayuschih-v-protsesse-strategicheskogo-planirovaniya-razvitiya-selskih-territoriy (дата обращения 08.07.2020).	

Были рассмотрены исследования российских (Н.М. Едренкиной, А.Е. Кремина) и зарубежных (F. Mantino, J. D. Van Der Ploeg) ученых [8; 10; 11; 12] по обобщению и стан-

дартизации подходов к развитию сельских территорий, а также правовая база на разных уровнях государственного управления (рис. 1).

Рис. 1. Государственная политика и научные подходы к развитию сельских территорий России

Источник: составлено авторами.

В последнее время на федеральном уровне приходит понимание необходимости пересмотреть подходы к управлению развитием сельских территорий [13]. Утвержден ряд стратегических документов, направленных на решение этой задачи:

1. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р).

2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р).

3. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» на период 2020–2025 годы (постановление от 31 мая 2019 года № 696).

4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 г. (постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717).

5. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годы.

Все представленные документы призваны переломить ситуацию с деградацией российских сельских территорий, однако сделать это пока не удается. Анализируя сложившиеся тренды, изучая положительный опыт, накопленный в мире [8; 14], мы пришли к выводу, что причина кроется в сложившейся системе государственного управления развитием сельских территорий, которая не отвечает современным вызовам, обозначенным выше. Сформировавшись в условиях индустриальной административно-плановой экономики, она имеет ряд системных проблем:

- мировоззренческие проблемы;
- управленческие (организационные) ограничения;
- законодательные ограничения и противоречия, делающие сельские территории непривлекательными для жизни и ведения бизнеса;
- необходимость перехода на новый технологический уклад.

Именно осознание совокупности данных проблем и их решение позволят обеспечить разработку качественно новой государственной политики в сфере развития сельских терри-

торий. Архаичная государственная политика, проводимая в предшествующие годы, закономерно требовала действий, ограничивающих развитие села. Эти действия, в свою очередь, обеспечили те результаты, которые мы имеем сегодня. Если не изменить политику, то будет продолжаться деградация большей части сельских территорий. Новая политика позволит наметить принципиально иные действия на всех уровнях власти, позволяющие добиться других результатов. Далее разберем ее основные элементы.

Мировоззренческие проблемы

Мировоззренческие проблемы являются главенствующими, так как именно они определяют набор будущих действий по изменению ситуации на селе. Устаревшие мысли, преобладающие у руководителей, не дают двигаться вперед, до сих пор нет четких и ясных установок по ключевым вопросам, связанным с развитием сельских территорий. Сегодня для большинства управленцев не очевидна сама ценность сельских территорий и необходимость вкладывать средства в развитие их инфраструктуры. Село воспринимается как обуза, не способная к самоорганизации без жесткого государственного регулирования, а жители как иждивенцы, которых государство должно поддерживать. Ставится знак равенства между селом и сельским хозяйством. Сельский образ жизни считается менее прогрессивным, менее привлекательным и противопоставляется городскому как более прогрессивному, привлекательному и дающему на порядок больше возможностей. Такие убеждения существенно ограничивают спектр рассматриваемых управленческих решений. В связи с этим для разработки эффективной стратегии развития сельских территорий считаем важным закрепить в общественном сознании, управленческом и научном сообществе ряд базовых тезисов:

1. Сельские территории России обладают огромным потенциалом, не только способным обеспечить продовольственную, экологическую и территориальную безопасность страны, но и позволяющим им стать драйвером развития отечественной экономики и экспорта, добиться высокого уровня и качества жизни как сельских жителей, так и горожан, на системной основе генерировать ресурсы для развития собственной инженерной и социальной инфраструктуры.

2. Развитие сельских территорий не тождественно развитию крупного сельскохозяйственного производства. Развитие сельских территорий предполагает стратегическое планирование, развитие местного самоуправления, развитие местной многоукладной экономики, развитие кооперации, внедрение современных технологий, снятие законодательных ограничений, введение режима ТОСЭР²¹, эффективное государственное управление. Государству необходимо дать стейкхолдерам на местах (органам местного самоуправления, предпринимателям, активным жителям) компетенции в развитии своей малой родины за счет местных ресурсов и позволить им с полной ответственностью управлять этими процессами, в том числе имея право на ошибки.

3. Сельский и городской образы жизни должны не противопоставляться, а дополнять друг друга, делая жизнь людей богаче, насыщеннее, спокойнее, гармоничнее, а будущее — более определенным и защищенным [15; 16]. Запрос на такое объединение в свое время очень точно выразил вологодский поэт Николай Рубцов в стихотворении «Грани»: «... хочется как-то сразу жить в городе и в селе». Иметь квартиру и доступ к развитой социальной инфраструктуре в городе и одновременно благоустроенный энергоэффективный дом с просторным участком, позволяющим наслаждаться природой, тишиной, органическими продуктами, до которого в любое время можно доехать в течение 1–1,5 часов — таким должен быть общепринятый стандарт жизни в России. Такой стандарт, не доступный по множеству причин людям во многих странах мира, может стать ключевым конкурентным преимуществом нашего государства в борьбе с демографическими

проблемами. Самое удивительное, что фактически одновременно и в городе, и в селе уже живет огромное число россиян, но отечественная управленческая наука, государственное управление, законодательство абсолютно не учитывают данное обстоятельство²².

Управленческие (организационные) ограничения

Применяемый сегодня бюджетный подход к развитию сельских территорий, заложенный во всех принятых программах и бюджетах, является подходом «сверху вниз». В его рамках комплексность развития обеспечивается на уровне страны за счет движения бюджетных средств от федерального центра до сельских территорий по всем функциональным социальным направлениям (образование, здравоохранение и пр.).

Наряду с плюсами он имеет ряд ограничений:

- а) все ключевые решения принимаются чиновниками с минимальным участием жителей территории, дачников и предпринимателей;
- б) работа по функциональному принципу ведется одновременно во множестве министерств и ведомств на федеральном и региональном уровнях, она слабо скоординирована;
- в) так как средств постоянно не хватает, при принятии решений чиновники используют политику «затыкания дыр» или конкурсный отбор отдельных не связанных друг с другом проектов;
- г) персональная ответственность за неверный выбор приоритетов и негативные изменения на конкретной территории на всех уровнях отсутствует;
- д) мониторинг происходящих процессов в территориальном разрезе сведен к минимуму.

Главная наша идея заключается в предложении дополнить существующую систему государственного управления стратегическим подходом по принципу «снизу вверх» (рис. 2).

²¹ Согласно Федеральному закону от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) — часть территории субъекта РФ, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства РФ установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

²² Из признания этого факта и обеспечения удобства такого проживания следует пересмотр многих установок. Например, разумным становится решение о переходе на четырехдневную рабочую неделю и семичасовой рабочий день. Становится очевидной необходимость развития удаленных форм работы, дистанционного образования, пересмотра порядка участия жителей в выборах руководителей городов и сельских поселений и др. Значительно меняются подходы к развитию социальной и инженерной инфраструктуры.

Рис. 2. Стратегическое управление по принципу «снизу вверх»

Деятельность должна начинаться на уровне конкретного сельского поселения с подготовки комплексной долгосрочной стратегии его устойчивого развития, разработанной на проектной основе²³. В ней должны активно участвовать сами жители, предприниматели, дачники [17]. Обеспечить методическую помощь им можно за счет активного привлечения научного сообщества и сотрудников региональных органов власти, депутатов. На следующем этапе защита стратегии проходит на уровне муниципального района. Районная стратегия, сформированная из стратегий поселений, защищается на региональном уровне. В случае ее поддержки определяются объемы бюджетных ресурсов, направляемых на реализацию стратегий района и

конкретных поселений, суммы софинансирования, разрабатывается план реализации и формы контроля. Объединяясь в проектные команды, стейкхолдеры концентрируют имеющиеся ресурсы конкретного сельского поселения [18], а также имеют неограниченные возможности для привлечения внешних ресурсов на основе развития системы коммуникаций.

Важно, что за счет разработки и реализации стратегий поселений можно обеспечить комплексное устойчивое развитие всех перспективных²⁴ сельских территорий страны с горизонтом на 70–100 лет, повышение качества жизни жителей путем максимально эффективного использования бюджетных средств, привлечения внебюджетных средств и других ресурсов к решению этой задачи.

Сравнение бюджетного и стратегического подходов к развитию сельских поселений представлено в *таблице 2*.

²³ Пример такой стратегии – разработанная авторами Стратегия развития Верховского сельского поселения Верховажского муниципального района Вологодской области до 2030 года, утвержденная Постановлением Администрации сельского поселения Верховское от 01.07.2019 г. № 44а. URL: http://admverhovskoe.ru/page.php?id_omsu=1&level=3&id_level_1=10&id_level_2=12&id_level_3=18 (дата обращения 07.05.2020). Она вошла в число финалистов в номинации «Лучшая стратегия сельского поселения 2019» VI конкурса муниципальных стратегий 2019, организуемого Леонтьевским центром, также получен диплом от Оргкомитета КМС-2019 «За креативность и практичность стратегии».

²⁴ Перспективность своей территории должны определять сами местные жители. При этом строить жилье и жить можно и на «бесперспективных» территориях. Перспективность связана исключительно с эффективностью бюджетных вложений в инфраструктуру. Решение о перспективности той или иной территории может быть пересмотрено исходя из динамики ее социально-экономического развития.

Таблица 2. Сравнение бюджетного («сверху вниз») и стратегического («снизу вверх») подходов

Бюджетный	Стратегический
Целеполагание зависит от бюджета. Есть деньги – ставятся и решаются задачи, нет денег – ничего не делается. В основе реактивный способ действий – приспособление к существующим бюджетным ограничениям и требованиям	Целеполагание не зависит от бюджета. Сначала ставятся задачи, а потом начинается поиск ресурсов для их решения. Нет денег – происходят планирование и подготовка. В основе проактивный подход – опора на собственные силы и действия
Упор делается на бюджетные средства	Упор делается на внебюджетные средства
Участие местных жителей в процессах планирования, распределения и освоения средств минимальное	Участие местных жителей и всех заинтересованных в процессах планирования, распределения и освоения средств максимальное
Привлечение нефинансовых ресурсов территории к процессам ее развития минимальное	Привлечение нефинансовых ресурсов территории (энергии, времени, энтузиазма, интеллекта жителей и др.) к процессам ее развития максимальное. Ресурсы внутри и за пределами сельского поселения, их концентрация
Есть ограничения по времени. Сроки реализации мероприятий привязаны к срокам действия программы, бюджета, избирательным циклам. Горизонт планирования от 1 до 3 лет	Нет ограничений по времени. Сроки реализации мероприятий могут быть любыми. Горизонт планирования до 100 лет
Жесткие ограничения по числу участвующих сельских территорий. Нужно выполнить множество условий, потратить много усилий, чтобы получить деньги и отчитаться за них	Нет ограничений по числу участвующих сельских территорий. Участвовать могут одновременно все территории
Учет особенностей, потенциала и проблем отдельного поселения минимальный	Учет особенностей, потенциала и проблем отдельного поселения максимальный
Требования к квалификации и ответственности региональных и муниципальных чиновников средние	Требования к квалификации и ответственности региональных и муниципальных чиновников высокие
Комплексность развития обеспечивается только на уровне страны, на региональном уровне частично, на муниципальном уровне не обеспечивается	Комплексность развития обеспечивается на уровне страны, на уровне региона, на уровне конкретной сельской территории
Возможности для использования кооперационных и агломерационных связей незначительные	Возможности для использования кооперационных, агломерационных, внешнеэкономических, межличностных и других связей высокие
Источник: составлено авторами.	

Таким образом, применение стратегического планирования и проектного подхода [19], базирующихся на обозначенных выше мировоззренческих концепциях, дополнительно к используемому в настоящее время бюджетному подходу способно на порядок повысить качество управления устойчивым развитием сельских территорий в России и динамику позитивных перемен. Однако это потребует существенного изменения федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ.

Законодательные ограничения и противоречия

Экономика сельских территорий России в последние годы развивается преимущественно за счет развития крупного сельхозпроизводства [20] и экстенсивного использования природных ресурсов, например лесного фонда. Это создает множество рисков, присущих моногоро-

дам. Растет экологическая нагрузка на природу. Отдельный вопрос касается гуманности содержания сельскохозяйственных животных на крупных агрокомплексах. При этом доля сельского хозяйства в ВВП страны с 1990 по 2018 год сократилась с 16,5 до 5,7%. Объем сельскохозяйственного производства в 2017 году составил 5,7 трлн рублей. Доля занятых в сельском хозяйстве – порядка 9% (2015 г.). Такая динамика указывает на необходимость повышать производительность труда на селе, в первую очередь за счет новых технологий и техники.

Мы считаем, что с учетом имеющегося потенциала на государственном уровне следует ставить задачу увеличить количественные показатели производства всех видов продукции на селе в 2–3 раза в ближайшие 7–10 лет при стабильной численности занятых. Конечно, на селе нужно делать упор на развитие сельского хозяйства, но, кроме этого, необходимо создавать условия для формирования многоукладной местной экономики. В практике уже имеется

успешный опыт Г. Санжаповой²⁵ и Г. Тюрина [21], которые доказывают, что устойчивое развитие сельских территорий могут обеспечить не крупные сельскохозяйственные производства, а инициативные предприниматели. Тогда село сможет само себя обеспечивать и иметь возможности для инвестирования в собственное развитие.

На протяжении многих лет каждое министерство и ведомство регулирует свою сферу ответственности без оценки комплексного воздействия принимаемых решений на сельские территории. Количество регулирующих актов растет, разницы между крупными городами и деревнями (например, в части штрафов) они не делают. В результате сегодня сложилась тревожная ситуация, связанная с законодательным ограничением развития сельских территорий: а) ограничен доступ сельских жителей к местным ресурсам (лесу, воде, песку, пашне), к газу, электричеству, кредиту и даже дорогам; б) у местного самоуправления практически нет полномочий, оно не оказывает реального влияния на ситуацию на территории и поведение проживающих там людей; в) кооперативное движение на большинстве территорий разрушено; г) инициатива часто наказуема.

Для изменения ситуации предлагаем:

1. Применить механизм «регуляторной гильотины», предложенный премьер-мини-

стром Д.А. Медведевым²⁶ к сфере законодательного регулирования развития сельских территорий. Изменений и кардинального упрощения требуют земельное, административное и другие виды права.

2. Осуществить законодательную реформу и рассмотреть вопрос о введении различных шкал административных наказаний для городов и сельской местности.

3. Провести административную реформу, уйти от «двуглавой» системы управления в сельских районах. Глава поселения должен руководить на вверенной ему территории, а местные жители – иметь максимум прав распоряжаться землей и другими ресурсами своего поселения.

4. Разработать законодательные механизмы введения на всех сельских территориях максимально выгодных условий для жизни (трудовое, пенсионное, налоговое и другие виды права).

5. Распространить режим ТОСЭР²⁷ на все сельские территории нашей страны, то есть сельские поселения должны стать территориями с особым правовым режимом ведения деятельности, который в перспективе позволяет достичь следующих целей (табл. 3): а) создать комфортные условия для жизни людей; б) обеспечить ускоренное социальное и инфраструктурное развитие; в) способствовать привлечению инвестиций.

Таблица 3. Предлагаемые в рамках режима ТОСЭР меры для сельских территорий

Жители	Ресурсы	Бизнес
Льготная сельская ипотека	Свободный доступ жителям сельских территорий к природным ресурсам (земле, воде, лесу)	Упрощенная процедура регистрации предприятий любой отрасли в сельской местности
Льготные условия выхода на пенсию для жителей села	Высокоскоростной интернет	Освобождение предприятий на 15 лет от налогов на прибыль, землю, имущество
Выплата подъемных специалистам любой отрасли, переехавшим на работу в село и заключившим контракт на работу в течение 7 лет	Газификация поселений	Освобождение от надзорных проверок и отчетности
Гарантированное бесплатное обучение по направлению в любых техникумах и вузах для молодежи, которая возьмет на себя обязательство вернуться работать на село	Специальные тарифы на услуги ЖКХ, цены на топливо и электроэнергию	Льготные условия кредитования и лизинга, поддержка кооперации и экспорта
Источник: составлено авторами.		

²⁵ Г. Санжапова говорит, что остановить умирание деревни можно за четыре шага. Нужно дать людям работу, развить инфраструктуру, установить связи производителя с рынком, связать людей из городов с жителями деревень. Кроме этого, нужно научить людей планировать бизнес, исходя из того, что они имеют.

²⁶ План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины». URL: <http://static.government.ru/media/files/WBykdAuFAJNWZFYFBSx7DiGIcucZAEj4.pdf> (дата обращения 30.03.2020).

²⁷ Данный режим регулируется Федеральным законом «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ.

Некоторые из перечисленных мер уже начинают реализовываться на практике, но пока не объединены общей концепцией и стратегией создания режима ТОСЭР на всех сельских территориях нашей страны.

6. Дать всем желающим, а не только многодетным семьям, возможность бесплатно получить земельный участок для строительства жилья и ведения личного подсобного хозяйства, распространить программу «Дальневосточный гектар»²⁸ на все сельские территории России.

Проведенная в 2016 году сельскохозяйственная перепись показала, что общая площадь неиспользуемых сельхозугодий в России в 2015 году составляла 97,2 млн га – 44% всех сельскохозяйственных угодий страны.

В Вологодской области реализуется программа «Вологодский гектар»²⁹, по которой всем желающим предлагаются в собственность участки для ведения сельского хозяйства, фермерства, выпаса скота, посевов, строительства животноводческих комплексов.

7. Дать всем жителям страны возможность взять кредит по программе «сельской ипотеки» и получить лес на постройку дома³⁰. Перспективным вариантом также видится выдача готовых домокомплектов для строительства жилья в сельской местности.

Согласно прогнозам Центра отраслевой экспертизы РСХБ, сегодняшние потрясения в

экономике и действие программы «сельской ипотеки» с льготной ставкой до 3% годовых приведут к дезурбанизации РФ. Переезд в сельские поселения пока носит локальный характер, однако после окончания кризиса в экономике, вызванного COVID-19³¹, может установиться тренд на переселение в сельскую местность – по прогнозам, на постоянное жительство на селе могут решиться 2–3 млн человек.

8. Провести налоговую амнистию для сельхозпредприятий по налогам, начисленным ранее 2015 года. Это позволит им аккумулировать капитал в направлении активизации инвестиционной деятельности.

9. Обеспечить сельхозпредприятиям и предпринимателям, собирающимся открывать любые производства в сельской местности, льготный доступ к местным ресурсам и льготным длинным кредитам и лизингу.

10. Создать комфортные условия для развития кооперации и экспорта.

Необходимость перехода на новый технологический уклад

Мир стремительно переходит на новый технологический уклад, базой которого выступает новая энергетика и цифровизация. Как утверждает в докладе о результатах мониторинга глобальных трендов цифровизации 2019 года, проводимого группой компаний «Ростелеком»: «Исследование глобальных трендов цифровизации из инструмента, решающего локальные задачи, со временем преобразовалось в систему поддержки принятия решений при стратегическом планировании, инновационном развитии...»³² Уже очевидно, что XXI век – век перехода к распределенной энергетике. В ее основе лежат энергоэффективность, электрический транспорт, частная генерация, интеллектуальные системы управления хранением и передачей электроэнергии, использование

²⁸ Федеральный закон от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: <http://base.garant.ru/71388648/95ef042b11da42ac166eeedeb998f688/#ixzz6KbUfxrD0> (дата обращения 20.04.2020).

²⁹ Закон Вологодской области от 28.12.2018 г. 4476-ОЗ «Об особенностях предоставления земельных участков из фонда перераспределения земель сельскохозяйственного назначения на территории Вологодской области». URL: <https://dio.gov35.ru/upload/iblock/1b6/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%D1%82%2028.12.2019%204476-%D0%9E%D0%97.pdf> (дата обращения 06.05.2020).

³⁰ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 27.12.2018, с изм. от 21.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения 05.05.2020).

³¹ Интерес к дачам в крупных городах вырос в два раза. URL: <https://info.2gis.ru/ekaterinburg/company/news/interes-k-dacham-v-krupnyh-gorodah-vyros-v-2-raza> (дата обращения 07.05.2020).

³² Доклад о результатах мониторинга глобальных трендов цифровизации 2019 года, проводимого группой компаний «Ростелеком». URL: https://www.company.rt.ru/upload/iblock/a86/3009_Rostelecom_trends_2019.pdf (дата обращения 07.05.2020).

энергии воды, ветра и солнца. Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации»³³ позволит создать инфраструктурную базу для устойчивого развития сельских территорий на основе цифровизации. Возможность удаленной работы, рост интернет-покрытия создают предпосылки для жизни в сельской местности. Развитие дистанционного онлайн-образования поможет подготовить специалистов непосредственно в сельской местности.

Возможно ли сегодня провести новую электрификацию сельских поселений? Обратимся к истории советского периода. В 1920 году было принято постановление «О плане электрификации России» – государственном плане электрификации Советской России ГОЭЛРО [22], плане развития не одной энергетики, а всей экономики. В нем предусматривалось строительство предприятий, обеспечивающих стройки всем необходимым, а также опережающее развитие электроэнергетики. Все это привязывалось к планам развития территорий. Количество обслуживаемых сельскохозяйственных поселений с 1917 по 1927 год увеличилось в 166 раз (с 542 до 89 739³⁴).

В сложившейся в настоящее время ситуации у сельских территорий России есть уникальный шанс перейти из аутсайдеров мирового технологического развития сразу в его лидеры, так как они обладают главными ресурсами для этого – повсеместно развитой (в отличие от газовых и теплосетей) централизованной электросетью и преимущественно частным индивидуальным жилым фондом.

Сделав ставку на развитие электроотопления, а не на газификацию, можно существенно сократить сроки и стоимость перехода от дров, угля и мазута к комфортному, современному, теплomu, безопасному жилью, не наносящему вреда экологии, а в перспективе еще и поставляющему электроэнергию в общую сеть. Эффект от принятия данного решения огромен, а затраты на его реализацию незначительны, потому что основные сети и мощности уже построены, потребление электроэнергии в России на душу населения значительно ниже, чем в развитых странах со схожим климатом (рис. 3). Как уже говорилось выше, в общем объеме потребляемой электроэнергии доля сельских территорий не превышает нескольких процентов.

Рис. 3. Рейтинг стран по уровню потребления электроэнергии, тыс. кВт/час на чел.

Источник: Аналитический портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/electric-power-consumption/info> (дата обращения 07.05.2020).

³³ Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7.

³⁴ Soviet Union Information Bureau. URL: <https://www.marxists.org/history/ussr/government/1928/sufds/ch10.htm> (дата обращения 07.05.2020).

Мы видим перспективы успешного развития российских сельских территорий через их электрификацию на основе принципов новой энергетики, энергоэффективности, энергосбережения, цифровизации («умные сети»), а также современных достижений науки и техники в этих сферах.

Для того чтобы обеспечить ускоренный переход России и ее сельских территорий на новый технологический уклад, предлагается:

1. Кардинально (в 3–4 раза) снизить тарифы на электроэнергию для предприятий, расположенных в сельской местности, и ее жителей.

2. Обеспечить разработку и внедрение стандартов по энергосбережению новых и имеющихся административных и жилых зданий, строительство и реконструкция которых проводится на селе.

3. Обнулить ввозные таможенные пошлины и другие налоги и сборы, приводящие к удорожанию, на товары, связанные с «новой энергетикой» (электроавтомобили, аккумуляторы, солнечные батареи и др.), и создать стимулы для открытия производств таких систем в нашей стране. Как сообщает Минтранс, регионы России готовы отменить транспортный налог на электромобили, а в Москве и Санкт-Петербурге, Московской, Калужской, Тамбовской и Тюменской областях данная льгота уже действует. В 2020 году Евразийская экономическая комиссия приняла решение об отмене ввозной таможенной пошлины на отдельные виды моторных транспортных средств с электрическими двигателями.

4. Разработать регламенты, позволяющие жителям сельской местности самостоятельно заниматься генерацией электроэнергии и продажей излишков в общую сеть.

5. Запустить отдельную программу, направленную на повышение энергоэффективности жилого фонда в сельской местности.

Не сделав этого, Россия рискует оказаться на задворках мирового технологического развития.

Заключительные положения и выводы

Подводя итоги рассмотрению элементов новой системы государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации, можно заключить, что сегодня в мире сменилась управленческая парадигма, поэтому

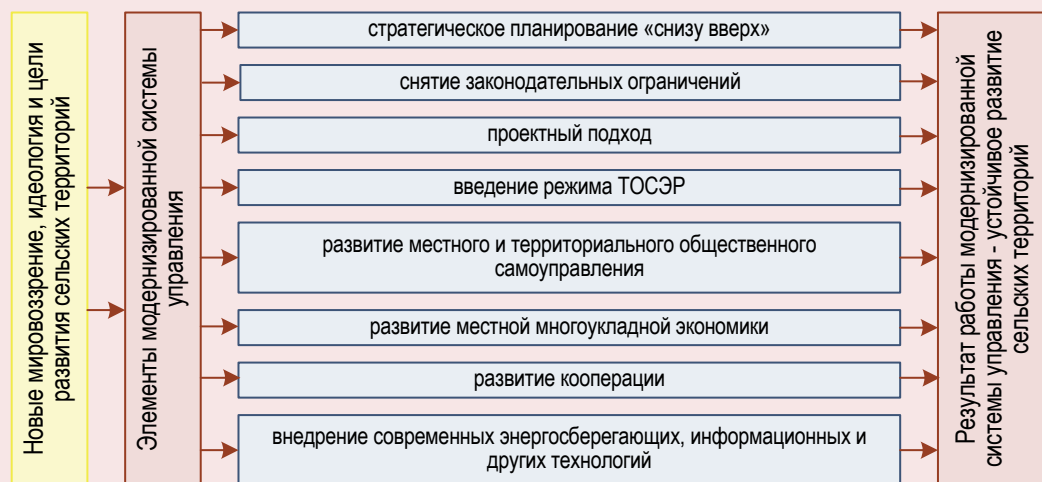
и сельскую жизнь, сельскую экономику нужно развивать на совершенно новых управленческих и организационных принципах, не отдельно, а в тесной увязке с развитием городов и с учетом стремлений жителей. «Русскую деревню» нужно структурно и функционально переосмыслить, а затем перестраивать, используя лучший мировой опыт и собственные конкурентные преимущества.

Точечными мерами, отдельными программами, усилиями части министерств и регионов не решить проблему сохранения и качественного быстрого развития сельских территорий. Это задачи для специальной федеральной межведомственной структуры в исполнительных органах власти, комитета Государственной Думы как законодательной ветви власти, координирующих структур на региональном уровне. В результате принятия решения об изменении системы государственного управления развитием сельских территорий объем задействованных бюджетных средств значительно не увеличится, но общий объем вкладываемых в село средств, усилий, энергии, времени, материальных ресурсов, интеллекта вырастет на порядок. Также значительно повысится эффективность их использования, что неизбежно приведет к заметным в масштабах страны положительным результатам.

Главная задача предлагаемой нами новой системы управления – изменить отношение к селу как к вымирающей и бесперспективной территории, снять существующие барьеры, сконцентрировать за счет стратегий поселений и районов уже выделяемые средства на комплексном развитии конкретных сельских территорий, дополнив их собственными средствами жителей, дачников и предпринимателей. В результате за счет грамотных управленческих решений на федеральном уровне, дополненных «усилиями снизу» и внедрением новых технологий, можно добиться кардинального повышения качества жизни на селе, развития многоукладной локальной экономики и кооперации, изменить негативные демографические тренды в стране [23].

Авторами предложен подход, научная новизна которого заключается в доказательстве гипотезы о том, что устойчивого развития сельских территорий в России можно добиться, только качественно модернизировав государ-

Рис. 4. Элементы модернизированной системы управления развитием сельских территорий

Источник: разработано авторами.

ственную систему управления ими в направлении внедрения стратегического планирования «снизу вверх» в дополнение к применяемому бюджетному планированию «сверху вниз» и проектного подхода [24], за счет развития местного и территориального общественного самоуправления, местной многоукладной экономики, кооперации, внедрения современных технологий, снятия законодательных ограничений, введения режима ТОСЭР (рис. 4).

В первую очередь необходимо менять существующее мировоззрение, так как увеличение финансовых вливаний в сельские территории без формирования новой «сельской идеологии» не сможет обеспечить устойчивое развитие. Так, без смены управленческих подходов финансирование будет расплыено, что не позволит достичь требуемых эффектов комплексно по всем обширнейшим сельским территориям России.

Литература

1. Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 7–18.
2. Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитич. матер. / под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова. М: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. 368 с.
3. Вербицкая О.М. Население российской деревни в демографическом кризисе 1990-х гг. // Российская история. 2009. № 4. С. 114–131.
4. Бондаренко Л.В. Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы и их решение // О мерах Правительства РФ по устойчивому развитию сельских территорий: аналитический вестник. 2019. № 5 (719). С. 13–18. URL: <http://council.gov.ru/media/files/fV8r8gzDXFGzsQw7uM6mjTxVntVkecA2.pdf> (дата обращения 07.05.2020).
5. Лут О.Н. Развитие социальной сферы села // О мерах Правительства РФ по устойчивому развитию сельских территорий: аналитический вестник. 2019. № 5 (719). С. 8–13. URL: <http://council.gov.ru/media/files/fV8r8gzDXFGzsQw7uM6mjTxVntVkecA2.pdf> (дата обращения 07.05.2020).
6. Шумпетер Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
7. Шулепов Е.Б., Задумкин К.А. Как написать и реализовать стратегию сельского поселения. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 48 с.

8. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. URL: <http://www.fao.org/3/i2001r/i2001r.pdf> (дата обращения 07.05.2020).
9. Семин А.Н., Стрелка Е.А. Анализ отношений, возникающих в процессе стратегического планирования развития сельских территорий // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-otnosheniy-voznikayuschih-v-protsesse-strategicheskogo-planirovaniya-razvitiya-selskih-territoriy> (дата обращения 08.07.2020).
10. Едренкина Н.М. Теоретические подходы формирования устойчивого развития сельских территорий // Вестник АГАУ. 2015. № 7 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-formirovaniya-ustoychivogo-razvitiya-selskih-territoriy> (дата обращения 08.07.2020).
11. Кремин А.Е. Подходы к управлению развитием сельских территорий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 12-2. URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2019/01/Kremin.pdf> (дата обращения 08.07.2020).
12. Ploeg J.D. Van Der, Renting H., Brunori G., Knickel K., Mannion J., Marsden T., De Roest K., Sevilla-Guzman E., Ventura F. Rural Development: from Practices and Policies towards Theory». *Sociologia Ruralis*, 2000, vol. 40, no. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/227786245_Rural_Development_From_Practices_and_Policies_Towards_Theory (дата обращения 08.07.2020).
13. Галиновская Е.А. Организационно-правовые аспекты развития сельских территорий // О мерах Правительства РФ по устойчивому развитию сельских территорий: аналитический вестник. 2019. № 5 (719). URL: <http://council.gov.ru/media/files/fV8r8gzDXFGzsQw7uM6mjTxVntVkecA2.pdf> (дата обращения 07.05.2020).
14. Юнус М. Мир трех нулей: как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды / при участии К. Вебера; пер. с англ. М. Витебского. М.: Альпина Паблишер, 2019. 274 с.
15. Талев Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. М.: КоЛибри, 2020. 768 с.
16. Талев Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина [и др.]. М.: КоЛибри, 2011. 525 с.
17. СанOFF Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / пер. с англ. [ред. Н. Снигирева, Д. Смирнов]. Вологда: Проектная группа 8, 2015. 170 с.
18. Шулепов Е.Б. Социальный корпоратизм: теоретические основы и опыт реализации. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 154 с.
19. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегическое планирование на уровне поселений: факты и мнения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 47–67.
20. Анищенко А.Н., Кожевников С.А., Фриева Н.А. Потенциал сельского хозяйства северных территорий: проблемы реализации: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 152 с.
21. Тюрин Г.В., Тюрин В.Г. Как поднять нашу глубинку: локальная экономика в России и в мире. СПб, 2016. 310 с.
22. Грудинский П.Г. Первый съезд советских электротехников. К 60-летию 8-го Всероссийского электротехнического съезда // Электричество. 1981. № 10. URL: https://www.booksite.ru/elektr/1981/1981_10.pdf (дата обращения 07.05.2020).
23. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 6-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 251 с.
24. Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. К вопросу использования проектного подхода в стратегическом управлении крупным городом // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 19–33. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.2

Сведения об авторах

Евгений Борисович Шулепов — депутат, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (103265, Российская Федерация, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1), аспирант, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shulepov@duma.gov.ru)

Константин Алексеевич Задумкин – кандидат экономических наук, доцент, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: zk00@mail.ru)

Анна Александровна Щербакова – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: annascherbakova@mail.ru)

Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A.

On Approaches to Constructing a New Public Administration System of Developing Rural Territories of the Russian Federation

Abstract. The main focus of the article is one of the most pressing issues to date: how a public administration system of socio-economic development of Russian rural territories corresponding to modern realities can be created? The authors have analyzed the main challenges and trends in the transformation of the management object. The first important trend is the formation of an active mobile social group of dachniki (summer residents) breaking the stereotypes about the extinction of the Russian village by their desire to buy real estate in rural areas. And furthermore, they have a request for environmental friendliness and aesthetics of the place of residence. They are joined by enterprising businessmen who are trying to become the leaders of a new resurgent village. However, the unattractiveness of rural areas for business has been revealed due to the lack of access to the main factors of production. All this is happening against the background of outdated rural engineering and social infrastructure, which requires high maintenance costs. However, the world does not stand still and the transition of humanity from an industrial to an information society is characterized by a change in the technological basis, a creative person becomes the main productive force. Today, all spheres of human activity are being digitalized, accessibility borders are being erased, and the time factor is being eliminated. Thus, rural areas should be integrated into these global processes. This, accordingly, requires fundamentally new approaches to the transformation of the subject of management and control actions. The authors propose a new approach for rural areas' sustainable development through a range of measures: introducing strategic planning and project approach, development of local and territorial public self-government, development of the local mixed economy, cooperation development, introduction of modern technologies, removal of legislative restrictions, introduction of PSEDA (Priority Social and Economic Development Area) mode, effective public administration.

Key words: public administration, development, rural territories, system approach, strategic approach, worldview, restrictions.

Information about the Authors

Evgenii B. Shulepov – Deputy, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1, Okhotniy Ryad Street, Moscow, 103265, Russian Federation), Graduate Student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: shulepov@duma.gov.ru)

Konstantin A. Zadumkin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: zk00@mail.ru)

Anna A. Shcherbakova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: annascherbakova@mail.ru)

Статья поступила 23.07.2020.

Моделирование влияния ресурсных факторов на выпуск продукции аграрного производства

Андрей Павлович

ПОТАПОВ

Институт аграрных проблем Российской академии наук

Саратов, Российская Федерация, 410012, ул. Московская, д. 94

E-mail: app2008@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8327-4060

Аннотация. Актуальность проведенного исследования обоснована необходимостью поиска источников роста аграрного производства за счет эффективного использования ресурсных факторов. Цель работы – моделирование влияния фактора труда и фактора капитала на получение продукции аграрного производства. Методика исследования состоит в использовании производственной функции Кобба-Дугласа для построения модели влияния укрупненных производственных факторов на выпуск продукции. Новизна авторского подхода заключается в использовании стоимостных характеристик затрат труда и капитала, что позволяет получать более достоверные показатели эластичности за счет представления ресурсных затрат в едином исчислении. В качестве показателей, описывающих затраты факторов производства, предлагается использовать данные международной статистики, представленные в разработках международного исследовательского проекта World Input-Output Database (WIOD). Затраты капитала характеризует показатель Capital compensation; для оценки затрат труда целесообразнее использовать показатель Compensation of employees, отражающий затраты на трудовые ресурсы в виде совокупной оплаты труда наемных работников. Расчеты производственной функции за различные временные интервалы позволили оценить в ретроспективе эластичность выпуска продукции аграрного производства России по затратам труда и капитала в абсолютном и относительном выражении. Сделан вывод о приоритетном влиянии фактора труда на выпуск продукции в аграрной сфере, о высокой трудоемкости аграрного производства России в абсолютном измерении затрат труда.

Для цитирования: Потапов А.П. Моделирование влияния ресурсных факторов на выпуск продукции аграрного производства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 154–168. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.9

For citation: Potapov A.P. Modeling the impact of resource factors on agricultural output. *Economic and Social Changes: Facts, Trends. Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 154–168. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.9

На основе полученных параметров производственной функции с использованием данных российской статистики осуществлен трехвариантный прогноз динамики валовой продукции аграрного производства в зависимости от изменения производительности труда и фондоотдачи. Построенные модели позволяют осуществлять прогностические оценки развития отраслевых комплексов, а также могут применяться при разработке и корректировке основных направлений государственной аграрной политики по эффективному использованию ресурсного потенциала.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, аграрное производство, труд, капитал, моделирование, производственная функция, прогнозирование.

Введение

Актуальной задачей на современном этапе развития экономики страны и отдельных ее отраслей становится повышение эффективности функционирования хозяйствующих единиц. Эффективность применительно к экономическим системам представляет собой в общем виде отношение полученного продукта к затраченным для его производства ресурсам. Повышение эффективности достигается путем роста соотношения между продуктом и ресурсами, которое является следствием роста отдачи от единицы ресурса. Ключевыми укрупненными группами ресурсов, необходимыми для получения продукции в любой отрасли экономики, выступают труд и капитал. Влияние фактора труда и фактора капитала на выпуск продукции имеет свои особенности в зависимости от отрасли, от уровня развития производительных сил, от степени инновационного развития, от конкретного исторического периода, в отношении которого проводится то или иное исследование.

Аграрное производство является одной из ключевых сфер национальной экономики, так как формирует продукт, необходимый для удовлетворения жизнеобеспечивающей потребности людей в питании, для обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны. Аграрное производство России составляет 3,1% ВВП; в нем используется 2,0% основных фондов, 6,1% численности занятых и 4,0% инвестиций в основной капитал¹. В аграрной сфере влияние ресурсных факторов на выпуск продукции во многом зависит от природного воздействия на производственно-биологические и сезонные процессы в растениеводстве и животноводстве. Исследование и оценка влия-

ния факторов труда и капитала на получение аграрной продукции позволят выявить зависимость результатов производства от применяемых ресурсов, выделить приоритеты формирования ресурсного потенциала в целях роста выпуска продукции и эффективности хозяйствования, спрогнозировать характер развития производственно-ресурсных взаимодействий в важнейшей отрасли национальной экономики страны.

Решение указанных задач требует экономико-математического обоснования влияния используемых ресурсов на объем и динамику производства в целях реализации основных направлений государственной аграрной политики и достижения ее целевых показателей. Для этого необходимо построить модель функционирования аграрного производства России, позволяющую выявить степень воздействия основных производственных факторов — труда и капитала — на выпуск аграрной продукции.

Воздействие ресурсных факторов на конечные результаты производства можно оценить с помощью эконометрических моделей, в частности метода построения производственной функции. Он применяется при анализе соотношения факторов труда и капитала на разных уровнях организации экономики. Традиционно расчеты таких соотношений проводятся на микроуровне, когда исследуются границы производственных возможностей предприятия в зависимости от структуры ресурсной обеспеченности и технологии. На макроэкономическом уровне производственные функции применяются для моделирования и прогнозирования развития отраслевых комплексов и страны в целом.

Использование производственной функции для расчета влияния ресурсных факторов на выпуск продукции аграрного производства

¹ Сельское хозяйство в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 17–18.

обусловлено универсальным характером данного эконометрического метода, который заключается в возможности моделирования на основе различных по экономическому содержанию показателей – натуральных и стоимостных, представленных как в абсолютном, так и в относительном или удельном измерении. Это позволяет также учитывать одновременное влияние количественных и качественных показателей ресурсной обеспеченности и использования ресурсного потенциала на производственные результаты.

Влияние ресурсов на получение продукции в отраслях национальной экономики было исследовано в работах отечественных и зарубежных ученых. В российской экономической науке следует выделить работу Г. Клейнера [1], в которой производственная функция представлена как один из методов экономико-математического моделирования, характеризующий производственный процесс с точки зрения преобразования ресурсов в продукцию. Непосредственным объектом для моделирования могут выступать производственные процессы в хозяйственных системах любого уровня – от предприятия до народного хозяйства. Н. Федоренко, А. Анчишкин и Ю. Яременко [2] описали возможности производственной функции как одного из методов прогнозирования структуры экономики. В ряде работ затронута влияние производственных факторов применительно к условиям российской экономики на макроэкономическом уровне [3; 4; 5]. В статье Н. Орловой и С. Егиева [6] метод построения производственной функции использован для определения уровня потенциального ВВП страны и темпов его роста с учетом полной загрузки всех факторов. Так, основываясь на данных о факторах производства – капитале и труде, был оценен потенциальный ежегодный рост экономики России в 1,5–2,0%, что соответствовало результатам исследований других ученых, в т. ч. зарубежных – Д. Джорджсона, К. Ву, М. Кубонива [7; 8]. Производственная функция применяется также и в интегрированных расчетах в качестве метода для оценки эффективности инвестиций, позволяющего с использованием матрицы финансовых потоков рассчитать влияние ввода основных фондов в результате инвестиционной деятельности на прирост валового выпуска [9].

Применительно к аграрной сфере расчеты производственной функции были осуществлены в работах Л. Винничек, Б. Смагина [10; 11] и др. М. Васильченко [12] на примере животноводческого подкомплекса оценила влияние технологических факторов на темпы роста производства молока. В статье М. Ксенофонтова и др. [13] в дополнение к производственным факторам исследовано влияние факторов потребления и экспортно-импортных взаимодействий на изменение валового выпуска в сельском хозяйстве России.

В зарубежной экономической науке помимо вышеперечисленных авторов следует выделить работы Р. Солоу [14; 15], в которых подчеркивается важность технологического фактора в выпуске продукции и обеспечении экономического роста. В трудах Э. Денисона [16; 17] на основе расчетов производственной функции обосновано приоритетное значение фактора труда, проявляющееся в том, что трудовые ресурсы выступают носителем знаний, полученных в процессе образования, поэтому фактор труда определяет технологический уровень производства и вносит наибольший вклад в выпуск продукции.

Методика

Для целей анализа воздействия ресурсных факторов была использована двухфакторная производственная функция Кобба-Дугласа, которая показывает влияние факторов труда и капитала на выпуск продукции. В общем виде классическая производственная функция Кобба-Дугласа имеет вид:

$$P = A \cdot L^{\alpha} \cdot K^{\beta}, \quad (1)$$

где: P – объем выпуска продукции,

L – затраты труда,

K – затраты капитала,

A – технологический коэффициент,

α – коэффициент эластичности по труду,

β – коэффициент эластичности по капиталу.

Коэффициент A показывает общую факторную производительность и учитывает факторы, не поддающиеся количественному исчислению, в том числе качественные изменения в ресурсах производства, изменение технологического процесса, совершенствование управления, использование знаний, опыта и т. п. Он отражает влияние на объемы производства

научно-технического прогресса, внедрения инноваций и ресурсосберегающих технологий, а также неучтенных факторов. Его значение зависит от размерности исходных показателей. В случае если исходные показатели номинированы в разнопорядковых единицах (например, в миллионах и миллиардах рублей), либо если в расчете производственной функции используются разноразмерные показатели (например, абсолютные, относительные или удельные), то коэффициент A не будет показывать реальное воздействие факторов и при анализе параметров производственной функции им можно пренебречь. Для целей моделирования наибольший интерес представляют значения коэффициентов α (коэффициент эластичности по труду) и β (коэффициент эластичности по капиталу).

Факторы труда и капитала определяют создание валовой добавленной стоимости в любой отрасли экономики. Согласно Системе национальных счетов – 2008 (СНС-2008), принятой Организацией Объединенных Наций, Европейской комиссией, Организацией экономического сотрудничества и развития, Международным валютным фондом и Группой Всемирного банка в качестве международного статистического стандарта для национальных счетов, именно добавленная стоимость как составной элемент выпуска отражает вклад в производство труда и капитала. После того как часть добавленной стоимости, полученная органами государственного управления в форме других налогов на производство, вычтена из добавленной стоимости, а стоимость субсидий добавлена, могут быть идентифицированы статьи, показывающие возмещение (compensation) затрат труда и капитала². Показатели возмещения (или компенсации) затрат труда (Labour compensation) и капитала (Capital compensation), используемые в международной статистике для макроэкономических расчетов, характеризуют тот объем добавленной стоимости, который был создан фактором «труд» и фактором «капитал» соответственно.

В модели производственной функции экономическое содержание показателей компенсации труда и капитала отражает, за счет каких

факторов и в каком объеме и пропорции были созданы добавленная стоимость и конечная продукция отрасли, состоящая из добавленной стоимости и промежуточного потребления. Это позволяет выделить из стоимости валовой продукции те ее части, которые были вызваны влиянием затрат труда и капитала в отдельности. Такой способ расчета производственной функции способствует устранению методологического искажения при определении эффективности использования ресурсов, при котором весь объем получаемой продукции обусловлен затратами каждого вида ресурса в отдельности без соотнесения с затратами других ресурсов, совместного воздействия нескольких ресурсов и синергетического эффекта их применения в производственном процессе.

Для получения достоверных результатов, связанных с влиянием производственных факторов на получение продукции аграрного производства, следует скорректировать состав применяемых показателей в зависимости от их экономического содержания. Для расчета параметров производственной функции предлагается использовать показатели, широко применяемые в международных статистических исследованиях и наиболее точно отражающие вклад ресурсных факторов в выпуск продукции отраслевых комплексов. Так, если для оценки ежегодных затрат капитала на создание продукции необходимо использовать показатель компенсации капитала (Capital compensation), то для оценки затрат труда целесообразнее применять показатель компенсации занятости (Compensation of employees), который отражает совокупную оплату труда наемных работников, то есть затраты на трудовые ресурсы.

Показатель компенсации капитала учитывает все затраты капитала, понесенные производителями для выпуска продукции. Так как капитал переносит всю или часть своей стоимости на произведенную продукцию, то совокупные затраты капитала полностью охватывают вклад капитала в создание продукта и совпадают с показателем компенсации капитала.

Показатель компенсации труда также отражает вклад фактора труда в создание продукта, однако он не совпадает с затратами труда, так как связан со стоимостью, созданной трудом. Для расчета же производственной функции необходимы именно затраты труда, которые автор

² Система национальных счетов – 2008: пер. с англ. Нью-Йорк, 2012. С. 115.

предлагает рассчитывать исходя из совокупной оплаты труда работников, характеризуемой показателем компенсации занятости.

Результаты

В качестве исходных данных для расчета производственной функции Кобба-Дугласа по использованию факторов труда и капитала в аграрном производстве России мы предлагаем принять показатели компенсации занятости (Compensation of employees) и компенсации капитала (Capital compensation) соответственно. Фактологической основой расчета производственной функции послужили данные международной статистики, представленные в разработках международного исследовательского проекта World Input-Output Database (WIOD) по отдельным странам мира, в том числе и для России. Данные WIOD ранее были использованы в оценках ресурсоемкости производства аграрной продукции [18].

В настоящее время доступны два динамических ряда данных в разрезе отраслей экономики: за 1995–2009 и за 2000–2014 гг.³ В качестве отрасли, отражающей социально-экономические процессы, происходящие в аграрном производстве, используются вид деятельности «Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство и рыболовство» (по ряду данных за 1995–2009 гг.) и группа отраслей «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих отраслях», «Лесное хозяйство и лесозаготовка», «Рыболовство и рыбоводство» (по ряду данных за 2000–2014 гг.). Математический расчет производственной функции был произведен с помощью программных средств Microsoft Excel на основе регрессионного анализа, а также с использованием методических разработок по расчету производственной функции Кобба-Дугласа [19].

Преимуществом предлагаемых автором показателей является, во-первых, их содержание как затратная характеристика использования труда и капитала. В методических разработках WIOD использование труда и капитала представлено как затраты соответствующих

факторов в структуре добавленной стоимости и валовой продукции отрасли, что позволяет непосредственно оценить вклад факторов в конечные результаты функционирования отраслевых комплексов. В классической производственной функции использование факторов труда и капитала представлено как их соответствующее наличие, запасы или накопление, что характеризует не столько влияние труда и капитала на выпуск продукции, сколько отдачу от этих факторов в зависимости от их количества, качества, структуры. Во-вторых, показатели компенсации занятости (Compensation of employees) и компенсации капитала (Capital compensation) номинированы в сопоставимых единицах в отличие от расчетов производственной функции, в которых использование факторов может быть представлено в стоимостных и натуральных показателях. Так, в расчете классической производственной функции показатель капитала характеризуется объемом основных производственных фондов в денежных единицах, а показатель труда – численностью занятых в натуральном исчислении.

В результате проведенных расчетов были получены две производственные функции для аграрного производства России, отражающие зависимость валового выпуска продукции от затрат труда и капитала отдельно за 1995–2009 и за 2000–2014 гг. Расчет производственных функций по двум временным (хотя и пересекающимся) периодам позволяет сравнить показатели производственных функций и оценить тенденции изменения в процессах влияния факторов производства на выпуск аграрной продукции.

Производственная функция по данным за 1995–2009 гг. имеет вид:

$$P = 8,993 \cdot L^{0,743} \cdot K^{0,200}, \quad (2)$$

$$R^2 = 0,998;$$

p -значения коэффициентов α и $\beta < 0,05$

где: P – валовая продукция сельского хозяйства, млн руб.,

L – затраты труда, выраженные в общей сумме компенсации, выплаченной занятым работникам, млн руб.,

K – затраты капитала, отражающие общую сумму вклада капитала в создание добавленной стоимости сельского хозяйства, млн руб.

³ Socio Economic Accounts. Basic data on output and employment, Released July 2014. URL: http://www.wiod.org/new_site/database/seas.htm; Socio Economic Accounts. Basic data on output, prices, capital stocks and employment, Released November 2016. URL: <http://www.wiod.org/database/seas16>

Значение степени α при L показывает, что в указанный промежуток времени при росте затрат труда на 1% рост валовой продукции сельского хозяйства составил 0,743%. Значение степени β при K показывает, что при росте затрат капитала на 1% рост валовой продукции сельского хозяйства составил 0,200%. В 1995–2009 гг. сумма показателей степени ($\alpha + \beta$) составила 0,943, вследствие чего рост обеспеченности по ресурсам труда и капитала на 1% приводил не к пропорциональному росту производства, а к меньшему (0,943%), что свидетельствует о снижении отдачи от ресурсов. Такое соотношение характеризует влияние количественного изменения затрат ресурсов на величину выпуска продукции. Общий рост затрат ресурсов в аграрном производстве России на 1% приводил к росту производства на 0,943%, из которых 0,743% обусловлено ростом затрат труда, а 0,200% – ростом затрат капитала.

Фактические значения показателя выпуска продукции аграрного производства расположены достаточно близко к теоретическим значениям, исчисленным по формуле (2), следовательно, полученные параметры производственной функции для условий аграрного производства России в 1995–2009 гг. с максимальной точностью характеризуют реальное

воздействие факторов труда и капитала на объемы и динамику выпуска продукции (рис. 1).

Производственная функция по данным за 2000–2014 гг. имеет вид:

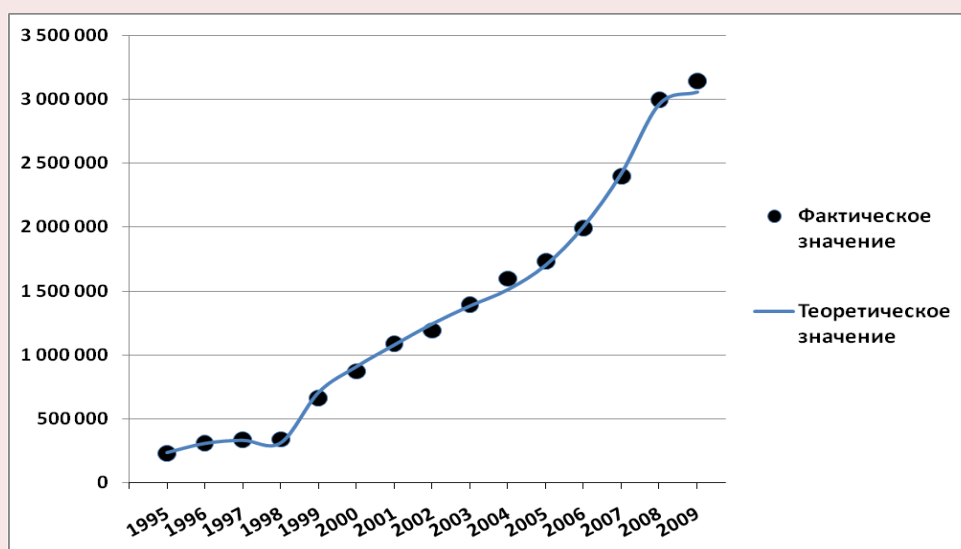
$$P = 0,135 \cdot L^{0,995} \cdot K^{0,279} \quad (3)$$

$$R^2 = 0,992;$$

p -значения коэффициентов α и $\beta < 0,05$

По сравнению с периодом 1995–2009 гг. в 2000–2014 гг. выросло влияние факторов производства на выпуск аграрной продукции. По затратам труда эластичность выпуска составила 0,995, по затратам капитала – 0,279. В 2000–2014 гг. сумма показателей степени ($\alpha + \beta$) составила 1,274. Рост обеспеченности по ресурсам труда и капитала на 1% приводил не к пропорциональному росту производства, а к большему (1,274%), что свидетельствует о повышении отдачи от ресурсов. Несмотря на снижение технологического коэффициента A , развитие аграрного производства России в 2000–2014 гг. характеризовалось ростом его эффективности, так как эффективность проявилась как учтенный фактор в росте отдачи от труда и капитала. В повышении отдачи от ресурсов нашло отражение влияние качественных изменений в структуре ресурсного потенциала аграрного производства.

Рис. 1. Фактическое и теоретическое значения показателя выпуска продукции аграрного производства России в 1995–2009 гг., млн руб.

Источник: расчеты автора на основе данных World Input-Output Database (WIOD).

График производственной функции, построенный по формуле (3), показывает, что теоретическое значение выпуска продукции аграрного производства максимально приближено к фактическим значениям; следовательно, параметры производственной функции полностью отражают реальный вклад фактора труда и фактора капитала в получение аграрной продукции (рис. 2).

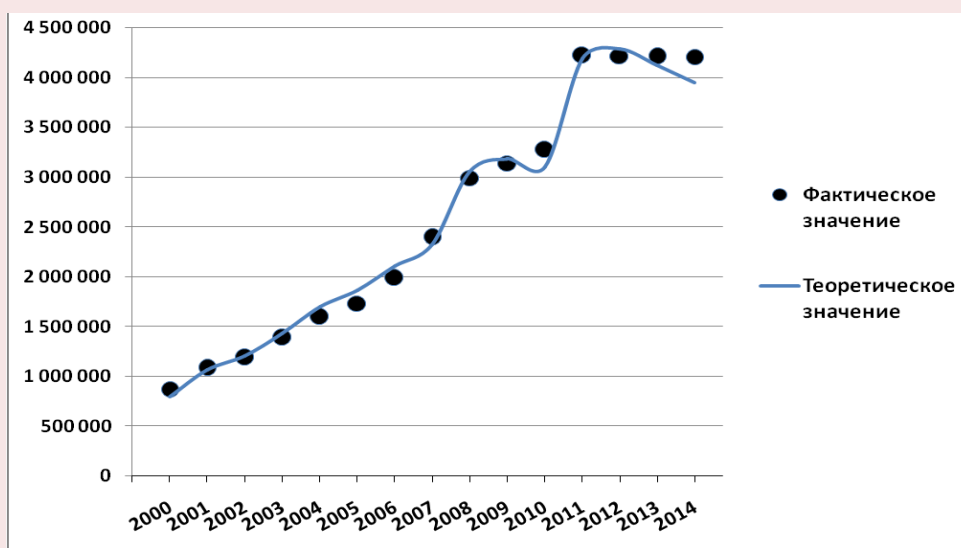
Анализ производственных функций аграрного производства России за 1995–2009 и 2000–2014 гг. позволяет выявить тенденции сложившихся соотношений и динамику использования факторов, а также сделать следующие выводы:

1. Аграрное производство России является преимущественно трудоемким, а не капиталоемким. Доля вклада труда в выпуск продукции аграрного производства выше доли капитала, что обосновывается наличием значительного по величине сектора личных подсобных хозяйств, которые производили в 1995 – начале 2000-х гг. большую часть продукции сельского хозяйства страны. В хозяйствах населения используются в основном ручной труд и средства

малой механизации, отсутствуют возможности для привлечения инвестиций в технико-технологическую модернизацию, связанные с низкими объемами производства в расчете на хозяйствующий субъект, ограничен доступ к средствам государственной поддержки. В настоящее время происходит постепенное снижение доли хозяйств населения в структуре продукции аграрной сферы (38,1% в 2014 году, 32,5% в 2016 году и 31,0% в 2018 году). Хозяйства населения продолжают оставаться основными производителями картофеля (68,0% в структуре производства во всех категориях хозяйств), овощей (55,1%), а также формируют 38,7% ресурсов молока и 18,0% ресурсов мяса⁴.

2. В аграрном производстве России снижается потенциал экстенсивного роста, так как количественный рост используемых ресурсов не приводит к пропорциональному росту производства. Изменения в ресурсном потенциале показывают влияние качественных изменений на результаты аграрного производства. Увеличение темпов прироста продукции было достигнуто не за счет увеличения коли-

Рис. 2. Фактическое и теоретическое значения показателя выпуска продукции аграрного производства России в 2000–2014 гг., млн руб.

Источник: собственные расчеты автора на основе данных World Input-Output Database (WIOD).

⁴ Сельское хозяйство в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 21, 28.

чества ресурсов, а за счет повышения их качества. Эта тенденция обусловлена влиянием мер государственной поддержки роста ресурсной обеспеченности сельхозтоваропроизводителей, предусмотренных в стратегических и программных документах (субсидии на обновление технического потенциала, инвестиционные кредиты на строительство новых мощностей, возмещение части капитальных затрат на модернизацию производств, компенсация доли вложений в развитие системы мелиорации, реализация научно-технической политики в аграрной сфере).

3. Значение коэффициента эластичности по труду показывает, что трудовой фактор имел в рассматриваемый период большее влияние на выпуск продукции, чем капитал. Для обеспечения долгосрочного устойчивого роста аграрного производства необходимо увеличивать производительность труда и совершенствовать структуру трудовых ресурсов. Это может быть осуществлено на основе внедрения инновационных разработок, ресурсосберегающих технологий, использования интеллектуального капитала, организационно-управленческих инноваций, которые позволят повысить производительность труда не только за счет увеличения объема выпускаемой продукции, но и за счет роста отдачи от единицы затрат труда.

4. Значение суммы коэффициентов эластичности α и β , превышающее 1, и невысокое значение технологического коэффициента свидетельствуют о сохраняющейся общей высокой ресурсоемкости аграрного производства, о наличии потенциала роста аграрного производства за счет ресурсных факторов. В сельском хозяйстве России наблюдается одна из самых низких степеней износа основных фондов среди всех видов экономической деятельности — 38,2% против 46,6% в среднем по экономике⁵, что позволяет в кратко- и среднесрочном периодах получать продукцию за счет использования имеющегося материально-технического потенциала. В дополнение к этому Россия относится к самым обеспеченным странам мира по земельным ресурсам, являющимся основным средством производства в сельском хозяйстве.

⁵ Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 327.

Результаты расчета производственной функции в целом за обобщенный период 1995–2014 гг. обладают некоторой долей условности, что было связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, наблюдается частичное несовпадение исходных данных за отдельные годы в пересекающийся период 2000–2009 гг., вызванное расхождением в методике расчета объема добавленной стоимости, созданной фактором труда и фактором капитала в отдельности. Во-вторых, за истекший период произошли значительные изменения в технологической основе ведения сельскохозяйственного производства, в результате чего технико-технологические характеристики ресурсов, используемых в производстве аграрной продукции, существенно отличаются в начале и в конце исследуемого периода. Несмотря на это, параметры обобщенной производственной функции за 1995–2014 гг. характеризуют общую закономерность влияния факторов производства на выпуск аграрной продукции.

Производственная функция по данным за 1995–2014 гг. имеет вид:

$$P = 13,403 \cdot L^{0,834} \cdot K^{0,069} \quad (4)$$

$$R^2 = 0,995;$$

p -значения коэффициентов α и $\beta < 0,05$

Представленная функция подчеркивает долгосрочную тенденцию повышенного влияния фактора труда на выпуск продукции аграрного производства.

Использование метода построения производственных функций позволяет определить влияние не только укрупненных факторов производства — труда и капитала — в их количественном выражении, но и оценить влияние качественных показателей результатов использования труда и капитала на получение продукции аграрного производства. Результат использования ресурсного потенциала с точки зрения его качества характеризуется относительными стоимостными показателями использования ресурсов. Так, использование трудовых ресурсов характеризуется показателем производительности труда, использование капитала — показателем фондоотдачи.

Для определения влияния показателей производительности труда и фондоотдачи на выпуск продукции аграрного производства были

использованы данные российской статистики за 2005–2018 гг. в сопоставимом виде⁶. По итогам расчета параметров производственной функции получены результаты, частично отличающиеся от полученных на основе сведений международной статистики. Производственная функция по данным за 2005–2018 гг. имеет вид:

$$P = 20,814 \cdot L^{0,398} \cdot K^{0,510}, \quad (5)$$

$$R^2 = 0,991;$$

p -значения коэффициентов α и $\beta < 0,05$

где: P – валовая продукция сельского хозяйства, млрд руб.,

L – производительность труда, руб. на 1 работника,

K – фондоотдача, руб. на 1 руб. основных производственных фондов.

Показатель эластичности выпуска продукции по труду составил 0,398, по капиталу – 0,510. Расчеты, произведенные на основе данных российской статистики, в целом также отражают высокое влияние фактора труда при одновременном возрастании влияния капитала, выраженного в относительном показателе эффективности его использования – фондоотдаче. Отличие пропорций влияния труда и капитала в формулах (2)–(4) от параметров производственной функции в формуле (5) вызваны разным характером используемых показателей. В расчетах по данным международной статистики применялись абсолютные значения затрат труда и капитала на выпуск продукции, а производственная функция, рассчитанная по данным российской статистики, показала влияние удельных значений затрат труда и капитала, отражающих эффективность использования ресурсного потенциала. Превышение показателя эластичности выпуска по капиталу над показателем эластичности по труду в относительных значениях связано с тем, что выработка

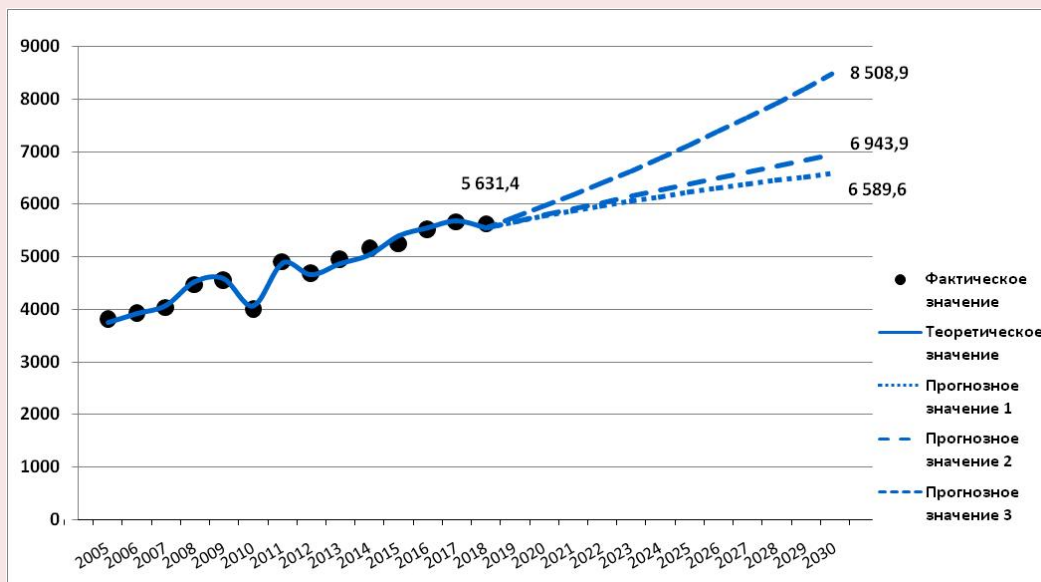
продукции осуществляется с использованием средств производства, качество которых влияет на производительность. Следовательно, более низкий относительный уровень использования трудовых ресурсов будет сопровождаться более высокой отдачей от капитала; меньший относительный расход капитала на прирост выпуска продукции будет компенсировать относительно низкую отдачу от труда. Таким образом, расчет параметров производственной функции в относительных значениях отражает воздействие использования единицы ресурса на выпуск продукции, при котором происходит трансформация отдачи от ресурсов в пользу капитала при неизменности общей эффективности использования ресурсного потенциала.

Корректировка реализуемой аграрной политики и разработка новых ее направлений с учетом современных и перспективных изменений в развитии национальной экономики должны быть основаны на достоверных прогнозах развития аграрного производства с учетом различных вариантов изменений в ресурсном потенциале. Полученные параметры производственной функции по качественным показателям использования труда и капитала позволяют спрогнозировать дальнейшее развитие аграрного производства России, оценить динамику и объемы выпуска продукции в зависимости от изменения факторных признаков, выделить приоритетные направления государственной поддержки аграрной сферы в целях роста эффективности использования ресурсного потенциала. На основе формулы (5) осуществлен трехвариантный прогноз выпуска продукции сельского хозяйства в зависимости от изменения производительности труда и фондоотдачи в России на период до 2030 года (рис. 3).

Первый вариант прогноза исходит из сложившихся среднегодовых значений производительности труда и фондоотдачи в 2013–2018 гг., которые отражают тенденции последних лет в развитии аграрного производства России (таблица). Это позволило спрогнозировать увеличение продукции сельского хозяйства до 6589,6 млрд руб. к 2030 году (прирост на 958,2 млрд руб., или на 17,0%). Прирост продукции на 17,0% за весь прогнозируемый период соответствует среднегодовым темпам прироста 1,3%.

⁶ Составлено и рассчитано автором по: Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 344, 345, 425; Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 134, 425; Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 109, 290, 291, 379; Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 278, 358, 359; Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 115, 301; Россия в цифрах. 2019: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 309.

Рис. 3. Фактическое (в 2005–2018 гг.), теоретическое (построенное по параметрам производственной функции) и прогнозные (до 2030 года) значения выпуска продукции аграрного производства в зависимости от изменения фондоотдачи и производительности труда, млрд руб. в сопоставимых ценах

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.

Основные параметры вариантных прогнозов выпуска продукции аграрного производства в 2030 году

Параметр прогноза	Прогноз 1	Прогноз 2	Прогноз 3
Содержание	Темпы прироста ресурсных факторов в 2013–2018 гг.	Темпы прироста ресурсных факторов в 2005–2018 гг.	Темпы прироста ресурсных факторов в соответствии с Государственной программой
Среднегодовой прирост производительности труда, руб. / 1 занятого	70959	48036	4% в год
Среднегодовой прирост фондоотдачи, руб. / 1 работника основных производственных фондов	-0,009	0,011	4% в год
Выпуск продукции аграрного производства в 2030 году, млрд руб.	6589,6	6943,9	8508,9
Общий прирост продукции аграрного производства к базовому 2018 году, %	17,0	23,3	51,1
Среднегодовой прирост продукции аграрного производства, %	1,3	1,8	3,5

Примечание: Все стоимостные показатели приведены в сопоставимых ценах 2016 года.

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.

Второй вариант прогноза построен с учетом тенденций среднегодового изменения производительности труда и фондоотдачи за весь период 2005–2018 гг., на основе которого были вычислены параметры производственной функции. Согласно данному варианту,

продукция сельского хозяйства России к 2030 году увеличится на 1312,5 млрд руб., или на 23,3%, и составит 6943,9 млрд руб. Прирост продукции на 23,3% за весь прогнозируемый период соответствует среднегодовым темпам прироста 1,8%.

Третий вариант прогноза основан на ключевых параметрах последней редакции Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Согласно ей предполагается ежегодный прирост производительности труда на 4%, что вызовет соответствующий прирост фондоотдачи⁷. Производственная функция показывает, что продукция сельского хозяйства в 2030 году прогнозируется на уровне 8508,9 млрд руб. (прирост на 2877,6 млрд руб., или на 51,1%). Прирост продукции на 51,1% за весь прогнозируемый период соответствует среднегодовым темпам прироста 3,5%.

Наиболее реалистичным представляется развитие аграрного производства по второму варианту прогноза, предполагающему умеренные темпы роста эффективности использования труда и капитала, отвечающие сложившимся технико-технологическим условиям хозяйствования. Данный вариант учитывает одновременно долгосрочные тенденции в эффективности использования факторов производства и необходимость достижения целевых установок государственной аграрной политики, таких как обеспечение продовольственной независимости и безопасности, наращивание экспорта продукции агропродовольственного комплекса к 2024 году до 45 млрд долл., для чего необходим значительный рост производства аграрной продукции за счет более эффективного использования ресурсного потенциала. Третий вариант прогноза является в большей степени перспективным, так как учитывает сохранение максимально достигнутых темпов роста эффективности при использовании ресурсных факторов на протяжении всего прогнозируемого периода. Это потребует полного выполнения и финансирования основных направлений экономической политики в аграрной сфере и реализации мер государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

⁷ Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы / Справочно-правовая система «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70210644/paragraph/1:0>

Обсуждение

Несмотря на то, что расчеты параметров производственной функции для условий аграрного производства России показали высокую степень влияния фактора труда на выпуск продукции, в реальности конкретные проявления влияния факторов имеют взаимосвязанный характер. Трудовые ресурсы производят продукцию при использовании средств производства, в которых овеществлен капитал. Прирост производимой продукции невозможен только при увеличении количества и качества трудовых ресурсов, а должен сопровождаться соответствующими техническими и технологическими изменениями в производственной сфере. Влияние фактора капитала на выпуск продукции проявляется как непосредственным образом в виде отдачи от капитала, так и косвенно через повышение производительности труда. В экономических расчетах факторы «труд» и «капитал» используются в широком значении и не ограничиваются только производственно-материальной формой их представления. Например, под «трудом» понимается не только непосредственное участие трудовых ресурсов в выпуске продукции, но и их знания, квалификация, опыт. В «капитале» реализуются результаты производственной, научно-технической и инновационной деятельности. Получаемая продукция становится результатом использования ресурсов с учетом их количественных и качественных характеристик.

Соответствие между трудовыми ресурсами и овеществленным капиталом является необходимым условием для реализации потенциала роста производства за счет ресурсных факторов. Расчеты показывают, что Россия в 2,5–5 раз отстает от развитых стран по производительности труда; при этом для нересурсных отраслей экономики это отставание на 33–39% объясняется более низкой капиталовооруженностью труда и на 58–65% – более низким уровнем технологий (уровнем многофакторной производительности). Качество человеческого капитала в России незначительно ниже уровня развитых стран и поэтому объясняет лишь 2–4% разрыва в производительности труда [20, с. 67].

В России имеются резервы, связанные с ростом производительности и интенсивности труда, так как не менее трети российских работни-

ков заняты низкоквалифицированным и плохо организованным трудом. Более 20% производственных мощностей, в том числе высокоэффективных, введенных в строй в последние 5–7 лет, не загружены и способны обеспечить быстрое увеличение объемов выпуска. Даже частичное перемещение трудовых ресурсов России на современные рабочие места обеспечит рост производства в стране на десятки процентов [21, с. 4].

Ключевым направлением, способствующим росту производительности труда как фактора, имеющего решающее воздействие на выпуск продукции аграрного производства, выступает совокупность мер организационно-экономического характера, реализация которых позволит содействовать повышению роли трудовых ресурсов в качестве важнейшего элемента ресурсного потенциала аграрного производства. К таким мерам относятся:

- формирование благоприятных экономических и социальных условий для людей, занятых в сельском хозяйстве. Это направление включает рост уровня заработной платы в сельском хозяйстве, повышение доступности социальной инфраструктуры, стимулирование занятости на селе и закрепление кадров путем реализации мер социальной политики на сельских территориях;

- повышение инновационной активности работников аграрной сферы. Основными направлениями здесь являются рост образовательного уровня, содействие в трудоустройстве людей, получающих высшее или среднее специальное образование, создание стимулов для повышения квалификации и образования, обучение работе на новом технологическом оборудовании, повышение профессионального мастерства работников, занятых ремонтом и обслуживанием современной отечественной и зарубежной техники или непосредственно работающих на ней [22, с. 52].

Ускорение темпов роста производительности труда в рамках инновационной стратегии развития аграрного сектора предполагает не только технологическое обновление производства, но и улучшение качественных характеристик работников организаций сельского хозяйства (образования, квалификации, здоровья, мотивации) [23, с. 317].

Заключение

Расчет производственной функции для аграрного производства России показал необходимость перехода от экстенсивного к интенсивному использованию ресурсов, наращивания ресурсного потенциала на инновационной основе. Развитие АПК России в современных экономических условиях требует широкого применения инновационных факторов с целью достижения устойчивости аграрного производства и решения важнейшей государственной задачи – обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны. Устойчивость отечественного аграрного производства основана на эффективном использовании всех видов ресурсов в производственном процессе, на формировании сбалансированного ресурсного потенциала.

Для совершенствования методики моделирования влияния ресурсных факторов на выпуск продукции аграрного производства следует реализовать следующие ключевые направления:

1. Уточнить состав показателей, отражающих влияние факторов производства на выпуск аграрной продукции. В качестве факторных признаков предлагается применять стоимостные показатели, отражающие вклад труда и капитала в выпуск продукции аграрного производства. Для того чтобы расширить методическое обоснование влияния ресурсных факторов на выпуск продукции, необходимо сочетать количественные (абсолютные) и качественные (относительные) показатели использования труда и капитала.

2. Обеспечить полную сопоставимость показателей из разных динамических рядов данных для расчета параметров производственной функции за длительный промежуток времени, что позволит учесть влияние долгосрочных тенденций формирования и использования ресурсного потенциала на развитие аграрного производства и избежать случайного воздействия на величину выпуска факторов, не зависящих от человека, например погодных условий, что особенно актуально для сельского хозяйства.

3. Совершенствовать отечественную статистику по определению вклада труда и капитала в выпуск продукции аграрного производства, а также обеспечить сопоставимость показателей

отечественной и зарубежной статистики для расширения возможностей моделирования.

Таким образом, моделирование влияния ресурсных факторов на выпуск продукции аграрного производства для условий России позволило оценить зависимость изменений валовой продукции сельского хозяйства от укрупненных элементов ресурсного потенциала — труда и капитала. На основе модели двухфакторной производственной функции был сделан вывод о повышенном влиянии фактора труда на получение конечной продукции отрасли, что предопределяет приоритеты стратегий развития аграрного производства России на основе формирования и использования его ресурсного потенциала. Эффективное использование трудовых ресурсов позволит решить важные проблемы современного развития агропродовольственного комплекса России: экономический рост в отдельных отраслях экономики, формирование доходной части бюджетов всех уровней, снижение социальной напряженности, обеспечение продовольственной незави-

симости и безопасности. Моделирование влияния ресурсных факторов на выпуск продукции на основе метода построения и расчета параметров производственной функции позволяет осуществлять прогностические оценки развития аграрного производства с учетом влияния количественных и качественных изменений в использовании труда и капитала.

Проведенное исследование дополняет теоретико-методологические основы моделирования влияния ресурсных факторов на выпуск продукции посредством использования стоимостных характеристик затрат труда и капитала, а также комплексного применения статистических сведений об одном объекте из разных источников, что позволяет повысить достоверность прогнозно-аналитических расчетов. Прикладное значение полученных результатов настоящей статьи обусловлено универсальным характером выполненного моделирования, на основе которого можно осуществлять аналогичные расчеты применительно к другим отраслям национальной экономики.

Литература

1. Клейнер Г.Б. Производственные функции: теория, методы, применение. М.: Финансы и статистика, 1986. 239 с.
2. Методы народнохозяйственного прогнозирования / Н.П. Федоренко, А.И. Анчишкин, Ю.В. Яременко [и др.]; под ред. Н.П. Федоренко [и др.]. М.: Наука, 1985. 472 с.
3. Плышевский Б. Теоретические проблемы анализа прибавочного продукта // Экономист. 2013. № 9. С. 58–69.
4. Кирилюк И.Л. Динамика отдачи факторов производства в российской экономике с 1995 по 2011 гг. // Феномен возрастающей отдачи в экономике и политике / под ред. С.Г. Кирдиной, В.И. Маевского. СПб.: Алетейя, 2014. С. 73–106.
5. Лавровский Б. Оценка производительности труда в России и мире // Экономист. 2014. № 12. С. 27–35.
6. Орлова Н., Егиев С. Структурные факторы замедления роста российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 69–84.
7. Jorgenson D.W., Vu K.M. Potential growth of the world economy. *Journal of Policy Modelling*, 2010, vol. 32, no. 5, pp. 615–631.
8. Kuboniwa M. The Russian growth path and TFP changes in light of estimation of the production function using quarterly data. *Post-Communist Economies*, 2011, vol. 23, no. 3, pp. 311–325.
9. Наумов И.В., Трынов А.В. Моделирование инвестиционной привлекательности видов экономической деятельности в регионе с использованием матрицы финансовых потоков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 53–66.
10. Винничек Л.Б., Зябликова О.А., Терзова Г.В. Ресурсный потенциал сельскохозяйственных организаций и эффективность его использования. Пенза: РИО ПГСХА, 2015. 176 с.
11. Смагин Б.И., Акиндинов В.В. Эффективность использования ресурсного потенциала в аграрном производстве. Мичуринск: Изд-во Мичуринского государственного аграрного университета, 2007. 150 с.

12. Васильченко М.Я. Технологические факторы повышения эффективности производственного потенциала животноводческого подкомплекса России // Экономические науки. 2018. № 5 (162). С. 91–95.
13. Ksenofontov M.Yu., Polzikov D.A., Verbitskiy Yu.S., Melnikova Y.S. On the assessment of the potential expansion of agricultural production and its structural shifts. *Studies on Russian Economic Development*, 2017, vol. 28, no. 6, pp. 624–636.
14. Solow R.M. The production function and the theory of capital. *Review of Economic Studies*, 1953, vol. 23, no. 2, pp. 101–108.
15. Solow R.M. Technical change and the aggregate production function. *The Review of Economics and Statistics*, 1957, vol. 39, no. 3 (Aug.), pp. 312–320.
16. Denison E.F. *The Sources of Economic Growth in the United States & the Alternatives before us*. New York: Comm. of Economic Development, 1962. 308 p.
17. Denison E.F. *Estimates of Productivity Changes by Industry: An Evaluation and an Alternative*. Washington DC: Brookings Institution, 1989. 78 p.
18. Потапов А.П. Оценка динамики затрат ресурсов и ресурсоемкости аграрного производства России // Аграрный научный журнал. 2018. № 5. С. 85–91.
19. Салько Д.Ю., Искандаров К.М., Ивченко Ю.С. Особенности построения производственных функций на примере зависимости объема производства от использованного труда и вложенного капитала // Известия СПбГТИ(ТУ). 2014. № 26. С. 109–112.
20. Зайцев А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 67–93.
21. Система мер по восстановлению экономического роста в России / В.В. Ивантер [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 3–9.
22. Потапов А.П. Ресурсы инновационного развития аграрного производства России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2011. № 12. С. 49–53.
23. Блинова Т.В., Потапов А.П. Трудовой потенциал модернизации российского села // Вестник СГТУ. 2011. № 2. Вып. 1. С. 313–323.

Сведения об авторе

Андрей Павлович Потапов – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем Российской академии наук (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: app2008@yandex.ru)

Potapov A.P.

Modeling the Impact of Resource Factors on Agricultural Output

Abstract. The relevance of the research is justified by the need to find the sources of agricultural production growth due to the effective use of resource factors. The purpose of the work is to model the influence of the labor factor and the capital factor on the production of agricultural products. The research method consists in using the Cobb-Douglas production function to build a model of the influence of enlarged production factors on output. The novelty of the author's approach lies in using cost characteristics of labor and capital costs, which allows to obtain more reliable indicators of elasticity by presenting the resource costs in a single calculation. The data from international statistics presented in the development of the international research project World Input-Output Database (WIOD) is proposed to be use as indicators describing the costs of factors of production. Capital expenditure is characterized by the Capital compensation indicator; to estimate labor costs, it is more appropriate to use the Compensation of employees indicator, which reflects labor costs in the form of employees' total wages. Calculations of the production function for various time intervals allowed to estimate the elasticity of output of Russian agricultural production in terms of labor and capital costs in absolute and relative terms in retrospect.

The author makes a conclusion about the priority influence of the labor factor on output in the agricultural sector, about the high labor intensity of agricultural production in Russia in the absolute measurement of labor costs. Based on the obtained parameters of the production function, using the data from Russian statistics, the researcher presents a three-variable forecast of gross agricultural production dynamics, depending on changes in labor productivity and capital return. The models built allow to make predictive assessments of the industry complexes development, and can also be used in the development and adjustment of the main directions of the state agricultural policy for the effective use of the resource potential.

Key words: resource potential, agricultural production, labor, capital, modeling, production function, forecasting.

Information about the Author

Andrei P. Potapov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: app2008@yandex.ru)

Статья поступила 19.11.2019.

Концептуальные подходы к формированию предпосылок для эффективного финансового просвещения населения России*

**Ольга Аркадьевна
АЛЕКСАНДРОВА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32

E-mail: a762rab@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский пр., д. 49

ORCID: 0000-0002-9243-9242; ResearcherID: B-1306-2017

**Наталья Валерьевна
АЛИКПЕРОВА**

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский пр., д. 49

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32

E-mail: NValikperova@fa.ru

ORCID: 0000-0002-5028-078X; ResearcherID: S-1899-2018

**Кристина Валерьевна
ВИНОГРАДОВА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32

E-mail: ms.kristina.vinogradova.1995@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8857-8135; ResearcherID: X-8390-2018

**Юлия Сергеевна
НЕНАХОВА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32

E-mail: yulia-nenakhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5865-1012

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ГЗ-ПИ2 «Институционализация финансовой грамотности населения Российской Федерации» в Финансовом университете при Правительстве РФ.

Для цитирования: Концептуальные подходы к формированию предпосылок для эффективного финансового просвещения населения России / О.А. Александрова, Н.В. Аликперова, К.В. Виноградова, Ю.С. Ненахова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.10

For citation: Aleksandrova O.A., Alikperova N.V., Vinogradova K.V., Nenakhova Yu.S. Conceptual approaches to creating the preconditions for effective financial education of the Russian population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.10

Аннотация. Разразившийся в 2008 году мировой финансовый кризис высветил проблему низкого уровня финансовой грамотности населения разных стран, ответом на что стало создание национальных систем финансового просвещения при направляющей и координирующей роли международных экономических организаций. Россия также в 2011 году запустила совместный проект Министерства финансов РФ и Всемирного банка, а затем приняла Стратегию повышения финансовой грамотности населения. Однако, несмотря на прикладываемые усилия и затраченные средства, уровень финансовой грамотности россиян и их доверия финансовым институтам остается невысоким. В статье изложены концептуальные подходы к формированию предпосылок для эффективного финансового просвещения жителей России и описана структурно-функциональная модель, в рамках которой это может быть реализовано. Информационной базой послужили данные российских и международных исследований финансовой грамотности населения и работы, посвященные их сравнительному анализу; руководства и аналитические материалы международных организаций; результаты проведенного при участии авторов экспертного опроса с участием 136 экспертов из 30 регионов России. Показано, что результативное финансовое просвещение невозможно без эффективной политики доходов, когда население располагает свободными денежными средствами, необходимость распоряжения которыми порождает практический интерес к повышению финансовой грамотности. Вторым фундаментальным условием является реализация «политики доверия» – обеспечения работы государственного механизма, не допускающей обесценения накоплений граждан и надежно защищающей их права при взаимодействии с финансовыми институтами. Важны стабильность и прогнозируемость развития экономики, отказ от навязывания населению завышенных стандартов потребления, физическая доступность кредитно-финансовых учреждений в малых городах и селах и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, повышение цифровой культуры россиян. Описаны основные составляющие собственно финансового просвещения; предложены подходы к определению целевых групп для обучения финансовой грамотности и выбору подходящих для них образовательных программ.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовое просвещение, доходы, доверие, инфраструктура, культура потребления, цифровая культура.

Введение

В последнее десятилетие во многих странах стала актуальной тема повышения финансовой грамотности населения, связанная с выявляемым у граждан низким уровнем финансовых знаний, непониманием сути финансовых инструментов, недоверием к институтам финансового рынка и т. д. Ярко проявившись в момент мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и во многом определив его течение [1], сегодня проблема дефицита финансовых знаний усугубляется, с одной стороны, расширением спектра и усложнением предлагаемых клиентам финансовых продуктов [2], а с другой – все большим перекладыванием бремени ответственности за материальное благополучие граждан на плечи самого населения, что предполагает расширение его взаимодействий с институтами финансового рынка [3].

Высветившиеся на фоне финансового кризиса проблемы привели к созданию националь-

ных систем финансового просвещения, призванных помочь людям обрести способность использовать возможности, предоставляемые финансовыми инструментами, и не быть обманутыми, при координирующей роли международных и наднациональных организаций: «Большой двадцатки» (G20); Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирного банка. В России в 2011 году запущен совместный проект Министерства финансов РФ и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в РФ», в 2017 году принята Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы. К их реализации прикладываются немалые организационно-технические усилия: издаются учебно-методические материалы; создана система подготовки финансовых консультантов,

а также призванных повышать финансовую грамотность детей и юношества школьных учителей и вузовских преподавателей; к процессу обучения финансовой грамотности привлечены волонтеры; проводятся многочисленные мероприятия по популяризации финансовой грамотности («Недели финансовой грамотности», «Всероссийские недели сбережений» и т. п.); на территории нескольких субъектов РФ реализуются пилотные региональные программы повышения финансовой грамотности населения. На эту работу расходуются значительные бюджетные средства и средства займа Всемирного банка. Как следует из опубликованного в 2018 году Отчета Счетной палаты РФ¹, первоначально стоимость проекта составляла 113,0 млн долл., из них 88,0 млн долл. — софинансирование со стороны России. Затем, в 2016 году, проект и соглашение о займе были пролонгированы еще на 4,5 года, в результате стоимость проекта выросла до 209,7 млн долл. (в 1,85 раза), а софинансирование Россией — 184,7 млн долл. (в 2,1 раза), составив 88,1% общего объема средств. Однако, несмотря на прикладываемые усилия и затрачиваемые средства, уровень финансовой грамотности россиян остается весьма невысоким, что отражается в вызывающих озабоченность властей масштабах задолженности населения перед банками и микрофинансовыми организациями² и низком уровне сберегательной и инвестиционной активности [4]. В связи с этим в рамках проекта, направленного на изучение процессов институционализации финансовой грамотности у насе-

¹ Отчет Счетной палаты РФ о результатах контрольного мероприятия «Проверка использования средств займа Международного банка реконструкции и развития на реализацию проекта № 7983-RU „Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации” в 2011–2017 годах и за истекший период 2018 года». URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/939/36353/> (дата обращения 11.11.2019).

² См., например: Бедные россияне берут все больше кредитов. Центробанк обеспокоен. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47868541> (дата обращения 10.04.2020); Орешкин спрогнозировал «взрыв» в экономике из-за закредитованности населения. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2019/07/21/806921-oreshkin> (дата обращения 10.04.2020); Холявко А. Путин впервые высказался о риске закредитованности населения. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/06/20/804700-putin-zakreditovannosti> (дата обращения 10.04.2020).

ления России, его заказчиком (Министерством финансов РФ) была поставлена задача разработать концептуальные подходы, способствующие повышению эффективности финансового просвещения граждан России.

Степень разработанности проблемы

Актуальность проблематики, касающейся финансовой грамотности населения, функционирования национальных систем финансового просвещения и т. п., проявляется в значительном объеме научной и научно-практической литературы, в которой раскрывается связанный с финансовой грамотностью понятийно-категориальный аппарат [5; 6]; анализируются, в том числе в рамках международных сравнений, результаты многочисленных исследований финансовой грамотности населения и оценивается динамика соответствующих показателей [7]; выявляется связь особенностей финансового поведения с доходно-имущественными и социально-демографическими характеристиками индивидов и домохозяйств, этнокультурными традициями³ [8; 9]; описывается международный опыт формирования системы повышения финансовой грамотности [10–14] и анализируются процессы становления системы финансового просвещения в Российской Федерации⁴ [15].

Информационно-методическая база исследования

Разработка концепта и структурно-функциональной модели эффективной системы повышения финансовой грамотности населения производилась с помощью изучения российских документов стратегического характера⁵ и положенных в их основу документов (меморандумов, руководств, пособий и т. п.) международных и наднациональных организаций⁶ [1];

³ Моисеева Д.В. Финансовая грамотность населения российского региона: экономико-социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2017.

⁴ Лучшие практики в сфере финансового образования и финансовой грамотности в России и зарубежных странах / Минфин России; ВолГУ. Волгоград, 2014. 67 с. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/files/Luchshie_praktiki.pdf (дата обращения 28.10.2019).

⁵ Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы. URL: <http://static.government.ru/media/files/uQZdLRrkPLAdEVdaBsQrk505szCcL4PA.pdf> (дата обращения 25.10.2019).

⁶ *Recommendation on Principles and Good practices for Financial Education and Awareness*. OECD, 2005. Available at: <https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/35108560.pdf>

результатов многочисленных измерений уровня финансовой грамотности населения России, реализованных НАФИ, Банком России и другими организациями, в том числе данных второго раунда специализированного долговременного всероссийского обследования по финансовой грамотности, осуществленного на основе международной методологии [7]; анализа данных Росстата. Последние, хотя и не касаются финансовой грамотности напрямую, позволяют судить о текущей и потенциальной финансовой активности россиян с учетом оценки населением своего нынешнего материального положения и будущих доходов, потребительских и сберегательных установок, основных направлений использования денежных доходов, изменений в объеме и формах хранения накоплений, горизонте планирования у владельцев банковских депозитов и т. д.

Помимо этого, в ходе проекта было проведено эмпирическое исследование в форме экспертного опроса. В нем приняли участие 136 экспертов из 30 российских регионов, профессиональная деятельность которых связана с государственным управлением на региональном и федеральном уровнях, наукой и образованием, предпринимательством, работой непосредственно в банковско-финансовой сфере. Заметная часть экспертов имеет ученые степени (8% — доктора наук, 33,1% — кандидаты наук); более трех четвертей указали на то, что проблематика финансовой грамотности входит в сферу их профессиональных интересов; почти 90% экспертов сочли, что их знания относительно предмета экспертизы выше среднего уровня. Специально разработанный бланк включал в себя 19 вопросов (открытых либо предлагающих выразить свое отношение к тем или иным суждениям с использованием шкалы Лайкерта), касающихся оценки финансовой грамотности среди представителей различных целевых групп; рациональности тех или иных действий в финансовой сфере; факторов, оказывающих положительное или, напротив, негативное влияние на финансовое поведение россиян; эффективности уже принятых мер по повышению финансовой грамотности населения, а также собственных рекомендаций экспертов в этой части. Таким образом, представления и сформулированные на их основе концептуальные подходы, вытекающие из анализа информации

в рамках кабинетного исследования, были соотнесены с выявленным эмпирическим путем систематизированным мнением экспертного сообщества, что позволило повысить уровень обоснованности выводов и рекомендаций.

Результаты исследования

Как показывают российские и зарубежные исследования, информация о финансовых инструментах, позволяющих сохранить и приумножить финансы, востребована населением тогда, когда оно располагает средствами — то есть когда складываются объективные условия для проявления финансовой активности. Кроме того, для закрепления знаний в области финансовой грамотности требуется повторяемость действий (финансовых операций) [1].

В то же время официальная статистика свидетельствует о том, что представления россиян о своем материальном положении имеют депрессивный характер: индекс текущего личного материального положения на протяжении 20 лет находится в области отрицательных значений (хотя и колеблется от -40 после дефолта 1998 года до -7 в 2014 году); индекс ожидаемых изменений личного материального положения лишь однажды, в 2008—2010 гг., изменил знак с отрицательного на положительный⁷. При этом субъективные оценки населением своего материального положения коррелируют с реальной динамикой располагаемых денежных доходов. Структура использования денежных доходов населением говорит о том, что порядка 70—75% имеющихся средств граждане тратят на покупку товаров и оплату услуг (причем, как показывают обследования домохозяйств, три четверти расходов идут на реальные нужды — домашнее питание, одежду, транспорт, связь, здравоохранение, образование, предметы домашнего обихода), еще около 10—12% — на оплату обязательных платежей и взносов⁸. Таким образом, у значительной части россиян просто нет свободных средств, распоряжение которыми требовало бы совершенствования финансовых знаний. И напротив: нехватка денег на реальные нужды либо на приобретение товаров стимулируемого перманентным на-

⁷ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения 22.06.2019).

⁸ Там же.

вязыванием завышенных стандартов демонстративного потребления нередко подталкивает людей к вынужденным или необдуманным займам.

Модели же финансового поведения при наличии свободных средств определяются уровнем доверия институтам финансового рынка и финансовой системе в целом. Положение в этой сфере не благополучно. Так, согласно Росстату, россияне все чаще предпочитают хранить деньги в наличной форме; структура депозитов физических лиц в рублях говорит о коротких горизонтах планирования — вклады в основном открываются на срок до 1 года и от 1 года до 3 лет, причем объем вкладов от 1 до 3 лет в последние 5 лет заметно снизился⁹. Финансовое поведение высокодоходных групп населения свидетельствует о том, что они доверяют банкам свои сбережения лишь в пределах застрахованных сумм, инвестируют только в то, что могут держать под личным контролем (недвижимость, собственный бизнес) и практически не проявляют интерес к добровольному пенсионному страхованию [16]. Статистика Банка России также фиксирует рост недоверия к банковской системе: после снижения уровня недоверия к банкам с 24,1 до 8,1% в 2014–2016 гг. в 2017 году на фоне массового отзыва лицензий он снова вырос до 18,3%. Банки и иные подобные организации находятся в конце рейтинга источников, в которых россияне готовы занимать средства в случае острой необходимости¹⁰. Недоверие к финансовым институтам проявляется и в той тематике, по которой россияне хотели бы прежде всего повысить свои знания и навыки: распознавание финансового мошенничества (39%), изучение прав потребителей финансовых услуг (29%), оценка рисков на рынке финансовых услуг (29%)¹¹.

⁹ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения 22.06.2019).

¹⁰ Обзор состояния финансовой доступности в Российской Федерации в 2018 году / Банк России. М., 2019. 70 с. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/25684/review_24122019.pdf (дата обращения 02.11.2019).

¹¹ 44% россиян испытывают потребность в повышении финансовой грамотности / НАФИ: Аналитический центр. 2018. URL: <https://nafu.ru/analytics/44-rossiyan-ispityuyut-potrebnost-v-povyshenii-finansovoy-gramotnosti/> (дата обращения 02.11.2019).

Влияющие на финансовую грамотность проблемы в виде низкого уровня доходов, недоверия финансовым институтам, короткого горизонта планирования и т. д. нашли отражение и в результатах нашего экспертного опроса. Так, при ответе на открытый вопрос «Какие, на Ваш взгляд, факторы наиболее позитивно влияют на финансовое поведение россиян?» лидером с большим отрывом стал вариант «достойный уровень дохода, уверенность в завтрашнем дне» (указали 41,9% экспертов), ближайшие «преследователи» («доступность информации» и «образование граждан») упомянуты вдвое меньшим числом респондентов. И наоборот, лидером среди факторов, оказывающих наиболее негативное влияние на финансовое поведение россиян, 31,6% экспертов назвали «низкий уровень доходов», далее идут отмеченная 27,2% опрошенных «нестабильность экономики, финансовой системы» и близкие по смыслу «отсутствие защиты прав потребителей» и «недоверие к государственным и финансовым институтам» (в сумме названы 23,5% экспертов). Сами эксперты также демонстрируют весьма невысокий уровень доверия к финансовым институтам, в конечном итоге — к способности государства обеспечить надлежащее, стоящее на защите интересов граждан регулирование как финансовой, так и правоохранительной сфер. Так, лишь каждый пятый эксперт твердо уверен в том, что в нынешних условиях участие в накопительных пенсионных и страховых схемах является финансово грамотным поведением; то же касается и инвестирования в инструменты фондового рынка. И наоборот: 53,7% экспертов считают, что инвестировать свои средства следует только в то, что можно контролировать самому (недвижимость, собственный бизнес и т. п.). Не считают финансово грамотным поведением обращение за потребительскими и автокредитами 48,3% (с той или иной степенью уверенности), 31,6% не смогли дать однозначный ответ; использование кредитных карт — соответственно 41,9 и 20,6% экспертов; заключение договора пожизненной ренты ради получения добавки к пенсии — 58,9 и 29,4%; размещение всех своих сбережений на банковских депозитах — 36,7 и 33,8%.

Подтверждает первоочередное значение факторов фундаментального характера – «доходов» и «доверия» – для повышения финансовой грамотности низкий рейтинг мер, касающихся непосредственно обучения финансовым знаниям и навыкам. Так, каждый третий эксперт, причем во всех профессиональных группах, сомневается в эффективности «финансового просвещения и информирования». При этом среди тех, кто полностью отрицает эффективность такой меры (выбрал вариант ответа «неэффективна»), большую часть составляют эксперты из финансового сектора (каждый пятый), а также эксперты-предприниматели (14,3%), то есть те, кто напрямую взаимодействует с населением в сфере потребления. Такую меру, как «обучение финансовой грамотности», от 35 до 52% опрошенных считают «скорее неэффективной» (снова в лидерах – представители институтов финансового рынка); как полностью неэффективную ее в основном отметили представители финансово-кредитных

и подобных им учреждений (почти каждый пятый), а также предприниматели (14,3%).

В то же время эксперты говорят о важности «обеспечения доступности финансовых услуг». Под ней (доступностью – О.А.) в данном случае подразумевалась инфраструктурная доступность – наличие прежде всего на территориях с небольшим по численности населением необходимого числа отделений кредитно-финансовых учреждений, доступного и стабильно работающего интернета и т. п.: в сумме на это указали 71% экспертов, причем, что важно, чаще других эту меру отмечали представители финансовых институтов и предприниматели – 26 и 23% соответственно.

Анализ представленной и иной информации, в частности касающейся особенностей экономической культуры населения России [17–21], позволил свести воедино основные факторы финансово неграмотного поведения населения либо отказа россиян от взаимодействия с институтами финансового рынка (рис. 1).

Рис. 1. Факторы финансово неграмотного поведения населения и отказа от взаимодействия с институтами финансового рынка

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Институционализация финансовой грамотности населения Российской Федерации», 2019 г.

В свою очередь понимание природы финансово неграмотного поведения или же нежелания взаимодействовать с финансовым рынком позволило подойти к разработке концепта эффективной системы повышения финансовой грамотности населения (рис. 2).

В основании искомой теоретико-методологической конструкции находятся три «столпа»:

1. Эффективная **политика доходов**, при которой у населения на руках остается достаточное количество средств, что и создает объективно обусловленный, практический интерес в финансовом обучении. Очевидно, что в этом случае и усвоение информации будет более эффективным. Важно и то, что при достаточных располагаемых доходах заимствования становятся продуманным способом удовлетворения высоких потребительских запросов, а не сугубо вынужденной мерой, когда уже не приходится выбирать ни кредитора, ни условия получения займа.

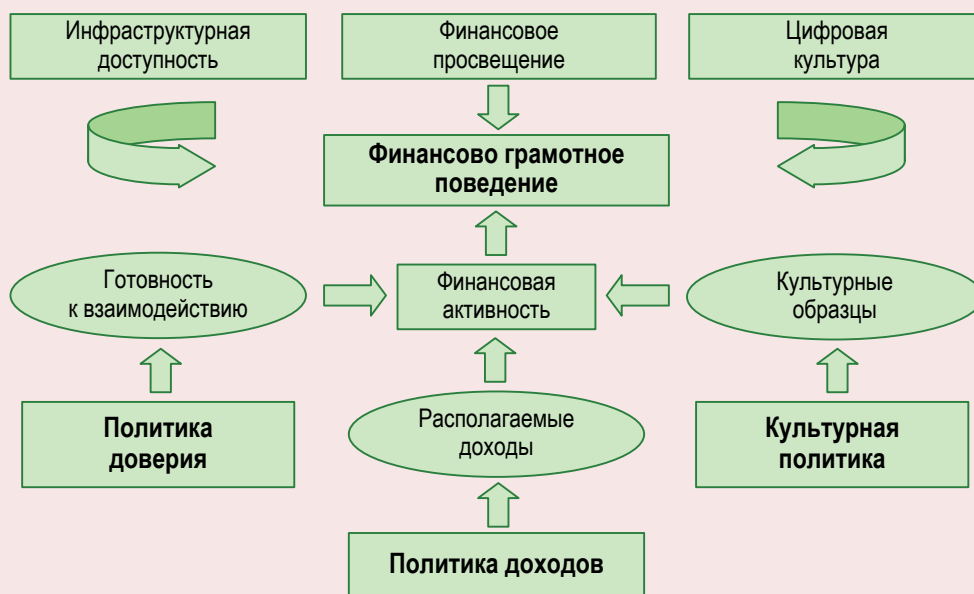
Политика доходов (тема достаточно разработанная, особенно за рубежом) представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение целесообразного с социально-экономической и социально-политической точек зрения уровня благосостояния населения:

– установление государством адекватного уровня заработной платы в бюджетной сфере, что, в том числе, является ориентиром и для частного сектора. В России доля заработной платы в ВВП значительно меньше, чем в развитых странах. Необходимо заметно ее увеличить, что требует существенных изменений в области регулирования заработной платы;

– создание условий, определяющих приемлемый уровень рентабельности в реальном секторе экономики и, соответственно, уровень предпринимательского дохода и оплаты наемного труда в коммерческом секторе. В России уровень рентабельности в обрабатывающих отраслях остается весьма низким, позитивное изменение ситуации требует более жесткого регулирования ценообразования у т. н. естественных монополий, в банковском секторе, разумной защиты внутреннего рынка и т. д.;

– установление государством адекватного размера социальных выплат (пенсий и т. д.). Сегодня в России коэффициент замещения пенсий не дотягивает даже до рекомендуемого МОТ минимума в 40% от утраченного дохода, а детские пособия в разы ниже, чем в развитых странах. Соответственно, стоит задача повы-

Рис. 2. Ключевые предпосылки финансово грамотного поведения населения

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Институционализация финансовой грамотности населения Российской Федерации», 2019 г.

ситель размер социальных трансфертов до приемлемого уровня. Сразу заметим, что средства на это у государства имеются [22].

К политике доходов относится и определяемая государством налоговая нагрузка, которую несут индивиды и домохозяйства. Сегодня налоговое бремя на работающих россиян (НДФЛ вместе с т. н. социальными начислениями, которые работодатель перечисляет в государственные внебюджетные фонды) составляет более 40%. Задача увеличения располагаемых доходов у значительной части россиян может быть решена путем перехода к прогрессивной шкале подоходного налогообложения с использованием сложной прогрессии и льготного налогообложения малообеспеченных граждан.

Важными составляющими политики доходов также являются:

- политика государства в области социального обеспечения – объем остающихся у населения на руках свободных средств зависит от доступности бесплатного образования, здравоохранения и т. д. Очевидно, что эффективная политика доходов несовместима с осуществляемой сегодня радикальной коммерциализацией социальной сферы;

- антимонопольная политика, призванная ограничивать «аппетиты» т. н. естественных монополий и других хозяйствующих субъектов (торговых сетей и т. п.), оказывающих существенное влияние на уровень цен на услуги ЖКХ, транспортные услуги, продукты питания и, соответственно, на размер свободных средств, остающихся на руках у граждан. Кроме того, эффективная антимонопольная политика является инструментом для снижения инфляции издержек – ключевого фактора, обуславливающего невысокий уровень рентабельности реального сектора экономики и, как следствие, низкий уровень оплаты труда.

2. Политика, направленная на повышение уровня доверия к государству, которая по аналогии с политикой доходов может быть обозначена как **политика доверия**. Целью такой политики является формирование у населения представления о том, что государство способно:

- проводить последовательную, предсказуемую финансово-экономическую политику в интересах большинства граждан, не допускающую изъятия или обесценивания накоплений граждан самим государством;

- регулировать деятельность институтов финансового рынка таким образом, чтобы оградить вступающих во взаимодействие с ними граждан от рисков, связанных с попытками манипулировать их сознанием и средствами со стороны коммерческих структур;

- своевременно и жестко пресекать незаконную финансовую деятельность субъектов, реализующих по отношению к гражданам недобросовестные финансовые практики;

- обеспечивать работу правоохранительных органов и системы правосудия таким образом, чтобы граждане были абсолютно уверены в возможности защитить свои законные права и интересы в случае их нарушения теми или иными участниками финансового рынка.

Такого рода доверие к государству и регулируемым им сферам формируется в результате работы сложной системы социальных институтов, начиная от конституционного устройства, содержащего политические гарантии добросовестности деятельности власти, и заканчивая способностью населения к реализации демократического контроля за властью через свои представительные органы (прежде всего парламент), а также органы независимого, внешнего (по отношению к исполнительной власти) финансового контроля и т. д.

В России сегодня наблюдаются парадоксы доверия – высокий уровень доверия главе государства, но дефицит доверия собственно государству, его институтам, что связано с отсутствием институциональных условий для рационально обусловленного доверия. Соответственно, требуется создание или наполнение первоначальным смыслом системы институтов, формирующих у населения рационально обусловленное доверие к государству и тем сферам, которые оно регулирует и за работу которых отвечает [23].

3. Третий «столп», имеющий фундаментальный характер, состоит в **политике в сфере общественной культуры**. Под ней в данном контексте понимается осуществляемая через все информационные каналы (СМИ, кинематограф, реклама, различные формы презентации жизни лидеров мнений) трансляция и, соответственно, импринтинг в массовое сознание образцов потребительского поведения, стандартов потребления (прежде всего престижного), установок в отношении труда и досуга и т. д.

Представляется, что акценты в понимаемой таким образом культурной политике должны быть смещены от чрезмерной акцентуации на потреблении в сторону того, что один из основоположников исторической экономической школы Ф. Лист называл «промышленным воспитанием» нации. Это способствовало бы рационализации потребительского поведения и прежде всего ослаблению ориентации социума на непомерно завышенные стандарты демонстративного потребления, вынуждающие население без реальной необходимости прибегать к заимствованиям.

Перейдем к описанию других элементов нашей концептуальной модели. Наличие определенного объема располагаемых доходов и уровня доверия дает импульс **финансовой активности** населения, при соблюдении указанных условий — добровольной. Характер финансовой активности — добровольный или вынужденный (если располагаемых доходов недостаточно для финансирования текущих потребностей домохозяйств или покрытия расходов, вызванных форс-мажорными обстоятельствами) — имеет серьезное значение, поскольку от него зависит выбор объекта финансового обучения (охватываемых обучением социальных групп) и фокусирование его содержания.

Условием для реализации финансовой активности населения является **доступность инфраструктуры финансового рынка** (кредитно-финансовых и страховых учреждений, институтов и инструментов фондового рынка и т. д.) и предоставляемых ими **финансовых услуг**, прежде всего ценовая, но также и когнитивная (понятность услуги для потребителя). Этот элемент концепта может быть обозначен как **инфраструктурная доступность**. Поскольку финансовый рынок в основном состоит из коммерческих структур, роль государства в обеспечении инфраструктурной доступности заключается в создании стимулов для расширения предложения финансовых услуг (увеличения числа соответствующих учреждений, расширения их филиальной сети и т. д.). Очевидно, что главным стимулом для коммерческого сектора выступает платежеспособный спрос населения при готовности к взаимодействию с институтами финансового рынка. Как было показано выше, обеспечение и того,

и другого есть производная от политики государства — политики доходов и политики доверия.

С учетом виртуализации многих финансовых операций и очевидности перспективы дальнейшего переноса коммуникаций граждан и финансовых институтов в виртуальное пространство, важным фактором безопасной реализации финансовой активности населения становится его **цифровая культура**, включающая в себя как цифровую грамотность (необходимый минимум знаний и умений в области информационно-коммуникационных технологий), так и «цифровую гигиену» — знание правил информационной безопасности и установки на их безусловное соблюдение. Очевидно, что от государства в данном случае требуется как формирование у граждан цифровой культуры через соответствующее обучение, так и обеспечение технических условий — необходимого уровня охвата населения стационарным и мобильным интернетом с требуемым качеством трафика, мобильного сигнала и т. д.

Наконец, непосредственно **финансовое просвещение**, призванное сделать финансовую активность населения (какой бы характер — вынужденный или добровольный — она ни имела) продуктивной и безопасной. На концептуальных и методологических подходах к финансовому просвещению остановимся несколько подробнее.

1. Представляется, что в принципиальном плане необходимо четко разделять два направления финансового просвещения и верно расставлять акценты с точки зрения государственного участия: 1) информирование о связанных с финансовым рынком возможностях; 2) информирование о рисках, возникающих при использовании финансовых инструментов, а также связанных с ними электронных сервисов. Такая дифференциация существует и в общественном сознании: как было показано выше, население явным образом указывает на то, что в первую очередь его интерес связан с обучением, позволяющим распознать риски и избежать их¹².

¹² 44% россиян испытывают потребность в повышении финансовой грамотности / НАФИ: Аналитический центр. 2018. URL: <https://nafi.ru/analytics/44-rossiyan-ispytyvayut-potrebnost-v-povyshenii-finansovoy-gramotnosti/> (дата обращения 02.11.2019).

Преподавание единого учебного курса, касающегося возможностей, вряд ли целесообразно: во-первых, они постоянно обновляются, во-вторых, нередко ориентированы на разные целевые группы; кроме того, такая информация доводится до потенциальных потребителей самими заинтересованными коммерческими структурами без каких-либо специальных усилий со стороны государства. В то же время преподавание финансовой грамотности как, по сути, одной из составляющих основ безопасности жизнедеятельности в современном мире является важной государственной задачей. Исторически роль государства, религии и общественной морали состояла в создании системы ограничений, препятствующих готовности поддаться на искушение одних членов социума и стремлению других членов социума использовать чужие слабости. Смещение двух совершенно разных сущностей финансовой грамотности создает опасность подмены общественной потребности тем, что является интересом коммерческих структур. Не случайно в зарубежной литературе, в том числе документах, издаваемых структурами ОЭСР, неоднократно встречается оговорка о необходимости обеспечивать нейтральность информации, исключать ситуации конфликта интересов у коммерческих структур, предлагающих свои услуги по финансовому обучению [1; 2]. Кстати, население осознает возможность подобного конфликта интересов: согласно опросу НАФИ, повышение уровня финансовой грамотности россияне в гораздо большей мере готовы доверить государственным структурам, регулирующим сферу финансов (37%), либо вузам (27%), нежели коммерческим учреждениям (банкам, ПИФам и т. п.), НКО или независимым финансовым консультантам (от 9 до 23%)¹³.

2. Первоосновой финансовой грамотности является образование, причем не специальное финансовое, а общее, знакомящее с азами чтения (понимания прочитанного) и математики. Низкие показатели финансовой грамотности населения в части выполнения элементарных

операций (вычисления процентов и т. п.) — свидетельство катастрофического состояния математического образования на уровне средней школы. В значительной степени это следствие нынешней системы итоговой аттестации, при которой предметы, не требующиеся для поступления в вуз, можно изучать «по остаточному принципу», а требования к базовым математическим знаниям, нужным для получения аттестата, радикально снижены. Соответственно, фундаментальной составляющей финансового просвещения становится **математическое образование в рамках единой школьной программы**, формирующее навыки применения математического аппарата для расчета выгод и убытков при использовании или отказе от использования финансовых продуктов и инструментов.

Второй, не менее важной составляющей, являются **основы экономических знаний**, касающихся трех областей — экономической теории, экономической истории и экономической статистики, которые также должны приобретаться в процессе обучения в рамках общеобразовательной школы и далее — в системе среднего профессионального и высшего образования. Знание основных экономических категорий и связывающих их закономерностей; основных инструментов экономической политики; психологических особенностей экономического поведения и т. д. позволяют сформировать представления об экономической ситуации, в контексте которой требуется принимать финансовые решения, и возможных траекториях ее развития. Знания в области экономической истории дополняют каркас из основ экономической теории информацией о многовариантности экономических стратегий, а также конкретных экономических феноменах, имевших место в разных странах и в разные периоды времени, в частности о мерах и результатах реализации той или иной экономической, и в том числе кредитно-денежной, политики. Умение работать со статистикой помогает находить надежные, релевантные источники данных, позволяющие получать представление об экономической ситуации, в т. ч. ситуации на финансовых рынках, и ключевых тенденциях на основе беспристрастных экономических индикаторов.

¹³ Имаева Г. Россия занимает 25-е место по уровню финансовой грамотности в мире / НАФИ: Аналитический центр. URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiya-zanimaet-25-e-mesto-po-urovnyu-finansovoy-gramotnosti-v-mire/> (дата обращения 02.11.2019).

Третьей составляющей являются связанные с финансовой сферой **основы правовых знаний**. Они также должны даваться в средней школе. В части, касающейся финансовой грамотности, целесообразно сделать акцент на знакомстве с договором банковского вклада, договором займа, порядком удовлетворения прав разных категорий вкладчиков при банкротстве банков, законом о банкротстве физических лиц, понятием кабалности сделки и т. п.

Наконец, четвертая составляющая, которую целесообразно реализовывать в рамках обязательного предмета, посвященного основам безопасности жизнедеятельности, — это собственно **основы финансовой грамотности** как способности распознавать и минимизировать риски, связанные с финансовыми операциями и современными технологиями передачи информации.

3. Создание экосистемы эффективного финансового просвещения сопряжено с необходимостью решить ряд задач, в частности:

1) Определить целевые группы обучающихся, способы их вовлечения в систему финансового просвещения; отобрать обучаемых (к взрослым целесообразно применять входное тестирование); выбрать для них формат, формы и методы обучения (однократное, регулярное, непрерывное; очное, дистанционное; консультационный режим и т. д.).

Сегментация населения может проводиться по разным основаниям. С точки зрения возраста это могут быть школьники (1–4 классы, 5–8 классы, 9–11 классы); молодежь 16–24 лет, как обучающаяся в учреждениях СПО и ВПО, так и не включенная в систему профессионального образования; взрослое население в наиболее экономически активном возрасте (25–55 лет); предпенсионеры и пенсионеры. Для молодежи — наиболее мобильного и «продвинутого» в использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) сегмента требуется совершенно иной формат обучения, нежели для граждан старших возрастов с их особенностями восприятия информации и т. д. Помимо возраста на отношение к самой идее обучения финансовой грамотности, восприятие материала, готовность к применению полученных знаний на практике и т. д. влияют этнокультурные и конфессиональные факторы; уровень жизни, в том числе перманентный доход; род дея-

тельности; жизненный цикл семьи; физическая доступность финансовых услуг (присутствие кредитно-финансовых учреждений, развитость цифровых коммуникаций); наличие практического опыта взаимодействия с финансовым рынком; эмоционально-психологическое состояние, уровень IQ и EQ.

В зависимости от предполагаемой активности в финансовой сфере население может быть разделено на две категории: 1) индивиды, реализующие активные жизненные стратегии, для которых финансово грамотное поведение — это прежде всего способность мобилизовать личные и/или привлеченные финансовые и иные ресурсы для решения личных и хозяйственных задач, а финансовая грамотность выступает элементом ориентации в пространстве возможностей и явных и скрытых угроз; 2) индивиды, занятые, по тем или иным причинам, элементарным выживанием. Вовлечение первой категории в систему финансового просвещения возможно преимущественно на основе заявительного принципа (исключение — обучение на рабочем месте по инициативе работодателя, что в основном касается накопительных пенсионных схем). В этой ситуации важен выбор эффективных каналов информирования о возможности повышения финансовой грамотности и способов донесения информации, вызывающих требующийся отклик. С точки зрения содержания образовательных программ акцент должен становиться на углублении знаний и навыков, повышающих обоснованность принимаемых финансовых решений, в первую очередь связанных с учетом имеющихся и потенциальных рисков. Применительно ко второй группе граждан обучение должно быть направлено на защиту от вовлечения в связанные с заимствованиями кабалные сделки и иные недобросовестные финансовые практики («финансовые пирамиды» и т. д.) в силу доверчивости, легкомыслия, азарта и безответственности. Для охвата финансовым просвещением таких групп риска целесообразны выявительный принцип, а также социальная реклама: мотивирующая к повышению финансовой грамотности печатная продукция, раздаваемая в учреждениях социальной защиты, службах занятости, отделениях Пенсионного фонда, соответствующие опросы среди их клиентов.

2) Установить эффективные межведомственные контакты (Банка России, Министерства финансов, Министерства просвещения, Министерства науки и высшей школы, Роспотребнадзора, СМИ, учредителем которых выступает государство, и т. д.), а также взаимодействие государственных структур и делового сообщества (ассоциаций банков, страховщиков и т. д.) с целью обеспечения непротиворечивого характера финансового обучения и решения вопросов его организации и финансирования.

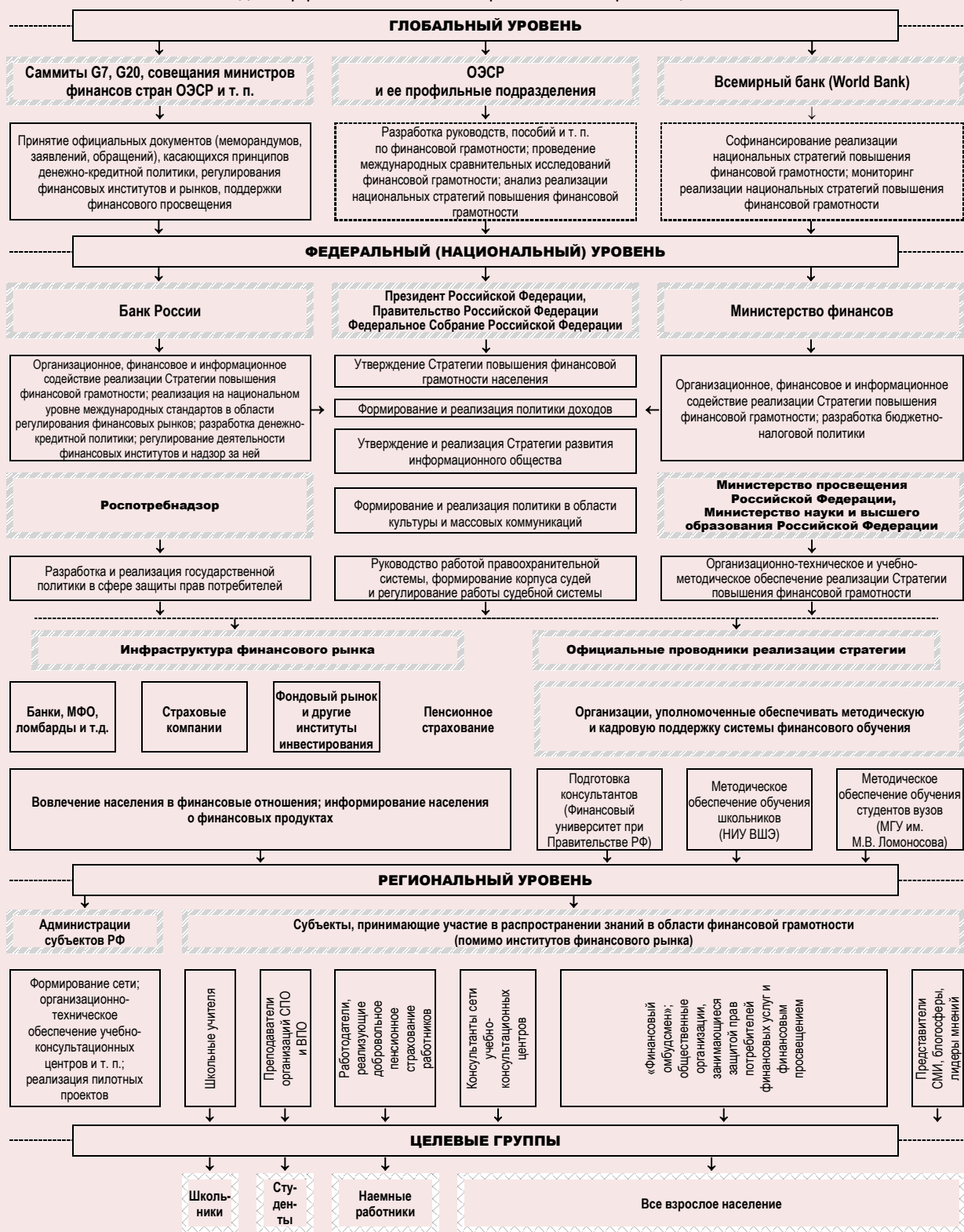
3) Формировать пул специалистов в сфере финансового просвещения, что предполагает определение институтов и методов их подготовки; компетенций, которыми они должны обладать, с учетом интересов и потребностей населения и государства; исключение конфликта интересов в виде неафишируемой аффилированности подобных специалистов с предоставляющими финансовые услуги коммерческими структурами.

4) Осуществлять контроль образовательного процесса, в том числе с использованием обратной связи от граждан и измерением результатов обучения: напрямую — через оценку знаний и навыков на «выходе», а также косвенно — через динамику показателей, характеризующих поведение населения на финансовом рынке, например численности жертв недобросовестных финансовых практик, банкротств физических лиц, диверсификации сбережений и т. п.

Реализация концептуальных подходов, призванных содействовать повышению уровня финансовой грамотности, отдачи от работы системы финансового просвещения населения, возможна в рамках структурно-функциональной модели, представленной на рис. 3. Глобальные рамки в своих официальных документах (меморандумах, заявлениях, обращениях), руководствах и пособиях, имеющих рекомендательный характер, задают международные и наднациональные организации (G7, G20, ОЭСР). Сюда же относятся реализуемые ОЭСР и другими организациями международные сравнительные исследования, позволяющие определить общее и особенное в части финансовой грамотности населения и на этой основе вырабатывать дальнейшие рекомендации. Все это создает импульс, транслируемый далее

на национальном уровне. В свою очередь этот уровень представлен институтами власти, легитимирующими меры, направленные на финансовое просвещение населения (разработка и утверждение соответствующих стратегий, национальных программ и т. п.), отвечающими за реализацию политики доходов и доверия, культурной политики; ведомствами, заинтересованными в активизации присутствия населения на финансовых рынках (Банк России, Министерство финансов РФ); структурами, ответственными за общее (Министерство просвещения) и профессиональное (Министерство науки и высшей школы) образование; организациями, являющимися официальными проводниками реализации соответствующих стратегий, национальных программ и т. п.: а) Финансовым университетом при Правительстве РФ, отвечающим за подготовку финансовых консультантов; НИУ ВШЭ — за методическое обеспечение финансового просвещения школьников, МГУ имени М.В. Ломоносова — студентов вузов; б) администрациями субъектов РФ, в сферу ответственности которых входят развертывание на своей территории учебных центров, реализация пилотных проектов; в) коммерческими структурами (их сотрудниками), работающими в финансовой сфере и в силу этого косвенным образом повышающими уровень финансовой грамотности населения в процессе предоставления услуг (при условии их добросовестности и социальной ответственности). Нижний уровень состоит из разнообразных субъектов, участвующих в диссеминации соответствующих знаний среди представителей различных целевых групп. Это прежде всего учителя общеобразовательных школ; преподаватели учреждений СПО и ВПО; специально подготовленные консультанты по финансовой грамотности, а также сотрудники СМИ, администраторы социальных групп, блогеры и иные лица, распространяющие информацию о финансовых продуктах и услугах. В последнем случае важно наличие системы ограничений, накладываемых на СМИ и иные каналы массовых коммуникаций, в частности рекламы (как явной, так и в виде «product placement») финансовых продуктов и услуг сомнительного характера, представляющих существенный риск для граждан и провоцирующих их финансово неграмотное поведение.

Рис. 3. Структурно-функциональная модель формирования социально-экономического контекста для эффективной системы финансового просвещения населения

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Институционализация финансовой грамотности населения Российской Федерации», 2019 г.

Заключение

Финансовые кризисы последних десятилетий, а также все большее подталкивание государствами своих граждан к индивидуальным стратегиям повышения благосостояния с использованием финансовых инструментов актуализируют задачу финансового просвещения населения. Как и многие другие страны, Россия приняла Стратегию повышения финансовой грамотности населения и совместно с Всемирным банком реализует соответствующий проект. Поскольку, несмотря на прикладываемые усилия и затрачиваемые средства, грамотность людей в сфере финансов и уровень их доверия к институтам финансового рынка оставляют желать лучшего, встает задача разработать предложения, призванные содействовать повышению отдачи от системы финансового просвещения. Анализ природы, с одной стороны, финансово неграмотного поведения значительной части россиян, а с другой – массового избегания использования финансовых инструментов показывает, что требуются предложения и подходы не частного, а системного характера. Реализованный проект, включавший в себя как теоретические, так и эмпирические исследования в форме весьма представительного экспертного опроса, позволил предложить концептуальные подходы к формированию предпосылок для повышения эффективности финансового просвещения населения России. Новизна исследования состоит в сведении в единый концепт факторов, обычно рассматриваемых изолированно. На некоторых из них, в частности на политике доходов, сделан особый акцент, поскольку в работах, посвященных непосредственно финансовой грамотности, этого обычно нет; другие элементы (политика культуры потребления) часто вообще находятся за рамками соответствующих работ. Кроме того, предложен дополнительный вариант классификации потенциальных объектов финансового просвещения / потребителей финансовых услуг, основанный на характере активности (добровольном либо вынужденном) при взаимодействии с финансовыми институтами и предполагающий различие как методов вовлечения в систему финансового просвещения, так и акцентов в обучающих программах.

Как показал анализ результатов проведенного экспертного опроса, вторичный анализ

данных многочисленных российских и зарубежных исследований уровня финансовой грамотности населения, значительного массива научно-практической литературы, в том числе издаваемой курирующими процесс финансового просвещения международными экономическими организациями, первоочередным фундаментальным условием для повышения финансовой грамотности граждан является проведение политики доходов, нацеленной на увеличение располагаемых доходов населения до приемлемого уровня, оставляющего домохозяйствам средства для сбережений и инвестиций и не заставляющего их прибегать к вынужденным займам. Вторым важнейшим условием участия россиян в институционально оформленных накоплениях и инвестициях становится обеспечение условий для расширения у населения горизонтов планирования, а также повышения уровня доверия к государству, к регулируемой им финансовой и правоохранительной системам. Это требует понятной, последовательной и предсказуемой социально-экономической политики; эффективной работы механизмов, обеспечивающих необходимый уровень институционального доверия. Также важны отказ от навязывания населению завышенных стандартов потребления; физическая доступность кредитно-финансовых учреждений в малых городах и селах и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, повышение цифровой культуры россиян. Собственно финансовое просвещение в своей первооснове должно иметь качественные базовые знания (в области математики и т. д.), закладываемые еще в средней школе, дополненные информацией экономического и правового характера. Непосредственно в рамках обучения финансовой грамотности акценты должны расставляться соответственно социально-экономическим и иным характеристикам целевых групп, включая характер активности в финансовой сфере. В случае когда в основе активности находится интенция на мобилизацию финансовых и иных ресурсов для решения личных и хозяйственных задач, вовлечение в систему финансового просвещения возможно преимущественно с помощью заявительного принципа, а акцент в процессе обучения должен ставиться на обоснованность финансовых решений, в первую очередь с точки зрения учета

имеющихся и потенциальных рисков. В случае когда активность имеет преимущественно вынужденный характер, охват финансовым просвещением необходимо осуществлять на основе выявительного принципа, обучение должно быть направлено прежде всего на защиту от вовлечения в кабальные сделки и иные недобросовестные финансовые практики.

Литература

1. *Financial Education and the Crisis. Policy Paper and Guidance*. OECD, June 2009. Available at: <https://www.oecd.org/finance/financial-education/50264221.pdf>
2. Starček S., Trunk A. *The Meaning and Concept of Financial Education in the Society of Economic Changes*. 2013. Available at: https://www.researchgate.net/publication/273757434_The_meaning_and_concept_of_financial_education_in_the_society_of_economic_changes
3. Arthur Ch. *Financial Literacy Education, Neoliberalism, the Consumer and the Citizen*. 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/271206480_DOI:10.1007/978-94-6091-918-3
4. Аликперова Н.В. Финансовые стратегии россиян: риски и барьеры // *Народонаселение*. 2019. № 2. С. 120–132.
5. *Improving Financial Literacy: Analysis of Issues and Policies*. OECD, 2005. Available at: <https://www.oecd.org/daf/fin/financial-markets/improvingfinancialliteracyanalysisofissuesandpolicies.htm>
6. Зеленцова А.В., Блисковка Е.А., Демидов Д.Н. Повышение финансовой грамотности населения: международный опыт и российская практика. М.: ЦИПСИР, 2011. URL: <http://portal-kmfg.ru/media/files/Materials/Повышение%20ФГ%20-%20международный%20опыт%20и%20российская%20практика.pdf> (дата обращения 27.11.2019).
7. Проведение исследования измерения уровня финансовой грамотности (в рамках Контракта FEFLP/QCBS-1.3): итоговый отчет. М., 2017. 52 с. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=118908-issledovanie_izmereniya_urovnya_finansovoi_gramotnosti (дата обращения 06.11.2019).
8. Белехова Г.В., Калачикова О.Н. Финансовая грамотность молодежи (на материалах Вологодской области) // *Проблемы развития территории*. 2016. № 5. С. 90–106.
9. Абрамова С.Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // *Социологические исследования*. 2000. № 7. С. 37–41. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/073/174/1217/005.ABRAMOVA.pdf> (дата обращения 03.11.2019).
10. Совершенствование национальных стратегий финансового образования: совместная публикация председательства Российской Федерации в «Группе двадцати» и ОЭСР / OECD, 2013. 363 с. URL: http://www.ippk.arkh-edu.ru/web_community/financial/1.%20G20_OECD_final%20RU.pdf (дата обращения 01.11.2019).
11. Mitchell O.S., Lusardi A. *Financial Literacy and Economic Outcomes: Evidence and Policy Implications*. 2015. Available at: <https://gflec.org/wp-content/uploads/2015/03/WP-2015-1-Financial-Literacy-and-Economic-Outcomes.pdf>
12. Arrondel L., Debbich M., Savignac F. Financial literacy and financial planning in France. *Numeracy*, 2013, vol. 6, iss. 2, art. 8. Available at: <http://scholarcommons.usf.edu/numeracy/vol6/iss2/art8>. DOI: <http://dx.doi.org/10.5038/1936-4660.6.2.8>
13. Lusardi A., Mitchell O.S. Financial literacy and retirement preparedness: Evidence and implications for financial education programs. *Business Economics*, January 2007, pp. 35–44. Available at: https://www.dartmouth.edu/~alusardi/Papers/Financial_Literacy.pdf
14. Valant J. *Improving the financial literacy of European consumers*. 2015. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/557020/EPRS_BRI\(2015\)557020_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/557020/EPRS_BRI(2015)557020_EN.pdf)
15. Развитие институциональной базы по реализации программ финансовой грамотности взрослого населения России / О.В. Кузнецов, А.В. Иванов, И.С. Шевалкин, Н.В. Воровский // *Управленческие науки*. 2017. № 2. С. 70–77.
16. Инвестиционно-сберегательные стратегии высокодоходных групп населения / О.А. Александрова [и др.]; под науч. ред. О.А. Александровой, А.В. Ярашевой. М.: Экон-Информ, 2016. 158 с.
17. Авакян А.А. Экономическая культура как регулятор экономического поведения // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 1. С. 59–61.

18. Ключников И.К., Молчанова О.А. Кредитная культура: сущность, закономерности, формы. СПб.: СПбГУЭФ, 2011. 221 с.
19. Кузьминов Я.И. Теоретическая экономическая культура в современной России. URL: http://ecsosman.hse.ru/data/048/386/1217/002_Kuzminov.pdf (дата обращения 01.06.2019).
20. Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: Журнал Эксперт, 2002. 376 с.
21. Рывкина Р.В. Экономическая культура в России: трудности и этапы становления // Мир России. Социология. Этнология. 1994. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-kultura-v-rossii-trudnosti-i-etapy-stanovleniya> (дата обращения 01.06.2019).
22. Александрова О.А. «Денег нет...» как искусственный предлог ускорения демонтажа социального государства // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: сб. мат-лов II Всерос. научно-практ. конф. (25 октября 2016 г., Москва). М.: Акварель, 2016.
23. Александрова О.А. Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. С. 71–81.

Сведения об авторах

Ольга Аркадьевна Александрова — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: a762rab@mail.ru), профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49)

Наталья Валерьевна Аликперова — кандидат экономических наук, доцент Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49), ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: NVAlikperova@fa.ru)

Кристина Валерьевна Виноградова — младший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: ms.kristina.vinogradova.1995@mail.ru)

Юлия Сергеевна Ненахова — научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: yulia-nenakhova@yandex.ru)

Aleksandrova O.A., Alikperova N.V., Vinogradova K.V., Nenakhova Yu.S.

Conceptual Approaches to Creating the Preconditions for Effective Financial Education of the Russian Population

Abstract. The global financial crisis that broke out in 2008 highlighted the problem of low levels of financial literacy among the population of different countries, and the response to this was the creation of national financial education systems where international economic organizations played the guiding and coordinating role. Russia also launched a joint project of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the world Bank in 2011, and then adopted a Strategy to improve financial literacy of the population. However, despite the efforts and money spent, the level of the Russians' financial literacy and their trust in financial institutions remains low. The article presents conceptual approaches to creating

the preconditions for effective financial education of Russian residents and describes the structural and functional model within which this can be implemented. The information base of the research is the data from Russian and international studies on financial literacy of the population and works devoted to their comparative analysis; the guidelines and analytical materials of international organizations; the results of an expert survey conducted by the authors with the participation of 136 experts from 30 regions of Russia. It is shown that effective financial education is impossible without an effective income policy, when the population has free money, and the need to dispose this money generates a practical interest in improving financial literacy. The second fundamental condition is the implementation of the “trust policy”, i.e. ensuring the operation of the state mechanism that does not allow the depreciation of citizens’ savings and reliably protects their rights when interacting with financial institutions. Stability and predictability of economic development, refusal to impose excessive consumption standards on the population, physical accessibility of credit and financial institutions in small towns and villages, development of information and communication infrastructure, and increasing the Russians’ digital culture are important. The main components of financial education proper are described; the approaches to defining target groups for financial literacy training and selecting appropriate educational programs are proposed.

Key words: financial literacy, financial education, income, trust, infrastructure, consumer culture, digital culture.

Information about the Authors

Ol’ga A. Aleksandrova – Doctor of Sciences (Economics), Deputy Director, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: a762rab@mail.ru), Professor, Sociology Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskii Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation)

Natal’ya V. Alikperova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskii Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation), Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: NVAlikperova@fa.ru)

Kristina V. Vinogradova – Junior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: ms.kristina.vinogradova.1995@mail.ru)

Yuliya S. Nenakhova – Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: yulia-nenakhova@yandex.ru)

Статья поступила 17.01.2020.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11

УДК 93/94, ББК 63.3(2)6-2

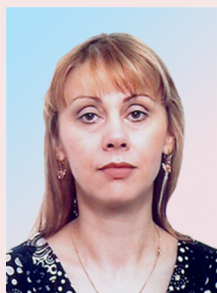
© Безнин М.А., Димони Т.М.

Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг.*

**Михаил Алексеевич
БЕЗНИН**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15
E-mail: beznin@uni-ologda.ac.ru
ORCID: 0000-0001-5152-796X; ResearcherID: AAM-7820-2020

**Татьяна Михайловна
ДИМОНИ**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15
E-mail: dimonitm@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9049-1469; ResearcherID: AAF-4638-2019

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности применения институциональной теории к изучению экономического устройства советской России и использования ее отдельных элементов для решения задач повышения эффективности государственного управления на современном этапе развития нашей страны. Цель работы – рассмотреть базовые вопросы эволюции социально-экономического развития страны на этапе бифуркации. Новизна исследования состоит в том, что показаны эволюционные тренды института собственности и политико-идеологические механизмы их обеспечения в 1930–1980-е гг. Сделан упор на выявлении этапов трансформации отношений собственности: от формирования коллективной капиталистической собственности в период 1930–1950-х гг. до тенденций к ее индивидуализации в 1960–1980-е гг.

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00269.

Для цитирования: Безнин М.А., Димони Т.М. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11

For citation: Beznin M.A., Dimoni T.M. Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11

Рубеж 1990-х гг. рассматривается как период коренных изменений института коллективной капиталистической собственности. По мнению авторов, большое значение в советское время имело формирование протобуржуазного класса со-собственников, обеспечивших капитализаторские тенденции в развитии общества. Показано идеологическое содержание трендов, ведущих к капиталистической трансформации России, заключающихся в оправдании концентрации прав собственности. Довольно большое значение в этом процессе имело изменение социальной базы формирования правящего класса, включение в его состав представителей класса интеллектуалов и интеллигенции. Отмечается, что приватизация в ходе рыночных трансформаций ломала сложившиеся в советский период отношения собственности, привела к росту социального неравенства. Подчеркивается настоятельная необходимость перестройки современной государственной политики в плане учета менталитета «русской жизни» и экономических традиций, сложившихся в советский период.

Ключевые слова: Россия, СССР, государственный капитализм, институты, институциональные механизмы, собственность, протобуржуазия.

Введение

Советский эксперимент обогатил поле научных исследований. К сожалению, вопросы социально-экономической практики тех лет пока недостаточно изучены во многих аспектах: политических, организационных, идеологических. Одним из таких вопросов, например, является вопрос о собственности, возведенный в советское время в ранг «краеугольного камня» политэкономии, а сейчас снова ставший актуальным в связи с популярностью институционального подхода. Между тем, в современной России вопрос об эволюции отношений и форм собственности остается чрезвычайно важным. С одной стороны, еще не изжиты подходы советских экономических исследований, с другой – сказываются довольно болезненные последствия приватизации 1990 – начала 2000-х гг. В ходе разгосударствления, проведенного в сложных политических и экономических условиях, суперфорсированно, сопровождавшегося многочисленными нарушениями созданного тогда же законодательства, весомая доля госсобственности перешла в частные руки. С 1992 по 2006 год было приватизировано более 100 тыс. предприятий, возник слой крупных частных собственников (буржуа), сосредоточивших в своих руках более 90% доходов страны. Население России расценивает итоги приватизации как несправедливые и грабительские.

В этом смысле советские распределительные отношения, базировавшиеся на форме собственности, названной в советской Конституции общенародной, воспринимаются значительной частью общественности как справедливые, так как они давали возможность избежать

гипертрофированного присвоения результатов общественного труда отдельной социальной группой. Не случайно современные общественные науки все чаще задаются вопросом, как же функционировала эта «необычная» форма собственности, был ли у нее конкретный субъект? В нашей статье предпринята попытка найти на них ответы.

В 2020 году в России приняты некоторые изменения в Конституцию 1993 г., связанные с наращиванием социальной справедливости, среди них – о минимальном уровне оплаты труда не ниже прожиточного минимума, ежегодной индексации пенсий и др. Однако вопрос о собственности и роли в ней государственного регулирования, в том числе возможности ограничить олигархические притязания, пока не получил должного законодательного отклика. В то же время такой общественный запрос существует. Опыт советской системы по ограничению частнокапиталистических возможностей в реализации права собственности показывает возможности государства в поддержке ментального представления российского социума о справедливом устройстве общества. Кроме обсуждения роли государства в экономике, важен вопрос о национальной элите. В политической элите общества должны господствовать представители, поддерживающие общественные и государственные интересы, а не стремящиеся к личному обогащению. Как создать такой управленческий потенциал, какие механизмы и рычаги следует задействовать государству – актуальная проблема изучения политического процесса.

Институционализм как метод изучения социально-экономических процессов

Институционализм является результатом развития экономических исследований и уже давно утвердился в экономической науке. С 1970-х гг. большую активность приобрел неoinституционализм, одной из ветвей которого стал исторический институционализм. Классическими работами неoinституционалистов считаются монографии Д. Норта (и его соавтора Р. Томаса) и Р. Фогеля, получившие Нобелевскую премию [1; 2]. По определению Д. Норта, которого мы придерживаемся, институты – это формальные и неформальные правила и нормы, организующие социальные, политические и экономические отношения [3]. Они создают «правила игры» для повседневной жизни, обеспечивают относительно предсказуемую систему взаимодействия между населением и организациями, влияют на стимулы людей и их поведение (но не всегда определяют его). Большинство ученых, работающих в русле неoinституциональных исследований, склоняются к классификации институтов общества на формальные и неформальные. Формальные институты включают в себя законы, официальные государственные властные структуры; неформальные институты – социальные нормы (обычно неписаные), обычаи или традиции, которые формируют образ мысли и поведение. На практике формальные и неформальные институты могут как дополнять друг друга, так и конкурировать между собой.

Сегодня исследователи используют институциональный подход в качестве метода анализа динамики социальных, политических, экономических изменений общества на длительных промежутках исторического времени. Как писал один из основоположников применения институциональной теории в истории Ч. Тилли, этот подход применим для изучения «больших структур, крупных процессов и грандиозных сравнений» [4].

Результаты работы институционалистов и неoinституционалистов породили самые разные реакции, в том числе довольно серьезную критику их концепций. Например, Р.И. Капелюшников критикует «пан-институционализм» за абсолютизацию роли формальных институтов, которые описаны как главная, а часто

единственная движущая сила исторического процесса [5]. По мнению Р.И. Капелюшникова, необходим более полный учет других факторов развития социально-экономических систем, таких как географические условия, культура, форс-мажорные события (эпидемии, катастрофы и т. д.). Ученый обращает внимание на недоучет роли идей, возникающих или доминирующих в обществе, на недостаточное внимание институционалистов к обычаям (в широком смысле слова, в том числе укоренившимся нормам обычного права, ментальным установкам, глубинным религиозным представлениям и пр.).

Центральным институтом, подвергаемым анализу лидерами неoinституциональной теории, является институт собственности, точнее, защищенность прав частной собственности. Они убеждены, что частная собственность способствует быстрейшему установлению передовых социальных и общественных форм и усиливает экономическую динамику. В качестве важнейшего актора, осуществляющего защиту прав собственности, последователи институционализма называют государство с его функциями гаранта. Например, по мнению Д. Норта, возникновение политических институтов, определяющих «эффективные» права собственности, неизбежно сказывается на развитии экономических институтов, способствующих рыночному обмену [3]. В то же время критики этого подхода подчеркивают, что частная собственность является крайне неинклюзивной формой собственности и может, напротив, тормозить развитие. Гораздо более эффективными, на их взгляд, выступают общедоступные, а также кооперативные формы собственности. Изучение динамики отношений собственности, изменений законодательного оформления прав собственности, реализации прав собственности – на наш взгляд, один из основных вопросов в исследовании экономической и социальной трансформации общества. Выполненные нами изыскания в отношении экономики СССР показывают, что оформленные и реализуемые в обществе отношения собственности способствовали формированию оригинальной системы советского государственного капитализма. Являясь разновидностью капиталистической системы, он характеризовался

отсутствием локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, разделенностью этого права между социальными классами с сосредоточением основных прав владения, распоряжения и пользования у высшего класса — по сути протобуржуазии. При этом вторичные признаки капиталистического устройства (механизмы товаризации, прогнозно-плановые рычаги, методы балансировки, финансово-кредитные рычаги и др.) существенно отличались от классического индивидуализированного капитализма [6; 7; 8]. Следует отметить и наличие неформальной ниши в реализации отношений собственности в СССР, особенно начиная с 1960-х гг. — так называемой теневой экономики. Здесь в большей мере действовали отношения обычного (неписаного) права, иногда довольно близкие к модели классических рыночных отношений.

Одним из основных понятий, которыми оперируют исторические институционалисты, является «путь зависимости» (или «историческая колея»). Т. Скочпол и П. Пирсон пишут, что «путь зависимости» не имеет пока четкого определения. В целом же в данном контексте можно говорить о том, что результаты развития в критический момент запускают механизмы обратной связи (как положительные, так и отрицательные), усиливающие повторение определенных процессов в будущем [9]. По всей видимости, этот аспект исторического институционализма для российской истории будет особенно важным. В стране с огромным крестьянским населением, преобладавшим до середины XX века, с особой «этикой выживания», основанной на представлениях о коллективизме, патерналистские действия власти во многом обусловили специфический тип капитализации страны. «Историческая колея» в период форсированного первоначального накопления капитала (1930–1950-е гг.) предопределила обыденность жестких действий власти, формирование системы повинностей (отработочных, натурально-продуктовых, денежных), «молчаливое» одобрение привычного миллионам более чем скромного жизненного уклада [10].

Понятие «исторической колеи» заставляет пристальнее присмотреться к еще одной обсуждаемой неинституционалистами проблеме —

вопросу об институциональных механизмах. Под институциональными механизмами неинституционалисты понимают передачу правил, принятых в структурах [11; 12]. По утверждению Д. Норта, «не существует иных решений, кроме использования институциональных механизмов, чтобы установить правила игры, и использования организаций — чтобы обеспечить соблюдение этих правил» [13]. Таким образом, институты реализуют деятельность через организации. Организации же, в свою очередь, реализуют институциональные требования, упорядочивают правила и нормы взаимодействия между агентами хозяйствования, закрепляют определенные правила поведения, укрепляющие институты [14]. К такого рода организациям следует отнести довольно большую совокупность существовавших в СССР хозяйственных, политических, профессиональных и прочих структур. Это центральные и региональные подразделения комитетов КПСС, вырабатывавшие политико-идеологические взгляды на стратегическое движение; министерства и ведомства, госкомитеты, игравшие ведущую роль в деятельности хозяйственных институтов; банки, формировавшие финансовые механизмы экономической системы; структуры правоохранительных органов и др. Нельзя сбрасывать со счетов и неформальные механизмы хозяйственного взаимодействия (от таких архаичных, как «кумовство», до довольно высокоорганизованного рыночного подполья). Привлекательность последних, по мнению В.М. Полтеровича, была обусловлена низкими транзакционными издержками при трансформации хозяйственного механизма [12].

Отдельно следует сказать о дефиниции «социальные институты», широко применяемой в современной социологии. Как правило, социологи используют этот термин для обозначения сложных социальных форм, которые воспроизводят себя, таких как правительства, семьи, человеческие языки, университеты, больницы, бизнес-корпорации и правовые системы. Одно из наиболее принятых на сегодняшний день разъяснений предложил Д. Тернер, определив, что социальные институты — это «комплекс статусов, ролей, норм и ценностей, выраженных в конкретных видах социальных структур и организаций, относительно стабильные

стандарты деятельности человека по отношению к фундаментальным проблемам производства жизненных ресурсов для поддержания жизни, воспроизводства человека и поддержания жизненно важных социальных структур в пределах данной окружающей среды» [15]. На наш взгляд, в изучении социальных институтов, ключевыми из которых являются социальные классы, важным представляется исследование социальных отношений, возникавших между классами по поводу собственности на средства производства и всей последующей цепочки (экономические и правовые отношения); отношений между классами по поводу государственной власти и государственного управления (политические отношения); отношений между классами по поводу создания и потребления идеологических и духовных ценностей.

В плане применения институционализма к историческим процессам нам представляется особенно важным проанализировать институт собственности; политико-идеологическое обеспечение экономических трендов; изучить рыночные и вне рыночные формы товарности в советской России; денежные и внеденежные механизмы регулирования в советском экономическом устройстве; исследовать институты планирования, снабжения и т. п. способов замены рыночных механизмов. Отдельная очень интересная проблема — эволюция обыденности экономической жизни и ментальная революция в советском социуме. В статье рассматриваются первые две позиции вышеназванных институциональных особенностей советского экономического устройства: коллективная капиталистическая собственность и некоторые политико-идеологические характеристики продвижения госкапиталистических экономических трендов.

Следует сказать о комплексе привлеченных источников, обладающем определенной спецификой. Прежде всего это законодательные акты, начиная с ключевых (Конституции РСФСР и СССР советского времени), заканчивая сопровождающими социально-экономическое развитие нормативными документами. Большое значение имеют публикации статистических данных — в частности в работе мы опираемся на данные статсборника «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—

1938 гг.)», изданного в 1939 году и подводящего определенный итог развитию страны за советский период. Для изучения эволюции идейно-политических установок использовались документы Российского государственного архива социально-политической истории (фонд В.М. Молотова) и Российского государственного архива новейшей истории, например, из фондов последнего привлечен к анализу доклад сотрудника Кентуккского университета Ф.Д. Флерона «Советская политическая элита: некоторые аспекты политического и экономического развития в Советском Союзе», добытый в конце 1960-х гг. сотрудниками КГБ СССР.

Эволюция института собственности в советской России

В советский период первое заметное изменение прав собственности было оформлено уже Декретами советской власти 1917 года и Конституцией РСФСР 1918 года. Согласно им, из частной собственности изъята земля (в широком смысле слова) и банки, значительно ограничивались права собственников промышленных предприятий¹. Этап экспериментов 1920-х гг. показал неотвратимость перехода к форсированному первоначальному накоплению, известному в истории России под названием коллективизации. Его содержание гораздо шире и охватывает изъятие собственности не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности (в основном кустарной), торговле, питании, транспорте и пр. Закрепила передел собственности Конституция СССР 1936 года, которая провозгласила «отмену частной собственности» как «средства эксплуатации человека человеком»; утверждение «социалистической собственности» в формах «государственной собственности (всемирного достояния)», «кооперативно-колхозной собственности (собственности отдельных колхозов, кооперативных объединений)» и личной собственности (жилой дом, продуктивный скот, птица, мелкий инвентарь, личные сбережения и пр.)².

¹ Конституция РСФСР. М., 1918. 31 с.

² Конституция СССР (1936). М., 1947. 26 с. В данной Конституции допускалось также мелкое частное хозяйство одиночных крестьян и кустарей, но, по сути, оно было тождественно личной собственности граждан. Близкие к Конституции 1936 г. положения в отношении собственности содержала и Конституция СССР 1977 г.

На основании опубликованных в конце 1930-х гг. данных рассмотрим перераспределение капиталов по формам собственности (табл. 1).

Государственная собственность оказалась основной формой собственности на производственный капитал (включая землю) в СССР уже в 1928 году. В 1936 году ее доля в общей массе объектов собственности достигла 98,7%. За этот же период доля кооперативно-колхозной собственности возросла с 1,3 до 8,7% от всей массы основного производственного капитала, а доля мелкой и капиталистической частной собственности сократилась с 22 до 0,2%. Такое перераспределение главных объектов собственности — производственных капиталов, изъятие их у мелких собственников (производителей) и сосредоточение в основном в руках государства — являлось показателем форсированного процесса первоначального накопления.

Следует обратить внимание на особый институциональный механизм, примененный советским государством, — культивирование многоукладных экономических систем [10]. Это было сделано не случайно. Если отследить форматирование объектов собственности, то легко заметить, что государство сконцентрировало у себя право собственности на землю и наиболее

передовые капиталы — машины и механизмы (для сельского хозяйства — в лице машинно-тракторных станций в 1928–1958 гг.). Земля становилась объектом, позволяющим государству получать ренту. Особенно ярко об этом свидетельствует история колхозов, где земля закреплялась за хозяйством в бесплатное и бессрочное пользование, а колхоз, в свою очередь, имел право предоставлять часть земли в субаренду (под приусадебные участки колхозников). Реализация прав собственности позволила государству в 1930–1950-е гг. сформировать «тягловые» обязанности пользователей земель. Арендная плата за пользование земельной собственностью с колхозов и колхозных дворов взималась государством в натуральной и денежной формах. К натуральной форме относились обязательные поставки государству сельхозпродуктов, платежи натурой МТС (из доли валового продукта); к денежной — сельхозналог. Колхозный двор нес обязательства перед колхозом. Главным из них было выполнение отработочной повинности в общественном хозяйстве сельхозартели с выработкой обязательного минимума трудодней [10]. Другая характерная черта отношений собственности на землю периода 1930–1950-х гг. — уникальность соединения земли и сельскохозяйственного капитала.

Таблица 1. Распределение производственных фондов* СССР по формам собственности, % к итогу

Формы собственности	1928 г.			1936 г.		
	Промышленность	Сельское хозяйство	Все народное хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Все народное хозяйство
Собственность социалистическая в двух видах	97,9	63,6	77,8	99,95	96,3	98,7
А) всенародная (государственная)	96,6	62,6	76,5	97,35	76	90
Б) кооперативно-колхозная	1,3	1,0	1,3	2,6	20,3	8,7
Личная собственность колхозников	-	0,1	-	-	3,1	1,1
Мелкая частная собственность единоличника — крестьянина и кустаря	2,0	31,9	19,6	0,05	0,6	0,2
Капиталистическая частная собственность	0,1	4,4	2,6	-	-	-
Всего	100	100	100	100	100	100

* В производственные фонды включены: сельскохозяйственные земли, используемые леса, здания, сооружения и постройки производственного назначения, машины, оборудование, производственно-транспортный инвентарь, скот, удобрения, сырье, топливо, материалы и изделия, идущие на производственное снабжение, семена и корма.
Составлено по: Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. М.-Л.: Госпланиздат, 1939. С. 17.

До 1958 года была запрещена продажа крупной сельхозтехники колхозам, она оставалась во владении государства. Государственные предприятия — машинно-тракторные станции — предоставляли колхозам услуги аренды техники и получали натуральную ренту (натуроплата МТС). Титул государства как собственника давал возможность властвовать над личностью: этой цели служили паспортная система 1932 года, «прикреплявшая» крестьянина к земле, многочисленные акты, предопределявшие распоряжение работником (через систему оргнабора, переселений, привлечения к различным неземледельческим повинностям и т. д.).

Несмотря на кажущееся отсутствие конкретного собственника государственного имущества в советском обществе, многие политики, а затем и исследователи, отмечали, что, начиная с 1930-х гг., складывается господствующий класс (Л.Д. Троцкий, А.Г. Авторханов, М. Джилас, М.С. Восленский и др.) [16–19]. Его называли в разных системах представлений номенклатурой, партократией, коммунистической буржуазией и др. По нашему мнению, высший класс советского общества переживал генезис и полностью в класс собственников по политическим и экономическим причинам оформиться не смог, в связи с чем мы ввели в историографию советского общества термин «протобуржуазия», отражающий незавершенность классового оформления [8].

Одной из самых важных особенностей советского государственного капитализма являлось отсутствие локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, «разделенность» этого права между отрядами высшего социального класса. Уникальность системы позволила сформировать специфичную, присущую только советской России, когорту управленцев, «разделивших» между отрядами политиков, хозяйственников, финансистов, плановиков и др. права со-собственников, прежде всего в отношении производственного капитала (по советской терминологии — основных фондов производства). Это, в свою очередь, привело к исторической ситуации, когда «разделенное» управление собственностью не давало полностью консолидировать высший класс и окончательно оформить его. Сочетание превалирования «государственной» собственности и

коллективного со-собственника в виде протобуржуазного класса привело к складыванию особой институции — коллективной капиталистической собственности. Ее черты в историческом масштабе еще предстоит исследовать, однако уже сейчас можно предположить, что она сыграла решающую роль в период первоначального накопления капитала, позволив полномасштабно регулировать вопросы трансформации аграрного общества в капитализированное.

После окончания периода форсированного первоначального накопления (он в основном завершился в конце 1950-х гг.) институт собственности в советской России пережил новые качественные изменения. Крупнейшие его трансформации были связаны с решениями о товаризации такого объекта собственности, как средства производства. Начало этому движению положил Закон о реорганизации машинно-тракторных станций 1958 года, в результате чего на рынок капиталов вышли держатели негосударственной формы собственности (колхозы). На данном этапе система отношений собственности стала более «свободной», землепользователи освобождались от тягловых обязательств. С 1958 года были отменены обязательные государственные поставки сельхозпродуктов колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих и служащих, а также натуроплата колхозов за работы МТС [20].

Следующий важный шаг к консолидации разделенных прав собственности произошел в ходе так называемой косыгинской реформы (началась в 1965 г.). Руководителям государственных предприятий были даны большие права по определению ассортимента продукции, а главное, по распоряжению серьезной долей прибыли предприятий, которая аккумулировалась, в том числе, в поощрительных фондах. В результате резко возросло поле потенциальной индивидуализации института собственности. Например, в 1970 году 39% прибыли было оставлено в распоряжении предприятий и хозяйственных организаций, подчиненных Совету Министров РСФСР, в 1980 году — 44%, в 1985 — 48%³.

Мощнейшим механизмом трансформации института коллективной капиталистической

³ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1986. 655 с. С. 369.

собственности в 1960–1980-е гг. выступала так называемая теневая экономика. Здесь действовали неформальные организации и институты, отрабатывались возможности разгосударствления собственности, ликвидации государственно-капиталистического устройства в СССР [21].

Еще одним актором на поле трансформаций института коллективной капиталистической собственности были граждане СССР, занятые на производстве и в непроизводственной составляющей экономики. Имманентно присущей им чертой являлось отстаивание ниши в праве реализации отношений собственности [22]. При этом речь не идет только о личной собственности, разрешенной законом. Проведенные исследования позволяют говорить о нарастании буржуазных тенденций и интересов во всей классовой пирамиде страны. В частности, современная российская историография довольно серьезно разрабатывает проблему «злоупотреблений» собственностью. В их число включается многообразный спектр действий: кражи продуктов, так называемые «разбазаривания», «растаскивания» имущества, «самоснабжение», использование техники, другого имущества, земли для личных нужд и т. д. Однако исследователи практически не задаются вопросом о природе этих действий, их глубинных причинах, связанных, по нашему мнению, с глобальными изменениями экономического строя России – укоренением государственного капитализма в советских общественных и экономических институтах. Тот факт, что данные явления были довольно привычными в советской повседневности, говорит о системной встроенности неформальной реализации права собственности. «Внезаконная» реализация права собственности рассматривалась «высшими» и «средними» классами как своеобразная плата за должность. «Низшие» классы – рабочая аристократия и пролетариат – явочным порядком осуществляли свои собственнические права, что чаще всего расценивалось государством и протобуржуазией в категории «воровство», направленное на ущемление титульной формы собственности и со-собственников.

Революция института собственности в СССР завершилась формальными изменениями в законодательстве. Законом «О собствен-

ности в СССР» (1990 г.) расширен перечень объектов собственности – в него была включена земля. Формы собственности приравнивались по значимости, в связи с чем появились смешанные формы собственности, включая государство, юридических лиц, граждан, иностранных агентов. Государственная собственность подразделялась на общесоюзную, республиканскую, коммунальную и государственного предприятия⁴. За государственным предприятием при этом имущество закреплялось «на праве полного хозяйственного ведения», т. е. предприятие могло владеть, пользоваться и распоряжаться «указанным имуществом по своему усмотрению». По сути дела, комплекс законов 1989–1990 гг. (включая законы СССР «О предприятиях в СССР», «Основы законодательства СССР и союзных республик об аренде», «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР „О кооперации в СССР“») разрушил институт коллективной капиталистической собственности и сформировал предпосылки для оформления частной капиталистической собственности. Класс для реализации последнего института был уже создан.

Особенности политико-идеологического обеспечения капитализаторских экономических трендов

Для такой страны, как Россия, идейная оболочка всех процессов играла важнейшую роль, так как легитимизировала действия верховной власти и придавала населению уверенность в правильности траектории развития государства. Направляющими идеями в разное время были «Москва – третий Рим», триада «Православие – Самодержавие – Народность», «русский коммунизм» как смысл (в бердяевской трактовке «русской идеи»), а в советский период – программа построения социализма, а затем коммунизма, изложенная в Конституции СССР, целом ряде документов ВКП (б) – КПСС и произведений политиков.

Политическая система СССР создавалась в результате проб и ошибок как довольно гибкое образование, позволяющее принимать решения в духе повестки времени. В определенные моменты эта особенность поддерживала кардинально противоположные векторы развития

⁴ О собственности в СССР: закон СССР. М., 1990. 128 с.

страны (от военного коммунизма до нэпа) и была способна учитывать разные мнения на стадии согласования решений (хотя некоторым кажется, что она была склонна не искать компромиссы, а истреблять «инакомыслящих»). Политическая система строилась на балансировке между «партийной», «хозяйственной» и «силовой» линиями; роль последней политической силы, впрочем, почти никогда не прослеживалась в историографии как политический фактор. Между же «партийной» (прежде всего в лице центральных и региональных органов ВКП (б) – КПСС) и «хозяйственной» (правительство, система советов и их исполкомов) ветвями политической системы отношения в плане разделения власти складывались непросто. Первоначально предполагалось, что партийные структуры будут вырабатывать политическую стратегию, заниматься ее идеологическим оформлением и пропагандой. В ведении советской же ветви должна находиться непосредственно экономическая жизнь страны. Однако полностью реализовать этот принцип так и не получилось, поэтому в 1938 году было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О выдвижении беспартийных специалистов на советскую и хозяйственную работу»⁵, где отмечалось, что «местные партийные органы выдвигают беспартийных работников, как правило, лишь на второстепенные должности..., хотя по политическим и деловым качествам, по практическому опыту и образованию эти беспартийные работники вполне способны были самостоятельно руководить в советских и хозяйственных организациях». Еще больше данная проблема привлекала внимание партийной элиты в экстремальный период военного времени. В фонде В.М. Молотова (РГАСПИ. Ф. 82) сохранилось несколько интересных документов. В 1944 году, например, был подготовлен проект Постановления Пленума ЦК ВКП (б) «Об усилении государственных органов на местах». Над проектом работала группа в составе В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева. В нем отмечалось, что «местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизбежно приводит к смешению функций партийных и государственных

органов..., к подрыву их деятельности и усиливает бюрократизацию... В организационном отношении указанные недостатки ... привели к неправильному распределению руководящей работы между ними. В партийных органах сосредоточены наиболее авторитетные и опытные руководящие работники»⁶. Сразу после Великой Отечественной войны вновь была предпринята попытка установить определенную иерархию в делении «политических» и «экономических» полномочий. В фонде В.М. Молотова находится еще один проект Постановления Пленума ЦК ВКП (б) «О поднятии роли и улучшении работы совнаркомов союзных и автономных республик, крайисполкомов, обласполкомов, горисполкомов и райисполкомов». В документе вновь подчеркивалось, что в годы войны «партийные органы взяли на себя оперативную работу по руководству и управлению хозяйством, стали непосредственно выполнять административно-хозяйственные функции, что... приводит ... к обезличиванию советских органов партийными органами»⁷. Партийным же органам предлагалось «возглавить крутой поворот в сторону значительного усиления авторитета местных советских органов и повышения их роли в деле руководства хозяйственным и культурным строительством»⁸. В документе предполагался довольно оригинальный выход: первый секретарь ЦК компартии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии должен быть одновременно и председателем Совнаркома союзной или автономной республики, исполкома край- (окр-, обл-, гор-, рай-) Совета депутатов трудящихся. Его первым заместителем, в свою очередь, должен был стать «нынешний» председатель Совнаркома, а вторым – «нынешний» второй секретарь ЦК компартии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома⁹. В качестве главной цели преобразований называлось установление «единства в руководящей работе». Несмотря на то что в тот момент решение принято не было, движение в направлении объединения партийной и советской линии власти оказалось важным

⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 322, л. 12–13.

⁶ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 147, л. 64–65.

⁷ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 147, л. 79.

⁸ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 147, л. 82.

⁹ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 147, л. 84.

индикатором. На наш взгляд, предпринятая попытка свидетельствовала о стремлении к консолидации со-собственников, класс которых к началу 1950-х гг. вполне сформировался [8].

Дальнейшие события в отношениях важнейших ветвей власти свидетельствовали об усилении «хозяйственного» блока, особенно в связи с реформами Н.С. Хрущева. В 1957 году основным органом в управлении территориями стали Советы народного хозяйства¹⁰. Этот шаг, в свою очередь, делал ключевым звеном в системе управления местные хозяйственные элиты: нормативно закреплялось вхождение в состав совнархозов руководителей крупнейших предприятий и строек регионов, но не предусматривалось вхождение в них местных партийных руководителей¹¹.

В дальнейшем роль «партийной» части собственников ослабило разделение партийных организаций в 1962 году по производственному типу (на промышленные и сельскохозяйственные), часть партийных структур — сельские райкомы КПСС — были ликвидированы¹².

Смещение в неравновесной политической системе страны произошло в 1965 году, когда в ходе косыгинских реформ в системе собственников усилилась роль руководителей предприятий¹³. Партийно-политическая ветвь

власти, вероятно, предчувствовала постепенную потерю верховенства в политической системе, что, в частности, отразилось в некоем реванше 1970-х гг.: в ст. 6 Конституции СССР 1977 года было введено положение о том, что КПСС является «ядром политической системы советского общества».

Такая эволюция политической системы страны неизбежно влияла на эволюцию идеологической составляющей. Переходя к данному вопросу, следует отметить важнейшую особенность советской идеологии — это была идеология, берущая часть истоков не только в марксизме, но и в крестьянском, по преимуществу, мировоззрении. В связи с этим идеалы социальной справедливости, равенства, презрение к богатству, уважение к труду (в большей мере физическому), одобрение сильной власти и жестких ее действий в отношении населения довольно удачно совпали с предложенной большевиками идеологической системой.

Исследования А.Д. Чернева [23] показывают, что большинство советских «вождей», по крайней мере до конца 1970-х гг., имели крестьянское происхождение, а значит архетипически являлись носителями крестьянских взглядов (табл. 2).

Итак, 50% партийной элиты в 1940-е гг. составляли выходцы из крестьян, в 1950-е гг. — 44%, в 1960-е гг. — 47%, в 1970-е гг. — 64%, в 1980-е гг. — 28%. Как представители «крестьянской» части российского общества, они выдвинули довольно много мимикрийных (камуфлирующих истинные госкапиталистические институты и механизмы) черт советской идеологии, понятных основной массе населения, в первую очередь указания на общенародный характер собственности, отсутствие эксплуатации человека человеком, равенство по классовому, национальному, гендерному признаку, ценности трудовой этики (что особенно ярко выражалось в организации соцсоревнования). Пропагандировалась необходимость сдерживать потребности (она напрямую коррелировалась с «моральной экономикой») и др.

Основные вехи формирования официальной политико-идеологической линии хорошо известны: главными целями с начала 1920-х гг. считались перевод хозяйства страны на индустриальные рельсы, достижение уровня

¹⁰ О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: закон. Принят Верховным Советом СССР 10 мая 1957 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 4. 1953–1964 годы. М.: Политиздат, 1968. С. 343–347.

¹¹ Вопросы совнархозов: Постановление СМ СССР от 28 апреля 1960 г. № 460. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35861#08255320476827717> (дата обращения 07.07.2020).

¹² О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством: Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу т. Н.С. Хрущева, принятое 23 ноября 1962 г. М., 1962. 15 с.

¹³ О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 4 октября 1965 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 5. 1962–1965 годы. М.: Политиздат, 1968. С. 658–685.; Положение о социалистическом государственном производственном предприятии: утв. Советом Министров СССР от 4 окт. 1965 г. М., 1965. 30 с.; О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства. М., 1967. 9 с.

Таблица 2. Социальное происхождение партийной элиты* РКП (б), ВКП (б), КПСС, 1940–1989 гг., %

Социальное происхождение	1940–1949 гг.	1950–1959 гг.	1960–1969 гг.	1970–1979 гг.	1980–1989 гг.
Всего	100	100	100	100	100
в том числе:					
из рабочих	14	35	22	18	31
из крестьян	50	44	47	64	28
из ремесленников	-	9	-	-	-
из служащих	22	9	22	18	6
нет сведений	14	3	9	-	35

* Под партийной элитой понимаются члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС.
Составлено по: Вишневский А. Высшая элита РКП (б) – ВКП (б) – КПСС (1917–1989): немного статистики // Мир России. 1997. № 4 (6). С. 40.

развитых государств мира. Иными словами, основная экономическая задача – становление индустриального общества со всеми присущими ему признаками (структурными переменами, урбанизацией, демографическими особенностями и пр.). Путь и этапы ее решения описаны в целом ряде работ [7; 8]. Главное – данный сегмент задач решался через осуществление первоначального накопления и капитализацию советской экономики. Большое значение при этом имела политика формирования класса со-собственников – протобуржуазии, который регулировал и осуществлял это движение.

Однако официальной идеологией при описании идеологических основ советского общества ограничиваться неверно. Советская идеология была сложной многоуровневой системой и включала в себя интересы всех классов и слоев советского общества, а также значительные фрагменты представлений и убеждений, формируемых неформальной культурой общества. В плане фольклора здесь следует отметить значительно влиявшее на общество частушечное творчество и советский анекдот; в плане культурных посылов – пропагандистское искусство (кино, плакаты, картины и др.) и художественную литературу.

Наибольшее влияние на политико-идеологическую составляющую общественного развития, кроме партийной и советской части протобуржуазного класса, оказывали, конечно, представители класса интеллектуалов. Их идейное и реальное продвижение на вершину власти отмечалось многими советологами еще в 1950–1960-е гг. Одно из исследований провел сотрудник Кентуккского университета Ф.Д. Флерон.

Его неопубликованный в СССР доклад «Советская политическая элита: некоторые аспекты политического и экономического развития в Советском Союзе» (подготовлен для ежегодного заседания американской ассоциации политических наук в 1968 г., г. Вашингтон) был в копии представлен в ЦК КПСС Комитетом государственной безопасности и отложен в архивных фондах аппарата ЦК¹⁴. Ф.Д. Флерон изучил, каким образом «политическая элита» СССР пыталась приспособиться к меняющимся условиям индустриального тренда и рекрутировать „элиту специалистов” в верхи власти (под специалистами он понимал, прежде всего, научную, экономическую, культурную и техническую интеллигенцию). Наиболее важным периодом в этом плане он считал 1950-е – начало 1960-х гг. (табл. 3).

Как видно из приведенных Ф. Флероном данных, представители класса интеллектуалов (терминология наша; Ф. Флерон называет этот класс специалистами, технократами или интеллигенцией) составляли большую долю делегатов партийных съездов (от 16 до 40%). Их число оказалось меньше на XX съезде, где преобладали «руководящие работники». В составе Центрального комитета коммунистической партии на момент XIX (1952 г.) и XX съезда (1956 г.) доля представителей класса интеллектуалов была относительно невелика – примерно 1/5 часть состава ЦК. Однако уже в 1961 году (XXI съезд) наблюдается серьезное (до трети) увеличение доли класса «технократов» в составе ЦК КПСС. В составе же Политбюро ЦК доля представителей «нового» класса менялась не-

¹⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 558, л. 59–91.

Таблица 3. Руководящие кадры, интеллигенция, рабочие и крестьяне на партийных съездах, в Центральном комитете и в Политбюро (1952–1961 гг.)

Даты съездов ВКП (б) – КПСС	Категории	Партийный съезд		ЦК		Политбюро	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Октябрь 1952 г.	РК*	359	30,16	94	75,2	24	66,7
	НЭКТИ**	484	40,6	19	15,2	9	25
	РиК***	349	29,3	0	-	0	-
	Всего	1192	100	125	90,4	36	91,7
Февраль 1956 г.	РК*	702	51,8	103	77,4	11	64,7
	НЭКТИ**	215	15,9	19	14,3	3	17,8
	РиК***	438	32,3	0	-	0	-
	Всего	1355	100	133	91,7	17	82,5
Октябрь 1961 г.	РК*	1728	39,2	126	72	16	100
	НЭКТИ**	1614	34,6	31	17,7	0	-
	РиК***	983	22,3	4	2,3	0	-
	Всего	4408	96,1	175	92	16	100

*РК – руководящие кадры.
 **НЭКТИ – научная, экономическая, культурная и техническая интеллигенция.
 ***РиК – рабочие и крестьяне.
 Колонка «Всего» показывает процент этих трех категорий в каждой структуре, а в числах – количественный состав структур.
 Расхождения объясняются тем, что при расчетах не учитывались военные.
 Составлено по: РГАНИ. Ф. 5, оп. 61, д. 558, л. 90.

значительно, составив 25% в 1952 году и 18% в 1956 году. В 1961 году в составе Политбюро представители этого класса отсутствовали (как отмечает Ф. Флерон, они влились в «руководящие кадры»).

Эти интересные наблюдения ученый завершает рассуждениями о механизмах формирования политической элиты СССР, а именно «кооптировании» и «рекрутировании». По его мнению, на смену механизмам «рекрутирования» (вступление в политическую элиту на раннем этапе деятельности) в 1960-е гг. приходит механизм «кооптирования» (вступление в политическую элиту на среднем или заключительном этапе деятельности, при этом основной этап деятельности связан с неполитической работой). Такое положение давало возможности пополнить высший класс представителями других классовых групп, при этом «рекрутируемые» представители уже добились успехов на своем поприще.

Рассуждения советолога представляются нам довольно весомыми в плане изучения смены идеологических векторов государственной экономической политики СССР во второй половине XX века. В этот период произошел серьезный пересмотр точки зрения на «социализм» как на общество нетоварное и неры-

ночное. Основную теоретическую роль в этих дискуссиях играли представители класса интеллектуалов, прежде всего экономисты. Среди значимых вех следует отметить дискуссию 1951 года по письмам сотрудников Института экономики АН СССР А.В. Саниной и В.Г. Венжера, в которой непосредственно участвовал И.В. Сталин. Дискуссия касалась возможности товаризации основных капиталов (экономисты рекомендовали начать продажу крупной техники колхозам) [24; 25]. В 1962 году не менее важной реперной точкой идеологических перемен послужила статья профессора Харьковского инженерно-экономического института Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия», опубликованная в главном органе ЦК КПСС – газете «Правда». По сути, после этих дискуссий вопросы идеологической перенастройки в отношении экономического курса страны на рыночные реформы были решены.

Заключение

Таким образом, институциональный подход в изучении экономического строя помогает выявить крупные структурные проблемы, требующие пристального исторического анализа. Соотношение исследования институтов, функций организаций, особенностей агентов исторического процесса позволит представить историю

советского периода в духе современных мировых трендов общественных наук. В частности, при применении институционального подхода выявлено, что институт собственности в советской России 1930–1980-х гг. пережил ряд крупных трансформаций. Первая была связана с формированием коллективной капиталистической собственности, охватывая 1930–1950-е гг. Основные институциональные изменения произошли в 1930-е гг. Важнейшей составляющей этого этапа стало формирование класса собственников. Второй этап охватывал период 1960–1980-х гг. Его можно назвать этапом расцвета системы государственного капитализма и накопления противоречий. Происходила постепенная либерализация институций, регулирующих отношения собственности, создавалось новое законодательство, направленное на расширение индивидуализации прав распоряжения-пользования, появлялись механизмы товаризации объектов, считавшихся основным капиталом и подлежащих ранее внетоварному государственному регулированию. К концу указанного периода класс со-собственников полностью оформился и тяготился границами госкапиталистического регулирования. В рамках теневой экономики он действовал уже довольно открыто. Требуется серьезного изучения идеологическая работа, проделанная в советском обществе 1950–1980-х гг. представителями разных классов, классовых идеологий и систем мировоззрения (в том числе диссидентской и имплантированной с Запада), чтобы понять этапы и механизмы перенастройки советской идеологической системы на оправдание и осмысление госкапиталистического пути развития. Понятно, что немалую роль в этой схеме сыграли борьба основных ветвей политической власти (партийной и советско-хозяйственной) и вытекающие из нее трансформированные от нерыночных к рыночным идеологические установки. Окончание трансформации института собственности выходит далеко за рамки советского времени, однако первые шаги были сделаны в советский период — подспудное разрушение коллективной капиталистической собственности, скрытая институционализация ее как персонифицированной, что давало легкую возможность приватизации и формирования института частной собственности.

В начале 1990-х гг. произошел переход к частному капитализму, который сопровождался разрушением производственных капиталов, массовым оттоком финансовых ресурсов за рубеж, утратой человеческих ресурсов и интеллектуального капитала. Не случайно с начала XXI века Россия пытается восстановить утраченный в 1990-е гг. потенциал.

Возникает резонный вопрос: можно ли в современных условиях использовать механизмы и институты, бытовавшие при советском госкапитализме? Если он хорошо сработал на этапе индустриальной модернизации страны и довольно паритетно выглядел на мировой арене до середины 1980-х гг., принесла бы результаты его дальнейшая эксплуатация? Мировая практика показывает, что такой путь развития, в принципе, возможен — примером тому служит растущая китайская экономика. Однако в результате идеологического неприятия современной политической элитой многих ценностей советского времени важный опыт госкапиталистического управления собственностью 1930–1980-х гг. оказался пока не востребованным.

Современные российские экономисты предлагают целый ряд направлений по совершенствованию экономической системы страны. В частности, академик РАН С.Ю. Глазьев пишет о необходимости формирования нового мирохозяйственного уклада (дорогу в этом направлении проложил Советский Союз), который предполагает реанимацию национальных интересов, сочетание хозяйственных укладов, где государство будет выступать в роли гармонизатора [26]. Исследователи института экономики РАН, например М.И. Воейков, А.Е. Городецкий, Р.С. Гринберг, обращают внимание на увеличение роли государства в экономической жизни общества и выдвигают положение о превращении современного государства из субъекта рыночного пространства в его организатора (плеймейкера) [27].

Большое внимание вопросам совершенствования государственного управления экономическими и социальными процессами в России уделяет коллектив Вологодского научного центра РАН. В недавно вышедшей монографии В.А. Ильина, М.В. Морева, А.И. Поваровой авторы приходят к выводу, что Россия далека от критериев построения социально-

го государства. Пока основным бенефициаром ее внутренней государственной политики является крупный частный капитал, а не широкие слои населения. Укоренившаяся в государственном управлении система «капитализма для избранных» обуславливает многолетнюю нерешенность острых проблем: социального неравенства, потребности общества в социальной справедливости, низкого уровня институционального и межличностного доверия и т. д. [28]. Выход из создавшегося положения авторы видят, в частности, в обращении России к цивилизационному самоопределению. Роль государства должна состоять в формировании стратегического целеполагания, которое даст обществу внятный культурно-ценностный вектор развития, основанный на исторически сложившихся в России нормах морали и ценностях [29]. С этими выводами нельзя не согласиться.

Литература

1. North D.C., Thomas R.P. *The Rise of a Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 179 p.
2. Fogel R.W. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.
3. North D. Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*, 1989, vol. 17, no. 9, pp. 1319–1332.
4. Tilly Ch. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russell Sage Foundation, 1984. 176 p.
5. Капелюшников Р.И. Contra пан-институционализм // Институциональная экономическая теория: история, проблемы, перспективы. СПб.: Леонтьевский центр, 2019. С. 7–31.
6. Beznin M.A., Dimoni T.M. Revisiting the type of Economic system in the USSR. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5 (47), pp. 238–250.
7. Безнин М.А., Димони Т.М. Институциональные особенности российского госкапитализма: от Сталина до Брежнева // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2 (5). С. 118–135.
8. Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 437–453.
9. Pierson P., Skocpol T. *Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline*. Katznelson I., Milner H. (eds). *Political Science: State of the Discipline*. New York: Norton, 2002, pp. 693–721.
10. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2019. 830 с.
11. Осипов Ю.М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: МГУ, 2005. 367 с.
12. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
13. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6–17.
14. Истомина С.В. Природа институционального механизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 1. Экономика. Вып. 17. С. 46–52.
15. Turner J. *The Institutional Order: Economy, Kinship, Religion, Polity, Law, and Education in Evolutionary and Comparative Perspective*. New York: Longman, 1997. 306 p.
16. Троцкий Л.Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. 254 с.
17. Авторханов А.Г. Происхождение партократии. В 2 т. Frankfurt/Main: Possev, 1983. Т. 1. 726 с.; т. 2. 536 с.
18. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 539 с.
19. Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. 622 с.
20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. (1953–1961 гг.). М.: Политиздат, 1968. 750 с.
21. Gulin K.A. Revisiting the issue of the «Initial Accumulation of Capital» in Post-Soviet Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, no. 6 (12), pp. 276–291.

22. Безнин М.А., Димони Т.М., Столетова А.С. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 1 (26). С. 77–86.
23. Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. М.: Изд-во журнала «Родина», 1996. 333 с.
24. Письма В.Г. Венжера и А.В. Саниной И.В. Сталину // Кооперация. Страницы истории. Вып. IV. М.: ИЭ РАН, 1994. С. 240–275.
25. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1952. 96 с.
26. Глазьев С.Ю. Новый мирохозяйственный уклад: модель для сборки // Труды ВЭО России. 2018. № 2 (Т. 210). С. 240–246.
27. Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С. Экономическая природа государства: новый ракурс: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. 54 с.
28. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: итоги и перспективы. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 229 с.
29. Ильин В.А., Морев М.В. Проблема цивилизационного выбора и ее отражение в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.1

Сведения об авторах

Михаил Алексеевич Безнин — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru)

Татьяна Михайловна Димони — доктор исторических наук, доцент, профессор, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: dimonitm@yandex.ru)

Beznin M.A., Dimoni T.M.

Collective Capitalist Property in the Institutional Structure of Russia in the 1930s–1980s

Abstract. The article deals with a subject of the possibility of applying the institutional theory to the study of the economic structure of Soviet Russia and the use of its individual elements to solve the problems of improving the efficiency of public administration at the present development stage of this country. The purpose of the work is to consider the basic issues of the evolution of the country's socio-economic development at the stage of bifurcation. The novelty of the research is that it shows the evolutionary trends of the property institute and the political and ideological mechanisms of their ensuring in the 1930s–1980s. The emphasis is put on identifying the stages of property relations transformation: from the formation of collective capitalist ownership in the period of 1930s–1950s to the trends to its individualization in the 1960s–1980s. The turn of the 1990s is considered as a period of fundamental change of the collective capitalist property institute. According to the authors, the formation of a proto-bourgeois class of co-owners, which provided capitalist tendencies in the society's development, was of great importance in Soviet times. The article shows the ideological content of trends leading to the capitalist transformation of Russia, which consist in justifying the property rights concentration. The change in the social base of the ruling class formation, the inclusion of the representatives of the intellectuals' class and the intelligentsia in its composition were quite important in this process. It is noted that privatization in the course of market transformations broke the existing property relations in the Soviet period and led to an increase

in social inequality. The authors emphasize the urgent need to restructure modern state policy in terms of taking into account the mentality of the “Russian life” and economic traditions that developed during the Soviet period.

Key words: Russia, USSR, state capitalism, institutions, institutional mechanisms, property, proto-bourgeoisie.

Information about the Authors

Mikhail A. Beznin – Doctor of Sciences (History), Professor, Pro-rector for Research, Head of Department, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160001, Russian Federation; e-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru)

Tat'yana M. Dimoni – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160001, Russian Federation, dimonitm@yandex.ru)

Статья поступила 04.06.2020.

Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: galinaleonidova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

**Рим Марсович
ВАЛИАХМЕТОВ**

Башкирский государственный университет
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450076, ул. К. Маркса,
д. 3/4
E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-8875-5197; ResearcherID: P-1733-2017

**Гузель Римовна
БАЙМУРЗИНА**

Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450005, ул. 50-летия
Октября, д. 20/1
E-mail: guzrim@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1844-2689; ResearcherID: G-4824-2017

**Любовь Васильевна
БАБИЧ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: lvbabich@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-1661-4245; ResearcherID: A-4415-2016

Для цитирования: Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся / Г.В. Леонидова, Р.М. Валиахметов, Г.Р. Баймурзина, Л.В. Бабич // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12

For citation: Leonidova G.V., Valiakhmetov R.M., Baimurzina G.R., Babich L.V. Problems and prospects of distance learning in the estimates provided by teachers and schoolchildren's parents. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12

Аннотация. Обращение к проблеме дистанционного обучения школьников обусловлено экстренным переводом образовательного процесса в дистанционный формат на фоне объявленной в марте 2020 года пандемии в связи с распространением в мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В онлайн-формат были переведены практически все национальные системы образования развитых стран. Несмотря на имеющийся опыт и определенную готовность образовательной сферы к использованию дистанционных форм обучения, такой всеобъемлющий массовый переход в режим «удалёнки» не мог не вызвать ряд проблем как для учительского корпуса, так и для учащихся и их родителей. Целью исследования является социологический анализ первых итогов реализации дистанционного обучения в школе в условиях режима самоизоляции в связи с необходимостью сдерживания распространения коронавирусной инфекции в стране. Информационной базой исследования стали онлайн-опросы учителей Вологодской области и родителей учащихся школ Республики Башкортостан, проведенные в апреле-мае 2020 года ФГБУН ВолНЦ РАН и Башкирским филиалом ФНИСЦ РАН. Выявлены проблемы дистанционного обучения в целом ряде аспектов: техническом (дефицит необходимой техники в домохозяйствах, качество интернета, надежность образовательных платформ), организационном (отсутствие единой методологии онлайн-обучения; увеличение трудовой нагрузки на учителей; сложности в проведении некоторых творческих и лабораторных занятий) и социокультурном (снижение образовательной мотивации школьников; высокие риски ухудшения здоровья детей). Новизна исследования заключается в комплексной оценке ситуации, связанной с процессами удаленного обучения массовой социальной группы школьников в условиях пандемии, со стороны двух ключевых акторов системы образования – учительского корпуса и родителей, а также в выявлении проблем, вызванных экстренным переходом к онлайн-обучению. Практическая значимость состоит в формировании базы знаний и оснований для принятия взвешенных и адекватных управленческих решений как при возникновении подобных внештатных ситуаций, так и в ходе дальнейшей реализации национальных целей развития РФ до 2030 года: цифровой трансформации, достижения «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе образования.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн-обучение, общеобразовательная школа, учитель, родители, учащиеся, коронавирусная инфекция, пандемия.

Введение

Во все сферы социально-экономической жизни сегодня все больше и глубже проникают цифровые технологии. Сфера образования также не стоит в стороне от новой технологической (цифровой) революции глобального звучания. Она [революция] «ставит перед образованием новые задачи ... и предоставляет цифровые технологии, помогающие их решению» [1, с. 13].

Вопросы внедрения цифровых технологий в систему образования РФ поднимались и решались в несколько этапов.

Начало всеобщему процессу информатизации школы положило Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28 марта 1985 г. № 271 «О мерах по обеспечению компьютерной грамотности учащихся и широкого внедрения электронно-вычислительной техни-

ки в учебный процесс». Вышеназванная задача осуществлялась с середины 80-х и до конца 90-х гг. XX века¹. В образовательных учреждениях в практику преподавания был введен предмет «Основы информатики и вычислительной техники». В результате принятых мер удалось обеспечить «более четверти образовательных организаций» кабинетами с вычислительной техникой [1, с. 13]. В процессе реализации целевой комплексной программы «Информатизация народного образования» (1994–1995 гг.) решались уже более масштабные задачи, такие как разработка и обоснование теории и методологии информатизации образования, методов и средств ее практического применения.

¹ Программа информатизации образования Российской Федерации на 1994–1995 гг. М.: Министерство образования Российской Федерации, 1993. 34 с.

Внедрение информационных технологий рассматривалось как механизм обеспечения всестороннего образования и развития человека, подготовка его к полноценной деятельности в условиях информатизации общества [2, с. 57]. С конца 90-х гг. XX века стали разрабатываться и реализовываться региональные и локальные программы информатизации образования со смещением ответственности за процессы в системе образования с федерального уровня на региональный.

На втором этапе (2000–2010 гг.) информационно-коммуникационные технологии начали широко внедряться в учебный процесс. Уже в 2001 году в рамках Федеральной целевой программы «Развитие единой образовательной информационной среды»² решалась задача «создания условий для поэтапного перехода к новому уровню образования на основе информационных технологий». Оснащенность школ персональными компьютерами по окончании действия Программы выросла более чем в 10 раз [3, с. 17]. Дальнейшее внедрение информационных технологий в образовательный процесс продолжалось в рамках Приоритетного национального проекта (ПНПО) «Образование», принятого на период 2005–2010 гг. Он реализовывался в соответствии с новой образовательной идеологией, «направленной на развитие нового общества, ориентированного на реализацию потенциала личности человека» [4, с. 12]. ПНПО включал в числе 14 целевых направлений интернетизацию школ, что было достаточно успешно выполнено. Уже к 2007/08 учебному году 74,3% государственных и муниципальных очных общеобразовательных учреждений имели доступ к интернету со скоростью 128 Кбит/с³.

Продвижение IT-технологий в практику образовательной сферы стало основным направлением и Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» (2010–2015 гг.)

² О Федеральной целевой программе «Развитие единой образовательной информационной среды (2001–2005 годы)»: постановление Правительства РФ от 28 августа 2001 г. № 630 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/1586371/> (дата обращения 03.08.2020).

³ Образование в Российской Федерации: 2010: стат. сб. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 492 с.

в рамках задач по цифровому оборудованию школ мультимедийными аппаратами и интерактивными досками. К 2013/14 учебному году, при реализации мер третьего этапа информатизации образования, доля школ с доступом в интернет возросла до 95%⁴. Исполнение целевых ориентиров программ заложило базу для последующего более широкого применения цифровых технологий в образовательном процессе.

В 2017 году, выступая на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2017), Президент РФ В.В. Путин поставил задачу «кратно увеличить выпуск специалистов в сфере цифровой экономики», обозначив тем самым стратегическую цель – обеспечение «всеобщей цифровой грамотности». Для этого, по его словам, следует «серьезно усовершенствовать систему образования на всех уровнях – от школы до высших учебных заведений»⁵. Уже в 2018 году в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» была принята Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». С введением ее в действие практически начался четвертый этап информатизации образовательной сферы с переходом к ее цифровизации. Этому способствовал принятый в 2019 году в числе других 12 проектов Национальный проект «Образование». Его основными задачами стали обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение России в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования и воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности⁶. В рамках этих глобальных задач остается острой ключевая проблема – обеспечение образова-

⁴ Образование в Российской Федерации: 2014: стат. сб. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2014. 464 с.

⁵ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667> (дата обращения 04.06.2020).

⁶ Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsional-nuy-proyekt-obrazovaniye&category=education> (дата обращения 04.06.2020).

тельного процесса посредством новых информационных технологий: интернета, ИКТ, цифровых образовательных ресурсов и т. д.

Пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19), объявленная Всемирной организацией здравоохранения в марте 2020 года, резко изменила планомерный и поступательный ход реализации задач нацпроекта. Практически все национальные системы образования развитых стран, равно как и России, были вынуждены перевести обучение в онлайн-формат в рекордно сжатые сроки.

В экстренных условиях российская образовательная система, по существу, провела массовые тестирования надежности имеющихся цифровых технологий и готовности образовательных учреждений к работе с ними. Министерство просвещения РФ издало «Временный порядок сопровождения реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, образовательных программ среднего профессионального образования и дополнительных общеобразовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» (утв. приказом Минпросвещения РФ от 17 марта 2020 года № 103). В соответствии с ним образовательные организации всех уровней перешли на электронное обучение, основанное на применении дистанционных образовательных технологий в учебном процессе.

Ускоренный перевод образовательных процессов в дистанционный формат объективно вызвал ряд проблем, которые затронули как учительский корпус, так и учащихся и их родителей. Широко обсуждались проблемные ситуации и в средствах массовой информации.

При введении Временного порядка никто не знал, как долго придется жить и работать в дистанционном режиме. К настоящему моменту этот период еще не закончился, однако у большинства обучающихся наступили летние каникулы, и система образования получила возможность подвести некоторые итоги. Их подведем и мы, основываясь на эмпирических материалах, полученных из опросов представителей учительского сообщества и родителей

обучающихся о первичных результатах реализации дистанционного образования в эпидемиологических условиях.

Дистанционное обучение: история, некоторые подходы и теории

Появление компьютерных технологий связано с информационными [3] или коммуникационными⁷ революциями в развитии общества. В ряду отмечаемых исследователями этапных моментов можно выделить изобретение письменности и создание почтовой связи, возникновение книгопечатания с возможностью передавать знания во времени и пространстве; электричества, а с ним и такой инновации, как телеграф и освоение международных связей; появление голосовой связи (телефон, телевидение), добавившей оперативности и наглядности в процесс передачи информации⁸, и, наконец, интернета с его бурным проникновением во все стороны жизни человечества.

Стремительное развитие технологий обусловило и темпы распространения информационных образовательных практик, в частности дистанционного образования [5]. Историю дистанционного (поначалу оно называлось «корреспондентским») образования связывают с именами Калеба Филиппса, который в 20-х гг. XVIII века набирал студентов для изучения стенографии «в любой точке страны путем обмена писем» [5], и Исаака Питмана, рассылающего в середине XIX века письма со своими уроками всем желающим по почте. С помощью корреспондентских рассылок обучали в заочном институте Ч. Тусен и Г. Ланченштейдт (Берлин, 1856 г.). Несколькими годами позже в США были созданы первые заочные школы (Анна Э. Тикнор, Айзек Питман), обучение в них производилось также с помощью почтовых отправок.

Сегодня те или иные элементы дистанционного обучения присутствуют в системах образования практически всех стран мира и все чаще привлекают внимание исследователей, особенно в области изучения его специфики, закономерностей развития, определения мето-

⁷ Социология молодежи: учебник для вузов / Р.В. Леньков [и др.] ; под ред. Р. В. Ленькова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 356 с. С. 187.

⁸ Там же. С. 188.

дологических ориентиров. В отечественной и зарубежной научной литературе сложились различные теории и концепции (теория дистанционного обучения, основанная на эмпатии, Б. Холмберга; теория трансактной дистанции и автономии учащегося М.Г. Моора [6]; концепция индустриализации О. Петерса [7], обосновавшего появление дистанционного образования как «результата влияния процесса индустриализации на различные сферы общества» [8, с. 108] и др.). В российском научном сообществе в 90-е гг. XX века была разработана модель дистанционного обучения [9], рассматривающая его как информационно-образовательную среду с современными техническими средствами освоения данных⁹.

Теория дистанционного обучения Б. Холмберга основана на «эмпатическом подходе» [10, с. 37], при котором важное значение имеет «умение воспринимать внутренний мир другого человека с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков, полностью исключая переживание собственных чувств» [11]. Согласно Б. Холмбергу, реализация данного подхода предполагает фокусирование на концепции «управляемого дидактического разговора» [11, с. 43]. Несмотря на симулированный характер такого разговора, он «встраивается в содержание» учебных (письменных, курсовых) материалов, посредством изучения которых возникают «чувства личных отношений, ... интеллектуальное удовольствие (и) учебная мотивация» [12].

О. Петерс (1994) считал образовательную коммуникацию в дистанционном обучении искусственной. По его мнению, учитель в таких условиях становится в большей степени «менеджером учебного процесса» [13].

Согласно М. Моору, транзакционная дистанция является педагогической, а не географической, в связи с чем требуется «специальная организация и процедуры обучения, то есть „структура“ (индивидуализация) и „диалог“» [14].

⁹ Подробно об опыте исследования проблем дистанционного обучения отечественными учеными см. Варданян Н.А. Развитие дистанционного обучения в общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук. М.: Институт общего образования Министерства образования РФ, 2004. 211 с.

В социокультурной теории Л.С. Выготского утверждается, что в основе развития познания лежит, прежде всего, человеческое взаимодействие. Самые главные ее постулаты — это идеи о высших психических функциях, стадиях языкового развития и функциях речи, о зоне ближайшего развития и вспомогательных конструкциях (дозированной помощи). При этом все высшие функции возникают как действительные отношения между индивидами¹⁰. Теория Выготского постулирует: потенциал обучения ограничен «зоной проксимального развития» (ЗПР), то есть областью «когнитивной готовности» обучающегося, для полноценного развития нужна помощь и социальное взаимодействие.

Официально в России внедрение дистанционного обучения связано с Федеральным законом 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Обеспечение доступности дистанционного образования в российских регионах приводит исследователей к выводам об усилении образовательного неравенства в обществе и даже, говоря словами ученых НИУ ВШЭ, о концепции «образовательной бедности», то есть «ситуации ограничения и/или полной депривации детей в получении образования и развитии необходимых для жизни в социуме навыков» [15, с. 18]. Некоторым подходам к проблеме равенства образовательных возможностей посвящены работы А.Р. Бессуднова, В.М. Малика [16], Д.Л. Константиновского [17], И.Д. Фрумина [18] и т. д.

Распространение дистанционных форм в образовании в настоящее время обуславливает и растущий интерес к изучению сущности дистанционного обучения, в трактовке которого у отечественных исследователей можно встретить следующие ключевые слова: средство, форма, технология, организационный процесс, географическое расстояние, услуга, заочное обучение¹¹ [19].

¹⁰ Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-пресс, 1999. 536 с. С. 57.

¹¹ Теория и практика дистанционного обучения / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева [и др.]; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2004. 416 с.

Дистанционное обучение является частью всеобщей цифровизации образования, принимаемой в настоящее время, в том числе и в рамках национального проекта «Образование». Общественность (и учительскую, и научную, и родительскую) тревожат неизученные пока результаты этого процесса, дающего, с одной стороны, более широкий доступ к образовательным и информационным ресурсам, к знаниям в целом, с другой стороны, грозящего многими негативными последствиями. Наибольшую тревогу вызывают процесс превращения учителя в некоего «диспетчера, включающего программы» и практически исключенного из образовательно-воспитательного процесса¹², и ухудшение качества образования, поскольку цифровизация а) обеспечивает лишь стандартизированную передачу материала [20] и б) культивирует представление об интернете как источнике абсолютного знания [21, с. 21]. Проблемы дистанционного обучения весьма актуальны и в связи с ожидаемым с 1 сентября 2020 года в ряде регионов РФ «стартом „эксперимента по внедрению целевой модели цифровой образовательной среды (ЦОС)“»¹³. Однако в рамках данного исследования авторы не ставили цель рассмотреть опасности и вызовы цифровизации образования, а постарались проанализировать трехмесячный опыт дистанционного обучения, реализованного в России и ее регионах посредством информационно-коммуникационных технологий в качестве ответа на глобальный и системный вызов, брошенный миру коронавирусной инфекцией.

Толчком к написанию статьи послужило участие вологодских и башкирских ученых в обсуждении демографических проблем и семейной политики в рамках всероссийского экспертного вебинара, состоявшегося в мае 2020 года в Общественной палате РФ. Острота обсуждения социокультурных проблем российских семей в текущих эпидемиологических ус-

ловиях, единодушный отклик на исследование проблем дистанционного обучения побудили принять решение о совместной публикации.

Методы и методология исследования

Исследование базировалось на результатах социологического опроса представителей педагогического сообщества Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в апреле-мае 2020 года с помощью анкетных онлайн-форм на платформе Google. На вопросы анкеты ответили 272 респондента (генеральная совокупность – 8,6 тыс. чел.¹⁴), из них 94% женщин и 6% мужчин; 55% проживает и работает в школах Вологды; 30% – Череповца; 15% – в районных центрах и сельских поселениях (в выборку вошли Вологодский, Грязовецкий, Великоустюгский, Нюксенский, Кичменгско-Городецкий, Харовский, Бабушкинский, Вытегорский, Тотемский районы). 12% из числа всех опрошенных имеют общий стаж работы менее 3-х лет, 38% – от 3 до 20 лет, 50% – более 20 лет; 74% работают в обычных общеобразовательных школах, 1% – в коррекционных школах и школах с инклюзивным обучением, 25% – в образовательных центрах, лицеях, гимназиях и школах с углубленным изучением отдельных предметов. Доверительный интервал выборки составил 5%.

Мнение родителей обучающихся представлено данными социологического онлайн-опроса в Республике Башкортостан, проведенного Башкирским филиалом ФНИСЦ РАН в апреле 2020 года. В опросе приняли участие 1765 человек. В выборке примерно одинаково распределены родители школьников разных классов обучения (по 8–10%). По объективным причинам наименьшую долю составили родители школьников 10–11 классов: их совокупная доля в общем объеме выборки 11,3%. Среди опрошенных 25% – жители Уфы, 16% – других городов, 24% являются представителями районных центров и 35% – сельских поселений муниципальных образований республики. Более активными в онлайн-опросе оказались женщины (91%). По возрасту респонденты разделились примерно поровну: 54% – родители до 39 лет, 45% – от 40 до 59 лет.

¹⁴ По данным Росстата.

¹² Клячко Т. Цифровизация образования – надежды и риски // Вести образования. URL: https://vogazeta.ru/articles/2018/2/26/blog/2148-tsifrovizatsiya_obrazovaniya_nadezhdy_i_riski (дата обращения 30.07.2020).

¹³ Трушин А. «Расшколить школу». Удаленка вытесняет занятия в классах // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4397027> (дата обращения 28.07.2020).

Результаты и их обсуждение

Объявленная Всемирной организацией здравоохранения в марте 2020 года пандемия, связанная с распространением в мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и последовавшие вслед за этим карантинные мероприятия, самоизоляция, спад экономики и т. д. существенно отразились на настроении учителей общеобразовательных школ (табл. 1). Практически две трети респондентов (65%) отметили его ухудшение.

На фоне ухудшения настроения существенно, по сравнению с ответами жителей региона в целом, уменьшился запас терпения социально-

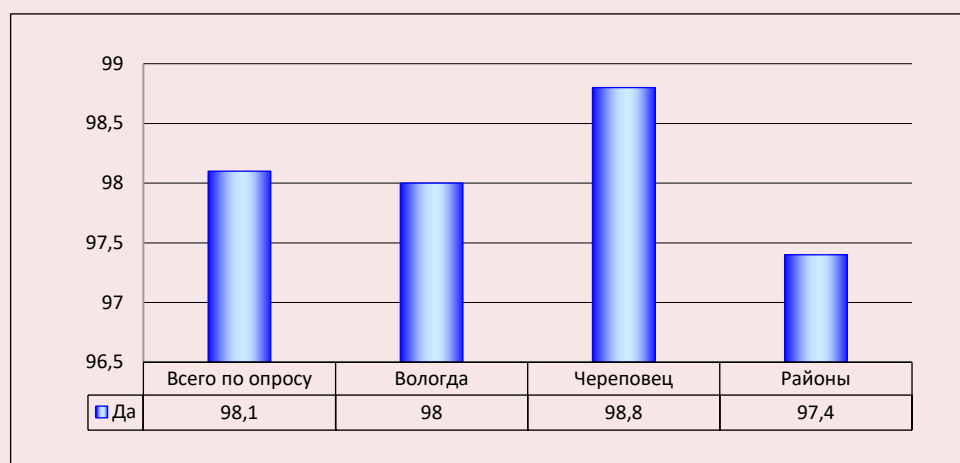
профессиональной группы учителей. Их большая часть (52%) отметила, что испытывает сегодня «напряжение и раздражение». Это вдвое больше, чем среди населения Вологодской области (27%)¹⁵. Такая разница в социальном настроении учителей обусловлена не только ситуацией, связанной с распространением опасного вируса, но и с массовым переводом школ на дистанционный формат обучения. Как показывают результаты исследования, подавляющая часть учителей (98%) заявляет, что экстренный перевод учебного процесса в дистанционную форму сопровождался различными проблемами для участников образовательных отношений (рис. 1).

Таблица 1. Распределение ответов учителей школ Вологодской области на вопрос «Как отразилась ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на Вашем настроении?», % от числа опрошенных

Вариант ответа «Настроение ...»	Всего по опросу	По территории			По стажу работы, лет		
		Вологда	Череповец	районы	до 3-х	3–20	более 20
Улучшилось	1,8	3,4	0,0	0,0	3,1	3,9	0,0
Ухудшилось	65,1	66,4	62,7	65,0	53,1	68,0	65,7
Не изменилось	26,8	23,5	32,5	27,5	34,4	24,3	27,0
Затрудняюсь ответить	6,3	6,7	4,8	7,5	9,4	3,9	7,3

Источник: онлайн-опрос учителей школ Вологодской области (ФГБУН ВолНЦ РАН, N = 272).

Рис. 1. Распределение ответов учителей школ Вологодской области на вопрос «Сопровождался ли переход на дистанционное обучение проблемами для участников образовательных отношений?» (сумма ответов «Да» и «Скорее да»), % от числа опрошенных

Источник: онлайн-опрос учителей школ Вологодской области (ФГБУН ВолНЦ РАН, N = 272).

¹⁵ Опрос ВолНЦ РАН «Коронавирус и общество». URL: http://www.vscs.ac.ru/uploads/activity_files/2020/04/13597.pdf (дата обращения 21.05.2020).

Согласно онлайн-опросу родителей обучающихся в Республике Башкортостан, 71% респондентов испытывали опасения, связанные с переходом детей на дистанционное обучение в период самоизоляции.

Форс-мажорные обстоятельства перехода на формат удаленного обучения затронули, по оценкам педагогов, всех участников образовательного процесса в школе, но более

всего проблемность ситуации ощутили на себе обучающиеся (93%) и их родители (97%; табл. 2).

В числе наиболее проблемных учителя назвали ситуацию с недостаточной обеспеченностью семей техникой, необходимой для онлайн-связи (планшетами, ноутбуками, компьютерами, микрофонами, веб-камерами и т. п.; табл. 3). Эта позиция ответов вышла на первое

Таблица 2. Распределение ответов учителей школ Вологодской области на вопрос «Каких участников образовательных отношений затрагивают проблемы, связанные с переходом школ на дистанционное обучение?» (сумма ответов «Да» и «Скорее да»), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Всего по опросу	По территории		
		Вологда	Череповец	районы
Родители школьников	96,3	98,6	96,8	92,5
Обучающиеся	93,1	96,0	89,2	90,0
Учителя	84,6	89,9	74,7	84,6
Администрация школ	73,9	79,8	62,6	75,0
Иные работники школ	50,3	49,7	51,8	40,0

Примечание: при ответе на вопрос допускался выбор более одного варианта ответа.
Источник: онлайн-опрос учителей школ Вологодской области (ФГБУН ВолНЦ РАН, N = 272).

Таблица 3. Распределение ответов учителей школ Вологодской области на вопрос «В чем состоят проблемы, связанные с переходом школ на дистанционное обучение?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Всего по опросу		Вологда		Череповец		Районы	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Недостаточная обеспеченность необходимой компьютерной техникой в семьях школьников	49,3	1	46,3	1	49,4	1	60,0	1
Недостаточная обеспеченность необходимыми техническими устройствами учительского корпуса	34,2	2	36,9	3	22,9	4	47,5	4
Низкая мотивация, недисциплинированность учащихся, неумение обучаться дистанционно	33,8	3	28,9	5	42,2	2	35,0	2
Некоторые уроки очень сложно проводить в дистанционном режиме	32,0	4	32,9	4	36,1	3	20,0	3
Отсутствие подобного опыта у учительского корпуса	29,0	5	37,6	2	20,5	6	15,0	6
Психологически трудно работать в дистанционном формате	22,4	6	24,2	6	22,9	5	15,0	5
Некоторые ученики не имеют доступа к интернету дома	18,0	7	15,4	8	20,5	7	22,5	7
Недостаток у учителей необходимых IT-компетенций	15,1	8	18,1	7	12,0	11	10,0	11
Устаревшая техника	13,2	9	13,4	9	14,5	8	10,0	8
Недостаток административно-методической поддержки (недостаточно знаний, какие ресурсы есть и какие лучше использовать, качество открытых материалов, разрозненность, отсутствие понимания и четких указаний, как организовать процесс)	12,9	10	12,1	10	13,3	10	15,0	10
Низкое качество интернет-подключения в школе	11,8	11	9,4	12	9,6	12	25,0	12
Отсутствие дополнительного материального стимулирования	11,0	12	10,1	11	14,5	9	7,5	9
Слабые коммуникации с родителями	2,9	13	3,4	13	2,4	13	2,5	13
Проблем не было	1,5		2,0		1,2		0,0	
Другое	0,4		0,0		0,0		2,5	

Примечание: при ответе на вопрос допускался выбор более одного варианта ответа.
Ранжировано по столбцу «Всего по опросу».
Источник: онлайн-опрос учителей школ Вологодской области (ФГБУН ВолНЦ РАН, N = 272).

место как в городских, так и в сельских территориях. Причем в сельской местности проблема обеспечения семей необходимой компьютерной техникой ощущалась особенно остро — именно ее отметили 60% учителей из сельских поселений (муниципальных районов). В Республике Башкортостан четверть опрошенных родителей говорили о проблеме нехватки устройств для организации учебного процесса в онлайн-режиме.

Нужно сказать, что вопрос, связанный с дефицитом оборудования и программного обеспечения в сфере образования при переходе на дистанционные формы обучения, приобрел особую остроту не только в Вологодской области. В начале апреля сотрудники НИУ ВШЭ совместно с экспертами Общероссийского народного фронта (ОНФ) через интернет-платформу опросили 29 тыс. учителей во всех регионах РФ. Это исследование показало, что почти 80% респондентов столкнулись с такими же проблемами (20% — позиция ответов «скорее согласен», 58% — «согласен») ¹⁶.

Проблема технической оснащённости домохозяйств сразу же была озвучена в обществе, в регионах малоимущим семьям стали выдавать необходимую технику. Механизмы этого решения в регионах оказались разными. Где-то школьникам выдавались компьютеры и роутеры на период дистанционного обучения ¹⁷, где-то, в основном малообеспеченным семьям, муниципальные органы власти при участии спонсоров дарили планшеты ¹⁸.

Подобные действия наблюдались в ряде государств [12, с. 18]. Так, в канадских школах ноутбуки и планшеты выдавались учащимся

¹⁶ Исследование: учителя столкнулись с проблемами дистанционного обучения // РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20200407/1569666546.html> (дата обращения 05.06.2020).

¹⁷ Нуждающимся школьникам предложили выдавать компьютеры и роутеры на период дистанционного обучения // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3807823/> (дата обращения 25.06.2020).

¹⁸ Вологодским школьникам из малообеспеченных семей подарили первые планшеты для дистанционного обучения // Вологда-регион. URL: <http://vologdaregion.ru/news/2020/4/16/vologodskim-shkol-nikam-iz-maloobespechennyh-semey-podarili-pervye-planshety-dlya-distancionnogo-obucheniya> (дата обращения 25.06.2020).

на дом, также в стране была запущена программа «технологического кредитования» ¹⁹. В штате Калифорния (США) ноутбуками было обеспечено более 70 тыс. нуждающихся школьников ²⁰.

Порядка 18% респондентов Вологодской области в целом (в сельских территориях — более 22%) обратили внимание на проблему доступа к интернету. В исследовании НИУ ВШЭ этот показатель выше: 50% учителей отметили, что «некоторые ученики не имеют доступа к интернету дома» [17]. Такое положение вполне коррелирует со статистическими данными, которые свидетельствуют о том, что, например, в 2017 году только у 76% домохозяйств в РФ был доступ к интернету (рис. 2).

Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, как свидетельствуют данные выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей (рис. 3), различается по федеральным округам РФ. Хотя разница не очень большая (в пределах 5 п. п.), тем не менее она показывает, что в этом направлении еще многое нужно сделать для устранения проблем дистанционного обучения в будущем.

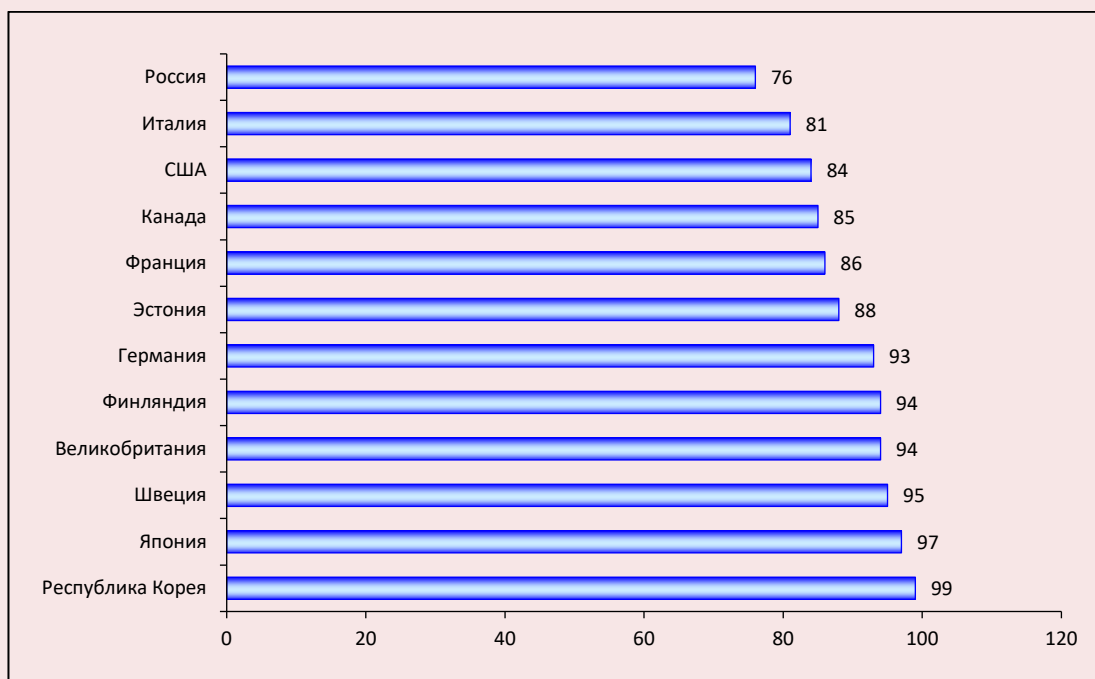
Сложившаяся ситуация во многом связана еще и с такой технической проблемой, как низкая скорость интернета (табл. 4), устойчивость канала связи, техники, способной обеспечить работу с видео.

Учителя Вологодской области тоже отметили проблему интернет-связи, однако доля таких ответов невысока: 11% случаев — низкое качество интернет-подключения в школе, 18% — отсутствие интернет-связи у обучающихся дома. Родители школьников Республики Башкортостан указали на отсутствие стабильного высокоскоростного интернета в 37% случаев.

¹⁹ Ferguson E. COVID-19: Schools distribute laptops, paper materials for at-home learning // Calgary Herald. URL: <https://calgaryherald.com/news/covid-19-schools-distribute-laptops-paper-materials-for-at-home-learning/> (дата обращения 25.06.2020).

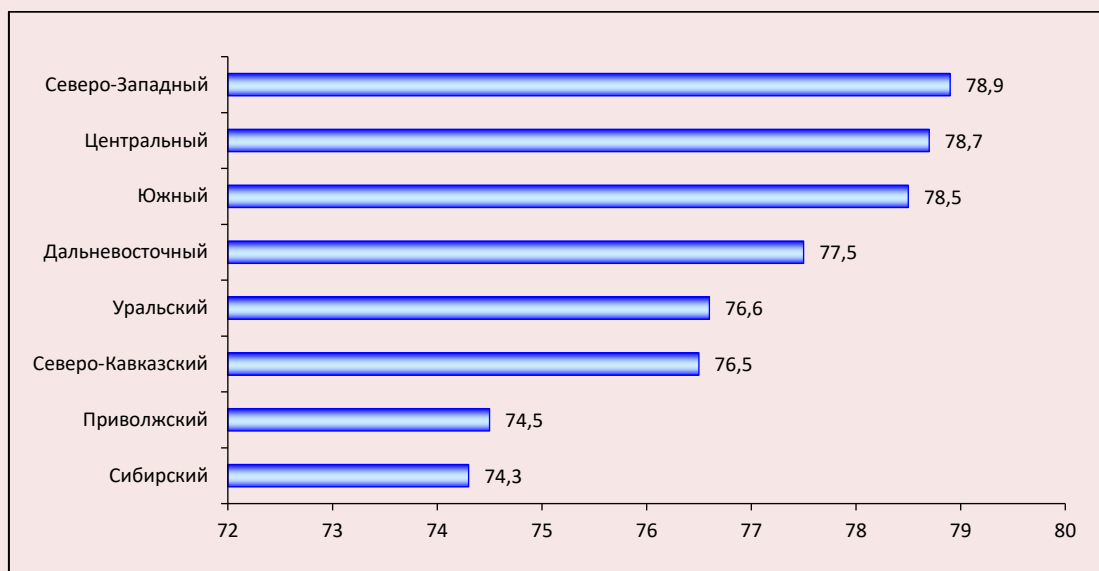
²⁰ As CA schools remain closed, 70,000 students in need will receive laptops, tablets. URL: <https://ktla.com/news/california/gov-newsom-to-provide-latest-on-covid-19-response-in-california/> (дата обращения 25.06.2020).

Рис. 2. Доступ к сети Интернет в домашних хозяйствах по странам, 2017 год,
% от общего числа домашних хозяйств

Источник: Цифровая экономика: 2019: краткий стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 96 с.

Рис. 3. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет,
в разрезе федеральных округов РФ (данные федерального статистического наблюдения
по вопросам использования населением информационных технологий), %

Источник: Мендель А.В. Переход общеобразовательных школ на дистанционное обучение в условиях пандемии коронавируса: технологические и организационно-педагогические аспекты. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2020/06/09/1605478836/ФО-Практика%20ДО.pdf>

Таблица 4. Проблемы при проведении уроков в дистанционном режиме, %

Вариант ответа	Саратовская область	Краснодарский край	Забайкальский край	Мурманская область	Респ. Саха (Якутия)	Омская область
Перебои в работе видеоплатформы из-за перегрузки линии	45	39	42	58	51	47
У меня низкая скорость интернета, что мешает проводить уроки	40	43	35	22	38	31
Сложно подсоединить всех детей к видеотрансляции	44	43	42	42	45	43
Некоторые дети не могут справиться с подключением к видеотрансляции	36	36	34	47	45	38
Приходится постоянно прерывать уроки из-за того, что кто-то из детей «вылетает»	14	14	12	17	23	14
Другое	10	11	13	12	9	15

Источник: Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Д.И. Сапрыкина, А.А. Волохович. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 32 с.

По словам одного из учителей, проживающего в сельской местности, «скорость домашнего Wi-Fi менее 10 Мб/с. Уровень доходов не позволяет оплачивать более дорогой тариф» [17].

Данные системы ООКЛА (Глобальный индекс скоростей интернета) показывают, что скорость фиксированного интернет-подключения в России ниже среднемирового значения. В мае 2020 года она составила 66 МБит/с (рис. 4). Отставание от лидера (Сингапур – 205 МГбит/с) превышает 3 раза. В рейтинге, включающем 173 страны, Россия располагается на 46 месте.

Итоги выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата за 2019 год показали, что домашние хозяйства тратят на фиксированные интернет-подключения от 2,2 (г. Севастополь) до 5,2% (Чукотский АО) своих средств [18, с. 13].

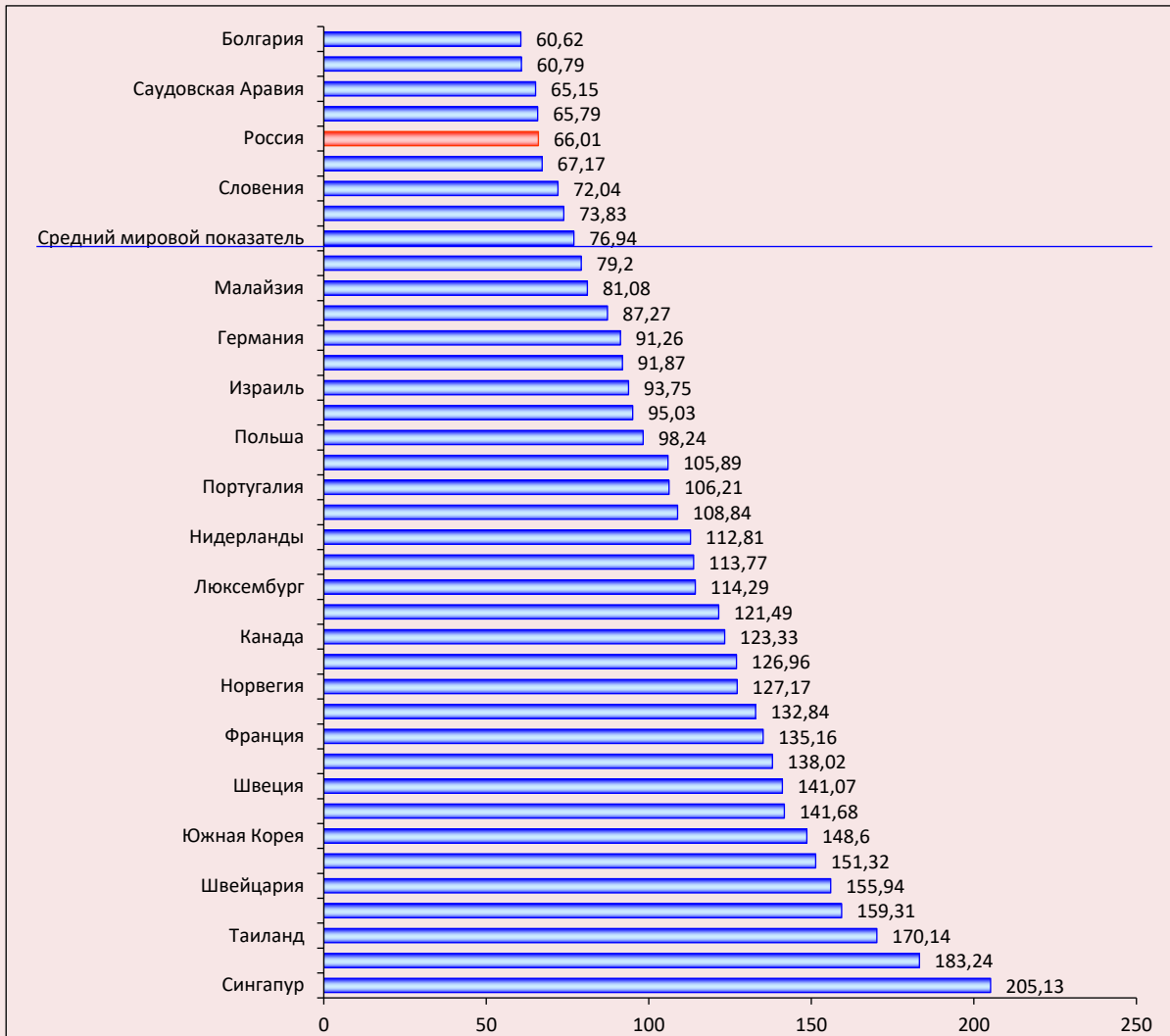
Еще одной проблемой, связанной с дистанционным режимом, стало снижение мотивации школьников к обучению. Этому социокультурному фактору череповецкие учителя и учителя сельских школ области отдали второе место в рейтинге проблем. Что характерно, родители обучающихся также отметили, что мотивация ребенка к учебе в целом снизилась (46%). В то же время треть башкирских родителей (37%) считает, что мотивация не изменилась, а в 17% случаев даже увеличилась. Однако в основном так отвечали родители, в семьях которых обучается один ребенок (рис. 5).

В топ-5 проблем дистанционного обучения в указанный период входит и сложность проведения некоторых уроков в дистанционном режиме (так ответили 32% учителей). В числе затруднений респонденты отметили нехватку учебных материалов на онлайн-платформах для занятий по музыке, ИЗО, предметам дополнительного образования, а также адаптированных пособий для детей с ОВЗ²¹. Родительская оценка эффективности дистанционного образования в части развития у детей творческих способностей, способностей к самостоятельной работе и др., в целом возможности усвоения и закрепления ими новых тем также свидетельствует о возникших пробелах – 72% высказали неудовлетворенность такой ситуацией.

Достаточно большая доля респондентов-учителей (29%) назвала такую проблему дистанционного обучения, как отсутствие подобного опыта у учительского корпуса. Согласно исследованию НИУ ВШЭ, до апреля 2020 года 64% учителей имели опыт использования образовательных онлайн-платформ, но в основном «в случае возникновения необходимости отработки сложных тем по своему предмету и для выполнения домашних заданий» [17, с. 7]. Около половины опрошенных отметили, что применяли различные онлайн-ресурсы время

²¹ Педагог поделился мнением об удаленном обучении в школе. URL: <https://iz.ru/997400/2020-04-08/pedagog-podelilsia-mneniem-ob-udalennom-obuchenii-v-shkole> (дата обращения 28.04.2020).

Рис. 4. Средняя скорость фиксированного интернет-подключения в разрезе стран²², Мбит/с, май 2020 г.

Источник: Глобальный индекс Speedtest: ежемесячные сравнения скоростей интернета со всего мира (OOKLA). URL: <https://www.speedtest.net/global-index> (дата обращения 25.06.2020).

Рис. 5. Распределение ответов башкирских родителей обучающихся на вопрос «Изменилась ли мотивация Вашего ребенка к учебе в новых условиях обучения?», % от числа опрошенных

	Ребенок 1 (самый старший)	Ребенок 2	Ребенок 3	Ребенок 4	Ребенок 5	Ребенок 6 (самый младший)	Всего
В целом уменьшилась	31,3	11,8	2,2	0,3	0,2	0,1	46,0
Не изменилась	25,8	9,2	1,8	0,5	0,0	0,0	37,0
В целом увеличилась	11,3	4,4	0,9	0,2	0,1	0,0	17,0
Всего	68,4	25,4	4,9	1,0	0,3	0,1	100

Источник: данные социологического опроса родителей, Башкирский филиал ФНИСЦ РАН, 2020 год (N = 1765)

²² До 1 января 2019 года страны сравнивались по 333 уникальным пользовательским результатам для фиксированной широкополосной связи, с 1 января 2019 года для ранжирования стран необходимо иметь не менее 300 уникальных пользовательских результатов. Результаты обновляются в середине месяца за предыдущий месяц.

от времени на школьных уроках ранее. Вологодские учителя чаще использовали возможности интернета для профессионального общения с коллегами и участия в конференциях (42%), организации внеучебных мероприятий (41%). Причем в первом случае преобладающей группой среди ответивших оказались учителя старшего возраста со стажем более 20 лет (47%), а во втором – молодые учителя со стажем до 3-х лет (31%).

Проблемы дистанционного обучения родители учащихся видят не только в технических и организационных ситуациях, но и в невозможности сохранить полноценное здоровье («глаза портятся», «зрение, осанка, вообще здоровье, т. к. при такой нагрузке дети еще не дышат свежим воздухом», «самый настоящий подрыв здоровья», «много времени дети проводят за компьютерами, это будет сказываться на их здоровье»), качество образования («дети привыкнут к интернету, сами не захотят добыть знания», «дети становятся асоциальными, вообще перестанут общаться друг с другом и с учителями. Лучше модели образования „живое общение ученика-учителя” нет»)²³.

Однако, несмотря на выявленные проблемы, касающиеся перехода на дистанционный формат, 36% российского населения довольны организацией дистанционного обучения²⁴. На вопрос «Легко ли Ваши дети приспособились к новым условиям обучения?» в ответах башкирских респондентов-родителей преобладали позитивные настроения: 36% родителей учащихся посчитали, что ребенок в целом справился, хотя это и потребовало некоторых усилий, 21% признались, что «ребенок легко приспособился

к новым условиям». И только в 5% случаев был дан отрицательный ответ. Переход на новые практики преподавания отразился на дальнейшем планировании учителей по использованию цифровых образовательных технологий в своей профессии. Так, большая часть опрошенных (67%) заявила, что и после стабилизации ситуации с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) будет использовать цифровые технологии на уроках вне зависимости от предписаний непосредственного руководства (табл. 5).

Такие намерения характерны как для молодых специалистов (72%), так и учителей со стажем (69%). В сельских районах, в отличие от городов, желание к пролонгированию цифрового опыта проявляет уже чуть более половины учительского корпуса (58%). Позитивное планирование использования цифрового контента в профессиональной деятельности педагогического корпуса связано с тем, что большая часть респондентов (59%) разных возрастов в целом положительно относится к цифровым нововведениям в образовании.

Мнение респондентов-учителей о готовности школ к работе в новых цифровых условиях оказалось менее оптимистичным, что особенно видно на примере школ разного уровня (табл. 6). Критичный уровень готовности (только 18%) к вызовам образовательной цифровизации, судя по ответам, сложился в сельских районах. Большую готовность, по оценкам педагогов, имеют «элитные» школы (цифровые школы, гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением отдельных предметов и т. д.). Как известно, такие образовательные органи-

Таблица 5. Оценки учителей Вологодской области относительно использования образовательных онлайн-ресурсов в профессиональной деятельности в будущем, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Всего по опросу	По территории			По стажу работы, лет		
		Вологда	Череповец	районы	до 3-х	3–20	более 20
Да и скорее да, чем нет	67,3	66,5	73,5	57,5	71,9	68,9	64,9
Нет и скорее нет, чем да	20,2	18,2	20,5	27,5	16,5	16,5	25,6
Это будет зависеть от позиции руководства школы	8,8	10,1	6,0	10,0	11,7	11,7	5,8
Затрудняюсь ответить	3,7	5,4	0,0	5,0	6,3	2,9	3,6
Источник: онлайн-опрос учителей школ Вологодской области (ФГБУН ВолНЦ РАН, N = 272).							

²³ Открытые ответы родителей Республики Башкортостан, онлайн-опрос Башкирского филиала ФНИСЦ РАН, 2020.

²⁴ Педагог поделился мнением об удаленном обучении в школе. URL: <https://iz.ru/997400/2020-04-08/pedagog-podelilsia-mneniem-ob-udalennom-obuchenii-v-shkole> (дата обращения 28.04.2020).

Таблица 6. Мнение учителей Вологодской области о готовности общеобразовательных организаций к обучению в дистанционном формате, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Всего по опросу	По территории			По месту работы		
		Вологда	Череповец	районы	Обычная общеобразовательная школа	Элитные школы (гимназии, лицеи и т. д.)	Коррекционные школы и школы с инклюзивным обучением
Вполне готова; скорее готова	52,3	57,1	61,2	17,5	46,2	65,9	33,4
Скорее не готова; совсем не готова	44,8	42,2	33,8	77,5	51,3	31,1	66,6
Затрудняюсь ответить	2,9	0,7	6,0	5,0	2,5	3,0	0,0

Источник: онлайн-опрос учителей школ Вологодской области (ФГБУН ВолНЦ РАН, N = 272).

зации являются инновационными площадками для внедрения цифровых технологий в процесс обучения. При этом более половины (51%) учителей, работающих в обычных школах, и более двух третей учителей коррекционных школ (67%) в ходе опроса заявили о неготовности своих организаций к подобному формату работы.

Среди родителей учащихся 45% не отметили положительных эффектов дистанционного формата обучения, но некоторые плюсы его все же указали. Так, в качестве позитивных последствий дистанционного опыта треть родителей назвала то, что «ребенок учится пользоваться новыми технологиями, программами и приложениями» (30%), четверть опрошенных увидела в этом урок «самостоятельности и ответственности детей» (28%), пятая часть – «знакомство с обучающими программами научило детей с пользой проводить время в интернете» (12%). Для многих родителей стало откровением, «как ребенок учится, ведет себя во время урока, и его истинный уровень знаний».

Заключение

Проведенные исследования указали на возможные трудности дистанционного формата обучения при сохранении выявленного комплекса разнородных факторов – технических, организационных и социокультурных. Все участники образовательных отношений (домохозяйства, работники школ, учащиеся) в равной степени оказались не совсем готовы к данной ситуации. Эта неготовность выразилась в:

– технических проблемах: отсутствие/дефицит в некоторых домохозяйствах необходи-

мой техники и интернет-подключения (из-за чего учителям приходится давать и проверять задания по телефону в смс-сообщениях). В ряде случаев оборудование отсутствовало и у педагогов (особенно это заметно в сельских районах);

– методологических проблемах: отсутствие цифрового опыта и возможностей для проведения онлайн-занятий по ряду предметов; единых требований и единой теории и методологии;

– социокультурных проблемах: снижение образовательной мотивации у учащихся в условиях дистанционного «домашнего обучения». Как следует из высказываний респондентов в ответах на открытые вопросы, «дистанционно научить вообще нельзя, так как и не определить, усвоил ли школьник те идеи, которые усвоил бы в очном формате занятий; при формально верном решении заданий он может неверно думать», «[в новом формате] существует такая проблема оценивания, как [повсеместные] списывания», «невозможно [дистанционно] получить качественное (тем более школьное) образование; детям необходимо живое общение».

Эпидемиологическая ситуация негативно сказалась на социальном самочувствии представителей учительского корпуса (некоторые оценки ниже среднеобластных значений). Однако она лишь отчасти коснулась профессионального поведения и организационной культуры педагогов, например некоторого снижения желания у персонала школы использовать в своей обычной работе инновационные технологии, что скорее послужило реакцией на «провалы» дистанционного образования.

Вместе с тем вынужденный переход на дистанционную форму обучения в школах показал и перспективы ее использования в дальнейшей работе общеобразовательных учреждений.

Во-первых, массовая реализация дистанционного формата обучения дала возможность получить такой опыт тем, кто до апреля 2020 года не использовал или страшился использовать его в своей профессиональной деятельности, и закрепить преимущества таких форм тем, кто активно их реализовывал в работе и до пандемии.

Во-вторых, учащиеся приобрели опыт самостоятельной работы с электронными материалами, узнали или расширили свои знания о возможностях образовательных платформ. Это станет значительным подспорьем в дальнейшей учебе.

В-третьих, педагогическое сообщество получило возможность апробировать как собственные наработки, так и электронные учебные материалы своих коллег, оценить их качество, практическую полезность и действенность, неизбежную конкуренцию в их дальнейшей разработке.

В-четвертых, родители учащихся, по их мнению, смогли воочию увидеть, «как ребенок учится, ведет себя во время урока, и истинный уровень знаний».

В-пятых, учительский корпус в целом проявил лояльное отношение к цифровой трансформации в образовании, понимая перспективы его развития. Ограничителем при реализации национальных целей развития РФ, по мнению педагогов, может стать неготовность образовательной сети и инфраструктуры к соответствующим нововведениям.

В связи с проблемами органам управления образованием необходимо в ближайшей перспективе проработать следующие моменты:

— более четко определиться с платформами для онлайн-обучения либо по параллелям

классов, либо по регионам, либо по другим критериям для исключения зависания ресурсов сети и устранения сильного разброса внимания учителей и учащихся между разными курсами и методиками;

— перед переходом на дистанционные формы обучения собирать сведения о наличии в семьях обучающихся необходимой техники;

— предусмотреть в новом учебном году реабилитационные мероприятия для детей с целью плавного вхождения в учебу (щадящие учебные планы, повтор тем 4-й четверти предыдущего учебного года и т. п.);

— ввести плановую систему разработки дистанционного обучения для более результативного перехода к нему в соответствующих условиях.

Результаты практической реализации дистанционного обучения в школе как альтернативной формы организации образовательного процесса в форс-мажорных условиях выявили и фундаментальные проблемы, без решения которых, на наш взгляд, массовый переход к дистанционным формам образования может привести к непоправимым социальным последствиям. Среди них:

— необходимость переоценки роли и участия «живого» учителя (педагога со знанием особенностей возрастной психологии) в образовательном процессе, социализации детей, формировании и воспитании личности;

— актуализация и интеграция исследований социально-психологических потребностей и закономерностей развития человека с новейшими образовательными методиками, подходами и технологиями;

— поиск механизмов, исключающих влияние социально-экономического положения и цифрового неравенства на возможности получить качественное образование (как базовое конституционное право гражданина РФ).

Литература

1. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 344 с.
2. Момот А.И., Ленков Р.В., Романкова Л.И. Эволюция системы координации научной деятельности по проблемам высшего образования. М.: НИИ высшего образования, 1999. 64 с.

3. Леонидова Г.В., Головчин М.А. Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 7–25. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.1
4. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае: матер. II рос.-кит. конф. исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект» (Москва, Россия, 26–27 сентября 2019 г.) / А.Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан [и др.] ; отв. ред. И.В. Дворецкая; пер. с кит. Н.С. Кучмы; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 155 с.
5. Лукиных Т.Н., Можаяева Г.В. Информационные революции и их роль в развитии общества // Гуманитарная информатика. 2005. № 2. С. 5–14.
6. Moore M. Toward a theory of independent learning and teaching. *Journal of Higher Education*, 1973, no. 44 (12), pp. 661–679.
7. Петькова Ю.Р. История развития дистанционного образования: положительные и отрицательные стороны МООС // Успехи современного естествознания. 2015. № 3. С. 199–205.
8. Peters O. Distance teaching and industrial production: a comparative interpretation in outline, in D. Sewart, D. Keegan y B. Holmberg (eds.). *Distance Education: International Perspectives*, London, Croom Helm, 1983.
9. Состояние и развитие дистанционного образования в мире / В.П. Кашицин, В.Г. Кинелев, В.Н. Лазарев [и др.]. М.: ЮНЕСКО, 1997.
10. Складенко Т.М. Зарубежные концепции дистанционного образования // Образование и наука. 2013. № 1 (100). С. 106–116.
11. Holmberg B. *The Evolution, Principles and Practices of Distance Education*. Oldenburg: Bibliotheks und Informations system der Universität Oldenburg, 2005. 171 p.
12. Alemnge F. Distance learning models and their effusiveness in cameroon higher education. *Creative Education*, 2018, no. 9, pp. 791–817. DOI: 10.4236/ce.2018.95059
13. Holmberg B. *Theory and Practice of Distance Learning*. London: Routledge, 1989. 252 с.
14. Moore M. G. Editorial: distance learning theory. *The American Journal of Distance Learning*, 1991, no. 5, pp. 1–6.
15. Переход на дистанционное образование: детальный разбор муниципального кейса: САО-экспресс (в доработке) / Р.С. Звягинцев, Ю.Д. Керша, М.А. Пинская. М.: Центр общего и дополнительного образования им. А.А. Пинского Института образования НИУ ВШЭ, 2020. 21 с.
16. Бессуднов А.Р., Малик В.М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 136–167.
17. Константиновский Д.Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). Сентябрь – октябрь. С. 40–65.
18. Фруммин И.Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 5–22.
19. Безменов А.А. Определение сущности понятия «дистанционное обучение» // Научный поиск. 2013. № 2.1. С. 63–65.
20. Жук А.А., Фурса Е.В. Нарративный анализ институциональных ловушек сферы образования и науки России // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11. № 1. С. 176–193. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.1.176-193
21. Гнатышина Е.В., Саламатов А.А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник ЮУрГГПУ. 2017. № 8. С. 19–23.

Сведения об авторах

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Рим Марсович Валиахметов – кандидат социологических наук, и. о. декана факультета, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 3/4; e-mail: rim_m_sifat@inbox.ru)

Гузель Римовна Баймурзина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, и. о. директора, Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1; e-mail: guzrim@mail.ru)

Любовь Васильевна Бабич – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lvbabich@vscc.ac.ru)

Leonidova G.V., Valiakhmetov R.M., Baimurzina G.R., Babich L.V.

Problems and Prospects of Distance Learning in the Estimates Provided by Teachers and Schoolchildren's Parents

Abstract. Appealing to the problem of distance learning at schools is caused by the urgent transfer of the educational process to a digital format against the background of the pandemic announced in March 2020 due to the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the world. Almost all national education systems in developed countries have been converted to online format. Despite the available experience and a certain readiness of the educational sphere to use distance learning, such a comprehensive mass transition to the “remote mode” could not but cause a number of problems both for the teaching corps and for students and their parents. The purpose of the research is to analyze the first results of distance learning at school in conditions of self-isolation due to the need to contain the spread of coronavirus infection in the country. Information base of the research are online surveys of teachers of the Vologda Oblast and school students' parents of the Republic of Bashkortostan, conducted in April-May 2020 by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences and the Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. The problems of distance learning are identified in a number of aspects: technical (lack of necessary equipment in households, quality of the Internet, reliability of educational platforms), organizational (lack of a unified methodology for online learning; increased workload for teachers; difficulties in conducting some creative and laboratory classes) and socio-cultural (reduced educational motivation of school children; high risks of children's health deterioration). The novelty of the research lies in a comprehensive assessment of the situation related to the processes of remote learning of a mass social group of schoolchildren in the context of a pandemic by two key actors of the education system – the teaching corps and parents, as well as in identifying the problems caused by the emergency transition to online learning. The practical significance of the study is in the formation of a knowledge base and grounds for making balanced and adequate management decisions both in the event of such emergency situations, and in the course of further implementation of the national development goals of the Russian Federation until 2030: digital transformation, achieving “digital maturity” of key sectors of the economy and social sphere, including education.

Key words: distance learning, online learning, comprehensive school, teacher, parents, schoolchildren, coronavirus infection, pandemic.

Information about the Authors

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Rim M. Valiakhmetov – Candidate of Sciences (Sociology), Acting Dean of Faculty, Bashkir State University (3/4, Karl Marx Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russian Federation; e-mail: rim_m_sifat@inbox.ru)

Guzel' R. Baimurzina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Acting Director, Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (20/1, 50-letiya Oktyabrya Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation; e-mail: guzrim@mail.ru)

Lyubov V. Babich – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Head of Department, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lvbabich@vsc.ac.ru)

Статья поступила 10.07.2020.

Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации*

Людмила Александровна

БЕЛЯЕВА

Институт философии Российской академии наук

Москва, Российская Федерация, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0538-7331; ResearcherID: J-8006-2018

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем молодежи, оказывающих влияние на ее жизнедеятельность и социальное благополучие (социальная стратификация общества; положение и поведение молодежи на рынке труда; изменения в ценностных ориентациях и моделях социокультурного поведения молодежи). Показано социальное положение молодежной группы населения в России, ее интеграция в рынок труда и эмоциональный компонент политической социализации. Анализировались возрастные группы, относимые в соответствии с градацией поколений В. Штрауса и Н. Хау к поколению Y. Материальный уровень жизни молодежи, образование и место проживания – это индикаторы, которые дифференцируют российскую молодежь, создавая своего рода стратификационную молодежную пирамиду. В настоящее время сокращается место молодежи на рынке труда при увеличении доли занятых в возрасте 55–72 года, что отрицательно сказывается на инновационном развитии экономики. Доминирующей отраслью для занятости молодежи стала сфера услуг. Социализация современной молодежи противоречива, что обусловлено глубокой социальной дифференциацией, неустойчивым положением на рынке труда, воздействием глобальных информационных процессов, противопоставлением внутри общества толерантного отношения к инаковости и независимости и непримиримости к иным точкам зрения и моделям поведения, отличным от традиционных представлений и ценностей. Для политической социализации молодежи характерен низкий уровень интереса к политике,

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-011-00285 «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период».

Для цитирования: Беляева Л.А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 4. С. 220–237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13

For citation: Belyaeva L.A. Generation Y in Russia: social stratification, position in the labor market and problems of political socialization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends. Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 220–237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13

более критическое отношение к демократическому статусу страны при взрослении респондентов с усилением позитивного эмоционального компонента в отношении к Родине. При сравнении некоторых характеристик указанных поколений в РФ с характеристиками молодежи европейских стран, находящихся на разных уровнях развития: Польши, Чехии, Испании, Германии, Швеции, выявлена их своеобразность, связанная с остротой многих проблем экономического и демократического развития России. Используются данные Росстата, авторских эмпирических исследований, европейского социального исследования (ESS).

Ключевые слова: социальная стратификация молодежи, рынок труда, политическая социализация, образование, ценности.

Введение

В конце XX – начале XXI века проблемы молодежи и, шире, проблемы поколений, их смены, передачи ценностного опыта и преемственности социальных практик стали одними из самых важных для сохранения целостности общества как системы и динамизма его развития. В последние годы опубликовано несколько монографий, в которых рассматриваются актуальные и новые проблемы только вступающих в этот мир поколений молодежи и тех, кто в нем вполне освоился и начинает влиять на общество, даже если сами представители этих групп это отрицают, стремясь как можно дольше побыть «невзрослыми»¹ [1; 2]. Палитра исследовательских проблем молодежи довольно обширная [3–5]. Так, например, исследовательский центр поколений, созданный в Великобритании, проводит изучение уровня жизни поколений, возможностей, открывающихся перед молодыми людьми для собственного развития и реализации семейного и общественного контракта между поколениями – поддержки старших возрастных групп². Ученые в разных странах единодушно признают существенные отличия молодежи от старших возрастных групп, находят у них общие черты, которые определяются погруженностью молодежи в виртуальную реальность с формированием новой системы ценностей [6; 7].

В статье внимание сосредоточивается на нескольких проблемах молодежи, влияющих на ее жизнедеятельность и социальное благополучие. Во-первых, это проблема социальной страти-

фикации всего общества, в котором поколения молодежи занимают свое динамично изменяющееся дифференцированное место, образуя иерархическую молодежную пирамиду; во-вторых, положение и поведение молодежи на рынке труда в связи с его противоречивыми изменениями и появлением новых форм занятости; в-третьих, трансформация ценностных ориентаций, моделей социокультурного поведения молодежи, которые не распространяются на всю когорту и свидетельствуют об отсутствии у молодежи и в целом в обществе единой ценностной системы, продолжающей дифференцироваться по разным основаниям, в том числе по возрастным и поколенческим признакам.

Теоретические основы изучения молодежных групп

Далее остановимся на выделенных проблемах, однако сначала нужно дать определение понятию «молодежь». Наиболее употребительная характеристика молодежи через ее социальные функции представлена Карлом Манхеймом. «Проблема состоит в том, что, хотя всегда есть новое поколение и молодежные возрастные группы, тем не менее вопрос их использования зависит каждый раз от характера и социальной структуры данного общества. Молодежь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность... Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [8, с. 571–572]. Отмеченная Манхеймом функция молодежи как двигателя инновационно-

¹ New Generational Contract: The final report of the Intergenerational Commission. Published on 8 May 2018. URL: <https://www.resolutionfoundation.org/advanced/a-new-generational-contract> (дата обращения 13.03.2020).

² Там же.

го развития общества не содержит упоминания о возрастных характеристиках, возрастных границах, что в данном определении принципиально не важно, тем более что эти границы подвижны и имеют свои пределы в зависимости от исторических этапов, проживаемых обществом.

Наиболее употребительным в советской, а теперь и в современной российской социологии является определение И. Кона: «Молодежь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла, биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [9, с. 85]. С точки зрения социокультурного подхода молодежь может рассматриваться как социально-демографическая группа, обладающая общей системой ценностей, мировоззрения, стандартами поведения, субкультурой. Но в современных российских условиях можно говорить о множественности ее социокультурных обликов, складывающихся под влиянием процессов дифференциации общества и самой молодежи.

Верхняя возрастная граница молодежи составляет сейчас 30 лет, когда для большинства молодых людей окончательно определяется профессиональный путь, заканчивается образование, создаются собственные семьи. Но вместе с тем имеются тенденции к расширению этой границы, поскольку многие молодежные роли продолжают массово исполняться и в более позднем возрасте. Ранее, при более коротком периоде обучения, верхняя граница молодежного возраста была меньше. Нижняя возрастная граница также подвижна и колеблется у разных исследователей в диапазоне 14–18 лет. Вместе с тем существует исследовательская практика, в соответствии с которой молодежь подразделяется на внутренние возрастные группы, например: подростки от 14 до 18 лет, молодежь

18–24 лет, «молодые взрослые» 25–29 лет, другие градации, в том числе доходящие в верхних границах до 35 лет.

Получила распространение систематизация поколений, следующая за разработкой американских ученых В. Штрауса и Н. Хау [10]. Выделение поколений молодежи в настоящее время связывают со знаковыми событиями в мире цифровых технологий и развития компьютерных сетей. В отношении молодежи выделяют как крупные группы, например миллениалы, или поколение Y (родившиеся в период с первой половины 1980-х до конца 1990-х гг., к началу 2018 года им было примерно от 18 до 35 лет [2]), так и более молодые группы, например «цифровое поколение» (поколение Z), родившееся после 2000 года. Эти градации имеют значение не только для исследований социальных характеристик молодежи, но и несут коммерческий смысл для производителей определенных товаров, особенно связанных с модой и сферой IT.

Однако следует признать, что нюансы возрастной классификации не имеют принципиального значения, это скорее предмет договоренности исследователей, которые ориентированы или на разные этапы жизненного пути молодежи (взросление, профессиональное самоопределение и начало трудовой деятельности, нахождение своего места в социально-профессиональной структуре общества и выполнение семейных функций), или на определенные знаковые события в развитии конкретного общества и хотели бы иметь возможности сопоставлять результаты проведенных работ. Логика дифференциации молодежи присутствует в традициях Росстата, в исследованиях которого в настоящий момент выделяются возрастные группы 15–19, 20–24, 26–29, 30–34 года, в других градациях вместо последней группы используется возрастной интервал 30–39 лет³. Словом, вариантов возрастной классификации молодежи много и для целей конкретного анализа можно отказаться от стандартного решения для выполнения исследовательских задач.

³ Российский статистический ежегодник. 2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>; Труд и занятость в России. 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm

Методы и методология исследования

В статье использованы большие данные ESS (Европейского социального исследования), которое проводится с 2002 года в большинстве европейских стран, в том числе с 2006 года в России. В России исследование осуществляет ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований).

Сбор информации проходит в виде личного интервью на дому с респондентами 15 лет и старше по случайной вероятностной выборке. Размер выборки составил в 2016 году 2430 респондентов. В статье для сравнения данных выбраны страны в зависимости от длительности их существования в рыночной системе хозяйства, уровня развитости экономик и стабильности демократии.

Для представленного ниже анализа были использованы две градации поколений. Первая основана на выделенных Росстатом группах молодежи в диапазоне 15–29 лет (с разделением на группы 15–19, 20–24, 25–29 лет), вторая – поколение Y (18–34 года), разделенная на две когорты: 18–24 и 25–34 года.

Результаты и их обсуждение

Отталкиваясь от двух фундаментальных определений – молодежь как двигатель инновационного развития общества и молодежь как носитель социальных и психологических характеристик, зависящих от возраста, рассмотрим выделенные выше актуальные контексты, связанные с положением молодых людей в российском обществе.

Сначала отметим некоторые настораживающие количественные тенденции, характеризующие изменение места молодежи в российском обществе. В 2017 году, по данным Росстата, доля молодежи в возрасте 14–30 лет составляла в России 29,4 млн чел., или 20% населения страны. При этом только за 4 года – с 2013 по 2017 – ее численность сократилась почти на 5 млн человек, или на 5 п. п. Основная часть молодежи проживает в городах (75,6%), 24,4% – на селе (2016 г.). Регионы России заметно различаются долей молодежи в населении, причем такое положение, по прогнозам Росстата, сохранится и в ближайшем будущем. По среднему варианту прогноза на 2025 год минимальная доля молодежи в населении будет наблюдаться в Москве – 14,42% и Санкт-

Петербурге – 14,92%, максимальная – в Чеченской Республике, Республике Дагестан и Ингушетии – 26,72, 23,87 и 23,26% соответственно. Сейчас в этих регионах в составе населения более 30% молодых людей⁴ и одни из самых высоких показателей молодежной безработицы. Очевидно, что для предотвращения негативных социальных событий в этих регионах необходимо обеспечивать большую занятость молодежи.

Столь неблагоприятные тенденции в изменении численности молодежи определяют в перспективе тревожный уровень демографической нагрузки. К 2035 году, по среднему прогнозу Росстата, на каждую тысячу лиц трудоспособного возраста будет приходиться по 834 нетрудоспособных, в том числе детей до 14 лет – 287, а лиц старше трудоспособного возраста почти в два раза больше – 547 человек. В Курганской области прогнозируется демографическая нагрузка более 1 тыс. нетрудоспособных на 1 тыс. трудоспособных⁵. Это заставляет все с большим опасением смотреть в будущее, в частности анализировать современное положение молодежи в России, тенденции ее социализации, включенности в образовательную систему, участие в общественном производстве и влияние на ценностно-нормативную систему общества, которая все больше будет определяться теми поколениями, которые сейчас пока относятся к когорте молодежи.

Молодежь в системе социальной стратификации

На современном этапе развития российского общества можно выделить три ведущих критерия, определяющих положение молодого человека: материальный уровень жизни, образование и место проживания. Все три критерия не только дифференцируют саму молодежь, но и проецируют на нее стратификацию семей и региональных сообществ, где проживал или проживает молодой человек. Наследственный фактор все в большей мере оказывает влияние

⁴ Демографический прогноз численности населения РФ до 2031 г. (средний вариант), скорректированный по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения 15.05.2019).

⁵ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

на место в обществе. Относительная социальная однородность при социализме сменилась глубоким расслоением, что не могло не сказаться на социальном положении молодежи.

Как отмечают некоторые исследователи, в советской России материальное положение выступало далеко не самым существенным показателем статуса, сейчас же это один из важных индикаторов. Возникла новая система социальных координат, соответствующая новым экономическим и политическим отношениям. В связи с этим усложнилась система критериев или статусных индикаторов, по которым определяется положение индивида или группы в социальной иерархии [11]. Материальная дифференциация и социальный статус взрослого населения отразились на материальном и социальном положении представителей молодежи из разных доходных и социальных слоев, открыли перед ними разные каналы социальной мобильности. Проблема обостряется глубокими различиями между регионами [12].

Как же оценивают молодые люди материальное положение своих семей? По данным ESS, молодежь настроена более оптимистично, чем взрослое население РФ. Только 7 и 10% молодых людей 15–24 и 25–34 лет соответственно считают, что на доход их семьи жить очень трудно, а 26 и 32% – довольно трудно. Для взрослых 45–59 лет и 60+ эти оценки более тревожные (табл. 1).

Для того чтобы более объективно оценить уровень материального обеспечения молодежи в России, можно сопоставить оценки, которые дали российские молодые люди и их сверстники из нескольких стран бывшего социалистического лагеря (Польша, Чехия), юга Европы (Испания), центральной (Германия) и северной Европы (Швеция). Если в России 60%

молодежи 15–24 лет ответили, что их семья на получаемый доход может жить, не испытывая материальных затруднений, или этого дохода в принципе хватает, то в Польше такую оценку дохода дали 90% этой возрастной группы, в Чехии – 68%, в Испании – 77%, в Германии и Швеции – по 91%. В группе 25–35-летних в перечисленных европейских странах оказались близкие оценки материального благополучия за исключением Испании, где на 10% меньше молодых людей этого возраста оценили доход своей семьи как достаточный или не создающий никаких материальных затруднений. В России также отмечается снижение численности возрастной группы с такой оценкой дохода семьи по сравнению с группой 15–24-летних на 7%. Следует обратить внимание, что недостаточность дохода негативно сказывается не только на уровне и качестве жизни, но и на перспективах получения хорошего образования в группе 15–24-летних, а также на жизнедеятельности молодых людей 25–35 лет, особенно если у них уже есть дети.

По данным ESS и других исследований, наибольшую долю людей, не имеющих материальных затруднений, составляют в России предприниматели. Можно с уверенностью предположить, что этот слой имеет лучшие материальные возможности, для того чтобы дать детям хорошее качественное образование, в том числе за границей. Это же заключение можно распространить на управленческую и культурную элиту. Но было бы справедливо обратить внимание на то, что слой малых и средних предпринимателей, а также самозанятых в России очень узкий, сохраняются неблагоприятные тенденции его развития. Из года в год эксперты отмечают «непредсказуемость и агрессивность» государственной политики,

Таблица 1. Какое высказывание наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи?, %

	Россия, возраст (лет)				
	15–24	25–34	35–44	45–59	60+
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	8	8	6	7	5
Этого дохода нам в принципе хватает	52	45	45	39	35
Жить на такой доход довольно трудно	26	32	33	35	39
Жить на такой доход очень трудно	7	10	11	15	20
Затрудняюсь ответить	7	5	5	4	1
Итого	100	100	100	100	100

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

«постоянно ужесточающиеся правила ведения бизнеса, их постоянное изменение и усиление карающей политики всех контролирующих органов», «постоянное появление новых требований». «Высокий уровень бюрократии» и «клановость чиновничьего аппарата» также не способствуют улучшению предпринимательского климата в России⁶. Усилия правительства по либерализации условий для предпринимательской деятельности и работы самозанятых имеют целью упростить развитие бизнеса, но о результатах судить пока рано. Несмотря на имеющиеся трудности, многие предприниматели готовы передать свой бизнес детям в случае их интереса к этой деятельности и намерены их к этому готовить, в частности обеспечивая получение хорошего образования⁷.

Выходцы из родительских семей, имеющих высшее образование, с большой вероятностью пополнят слой специалистов, молодежь из рабочих семей получает, как правило, среднее профессиональное образование и занимает рабочие места на рынке труда. Практически все дети управленцев оканчивают вузы [13]. Прослеживается устойчивая тенденция перехода в средний класс молодежи, чьи родители также были «средними». Так складывается социальная стратификация молодых поколений россиян. Влияние социально-экономического статуса семьи на выбор образовательной и профессиональной стратегии молодым человеком очень значительно и состоит в основном в личной поддержке стремления достичь определенного статуса и тех преимуществ — материальных и социальных, которыми обладает семья для реализации такого выбора. Здесь можно отметить решающее положительное влияние культурного капитала, накопленного поколениями родителей в советский период, на формирование культурного капитала современной молодежи. Престиж образования даже в постсоветские десятилетия резкого снижения уровня жизни специалистов и сокращения рынка интеллек-

туального труда не привел к сокращению желания семей дать детям высшее образование, хотя качество образования в вузах повсеместно снижалось и часто пребывание в вузе рассматривалось как этап социализации молодого человека, а не приобретение востребованной профессии. В результате образовательного «бума» среди занятых высшее образование в 2000 году имели 24,7%, а в 2017 — 34,2%⁸. Мы не говорим здесь о качестве подготовки специалистов, а только отмечаем количественные изменения.

Существует сильная корреляционная связь уровня жизни с местом жительства в разных типах населенных пунктов и удаленности от столиц и больших городов. Как показано в монографии «Модели доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения», в 2017 году в столицах России — Москве и Петербурге — высокодоходные слои составляют 51% населения, в центрах субъектов РФ — 7%, в районных центрах — 4%, в селах и поселках городского типа — 2%. И обратные пропорции по доле низкодоходных слоев: в столицах 1%, в центрах регионов — 22%, в районных центрах — 35%, в селах и поселках городского типа — 45%. Меньшие, но все же значительные различия наблюдаются в пропорциях среднедоходной и медианной доходной групп [14]. Материальный уровень жизни семьи прямо сказывается на материальном и социальном положении молодых людей, когда они живут в семье родителей, и косвенно, когда молодой человек живет отдельно от родительской семьи или имеет свою семью и детей. Региональная дифференциация уровня жизни сегодня предопределяет получение молодежью качественного образования и занятие центрального или периферийного места на рынке труда.

Если оценить факторы, влияющие на материальное положение молодежи и распределение по социальным стратам, то первое место нужно отвести зависимости от материального и социального положения родителей, их образовательного багажа, когда молодой человек наследует от них определенные материальные и социальные ресурсы, условно говоря, экономический, социальный и культурный капитал.

⁸ Российский статистический ежегодник. М., 2018. С. 119.

⁶ Национальный отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2018/2019 г. URL: https://gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf (дата обращения 26.06.2019).

⁷ «Не нужно вешать на детей свой бизнес». Предприниматели — о том, передавать ли ребенку свое дело. URL: <https://rb.ru/opinion/preemniki-biznesa/> (дата обращения 25.06.2019).

Второе место, по нашим оценкам, занимает локализация места проживания, его близость к центрам развития, где имеются учебные заведения, дающие востребованную профессию и квалификацию, и предлагаются качественные рабочие места. Третья группа факторов – уровень полученного самим молодым человеком образования, качество его социализации, умение адаптироваться к социальной среде, стать инноватором в своей области деятельности и социально активным человеком в выборе направлений развития. Эта группа факторов зависит и от социального и культурного капитала молодого индивида, его окружения, и от личных социально-психологических характеристик и внутренней мотивации.

Можно говорить о множественности последней группы факторов, что делает спорным их однозначную интерпретацию в современных условиях. Сейчас у российской молодежи есть многообразие опыта, мотиваций для выстраивания жизненного пути, целый спектр возможностей для достижения личных и общественных целей. Но вместе с тем для большинства молодых людей особо значимо достижение более высокого места в общественной иерархии и хорошего материального положения, что рассматривается как достижение личного социального успеха. С точки зрения культурно-антропологического подхода он детерминруется социокультурными факторами, успех личности понимается как реализация ее жизненной стратегии, сформированной в системе определенных культурных норм, представлений и идеалов. Замечу, что понятие социального успеха имеет многоплановую природу, хотя сейчас он часто сводится к получению более высокого места в социальной стратификации и предполагает участие в конкуренции, состязательность, преодоление, победу [15]. Часть российской молодежи видит свой жизненный путь не в продвижении по иерархической лестнице, а отдает свою энергию творчеству, поиску себя в осваивании новых культурных практик, новых локальностей и нового образа жизни. Тем не менее, для большинства молодых людей актуализирована проблема интеграции в современный рынок труда с целью занять на нем место, дающее возможность вертикальной социальной мобильности.

Положение молодежи на рынке труда

Трудоустройство, карьерный рост и занятие места в социально стратифицированном обществе в значительной мере определяются положением, которое молодые люди занимают на рынке труда, и тем, как это положение соотносится с положением взрослых и старших возрастных групп. Рассмотренные выше тенденции сокращения численности молодежи негативно скажутся на возрастной структуре занятого в экономике населения, как следствие, в будущем по истечении 15–20 лет станет меньше возможностей для роста производительности труда. Что же сейчас может предоставить рынок труда для молодежи?

Состояние рынка труда в России в 2000–2015 гг. проанализировано в докладе, подготовленном специалистами ГУ «Высшая школа экономики» [16]. Используя результаты этого анализа как «рамку», рассмотрим проблемы интеграции молодежи в современный российский рынок труда, тем более что этот аспект в упомянутом докладе представлен только фрагментарно. Для этого на основе материалов официальной статистики выделим основные характеристики рынка труда в России, влияющие на положение молодежи на нем и в экономике в целом. При этом используем возрастную группировку, принятую в статистических сборниках, в которых молодежная группа охватывает возраст 15–29 лет.

Как показывает статистика, увеличение численности пожилых работников в экономике изменяет пропорции в составе занятых, в результате чего доля молодежи в общей численности занятых сокращается (*табл. 2*).

Доля молодежи в экономике за 2005–2016 гг. в масштабах страны снизилась почти на 3%. Одновременно на 4,2% выросла доля занятых в возрасте 55–72 года. Уменьшение доли молодых людей в экономике, безусловно, отрицательно сказывается на инновационном развитии, поскольку молодежь имеет, как правило, лучшую современную подготовку и восприимчивость к новому, в частности к внедрению цифровых технологий.

Внутри возрастных групп молодежи за последние 10 лет также произошли существенные сдвиги. В группе 15–24 года примерно на 5% сократилась доля занятых в экономике за счет

Таблица 2. Структура занятых по возрастным группам, %

Год	Всего	в том числе в возрасте, лет										
		15–19	20–24	25–29	Молодежь 15–29	30–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–72
2005	100	2,1	9,6	12,7	24,4	24,0	14,5	14,6	12,1	6,7	2,0	1,8
2010	100	1,0	9,4	13,6	24,0	25,3	11,5	13,7	13,0	8,3	3,0	1,2
2014	100	0,6	7,8	14,5	22,9	26,3	12,0	11,8	13,3	9,0	3,7	1,2
2015	100	0,6	7,0	14,5	22,1	26,9	12,2	11,4	13,0	9,3	3,9	1,2
2016	100	0,6	6,4	14,5	21,5	27,4	12,5	11,2	12,7	9,4	4,0	1,3

Источник: Труд и занятость в России. 2017: стат. сб. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm

увеличения доли учащихся – школьников и студентов. При этом одновременно выросла доля занятых в старшей молодежной группе – 25–29 лет – на 2,4%. Такие структурные изменения свидетельствуют о появлении больших возможностей для молодежи продолжить образование (разного уровня) и только после этого приступать к работе.

В 2000–2018 гг. при сокращении в общей занятости первичного (сельское хозяйство и рыболовство – с 13,4 до 6,9%) и вторичного (промышленность и строительство – с 30,4 до 27,9%) секторов доминирующим по численности сектором экономики становится сфера услуг (ее доля выросла с 56,2 до 65,3%)⁹. Именно она является основным местом работы для молодежи в последние годы: молодежь активно занимается торговлей, финансовым посредничеством, операциями с недвижимостью и гостинично-ресторанным бизнесом.

Кроме того, молодые люди довольно активны в создании собственного бизнеса, самостоятельного дела. В 2016 году 16,7% работающих не по найму были молодыми людьми до 30 лет. При этом доминируют в указанной группе молодые люди, имеющие только среднее образование. Очевидно, что для них, особенно на селе и в малых городах, не достаточно мест работы с хорошей оплатой, в связи с чем они начинают работать самостоятельно в качестве строителей, водителей, мелких торговцев и производителей разнообразных услуг.

В соответствии с отраслевыми и статусными сдвигами в России изменился квалификационный состав занятых – выросла доля руководи-

телей, специалистов высшей и средней квалификации, работников сферы обслуживания, но сократилась численность квалифицированных и особенно неквалифицированных рабочих и сельскохозяйственных работников. Вследствие таких перемен нефизический труд стал доминирующим видом экономической активности молодежи и вообще всех россиян. Рабочие места, требующие больших физических усилий, оказались в основном уделом трудовых мигрантов.

Молодежь до 30 лет больше представлена в занятиях, требующих высшего или среднего уровня квалификации, а также в сфере обслуживания и торговли, чем среди работников сельского хозяйства, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, операторов установок и машин (табл. 3).

Последние четыре группы занятых, представленные в таблице, не пользуются среди молодежи такой популярностью, как первые четыре, если не учитывать руководителей. Между тем, по оценке министерства экономического развития, на протяжении 2018 года самое ограниченное предложение кадров требуемой квалификации наблюдалось среди рабочего персонала, а соотношение поданных резюме и вакансий было самым маленьким. Молодые люди предпочитают нерабочие специальности. В результате в настоящее время около одной трети всех занятых в гостиничном бизнесе, финансовой сфере представлены молодежью до 30 лет, 26% – в торговле и бытовом обслуживании.

Интеграция молодежи на рынок труда носит противоречивый характер. Деиндустриализация и медленная модернизация экономики обусловили отток молодежи из материального производства и занятие открывшихся рабочих мест в торговле и обслуживании, в том числе в

⁹ Труд и занятость в России. 2003: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2003. С. 190; Труд и занятость в России. 2019: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2019. С. 62.

Таблица 3. Структура занятых по возрасту и группам занятий*, 2016 год, %

	Всего	в том числе в возрасте, лет					
		15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–72
Занятые – всего	100	0,6	20,9	27,4	23,7	22,1	5,3
Руководители	100	0,0	10,3	26,5	29,4	27,7	6,1
Специалисты высшего уровня квалификации	100	0,0	23,0	30,4	23,5	18,7	4,4
Специалисты среднего уровня квалификации	100	0,4	23,7	27,1	23,6	20,9	4,2
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	100	0,4	23,9	27,2	22,4	21,4	4,7
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	100	0,8	25,2	29,0	22,8	18,5	3,7
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	100	4,2	13,6	16,8	19,2	25,5	20,7
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	100	0,3	20,5	28,0	23,6	23,3	4,3
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	100	0,2	17,5	26,3	25,6	26,4	3,9
Неквалифицированные рабочие	100	2,2	18,8	22,7	21,3	26,1	9,0

* В соответствии с Общероссийским классификатором занятий (ОК 010-2014).
Источник: Труд и занятость в России. 2017: стат. сб. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm

финансовом посредничестве. Сегодня сектор услуг вносит значительный вклад в ВВП России и обеспечивает широкий спектр предложений для населения. При этом остаются неразвитыми те отрасли экономики, которые составляли материальную базу экономического развития страны, однако не оказались приоритетными для трудоустройства молодежи. Положение может измениться с внедрением в производство цифровых технологий.

Развитие интернета и глобализация породили новый вид занятости, очень привлекательный для молодежи, — фриланс. Такие виды деятельности, как создание сайтов, работа с текстами, дизайн и арт, программирование, аутсорсинг, копирайтинг и т. д., по оценкам, на 20% выполняются в IT-секторе фрилансерами. Кроме того, фрилансеры получают заказы на разные типы инжиниринга — изготовление чертежей, схем, конструкций и проч. Возникли отечественные и международные биржи фриланса, рынок удаленного труда приобрел международный характер, он становится все более популярен для молодежи, имеющей подготовку в сфере цифровых и интернет-технологий. Он привлекателен свободой самоорганизации труда, возможностью жить в любой точке земного шара при выполнении заказных работ, но вместе с тем несет угрозы недостаточной социальной защищенности.

Для российской молодежи с невысоким уровнем образования в последние годы стал доступен неформальный сектор занятости, в основном в торговле, строительстве, сфере бытовых и личных услуг. Активно развивается отходничество — работа относительно долгое время вне постоянного места жительства. За счет неформального сектора занятости растет совокупная занятость, удовлетворяется спрос на услуги. По различным оценкам, неформальная занятость в России составляет 20–25%. В российских условиях формальный и неформальный секторы существуют не изолированно, они активно взаимодействуют друг с другом. Негативный эффект участия в неформальной занятости заключается в отсутствии социальных гарантий — оплаты больничных листов, формирования пенсии и т. д., а также, как правило, возможностей для повышения квалификации и социального статуса. Известно, что вовлеченность в процессы обучения и переобучения зависит от места работы и уровня образования. Неформальный сектор стал прибежищем в основном для молодежи с низким образовательным уровнем, к тому же для работы в этой сфере дополнительное обучение часто не является необходимым.

Таким образом, российская молодежь на современном рынке труда активно занимает места в неформальном секторе экономики (профес-

Таблица 4. Структура безработной молодежи по возрастным группам, %

	Безработные всех возрастов – всего	Возраст (лет)			
		15–19	20–24	25–29	Итого молодежь 15-29 лет
2000	100	9,6	17,2	12,5	39,3
2010	100	5,6	20,8	15,0	41,7
2015	100	4,7	19,8	16,1	40,6
2016	100	4,2	19,1	16,5	39,8
2017	100	3,8	17,9	16,5	38,2

Источник: Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 124.

сионалы – в IT-секторе, молодежь с невысоким уровнем образования, без профессиональной подготовки – в торговле, строительстве и секторе услуг). Несмотря на более высокую зарплату для молодежи в нем практически отсутствует социальная защита и сегодня, и в будущем – при наступлении пенсионного возраста. Наиболее дальновидные молодые люди создают для таких случаев своего рода «подушку безопасности».

Эта группа небольшая, но преодолеть маргинальное положение ее представителям очень сложно, как и найти хорошую работу или получить качественное образование. Среди такой молодежи много сельских жителей, людей с проблемами здоровья и инвалидов. Выход, предлагаемый авторами доклада «Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения», с которым нельзя не согласиться, заключается в следующем: только стимулирование представителей молодежи НЕЕТ к получению и повышению квалификации и переобучению в рамках активных программ поиска работы, которые имели бы четкую связь с требованиями рынка труда, а также создание рабочих мест на селе могут привести к сокращению численности данной группы. Однако с течением времени она может пополняться также выпускниками некачественных вузов. Их профессиональный путь, вероятно, будет связан с непрестижными и низкоквалифицированными рабочими местами [16]. Основные их профессиональные достоинства обеспечиваются прохождением социализации в стенах вуза с приобретением социальных и поведенческих навыков и компетенций, которые становятся необходимыми, для того чтобы занять место на рынке труда.

Большая часть современной российской молодежи сталкивается с безработицей. За по-

следние 17 лет безработица в России снизилась до минимальных значений, сейчас она охватывает только 5,2% трудоспособного населения, или 4,2 млн человек¹⁰. При этом доля молодежи до 30 лет в составе безработных колебалась в эти годы в районе 40%, составив в 2017 году 38,3% (табл. 4).

Молодежная безработица имеет специфический характер. С 2005 по 2018 год доля выпускников вузов выросла с 13,1 до 20,7% от всех безработных, а среди получивших среднее профессиональное образование рабочих и служащих сохранилась на уровне 19–20%¹¹. Безработица среди лиц с другими образовательными уровнями в эти годы постепенно снижалась. Очевидно, что среди безработных, которые не имели раньше никакой работы (их число составляет 26%), большинство – молодежь. Как можно оценить эти тенденции молодежной безработицы? Ответ кроется, возможно, в региональных особенностях структуры рынка труда в России, его асимметричном состоянии.

Самый низкий уровень безработицы отмечается в Центральном федеральном округе, самый высокий – в Северо-Кавказском. При этом молодежь 20–29 лет, уже получившая, как правило, профессиональное образование, в общей численности безработных составляла в 2018 году по РФ 34,5%, а в таких субъектах РФ, как Москва, Санкт-Петербург, где сосредоточено большое число учебных заведений, доля молодых безработных в составе всех безработных превышает показатели большинства других регионов (38,2 и 44,1% соответственно), приближаясь к «лидерам» по этим показателям – Чеченской Республике (57,9%), Ставро-

¹⁰ Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 109, 110.

¹¹ Труд и занятость в России: стат. сб. М., 2017. С. 80; Труд и занятость в России: стат. сб. М., 2019. С. 43.

польскому краю (51,4%), Ингушетии (50,8%), Краснодарскому краю (50,4%). Перенасыщенность учебными заведениями, привлекательность мегаполисов для молодежи и нежелание уезжать в провинцию, отсутствие там рабочих мест с достойной оплатой создают ситуацию, когда молодежь всеми возможными способами стремится остаться в столицах, и, нужно отметить, эти города дают такую возможность. После поиска работы в течение определенного срока (для Москвы и Санкт-Петербурга характерны одни из самых низких средних сроков поиска работы безработными (4,6 и 5,1 месяца соответственно)¹²), молодые специалисты, как правило, находят ее, но часто не по специальности, полученной в учебном заведении. В результате в Москве и Петербурге в группе молодежи 20–29 лет самый низкий процент безработных среди всех регионов России. В других субъектах с высокой безработицей среднее время поиска работы до двух раз больше.

Отмеченные различия регионов по уровню молодежной безработицы отражают несколько важных противоречий региональных рынков труда и системы образования. Учебные заведения в регионах часто не соответствуют потребностям региональной экономики, уровню занятости населения, наличию вакансий, масштабам неформальной занятости и безработицы. Молодежь не удовлетворяет величина заработных плат и удаленность от центров развития, прежде всего больших городов и столиц. В сельской местности и небольших городах, где предложение рабочих мест ограничено, молодежная безработица имеет большие масштабы, чем в средних и больших городах.

Таким образом, российский рынок труда и система образования дифференцируют современную российскую молодежь, предоставляя ей неравные возможности для получения качественного образования, соответствующего, с одной стороны, запросам молодежи к качеству труда, с другой, — неравномерности в распределении по регионам хорошо оплачиваемых перспективных рабочих мест. Негативное влияние на положение молодежи на рынках труда окажет намеченное сокращение бюджетных мест в российских вузах, преимущественно регио-

нальных. Как сказано в докладе правительства Федеральному собранию о политике в сфере образования в июле 2019 года, к 2024 году число бюджетных мест сократится на 17% по сравнению с 2019 годом, при этом количество абитуриентов возрастет на 15%. Соответственно, шанс получить высшее образование за счет государства уменьшится для молодежи на 25%. Это затронет прежде всего региональные вузы в тех субъектах, где дефицитный региональный бюджет не сможет их поддерживать. В таких условиях необходимы дотации из федерального бюджета для увеличения бесплатных мест в региональных вузах. Возможно, это позволит избежать большого оттока молодых людей в Москву, Санкт-Петербург, другие крупные центры, сохранить способную молодежь для развития периферийных и депрессивных регионов.

Политическая социализация молодежи: роль эмоционального компонента

Социализация — процесс интеграции индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение ее социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками. Российская молодежь по особенностям своей политической культуры находится в промежуточном, или, как говорил П. Чаадаев о положении России между Западом и Востоком, межеумочном состоянии. Переход от традиционного общества с декларируемыми социалистическими принципами коллективизма и уравнительности в потреблении к современному рыночному обществу с высоким уровнем индивидуализма и ориентацией на материальное благосостояние и самореализацию в полной мере отразился на социализации молодежи. Проследим это на примере политической социализации молодых людей с акцентом на ее эмоциональную составляющую.

Сегодня политическая социализация в самом общем виде — это одно из направлений социализации молодежи, процесс усвоения ею политических ценностей и норм, которые не только транслируются со стороны семьи, государственных институтов, но и берутся из общественной среды и среды непосредственного личного и виртуального общения. В России, как и в других вступивших в модернизацию странах, на смену вертикальной трансляции политических знаний, норм и ценностей традиционного общества пришла горизонтальная

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2019. С. 168–169.

коммуникация. В ней объект политической социализации вступает в мысленный или реальный диалог со многими носителями норм, ценностей, форм политического сознания и поведения. Он уже не только потребитель политических ценностей и установок, но и сам оказывает влияние на формирование этих качеств у других людей, в том числе у старшего поколения.

Для современного российского общества характерно состояние переходности, неопределенности в выработке и освоении политических ценностей и норм. Это проявляется в неустойчивости политической самоидентификации граждан, в сомнении относительно своего влияния на действия органов власти — высших и местных, и возможностей реализовать свои политические права. Для молодежи отношение к политике находится на периферии интересов, для нее особенно значимо то, что личный опыт и реалии повседневной жизни приводят к ощущению собственной незначительности в социально-политическом пространстве и убежденности в бессмысленности своего политического участия [17]. Как и для других возрастных групп, для молодежи характерен высокий уровень недоверия к органам власти (за исключением президента страны), к политическим партиям и общественным организациям, созданным при содействии властных структур.

Можно различить два вектора политической социализации молодежи: позитивный и негативный. Первый основывается на рациональном и эмоциональном отношении к своей стране, ее судьбе, ее гражданам, масштабным событиям и критическим ситуациям, он может быть основой для политической социализации, вовлечения молодежи в общественные дела и общественные движения. Сегодня этот вектор реализуется молодежью в волонтерстве, самоорганизации для решения экологических проблем, в деятельности некоммерческих организаций, в организации фондов помощи, в социальном предпринимательстве и т. д. Это, можно сказать, базовая политическая деятельность, в которой реализуется политическая функция самоорганизации и самоуправления. Иногда низовые организации граждан способны изменить общее направление политики, повлиять на судьбу отдельных политиче-

ских деятелей, муниципальных органов власти и управленцев.

Второй вектор — негативный — заключается в политической отстраненности, в ощущении бессилия, невозможности изменить ситуацию в политической сфере и в стране в целом, в нежелании проявлять какую-то общественную активность. Это то, что можно назвать «аполитичностью» большинства молодежи, ее самоотстранением от активности в общественных делах, формально организованных мероприятиях, движениях, она проявляется в отрицательном отношении к инициативам государственных институтов, к участию в деятельности местных органов власти. Оба вектора могут присутствовать в сознании и деятельности одного актора.

Как показывают наши исследования, важной составляющей политической социализации молодежи может быть тот эмоциональный образ страны, который фиксируется при опросах населения, в частности молодежи. Он формируется в основном как позитивное отношение к родине (но не к государству): ее природе и естественным природным ресурсам, в тревоге за экологическое состояние и будущее территории проживания; в уважительном отношении к истории страны, гордость за деятельность исторических личностей; в высокой оценке богатства культурного наследия, ее места и признания в мире; позитивное отношение к таким качествам народа, как его отзывчивость на чужую беду и чувство справедливости. Эти содержательные и эмоциональные оценки отражают доминирующие трактовки патриотизма современной молодежи [18] и могут рассматриваться как эмоциональная основа ее политической социализации.

Современный противоречивый этап общественного развития оказывает влияние на политическую социализацию различных групп молодежи. Если обратиться к двум возрастным когортам молодежи: 15–24 и 25–34 года, то можно проследить заметные различия, возникающие за счет не только возрастных особенностей (представители первой когорты, как правило, заняты еще образованием и профессиональной подготовкой и живут в семьях родителей, второй — начали работать и создавать собственные семьи), но и влияния общей и ближайшей социальной среды, а также воздействия информационного поля.

Для понимания этих различий целесообразно рассмотреть некоторые аспекты социализации молодежи РФ в сопоставлении с молодежью других стран. Для сравнения в анализ включена группа взрослого населения, уже прошедшая социализацию (45–59 лет).

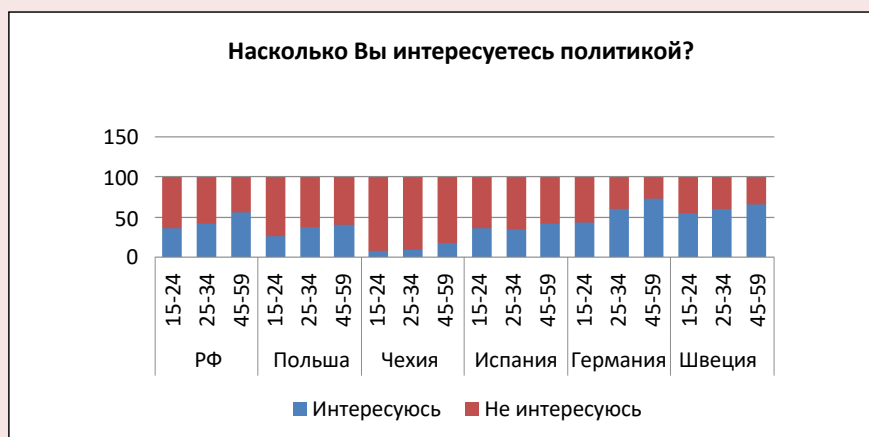
Прежде всего обратимся к вопросу о том, как относятся к политике и воспринимают политическую ситуацию в своей стране молодые люди в некоторых европейских государствах: Польше, Чехии, Испании, Германии, Швеции, в сравнении с Россией. Страны были выбраны по длительности существования в рыночной системе хозяйства и исходя из уровня развитости экономик и стабильности демократии. На вопрос о степени интереса к политике (очень интересуюсь, в некоторой степени интересуюсь, мало интересуюсь, совсем не интересуюсь) были получены ответы, сгруппированные в позиции «интересуюсь» и «не интересуюсь» (рис. 1).

В каждом из государств интерес к политике увеличивается с возрастом респондентов, но в

бывших социалистических странах (особенно в Чехии) и в Испании все возрастные группы демонстрируют меньший интерес, чем соответствующие группы в экономически более развитых странах – Германии и Швеции.

При оценке удовлетворенности тем, как работает демократия в их стране, оценки, наоборот, с возрастом понижаются во всех рассматриваемых государствах, кроме Испании (табл. 5). В России, как и в Чехии, понижение максимальное, что демонстрирует разочарование при взрослении респондентов в демократическом развитии своих стран. Заметим, что минимальный разрыв в оценке демократии между группами молодежи и лицами в зрелом возрасте наблюдается в Польше, что может свидетельствовать о большей политической консолидации возрастных когорт, чего нельзя сказать о России, где разница между респондентами в возрасте 45–59 лет и 15–24 и 25–34 весьма значительна – более 1 балла по 10-балльной шкале.

Рис. 1. Интерес к политике групп молодежи и взрослых респондентов, % от числа респондентов в группе

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

Таблица 5. Насколько Вы удовлетворены тем, как работает демократия в стране? (средний балл по 10-балльной шкале)

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15–24	5,1	5,0	5,8	4,2	6,4	7,1
25–34	4,3	4,5	5,5	4,2	6,1	6,4
45–59	4,1	4,7	4,8	4,5	5,9	6,5

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

В Германии и Швеции оценка молодежью демократии в своей стране выше, чем в России, примерно на 1–2 балла, с увеличением возраста респондентов она снижается не столь стремительно (на 0,5 и 0,6 балла соответственно). Таким образом, оценки демократичности стран коррелируют с уровнем экономического развития и доверием к политическим институтам общества. По данным многочисленных международных исследований, в том числе ESS, уровень доверия к политическим институтам в Германии и Швеции – один из самых высоких в Европе, в России эти оценки низкие в течение всего постсоветского периода.

Социализация молодежи в России находится под воздействием неоднозначных процессов политического развития страны. До сих пор не преодолены конфликты, возникшие при перераспределении государственной собственности, произошло сращение собственности и власти, большинство населения устранено от распоряжения ресурсами общества, появилась глубокая материальная и социальная дифференциации населения. Особенности политической социализации молодежи, ее неразвитая политическая культура выражаются в политической пассивности молодежи, в отсутствии солидарности в политической сфере. Для значительной части российской молодежи более значимой стала частная жизнь, достижение личного успеха, материального благополучия. В то же время молодежь легко поддается манипулированию, вовлечению в акции протеста, считая, что

демократические процедуры являются в России только формальностью.

Показательно отношение к своей стране на эмоциональном уровне, демонстрируемое разными возрастными группами в странах Европы, в том числе в России (табл. 6).

Во всех государствах эмоциональная связь со своей страной с повышением возраста усиливается, но в старшей молодежной группе в России она все же слабее, как и среди взрослой группы 45–59 лет. Лидером по этому показателю во всех возрастных группах является Польша. Очень сильную эмоциональную связь (максимальные 10 баллов по шкале) испытывают в России только 15% населения в возрасте 15–24 года, 17% – 25–34, 27% – 45–59 лет (табл. 7).

Прослеживается отмеченная выше закономерность – с повышением возраста эмоциональная связь со своей родиной усиливается, однако младшая молодежная группа во всех странах, особенно в Германии и Швеции, довольно слабо эмоционально привязана к ней. Эти характеристики двух возрастных групп молодежи в сравнении с более взрослой частью населения дают основание говорить, что, наряду с другими показателями, это специфические черты младшей и старшей возрастной молодежных групп. Они отражают их ценностные ориентации, рожденные мировой глобализацией, распространением интернета и сетевых мобильных связей и отношений, которые все больше заменяют личное реальное общение, в том числе со своим ближайшим окружением, и идентификацию со своей страной.

Таблица 6. Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к своей стране? (средний балл по 10-балльной шкале)

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15–24	6,6	7,4	7,2	6,7	6,3	6,2
25–34	6,8	7,9	7,6	7,3	6,9	7,5
45–59	7,4	8,7	7,8	7,8	7,6	8,2

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

Таблица 7. Чувствую очень сильную эмоциональную привязанность к своей стране (10 баллов по 10-балльной шкале), %

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15–24	15	17	15	14	6	6
25–34	17	30	21	22	11	19
45–59	27	48	25	32	19	28

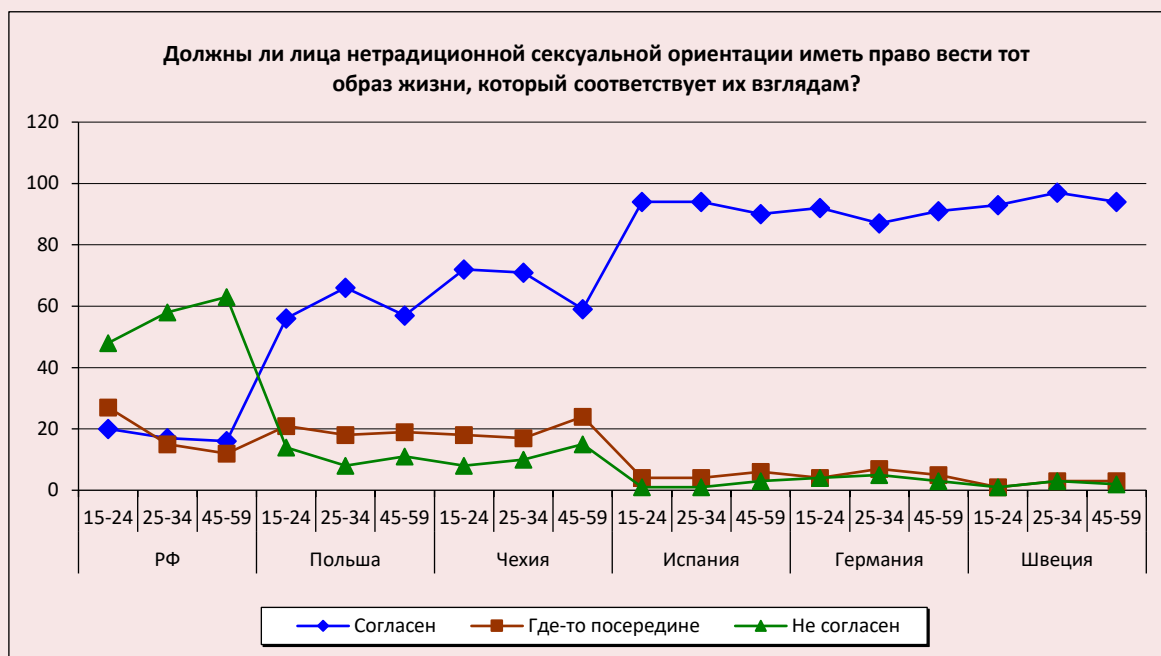
Источник: данные ESS-2016. <http://www.ess-ru.ru>

Социализация молодежи в современных условиях в России полна драматизма и противоречий. Опросы показывают, что все общество, в том числе молодежь, проходит испытание на толерантность – к представителям других этносов и религий, трудовым мигрантам, людям с физическими недостатками, детям-инвалидам, к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации и т. д. Молодежь особенно остро ощущает проблемы отношений между людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. Социализация молодежи происходит в обстановке своего рода борьбы внутри всего общества между воспитанием толерантного отношения к инаковости и непримиримости к иным точкам зрения и моделям поведения, отличным от традиционных представлений и ценностей. Одним из наглядных примеров отличий российской молодежи от молодых людей в других европейских странах является отношение к лицам нетрадиционной сексуальной ориентацией.

На рис. 2 представлены данные объединенных ответов: «полностью согласен» и «согласен», а также «не согласен» и «совершенно не согласен», кроме того, выделена группа, занимающая промежуточное положение между этими двумя крайними мнениями.

В России толерантное отношение к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации (согласны с правом на их образ жизни или относятся нейтрально) среди самой молодой молодежной когорты составляет 47%, в группе 25–34 года – 32%, у взрослых россиян 45–59 лет – 28%. Насколько можно судить по другим исследованиям (Левада-Центр, Фонд общественного мнения), уровень толерантности к лицам нетрадиционной ориентации в российском обществе постепенно возрастает и при этом сильно зависит от информационного воздействия¹³. Если же сравнить данные по России и по другим странам, то контраст будет очень значительным. Толерантное отношение респонденты всех стран демонстрируют на уровне от 76

Рис. 2. Отношение к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, % от числа респондентов в группе

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

¹³ Дергачев В. Почти половина россиян выступила за равные права для геев. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2019/5ce530039a7947172f79405d> (дата обращения 12.03.2020).

(Польша, 45–59 лет) до 97% (Швеция, 15–24 года). Возрастание толерантности молодежи в РФ к «другим» свидетельствует о том, что растет уважение к разнообразию поведенческих практик. Это является демонстрацией иного восприятия мира молодежью по сравнению со взрослым населением страны.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать три коротких, но важных вывода. В России сложилась социальная стратификация российской молодежи, своего рода молодежная социальная пирамида. Молодежь заняла свое, отличное от взрослых поколений, место на рынке труда. Молодежь в возрасте 15–34 года демонстрирует более критическое отношение к политической системе страны, более толерантное восприятие других мнений и образа жизни, отличное от традиционных представлений и ценностных ориентаций старших возрастных когорт.

Многие исследователи отмечают, что алгоритм смены ценностных представлений поколений общий для разных стран, он определяется ключевыми событиями в мире (сегодня это появление интернета, распространение мобильной связи и IT). Смена поколений в государствах, близких по уровню развития, проходит практически в одном режиме. Но поколения молодежи разных стран своеобразны в зависимости от стадии развития общества, что хорошо демонстрируют рассмотренные выше данные ESS. В связи с этим теория поколений

Уильяма Штрауса и Нила Хау, которая получила широкий отклик в научном сообществе, требует модификации для российских условий с учетом знаковых событий в новейшей истории страны, уровня экономики, предыдущих особенностей развития, процессов межпоколенных изменений. Особое внимание необходимо уделить характеристикам и ценностным ориентациям современной молодежи (поколениям Y и Z), для чего следует использовать актуальный эмпирический материал, полученный в репрезентативных исследованиях. К сожалению, такие работы в настоящее время проводятся крайне редко, российские социологи ограничиваются изложением теории В. Штрауса и Н. Хоу и конструированием своих теоретических построений относительно поколений в России. Больше внимания уделено поколению 35–56-летних, или поколению X [7, 19–21]. Однако можно утверждать, что поколения Y, те, кто уже вступил в активную фазу жизни (18–35 лет), и приходящее во взрослую жизнь поколение Z (до 18 лет) уже сейчас и в будущем будут иметь разный опыт социализации, сформируют представления о благополучии и счастье, о своем месте в обществе. Можно ожидать, что они заявят о себе требованиями изменить существующее положение в экономике, социальной сфере и политике, поскольку будут основными носителями нематериального капитала в ближайшем будущем [22]. Именно поэтому ученым и обществу следует больше знать об этих поколениях.

Литература

1. Твенге Дж.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно неготовым ко взрослой жизни / пер. А. Толмачева. М.: РИПОЛ классик, 2019. 490 с.
2. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 224 с.
3. Zopiatis A., Krambia Kapardis M., Varnavas A. Y-ers, X-ers and Boomers: Investigating the multigenerational (mis) perceptions in the hospitality workplace. *Tourism and Hospitality Research*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 101–121.
4. Raymer M., Reed M., Spiegel M., Purvanova R. An examination of generational stereotypes as a path towards reverse ageism. *The Psychologist-Manager Journal*, 2017, vol. 20, pp. 148–175.
5. Seemiller C., Grace M. *Generation Z Goes to College*. San Francisco: Jossey-Bass, 2015.
6. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
7. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Синергия, 2016. 398 с.
8. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени: пер. с нем и англ. М.: РАО Говорящая книга, 2010. 744 с.

9. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
10. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow, 1991. 544 p.
11. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и в современной России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 5–28.
12. Беляева Л.А. Региональная разнородность уровня жизни населения // *Мир России. Социология. Этнология*. 2006. Т. 15. № 2. С. 42–61.
13. Константиновский Д.Л. Измерение неравенства в образовании // *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 16 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018.
14. Модели доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. Под редакцией Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История. 2018. 368 с.
15. Якутина О.И. Противоречивость социальных практик успеха в современном российском обществе // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 1. С. 47–52.
16. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой, С. Рощина. М., 2017. 148 с.
17. Щеглов И.А. Политическая социализация в России как теоретико-прикладная проблема // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 2. С. 47–50.
18. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Мировосприятие российской молодёжи: патриотические и геополитические компоненты // *Социологическая наука и социальная практика*. 2014. № 4 (8). С. 105–123.
19. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
20. Гельман В., Травин Д. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/4/zagoguliny-rossijskoj-modernizaczii-smena-pokolenij-i-traektorii-reform.html> (дата обращения 29.07. 2019).
21. Матвейчук В., Воронов В.В., Самуль И. Детерминанты удовлетворенности трудом работников X и Y поколений: региональное исследование // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз*. 2019. Т. 12. № 2. С. 225–237.
22. Беляева Л.А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // *Социологические исследования*. 2014. № 10 (366). С. 36–44.

Сведения об авторе

Людмила Александровна Беляева — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: bela46@mail.ru)

Belyaeva L.A.

Generation Y in Russia: Social Stratification, Position in the Labor Market and Problems of Political Socialization

Abstract. The article analyzes the youth's problems affecting their life and social well-being (social stratification of society; the position and behavior of youth in the labor market; changes in the youth's value orientations and models of socio-cultural behavior). The article describes the social status of the youth population in Russia, their integration into the labor market and the emotional component of political socialization. The authors analyze the age groups assigned to generation Y in accordance with the gradation of V. Strauss and N. Hau. The young people's material standard of living, education and place of residence are the indicators that differentiate the Russian youth, creating a kind of stratification youth pyramid. Currently, the place of young people in the labor market is decreasing, while the share of the employed aged 55-72 is growing, which negatively affects the innovative development of the economy.

Services have become the dominant industry for youth employment. The socialization of modern youth is contradictory, which is due to deep social differentiation, unstable position in the labor market, the impact of global information processes, the opposition of a tolerant attitude to otherness and independence and intransigence to other points of view and behaviors that differ from traditional ideas and values within the society. The political socialization of young people is characterized by a low level of interest in politics, a more critical attitude to the democratic status of the country when the respondents grow up with an increased positive emotional component in relation to the Motherland. When comparing some of the characteristics of these generations in the Russian Federation with the characteristics of the youth in European countries at different levels of development, Poland, the Czech Republic, Spain, Germany, and Sweden, their uniqueness is revealed, due to the severity of many problems of economic and democratic development in Russia. The data from Rosstat, the author's empirical research, and the European social research (ESS) were used in the study.

Key words: social stratification of youth, labor market, political socialization, education, values.

Information about the Author

Lyudmila A. Belyaeva – Doctor of Sciences (Sociology), Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy (12, Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: bela46@mail.ru)

Статья поступила 03.03.2020.

Российский человек в глубинке или социология в регионе

28 мая 2020 началась X юбилейная Грушинская конференция «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». Она открылась заседанием секции «Российский человек в глубинке или социология в регионе», которая традиционно проводится при участии Вологодского научного центра Российской академии наук. Перед началом работы участников секции поздравил председатель программного комитета конференции, генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров, высказав мнение о возможности благодаря современным цифровым технологиям преодолеть восприятие удаленности — как фактической, так и в нашем сознании. Российская глубинка перестает быть таковой.

Дистанционная секция Грушинской конференции собирается в удаленном формате в пятый раз. С этим событием всех ее участников поздравила директор ВолНЦ РАН д-р экон. наук Александра Анатольевна Шабунова. Пожелав в условиях пандемии всем хорошего здоровья, она отметила, что в российской глубинке, где живет больше половины населения страны, сохраняются традиции, вырабатываются смыслы народной жизни и стратегии повседневных практик жизнедеятельности. Здесь существует широкий простор для развития социологии российских регионов, а это обеспечит и прирост фундаментальной науки, и богатство прикладных исследований.

Цель секции — познакомить научный мир с исследованиями, проводимыми в регионах и на

региональную тематику. Именно так она задумывалась пять лет назад. Это был один из первых опытов проведения секции в режиме удаленного формата. География ее участников постоянно расширялась. Если в первом заседании принимали участие сотрудники ВолНЦ РАН и Череповецкого государственного университета, то в пятый раз секция приобрела международный характер, объединив ученых из Армении и Беларуси, Москвы, Тюмени, Саранска (Мордовия).

На секции предлагалось обсудить общие и специфические черты, присущие региональным сообществам, факторы, которые можно назвать определяющими, и те, что обуславливают неповторимость нашего существования на тех или иных территориях. Это важно для того, чтобы понять, как складывается жизнь человека на его малой родине, почему он остается и строит жизнь там, где родился, или почему уезжает оттуда. Основными тематическими направлениями стали вопросы, связанные с идентичностью, гражданской активностью, здоровьем в системе ценностей и целей человека, практикой измерения социального капитала в региональном сообществе.

Ученые ВолНЦ РАН раскрыли итоги исследований, осуществленных в рамках проектов, поддержанных РФФИ. А.А. Шабунова в докладе «Завуч по здоровью — фантазия или реальность» остро поставила вопросы не только о потере детьми своего здоровья, но и о не вполне адекватном представлении родителей о

Для цитирования: Гужавина Т.А. Российский человек в глубинке или социология в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 238–241. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.14

For citation: Guzhavina T.A. A Russian man in the hinterland or regional sociology // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 238–241. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.14

состоянии здоровья своих детей. Была показана системная причина такой ситуации: в школе, в поликлиниках, у родителей и у самих учащихся нет полноценной ориентации на здоровьесберегающее поведение. Здоровые люди поддерживаются слабо. Возможно, функция здоровьесбережения может быть организована в школе специалистом, «завучем по здоровью».

Крайне важно, как утверждала в своем выступлении Г.В. Леонидова (канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала ВолНЦ РАН), особенно сейчас в условиях кризиса, обращать внимание на удовлетворенность трудом, на само качество трудовой жизни. Все это сказывается на реализации нацпроекта «Производительность труда и поддержка занятости». Удовлетворенность трудом существенно влияет на его производительность. Ситуация, порожаемая цифровизацией, расставит новые акценты в отношениях «работник-работодатель». Это касается и новых условий труда, и его оплаты, и нормирования. Предстоит дополнять трудовое законодательство.

Качество трудовой жизни оказывает значительное влияние на гражданскую активность населения. Ее изучению в форме благотворительности посвятила свое выступление Ю.В. Уханова (канд. истор. наук, старший научный сотрудник ВолНЦ РАН). Специфика гражданской активности населения региона состоит в выборе преимущественно неполитических ее форм. Одной из них стала благотворительность, позволяющая реализовать альтруистические устремления человека. В благотворительности участвуют люди с более высоким уровнем образования, чаще женщины. По мнению исследователя, для повышения ее эффективности, более широкого привлечения к такой деятельности граждан необходимо не только улучшать институциональные условия для работы благотворительных организаций, но и повышать доверие к ним, распространяя информацию о позитивных примерах. Еще одним шагом может стать распространение в обществе гражданского образования.

Проблема старшего поколения поднималась в докладах сразу трех участников секции. О барьерах и возможностях реализации ресурсного потенциала старшего поколения рассказал

В.Н. Барсуков (научный сотрудник ВолНЦ РАН). Он выделил институциональные барьеры и барьеры индивидуального характера, что дает возможность оказывать на них целенаправленное воздействие. Ученые из Тюмени Е.В. Андрианова (канд. соц. наук, заведующий кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета) и М.В. Худякова (канд. соц. наук, доцент кафедры общей и экономической социологии ТГУ) представили результаты исследования, касающегося различных видов социальной активности современных пенсионеров, имеющих возможности и существующих препятствий для реализации той или иной формы активности пожилых. В итоге было установлено, что к числу последних следует отнести не только экономические барьеры, низкую мотивацию людей пенсионного возраста, но и невысокий уровень ожиданий от них со стороны более молодых, малая востребованность активности пенсионеров.

В последние годы усиливается интерес исследователей к различным аспектам жизни населения малых городов России. Малые города составляют почти 70% всех городов страны. Имеют значение не только экономическая сторона их жизни, возможности жителей, но и формирующиеся социальные отношения, которые аккумулируются в социальном капитале. Т.А. Гужавина (канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник ВолНЦ РАН) изучала состояние социального капитала вологжан, проживающих в малых городах региона. Исследование, проведенное на основе разработанной ранее с участием автора методики, позволяющей оценить состояние социального капитала поселенческой общности, показало наличие проблем, но не выявило трендов разрушающего характера. Уровень накопленного социального капитала в малых городах Вологодской области ниже, чем в крупных, однако резервы для его роста присутствуют. Малые города являются центрами муниципальных образований и их ресурсы распространяются на прилегающие сельские территории, поэтому следует уделять особое внимание сохранению и накоплению их социального капитала.

Интерес вызывает и то, как репрезентированы такие города в местных СМИ. Исследование, проведенное в Мордовии И.А. Пакши-

ной и Е.С. Руськиной (Саранск, Научный центр социально-экономического мониторинга) с использованием методов контент-анализа, выявило достаточно противоречивую картину, которая создается печатными СМИ, связанными с органами власти, и пабликами местных интернет-сообществ. Если в первых представлена позитивная информация, то паблики полны критики, неудовлетворенности решением насущных задач. В связи с этим возникают разногласия между реальным и создаваемым СМИ образом малого города.

Тематика докладов на конференции оказалась весьма разнообразной. Ученые отметили влияние процессов цифровизации на развитие регионов. Г.Ф. Ромашкина (д-р соц. наук, профессор ТГУ) считает, что в будущем люди будут сильнее привязаны к регионам, тем не менее их жизнь будет во многом зависеть от глобальных трендов, что может усилить неравенство. Особенностью современного российского общества является неравномерность развития регионов. По мнению В.В. Комлевой (д-р соц. наук, декан факультета международного регионоведения и регионального управления РАНХиГС), одна из причин такого положения заключается в применяемой центром методике оценки существующих проблем и основанных на ней выводах. Упор на чисто экономические показатели без учета социальных потребностей во многом и является причиной, способствующей увеличению оттока населения. В дискуссии было отмечено, что сформировалась совершенно недопустимая и ложная по своей сути установка родителей на необходимость вытолкнуть детей из провинциальных городов в столицы. Преодолеть указанную тенденцию возможно при учете социальных и культурных потребностей населения, проживающего в малых городах и сельской местности.

В этом году в составе участников секции выступили зарубежные исследователи из Армении и Беларуси. Ученые из Еревана особое внимание уделяют рассмотрению такого сложного феномена, как идентичность. А.Р. Варданян (канд. соц. наук, преподаватель кафедры прикладной социологии Ереванского государственного университета) сконцентрировал внимание на этнонациональном модуле армянской идентичности, отметив, что для армянского на-

рода этнический фактор в формировании идентичности играет большое значение. Этническая характеристика переплетается с религиозными аспектами. Исследователь выделил и роль территориального фактора в формировании идентичности.

Идентичности было посвящено и выступление Г.К. Туманяна (магистра социологии, ассистента кафедры теории и истории социологии ЕГУ), изучавшего аспекты идентичности в дискурсе современного армянского гражданства. А.Р. Вермишян (канд. соц. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории социологии ЕГУ) и Л.А. Бабаян (магистр социологии, младший научный сотрудник факультета социологии ЕГУ) сосредоточили внимание на кризисе сельского образа жизни в постсоветской Армении. Для республики остро стоят вопросы исчезновения сел, сокращения доли сельских жителей в структуре населения, усиленной миграции в города и за пределы страны. Был обнаружен тренд перехода от локального к глобальному, происходит снижение идентичности с местом проживания, с родным селом. Е.Р. Варданян затронула проблему кризиса в развитии местного самоуправления в армянских общинах, во многом связанного с сильной зависимостью органов МСУ от государства, низкой готовностью населения к самоорганизации, падением уровня социального капитала на селе. А.В. Рублевский (Беларусь, преподаватель кафедры экономики Полоцкого государственного университета) представил участникам секции свою методику оценки социального капитала организации. Он отметил тот факт, что падение уровня социального капитала в организации ведет к его снижению в обществе. Во многом это обусловлено доверием сотрудников к руководству и руководства к сотрудникам.

Работа секции показала широкий спектр проблем, которыми занимаются исследователи в регионах. Опыт удаленного формата нарабатывался за все пять лет проведения секции, однако в этот раз в чате конференции развернулась дискуссия, где обсуждалась проблема внутренней миграции населения различных стран постсоветского пространства, которая наблюдается и в Армении, и в Беларуси, и в России (в контексте малых городов, оттока на-

селения, кризиса сельского образа жизни, неравномерности развития регионов). Далекое не всегда на очном заседании дискуссия может идти параллельно основной линии. Чат видят все, любой может задать вопрос или ответить. Работа секции прошла в дружеской и оживленной атмосфере.

Удаленный формат дает еще одно преимущество – увеличение числа участников. По информации оргкомитета конференции, намере-

ние посетить работу секции выразили 368 человек, просматривали заседание – 168. Просмотры будут продолжаться. Презентации и сама видеотрансляция доступны на сайтах ВЦИОМ и ВолНЦ РАН.

За время проведения секции выработался ее формат, ее главным приоритетом является ориентация на региональную тематику, на представление исследований, проводимых в регионах.

Материал подготовила **Т.А. Гужавина**,
кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН,
модератор секции

A Russian Man in the Hinterland or Regional Sociology

The article was prepared by **T.A. Guzhavina**,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Leading Researcher at FSBIS VolIRC RAS,
Section Moderator

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых исследований общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (август 2020 г.), а также за период с апреля 2019 по август 2020 г.

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 г. (первый год III президентского срока В.В. Путина).

Представлена годовая динамика данных за 2017–2019 гг.

За период с февраля по август 2020 г.² уровень одобрения деятельности Президента РФ незначительно снизился (на 2 п. п., с 54 до 52%); удельный вес негативных характеристик возрос на 3 п. п. (с 31 до 34%).

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ в феврале – августе 2020 г. уменьшился на 5 п. п. (с 65 до 60%), по данным Левада-Центра – на 9 п. п. (с 69 до 60%)³.

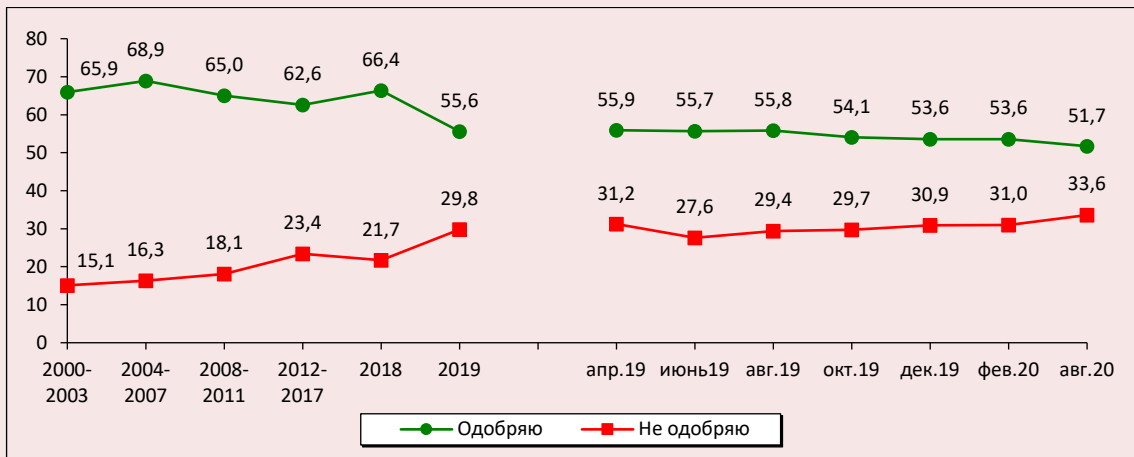
¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

² В связи с карантинными мероприятиями, проводимыми на территории Вологодской области в целях предупреждения распространения коронавирусной инфекции, в апреле и июне 2020 г. опросы населения не осуществлялись.

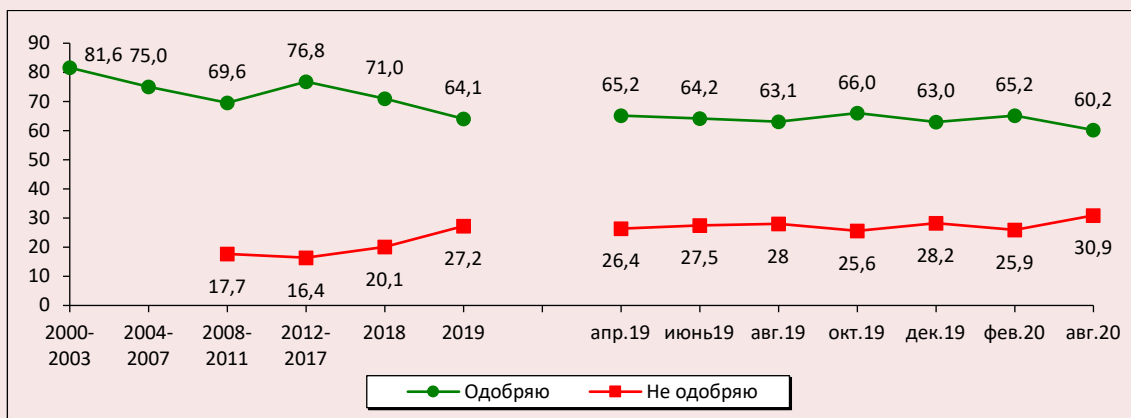
³ Разные методические подходы, применяемые ВЦИОМ, Левада-Центром и ВолНЦ РАН, не позволяют сравнивать полученные результаты между собой. Тем не менее собранные сведения дают возможность анализировать общую динамику социальных настроений, существующих в российском обществе и фиксируемых тремя разными научными центрами (двумя российскими и одним региональным).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?(в % от числа опрошенных)

Источник: данные ВолнЦ РАН.

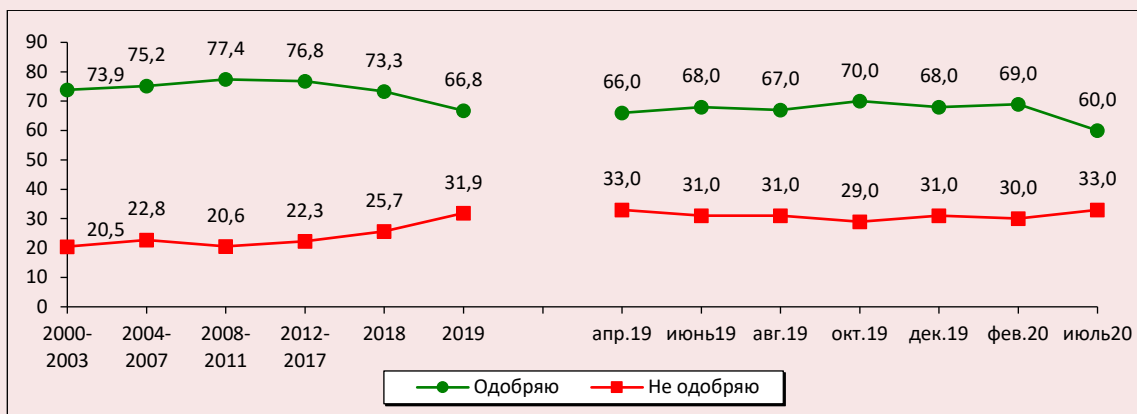
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных)

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Данные об уровне неодобрения деятельности Президента за 2000–2007 гг. отсутствуют. Данные за август 2020 г. – среднее значение за два опроса: от 02.08.2020 и 09.08.2020.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?
(в % от числа опрошенных)

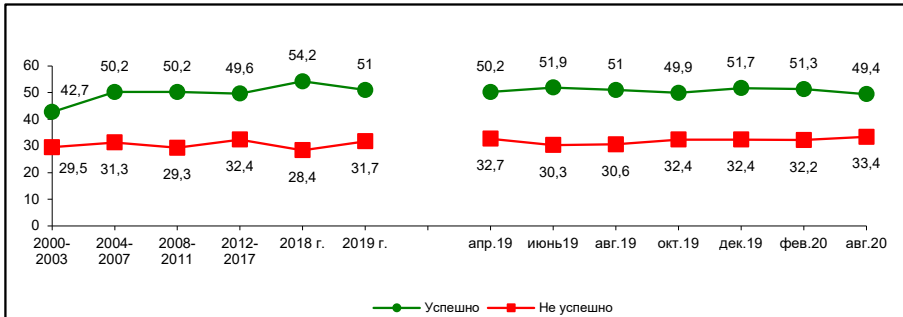
Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...	
														Фев. 20	Авг. 19
Президента РФ															
Одобрю	75,3	58,7	51,7	67,3	66,4	55,6	55,9	55,7	55,8	54,1	53,6	53,6	51,7	-2	-4
Не одобряю	11,5	25,5	32,6	20,0	21,7	29,8	31,2	27,6	29,4	29,7	30,9	31,0	33,6	+3	+4
Председателя Правительства РФ															
Одобрю	-	59,3	49,6	49,5	48,0	41,1	38,8	40,9	43,1	41,1	41,1	37,9	38,9	+1	-4
Не одобряю	-	24,7	33,3	31,1	31,6	38,4	40,2	38,0	36,3	37,5	38,9	40,9	40,9	0	+5
Губернатора области															
Одобрю	55,8	45,7	41,9	39,8	38,4	35,7	34,7	35,4	36,1	35,6	35,6	36,2	35,2	-1	-1
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	39,3	37,6	40,2	41,4	38,6	38,5	40,1	40,8	41,8	41,9	0	+3

За последние пять месяцев (март – июль 2020 г.) существенных изменений в оценке успешности решения Президентом ключевых проблем страны не произошло:

- ✓ 49–51% жителей Вологодской области положительно относятся к деятельности главы государства по укреплению международных позиций России;
- ✓ 43–44% считают, что Президент успешно справляется с проблемой наведения порядка в стране;
- ✓ 35% жителей региона позитивно оценивают деятельность В. В. Путина по защите демократии и укреплению свобод граждан (при этом 46–47% придерживаются противоположной точки зрения);
- ✓ доля тех, кто считает успешной работу главы государства по подъему экономики и росту благосостояния населения, стабильно составляет 25–27%, что почти в три раза ниже, чем удельный вес тех, кто высказывает противоположное мнение.

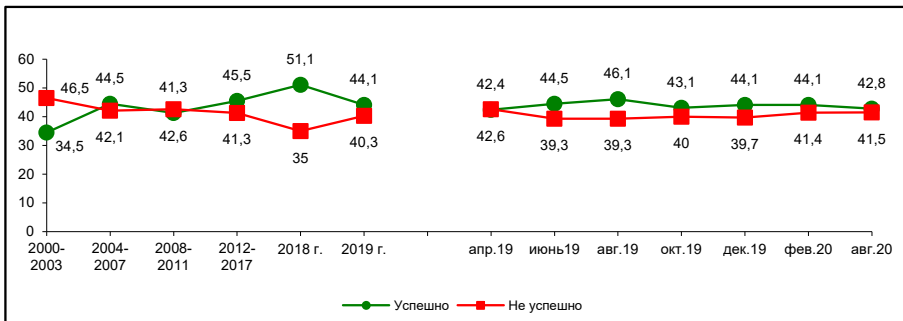
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных)

Укрепление международных позиций России

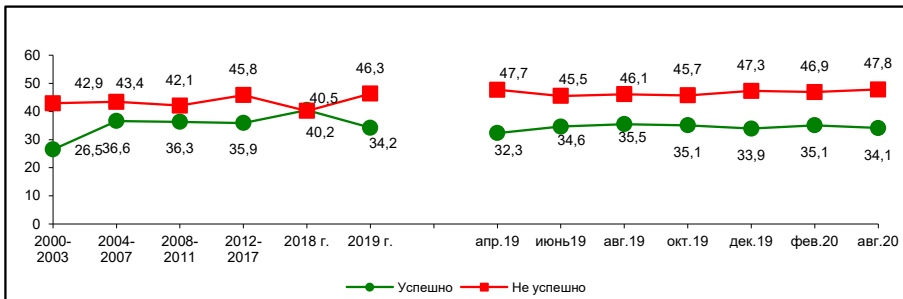
Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Фев. 20	Авг. 19
Успешно	-2	-2
Не успешно	+1	+3

Наведение порядка в стране

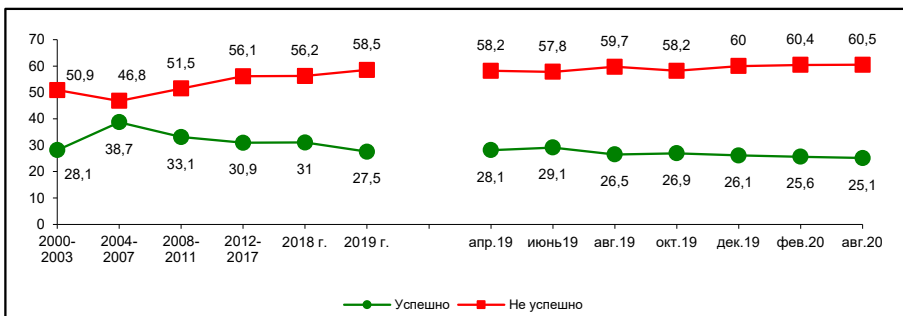
Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Фев. 20	Авг. 19
Успешно	-1	-3
Не успешно	0	+2

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Фев. 20	Авг. 19
Успешно	-1	-1
Не успешно	+1	+2

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Фев. 20	Авг. 19
Успешно	-1	-1
Не успешно	0	+1

Ощутимых изменений в структуре партийно-политических предпочтений жителей Вологодской области за период с февраля по август 2020 г. не произошло.

Уровень поддержки «Единой России» составляет 31–33%, КПРФ и ЛДПР – 8–9%, «Справедливой России» – 5%.

Также следует отметить, что на протяжении последних месяцев (как и в среднем за 2019 г.) значительная часть населения области (34%) полагает, что на сегодняшний день ни одна из представленных в парламенте политических партий не выражает их интересы. Это существенно выше, чем в 2016–2018 гг. (29%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	2018	2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Изменение (+/-), авг. 20 по отношению к...	
																	Фев. 20	Авг. 19
Единая Россия	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	33,8	33,3	34,8	33,5	32,8	33,7	33,2	30,9	-2	-3
КПРФ	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	9,2	8,8	8,0	8,5	8,7	9,1	9,2	8,9	8,6	0	0
ЛДПР	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	9,6	9,1	8,2	9,1	10,5	8,3	9,4	9,9	9,3	-1	-1
Справедливая Россия	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	2,9	3,4	2,9	2,5	3,9	4,2	4,0	4,7	4,8	0	+1
Другая	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,5	0,7	0,3	0,3	0,3	0,4	0,1	0,1	0,6	0,4	0	0
Никакая	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	29,2	28,5	33,7	34,7	32,3	32,1	34,3	34,3	34,0	33,6	0	+2
Затрудняюсь ответить	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	12,2	11,2	11,0	12,6	12,4	10,9	11,2	9,3	8,7	12,4	+4	+2

В социальном самочувствии населения региона за прошедшие пять месяцев (март – июль 2020 г.) отмечаются ощутимые негативные изменения:

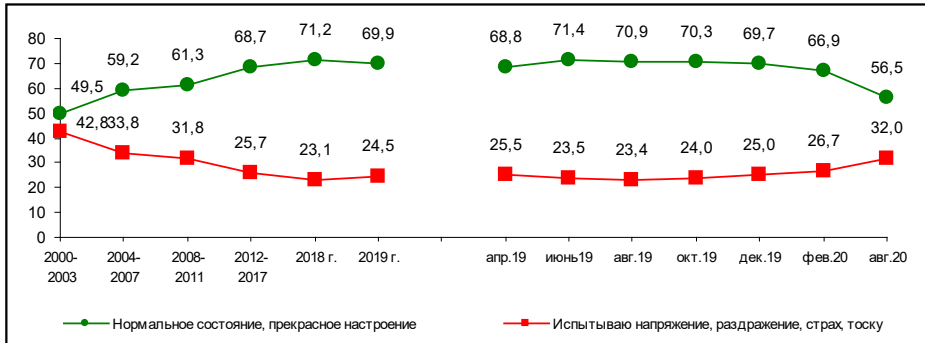
- ✓ доля людей, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, уменьшилась на 10 п. п. (с 66 до 56%);
- ✓ удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», снизился на 2 п. п. (с 75 до 73%).

В динамике социальной самоидентификации с июня 2019 г. продолжается тенденция увеличения доли людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих» жителей области (в целом за этот период доля «бедных и нищих» увеличилась на 4 п. п., с 46 до 50%). При этом удельный вес тех, кто причисляет себя к категории людей среднего достатка, за период с июня 2019 по август 2020 г. снизился с 43 до 39% (на 4 п. п.).

Особенно тревожные изменения наблюдаются в динамике индекса потребительских настроений (ИПН), отражающего представления людей о будущем российской экономики и своего личного материального положения. За период с февраля по август 2020 г. в Вологодской области ИПН снизился на 5 пунктов (с 91 до 86 п.), в целом по стране (по данным Левада-Центра за январь – март 2020 г.) – на 16 пунктов (с 84 до 68 п.). При этом следует отметить, что любое значение ИПН менее 100 пунктов означает преобладание негативных оценок над позитивными.

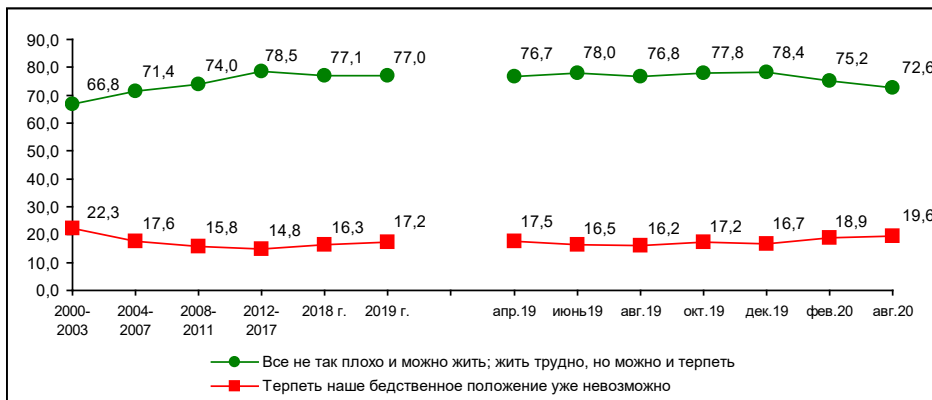
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Социальное настроение

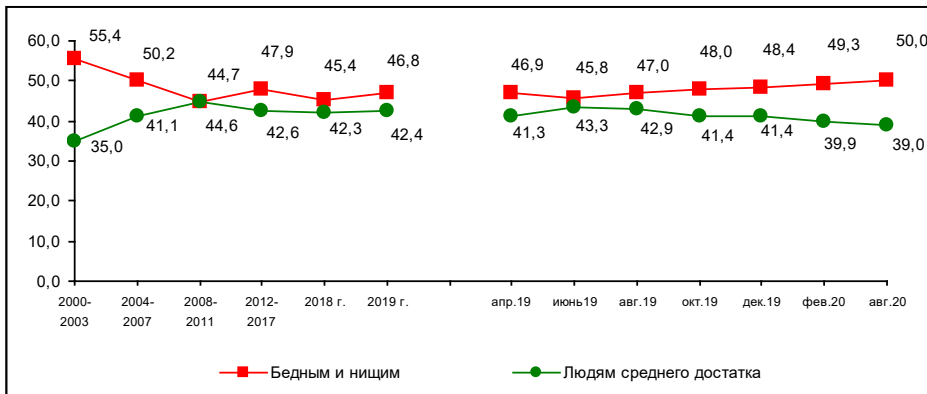
Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Фев. 20	Авг. 19
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-10	-14
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+5	+9

Запас терпения

Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Фев. 20	Авг. 19
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-2	-4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	+1	+3

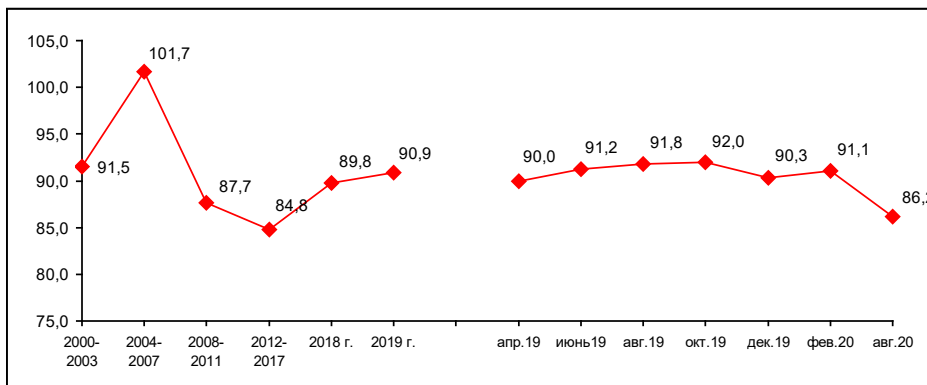
Социальная самоидентификация*

Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Фев. 20	Авг. 19
Доля считающих себя людьми среднего достатка	-1	-4
Доля считающих себя бедными и нищими	+1	+3

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Изменение (+/-), авг. 2020 по отношению к...		
ИПН	Фев. 20	Авг. 19
Значение индекса, в пунктах	-5	-6

Существенное ухудшение оценок социального настроения за февраль – август 2020 г. отмечается во всех основных социально-демографических категориях населения, прежде всего среди жителей Череповца (на 13 п. п., с 67 до 54%), людей старше 55 лет (на 12 п. п., с 64 до 52%) и тех жителей области, которые по самооценке своих доходов относятся к группе 60% среднеобеспеченных граждан (на 12 п. п., с 68 до 56%). Хотя следует отметить, что практически во всех группах (за исключением лиц в возрасте до 30 лет и 20% наиболее обеспеченных людей) доля тех, кто положительно характеризует свое настроение, уменьшилась на 8–12 п. п.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Изменение (+/-), авг. 20 по отношению к...	
														Фев. 20	Авг. 19
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	70,6	72,8	70,1	68,6	72,1	71,8	69,2	69,0	67,0	55,6	-11	-16
Женский	61,7	62,0	65,8	70,2	69,8	69,6	69,0	70,8	70,1	71,2	70,3	66,9	57,3	-10	-13
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	78,1	80,0	81,1	81,2	82,9	85,2	79,9	81,3	71,7	69,0	-3	-16
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	71,5	72,6	71,2	71,5	70,5	74,0	71,1	71,9	67,5	56,2	-11	-18
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,9	65,2	63,3	59,8	67,4	60,7	65,1	62,6	64,3	51,9	-12	-9
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	63,6	64,8	63,2	60,4	64,4	65,6	63,4	64,0	63,1	51,7	-11	-14
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	72,0	72,2	72,7	73,0	77,3	72,8	73,9	70,4	69,0	59,1	-10	-14
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	75,8	76,8	73,4	73,3	72,1	73,9	72,6	74,7	68,6	58,6	-10	-15
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,9	57,3	53,2	56,1	54,9	53,2	54,1	50,2	48,4	40,4	-8	-13
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	72,0	71,9	71,4	69,9	74,1	72,1	72,6	72,6	68,4	56,6	-12	-16
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,7	82,9	81,8	81,0	81,0	81,4	80,5	80,5	79,1	76,4	-3	-5
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	72,6	71,0	68,6	68,5	70,3	68,0	70,8	68,6	66,9	57,0	-10	-11
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,7	75,8	71,2	67,8	72,1	74,4	72,0	69,9	67,3	54,4	-13	+20
Районы	61,6	57,1	59,8	66,1	68,7	69,8	69,6	71,7	70,5	69,0	70,3	66,8	57,5	-9	-13
Область	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	69,9	68,8	71,4	70,9	70,3	69,7	66,9	56,5	-10	-14

РЕЗЮМЕ

Анализируя динамику общественного мнения за период с февраля по август 2020 г., нельзя игнорировать тот факт, что на это время пришелся самый острый момент эпидемиологического кризиса, связанного с распространением коронавирусной инфекции. При этом тревожное состояние людей обуславливалось не столько риском заражения, сколько двумя другими факторами — изменением образа жизни (в частности условий профессиональной деятельности, ограничением возможностей проведения отпуска и т. д.) и ухудшением экономической ситуации в стране вследствие вынужденной необходимости введения строгих ограничительных мер. Ни Россия, ни большинство стран мира фактически никогда не сталкивались с подобной ситуацией, и, безусловно, это вносило высокую степень неопределенности и тревоги в характер общественных настроений.

В то же время присутствовали и положительные факторы, которые могли бы позитивно отразиться на динамике общественного мнения. Во-первых, 1 июля 2020 г. состоялось одно из главных политических событий последних лет — общероссийское голосование по внесению изменений в Конституцию РФ. В целом по стране поправки к Конституции поддержали 78% российских избирателей (почти 58 млн человек), при явке 68% (74 млн чел.). Поддержав изменения в текст Основного Закона, общество не только проголосовало за укрепление национальных ценностей и движение России в сторону социального государства, но и оказало доверие лично Президенту, инициировавшему реформу по изменению Конституции 15 января 2020 г. в Послании Федеральному Собранию РФ.

Во-вторых, как показывают российские исследования, на протяжении всего периода острого эпидемиологического кризиса россияне достаточно позитивно оценивали деятельность органов власти по предупреждению распространения инфекции. Так, по данным ВЦИОМ 53–57% россиян говорят о том, что российские власти предпринимают достаточные меры для профилактики эпидемии коронавируса, 71% отмечают существенную помощь волонтеров⁴.

Исходя из анализа факторов, определяющих характер общественных настроений в 2020 г., логично было бы предположить, что на фоне (по вполне понятным причинам) ухудшающегося настроения, самооценки своего материального положения и роста тревоги за будущее российской экономики в динамике оценок деятельности органов власти будут наблюдаться позитивные изменения. Однако, как показывает динамика общественного мнения, это не так. Уровень одобрения деятельности Президента как в Вологодской области, так и в целом по стране заметно снизился (на 3–9 п.п.); в оценках успешности решения главой государства ключевых проблем страны (включая подъем экономики и рост благосостояния граждан) положительных изменений не наблюдается; как и в 2019 году, треть населения (34%) считает, что ни одна из политических партий, представленных в Государственной Думе, не отражает его интересы (это даже выше, чем уровень поддержки «Единой России» — 31%).

Сложившаяся ситуация говорит о том, что факторы, негативно влияющие на психологическое самочувствие общества (продолжающаяся угроза пандемии коронавируса, состояние неопределенности в связи с возможностью потери работы, ухудшения материального положения), пока «перевешивают» усилия органов власти по поддержке социально-экономической ситуации в стране и уровня жизни широких слоев населения.

⁴ Коронавирус: борьба продолжается! Аналитический обзор ВЦИОМ № 4237 18.05.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10282>

Нельзя не отметить, что подписанный Президентом 21 июля 2020 г. новый указ о целях национального развития⁵ фактически откладывает реализацию национальных проектов с 2024 до 2030 г., что также не внушает оптимизма людям, продолжающим ждать от главы государства обещанного в 2018 г. «решительного прорыва в народосбережении»⁶.

Тем не менее, проголосовав за поправки к Конституции 1 июля 2020 г., общество в очередной раз выдало кредит доверия власти, хотя сделало это с трудом, и, как отмечают некоторые эксперты, «консолидировать общество вокруг поправок в Конституции не получилось. Результат высок, но монолитной поддержки нет»⁷. В большинстве российских регионов (в 47 из 86), их областных центрах и крупных промышленных городах доля россиян, проголосовавших против внесения изменений в Основной Закон, оказалась выше, чем в среднем по стране (21,27%). Это означает, что даже при поддержке самих поправок общество сомневается в том, что они будут реализованы без внесения существенных изменений в систему государственного управления.

Будет ли это сделано – вопрос, который остается открытым, однако именно он станет определять динамику общественных настроений в ближайшие месяцы и в целом перспективы социально-экономического развития страны до 2024 г., когда состоятся очередные выборы Президента РФ.

Пока что будущее остается туманным, и все зависит от решений главы государства.

Материалы подготовили: М.В. Морев, Е.Э. Леонидова, И.М. Бахвалова

⁵ Указ о национальных целях развития России до 2030 года. 21.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

⁶ Послание Президента Федеральному собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

⁷ Там же.

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится пронумерованный список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет doi, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹ (приложение 5).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____, (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. **Лицензиар** и **Лицензиат** несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсион-
ного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

**АКТ
приёма-передачи произведения**

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____,
действующего на основании доверенности _____, с одной
стороны, и _____,
именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**»,
с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о
том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____
_____ в **печатной/электронной**
версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором
№ _____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.08.2020.
Дата выхода в свет 31.08.2020.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,1. Тираж 500 экз. Заказ № 146.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru